

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МАРКА ТВЭНА

ТОМЪ VII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

«Собрание сочинений избранных иностранных писателей»

1898.

СОДЕРЖАНІЕ № 53 и 54

„Собранія сочиненій избранныхъ иностранныхъ писателей“

- Томъ 106. Маркъ Твенъ. Принцъ и нищій. Разсказъ. Переводъ В. Л. Ганцова. **Сынные подвѣги Тома Соуэра въ передачѣ Гейка Финна.** Разсказъ. Переводъ С. Воскресенской.
- „ 107. Шпильгагенъ. **Молотъ и наковальня.** Романъ. Часть 1-я. Переводъ М. П. Волошиновой.
- „ 108. Шпильгагенъ. **Молотъ и наковальня.** Романъ. Часть 2-я. Переводъ М. П. Волошиновой.
- „ 109. Диккенсъ. **Тайна Эдвина Друда.** Романъ. Переводъ В. А. Тимирязева. Диккенсъ и Уильямъ Коллинсъ. **«Пять прохода».** Переводъ П. П. Кускова.
-

Взносъ денегъ за срокъ 15 Марта 1898 г.

Гг. ПОДПИСЧИКИ НА 104 ТОМА СОЧИНЕНІЙ

Эмиля Зола, Бальзака, Флобера, Жюль Верн, Жюль Занда, Диккенса, Вальтеръ Скотта, Бретъ-Гартъ, Марка Твена, Эдгара Поэ, Шпильгагена, Гофмана и Эберса,

ПОДПИСАВШИЕСЯ НА ЭТО ИЗДАНІЕ СЪ РАЗСРОЧКОЮ

благоволятъ озаботиться взносомъ платежа за срокъ 15 Марта 1898 г.

(См. 3-ю стр. обложки).

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МАРКА ТВЭНА

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

ПРИНЦЪ И НИЩІЙ

РАЗСКАЗЪ.

Переводъ В. Л. Ранцова.

СЫСКНЫЕ ПОДВИГИ ТОМА СОУЭРА ВЪ ПЕРЕДАЧѢ ГЕККА ФИННА

РАЗСКАЗЪ.

Переводъ В. Воскресенской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія бр. Пастелевыхъ, Верейская, 16.

1898.

Милосердіе несетъ съ собою двойное благословеніе—и для дающаго и для приѣмлющаго!

Оно возвышеннѣе всего, чѣмъ можетъ гордиться человѣкъ, занимающій самое высокое положеніе, и лучше, чѣмъ царскій вѣнецъ украшаетъ монарха, возсѣдающаго на престолѣ.

„Венеціанскій купецъ“.

ГЛАВА I.

Рожденіе принца и нищаго.

Однажды осенью, во вторую четверть XVI столѣтія родился въ старинномъ уже тогда столичномъ англійскомъ городѣ, Лондонѣ, мальчикъ въ бѣдной семьѣ, носившей фамилію Канти и не имѣвшей ни малѣйшей надобности въ ребенкѣ. Въ тотъ же самый день родился другой малютка-англичанинъ въ богатой семьѣ, носившей фамилію Тюдоровъ и очень нуждавшейся въ сынѣ. Впрочемъ, въ этомъ мальчикѣ нуждалась также и вся Англія. Ей очень хотѣлось, чтобы онъ родился, и она ждала съ такимъ нетерпѣніемъ и такъ пламенно молилась Богу о ниспосланіи ей маленькаго Тюдора, что, когда онъ и въ самомъ дѣлѣ родился, англичане чуть не помѣшались отъ радости. Даже не особенно близкіе знакомые, встрѣчаясь на улицѣ, обнимались, цѣловали другъ друга и проливали отъ радости слезы. Рожденіе этого малютки было праздникомъ для всѣхъ: для знати и простонародья, — богачей и бѣдняковъ. Всѣ принялись пировать, плясать и пѣть. Это жизнерадостное настроеніе длилось безъ перерыва нѣсколько дней и ночей. Днемъ Лондонъ, украшенный разноцвѣтными флагами, развѣвавшимися на всѣхъ балконахъ и крышахъ, представлялъ интересное зрѣлище. Ночью его дѣлали не менѣе интереснымъ весело пылавшіе на всѣхъ перекресткахъ костры, вокругъ которыхъ собирались цѣлыя толпы веселыхъ гулякъ. Во всей Англіи только и говорили, что про новорожденнаго младенца, Эдуарда Тюдора, принца Уэльскаго. Онъ лежалъ завернутый въ

шелкъ и атласъ, не давая себѣ отчета въ этой роскоши, въ которой пребывалъ настолько же равнодушнымъ, какъ и къ тому, что его пльнчили и за нимъ ухаживали самые знатные лорды и лэди. Равнодушіе малютки можно было объяснить въ обоихъ случаяхъ молодостью и неопытностью. О другомъ новорожденномъ мальчикѣ, Томѣ Канти, завернутомъ въ нищенскіе лохмотья, говорили единственно только въ семьѣ бѣдняковъ, для которой появленіе его на свѣтъ было само по себѣ неприятнымъ и нежелательнымъ осложненіемъ.

ГЛАВА II.

Раннее дѣтство Тома.

Съ тѣхъ поръ минуло нѣсколько лѣтъ. Лондонъ, существовавшій уже цѣлыхъ пятнадцать вѣковъ, былъ для тогдашняго времени большимъ городомъ. Въ немъ официально насчитывалось до ста тысячъ жителей, а многіе полагали, что въ дѣйствительности это число позволительно было бы удвоить. По сравненію съ тѣмъ, что онѣ теперь, улицы тогдашняго Лондона показались бы чрезвычайно узкими, кривыми и грязными, особенно въ томъ кварталѣ, гдѣ жилъ Томъ Канти, то есть неподалеку отъ Лондонскаго моста. Дома тамъ были сплошь деревянные, вторые этажи которыхъ выдавались надъ первыми, а третьи высывались въ свою очередь за вторые. Чѣмъ выше поднимался домъ, тѣмъ сильнѣе разрастался онъ и въ ширину. Въ видахъ экономіи стѣны домовъ строились изъ такъ называемаго фахверка, то есть изъ брусевъ, связанныхъ другъ съ другомъ прочными крестовинами, промежутки между которыми заполнялись всевозможнымъ, менѣе цѣннымъ, строительнымъ матеріаломъ и покрывались слоемъ штукатурки. Вертикальные брусья и крестовины окрашивались, смотря по вкусу домовладѣльца, въ красный, синій, или же черный цвѣтъ, что придавало домамъ весьма живописный видъ. Въ маленькія окна вставлялись крохотныя стекла ромбической формы, и оконныя рамы отворялись совершенно какъ двери, на петляхъ наружу.

Домъ, гдѣ жилъ отецъ Тома, находился въ небольшомъ глухомъ дворикѣ Пирожнаго переулка. Дворикъ этотъ назывался Мусорнымъ дворомъ; выходившіе на него дома были всѣ, какъ на подборъ, маленькіе, ветхіе, покосившіеся на бокъ и сверху до низу биткомъ набитые семьями самыхъ злополучныхъ бѣдняковъ. Семья Канти занимала комнату въ третьемъ этажѣ. Для отца и матери стояло тамъ въ углу нѣчто вродѣ кровати, но Томъ со своей бабушкой и двумя сестрами, Лизой и Аней, не были пріурочены къ опредѣленному мѣсту. Въ распоряженіе ихъ пре-

доставлялся весь полъ, и они могли спать, гдѣ заблагоразсудится. Имѣлись, правда, лохмотья одного или двухъ одѣяль и нѣсколько охапокъ грязной измятой соломы, но эти приспособленія нельзя было, собственно говоря, назвать постелями, такъ какъ они не обладали необходимой для этого организаціей. По утрамъ ихъ всѣхъ сбрасывали въ одну кучу, а вечеромъ распределяли опять какъ придется и устраивали изъ нихъ нѣкоторыя подобія постелей.

Близнецы Лиза и Аня, которымъ исполнилось уже пятнадцать лѣтъ, были добродушныя дѣвочки, нечистоплотныя, одѣтыя въ лохмотья и глубоко невѣжественныя. Мать ихъ обладала такими же свойствами, но отецъ и бабушка оказывались настоящими воплощеніями злыхъ духовъ. Они напивались до-пьяна каждый разъ, какъ представлялась къ этому какая-либо возможность и тогда затѣвали драку другъ съ другомъ, или же съ первымъ встрѣчнымъ. Что касается до брани и проклятій, то они щедро расточали таковыя во всякое время въ пьяномъ и въ трезвомъ видѣ. Джонъ Канти промышлялъ воровствомъ, а его мать — нищенствомъ. Дѣтей приучили просить милостыню, но не удалось воспитать изъ нихъ воровъ. Среди отверженцевъ, обитавшихъ въ этомъ домѣ, жилъ человѣкъ совершенно иной категоріи, — добродушный старый приходскій священникъ, котораго король уволилъ въ отставку съ самой свудной, нищенской пенсіей. Священникъ этотъ старался потихоньку уводить дѣтей къ себѣ и украдкойставлялъ ихъ на путь истинный. Этотъ священникъ, патеръ Эндрю, выучилъ Тома читать и писать и познакомилъ его съ начатками латинскаго языка. Онъ выучилъ бы тому же самому и дѣвочекъ, но онѣ боялись насмѣшекъ своихъ товаровъ, которые нашли бы до чрезвычайности страннымъ приобрѣтеніе такихъ необыкновенныхъ свѣдѣній.

Весь Мусорный дворъ представлялъ такой же вертепъ, какъ и квартира, въ которой жили Канти. Пьянство, буйство и ругань были тамъ въ порядкѣ вещей не только по вечерамъ, но и въ продолженіе почти цѣлой ночи. Расшибленные головы считались тамъ столь же зауряднымъ явленіемъ, какъ и голодовка. Тѣмъ не менѣе маленький Томъ не чувствовалъ себя несчастнымъ. Жизнь складывалась для него не легко, но онъ этого не сознавалъ. Ему жилось такъ же скверно, какъ и всѣмъ другимъ мальчикамъ на Мусорномъ дворѣ, а потому онъ, не представляя себѣ возможности ничего иного, считалъ такую жизнь совершенно въ порядкѣ вещей, и какъ нельзя лучше съ нею мирился. Возвращаясь домой вечеромъ, съ пустыми руками, онъ заранѣе уже зналъ, что отецъ встрѣтитъ его пѣлымъ потокомъ брани и проклятій, приправленныхъ доброю потасовкой, а затѣмъ передастъ его бабушкѣ. Эта

злющая старуха отпустить провинившемуся внуку еще болѣе внушительную дозу брани и ударовъ. Потомъ, когда всѣ уснутъ, исхудавшая отъ голода и лишеній мать Тома прокрадется потихоньку къ нему съ какой-нибудь корочкой хлѣба или небольшимъ кусочкомъ чего-нибудь съѣстнаго, который ей удалось приберечь для своего мальчика отъ собственной ея скудной порціи, несмотря на то, что мужъ зачастую ловилъ ее и билъ нещадно за такое негодное баловство.

Впрочемъ, Тому жилось довольно таки хорошо, особенно въ лѣтнее время. Онъ занимался нищенскимъ промысломъ по столбу, по скольку это представлялось безусловно необходимымъ для огражденія себя отъ побоевъ. Такого рода сдержанность и осторожность представлялись далеко не лишними въ виду строгихъ законовъ противъ нищенства, по которымъ, за прошеніе милостыни, полагались весьма строгія наказанія. При такихъ обстоятельствахъ онъ располагалъ достаточнымъ количествомъ времени для того, чтобы слушать очаровательныя старинныя сказки и легенды про великановъ и волшебницъ, карликовъ и духовъ, про заколдованные замки и дворцы, про царей и принцевъ въ золоченыхъ латахъ и съ коронами на шлемахъ. Эти сказки и легенды рассказывалъ достопочтенный патеръ Эндрю. Томъ слушалъ ихъ такъ внимательно, что голова у него переполнялась сказочными чудесами. Зачастую по ночамъ, лежа въ темнотѣ на вонючей соломенной подстилкѣ, усталый и голодный, съ тѣломъ, разболѣвшимся отъ побоевъ, онъ давалъ волю своему воображенію и вскорѣ забывалъ боль и страданія, рисуя себѣ очаровательныя картины дивной жизни, которую долженъ былъ, по его мнѣнію, вести настоящий принцъ въ королевскомъ дворцѣ. Съ теченіемъ времени онъ началъ день и ночь томиться неотвязнымъ желаніемъ увидѣть какъ-нибудь собственными глазами такого настоящего принца. Томъ какъ-то рассказалъ объ этомъ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей съ Мусорнаго двора, но его подняли такъ безпощадно на смѣхъ и принялись до того дразнить, что онъ послѣ не рѣшался уже откровенничать и никому болѣе не говорилъ о своихъ мечтахъ.

У священника было много старыхъ книгъ. Мальчикъ читалъ ихъ и разсуждалъ потомъ съ патеромъ Эндрю о прочитанномъ. Такимъ образомъ онъ усенилъ себѣ многое и значительно расширилъ свой кругозоръ. Постепенно эти грезы и чтеніе вызвали въ самомъ Томѣ нѣкоторыя измѣненія. Личности, которыхъ онъ представлялъ себѣ въ мечтахъ, были всѣ такими нарядными щеголями, что поношенное грязное платье ему самому опротивѣло. Онъ началъ цитать стремленіе къ опрятности и желаніе одѣваться хоть сколько-нибудь прилично. Правда, Томъ продолжалъ играть съ товарищами въ грязи и въ прибрежномъ илѣ. Игра эта достав-

ляла ему величайшее удовольствіе, но, вмѣсто того, чтобы плескаться въ Темзѣ единственно только для забавы, онъ началъ цѣнить это купанье также и потому, что оно доставляло возможность вымыться самому и выполоскать свои лохмотья.

Въ Чипзайдѣ, близъ Майской Мачты, а также на другихъ площадяхъ, во время ярмарокъ, Томъ могъ всегда найти для себя что-нибудь интересное. Отъ времени до времени ему и прочимъ лондонскимъ жителямъ представлялся случай видѣть военный парадъ, когда отвозили въ Лондонскую башню сухимъ путемъ, или же въ лодкѣ, какого-нибудь знатнаго несчастливца. Въ одинъ прекрасный день, лѣтомъ, онъ видѣлъ, какъ въ Смитфильдѣ сожгли на кострѣ бѣдняжку Анну Эскью и трехъ мужчинъ. Онъ слышалъ даже проповѣдь, съ которой обратился къ этимъ несчастливцамъ преосвященный епископъ, но эта назидательная проповѣдь его лично не заинтересовала. Да если принять все это въ соображеніе, то окажется, что жизнь Тома была въ достаточной степени разнообразной и забавной!

Ежедневно читая и мечтая о принцахъ и дворцахъ, Томъ до такой степени подчинился обаянію собственныхъ своихъ грезъ, что безсознательно началъ разыгрывать изъ себя принца. Его рѣчь и манеры стали до чрезвычайности вѣжливыми и церемонно учтивыми. Это сперва забавляло и восхищало его сверстниковъ, но постепенно вліяніе его между ними начало съ каждымъ днемъ все болѣе возрастать. Мало-по-малу они стали глядѣть на него съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, какъ на существо вышшаго разряда. Имъ казалось, что онъ обладаетъ Богъ вѣсть какими обширными свѣдѣніями. Онъ умѣлъ, вѣдь, даже писать и рассказывать такіа диковинныя вещи. Въ довершеніе всего онъ рассуждалъ такъ глубокомысленно и обнаруживалъ такую необычайную мудрость. Мальчики рассказывали своимъ родителямъ объ остроумныхъ и мудрыхъ словахъ и поступкахъ Тома, послѣ чего даже и взрослые принялись толковать про Тома Канти и смотрѣть на него, какъ на необычайно талантливаго и свѣдущаго юношу. Пожилые люди обращались въ затруднительныхъ случаяхъ къ Тому за совѣтомъ и, зачастую, изумлялись необычному остроумію и мудрости его рѣшеній. Такимъ образомъ онъ сдѣлался чѣмъ-то вродѣ героя для всѣхъ, кто его зналъ, за исключеніемъ собственной семьи, не усматривавшей въ немъ ничего путнаго.

По истеченіи нѣкотораго времени Тому удалось составить себѣ секретнымъ образомъ цѣлый придворный штатъ. Самъ онъ былъ, разумѣется, принцемъ, а его товарищи распредѣлили между собою роли камергеровъ, шталмейстеровъ, камеръ-юнкеровъ, статсъ-дамъ, фрейлинь, особъ королевской фамиліи и дворцо-

выхъ гвардейцевъ. Они ежедневно встрѣчали своего принца, строго сообразуясь съ церемоніаломъ, который былъ заимствованъ Томомъ изъ прочитанныхъ книжекъ. Важныя дѣла воображаемаго царства ежедневно обсуждались въ государственномъ совѣтѣ. Онъ самъ ежедневно издавалъ высочайшіе указы воображаемой своей арміи, флоту и вице-королямъ.

Исполнивъ царственные свои обязанности, Томъ выходилъ въ лохмотьяхъ на улицу просить милостыню. Собравъ нѣсколько грошей, онъ возвращался домой, чтобы съѣсть корочку хлѣба, получить обычную порцію побоевъ и брани, а затѣмъ улежаться на скудной подстилкѣ изъ полусгнившей соломы и погрузиться опять въ грезы о роскошныхъ заколдованныхъ дворцахъ и царственномъ ихъ великолѣпіи.

Онъ всетаки томился желаніемъ взглянуть хоть разъ въ жизни на настоящаго, живого принца. Желаніе это становилось съ каждымъ днемъ все сильнѣе, такъ что подъ конецъ поглотило всѣ остальные желанія и приобрѣло характеръ неудержимой страсти.

Разъ какъ-то, въ январѣ мѣсяцѣ, Томъ, отправившись по обыкновенію просить милостыню, тщетно бродилъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ взадъ и впередъ по всему кварталу между Котлетнымъ переулкомъ и Малой Съѣстной улицей. Босоногій мальчикъ дрожалъ отъ холода, поглядывая на окна съѣстныхъ лавокъ и облизываясь на выставленные тамъ пироги со свининой и другіе столь же коварныя соблазны. Для него все это казалось лакомствами, изобрѣтенными исключительно для ангеловъ, при чемъ онъ самъ судилъ объ означенныхъ яствахъ единственно лишь по запаху, такъ какъ ему ни разу въ жизни не доводилось отвѣдать что-либо подобное. День былъ пасмурный и туманный. Кромѣ того, все время накрапывалъ холодный мелкій дождь. Вечеромъ Томъ вернулся домой, промокшій до костей, усталый и голодный. Его отецъ и бабушка не могли не замѣтить несчастнаго его положенія и не тронуться таковымъ по своему. Не теряя времени на брань, оба они сразу задали ему добрую трепку и тотчасъ приказали безъ ужина лечь въ постель. Онъ долго не могъ заснуть отъ боли и голода и, лежа, прислушивался къ ругани, вознѣ и дракамъ въ сосѣднихъ квартирахъ, но подъ конецъ мысли его унеслись въ далекую сказочную страну, и онъ уснулъ въ обществѣ царственныхъ особъ, одѣтыхъ въ золото и осыпанныхъ драгоцѣнными камнями. Эти августѣйшія особы жили въ громадныхъ дворцахъ, окруженные несмѣтнымъ множествомъ слугъ, которые отвѣшивали имъ низкіе поклоны или же бросались сломя голову исполнять ихъ приказанія. По обыкновенію, Томъ видѣлъ себя во снѣ одною изъ такихъ августѣйшихъ особъ.

Цѣлую ночь сіяла надъ нимъ слава его царственного величія. Томъ вращался, среди самыхъ знатныхъ лордовъ и лэди, въ ярко освѣщенныхъ дворцовыхъ залахъ, гдѣ воздухъ былъ насыщенъ дивнымъ благоуханіемъ. Онъ съ упоеніемъ слушалъ чудную музыку и отвѣчалъ на почтительные поклоны роскошно разодѣтой толпы придворныхъ, разступавшихся, чтобы очистить ему дорогу. Однихъ онъ осчастливливалъ улыбкою, а другихъ—легкимъ кивкомъ августѣйшей своей головы. Утромъ мальчикъ проснулся и, всмотрѣвшись въ окружающую его мерзостную нищету, ощутилъ обычную реакцію послѣ такихъ величественныхъ грезъ. Мусорный дворъ со всею своей обстановкой казался ему теперь въ несмѣтное число разъ гаже и несчастнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Горькое болѣзненное разочарованіе Тома разрѣшилось, наконецъ, потокомъ слезъ.

ГЛАВА III.

Томъ видится съ настоящимъ принцемъ.

Томъ проснулся голодный и голодный же ушелъ изъ дому, при чемъ, однако, мысль мальчика все время была дѣятельно занята призрачнымъ великолѣпіемъ ночной его грезы. Онъ бродилъ по городу, почти не замѣчая, куда именно идетъ и что именно вокругъ него происходитъ. Случалось, что онъ на кого-нибудь натыкался и что его надѣляли за это толчками и грубой бранью, но это не могло пробудить его изъ разсѣянности. Подъ конецъ онъ очутился у Темплъской заставы, дальше которой никогда передъ тѣмъ не ходилъ. Тамъ онъ остановился и на мгновеніе какъ будто погрузился въ размышленіе, но затѣмъ опять предался своимъ мечтамъ и грезамъ и, совершенно того не замѣчая, вышелъ за черту стѣнъ, которыми былъ тогда обнесенъ Лондонъ. Такъ называемый Страндъ не былъ уже въ то время большою дорогою и могъ считаться улицей, хотя и не безъ нѣкоторой натяжки. По одной его сторонѣ тянулся сплошной рядъ домовъ, а по другой стояли порознь, въ довольно значительномъ отдаленіи другъ отъ друга, большія зданія, роскошные дворцы вельможъ, съ обширными прекрасными садами, доходившими до самой рѣки. Теперь, какъ извѣстно, мѣсто этихъ садовъ сплошь занято мрачными сооружениями изъ кирпича и камня.

Томъ увидѣлъ передъ собою деревню Черингъ и остановился отдохнуть у подножія великолѣпнаго креста, воздвигнутаго тамъ однимъ изъ прежнихъ англійскихъ королей въ память о постигшей его уtratѣ. Затѣмъ мальчикъ пошелъ не спѣша по спокойной хорошенькой дорогѣ, мимо величественнаго кардинальскаго дворца, къ еще болѣе величественному и колоссальному Вест-

министерскому дворцу. Съ радостнымъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на это обширное каменное зданіе съ широко раскинувшимися флигелями, — на грозные дворцовые бастіоны и башни, большія каменные ворота съ вызолоченными рѣшетчатыми створками, съ колоссальными гранитными львами и всѣми прочими знаками и символами англійской королевской власти. Неужели завѣтному его желанію суждено, наконецъ, исполниться? Это вѣдь настоящій королевскій дворецъ! Развѣ нельзя ласкать себя надеждой увидѣть теперь, если Богу будетъ угодно, и настоящего, живого принца?

По обѣ стороны вызолоченныхъ воротъ стояли, словно живыя статуи, часовые, закованные съ ногъ до головы въ блестящія стальные латы. Дѣйствительно, эти часовые держались совершенно прямо, съ величавой неподвижностью настоящихъ статуй. Въ почтительномъ разстояніи отъ дворцовыхъ воротъ толпились зѣваки, — частью новопріѣзжіе, частью же изъ лондонскихъ старожиловъ, въ надеждѣ хоть мелькомъ увидѣть какую-нибудь изъ августѣйшихъ особъ королевской фамиліи. Великолѣпно одѣтыя знатныя особы въ великолѣпныхъ каретахъ, съ великолѣпными лакеями на запяткахъ, то-и-дѣло подѣзжали къ другимъ великолѣпнымъ воротамъ, прорѣзаннымъ въ оградѣ королевскаго дворца, или же отѣзжали оттуда.

Бѣдняга Томъ, въ своихъ лохмотьяхъ, подошелъ тоже къ оградѣ и робкими шагами медленно пробирался мимо часовыхъ. Сердечко его усиленно билось отъ надежды и ожиданія, какъ вдругъ онъ увидѣлъ сквозь вызолоченную рѣшетку зрѣлище, заставившее его вскрикнуть отъ радости. Неподдалеку отъ воротъ стоялъ хорошенькій мальчикъ, смуглый и загорѣвшій отъ дѣятельнаго спорта и разныхъ игръ на воздухѣ. Мальчикъ этотъ былъ въ великолѣпномъ костюмѣ изъ шелка и атласа, сверкавшемъ драгоценными камнями. На бедрѣ у него висѣли кинжалъ и маленькій мечъ, осыпанные тоже драгоценными камнями. Ноги были обуты въ изящные сапожки съ красными каблуками, а на головѣ красовалась нарядная алая шляпа съ изящными страусовыми перьями, прикрѣпленная пряжкой изъ большого сверкавшаго рубина. Возлѣ него стояло нѣсколько нарядныхъ джентльменовъ, безъ сомнѣнія, его служителей. О, это принцъ, настоящій живой принцъ! Тутъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Сердечныя мольбы бѣдняги-мальчика, промышлявшаго нищенствомъ, были, наконецъ, исполнены.

Томъ задыхался отъ волненія, а глаза его широко раскрылись отъ изумленія и восторга. Все его существо мгновенно вспыхнуло только однимъ желаніемъ: подойти какъ можно ближе къ принцу и наглядѣться на него всласть! Передъ этимъ желаніемъ стуше-

вывалось рѣшительно все остальное. Прежде чѣмъ Томъ успѣлъ сообразить, что именно дѣлать, онъ очутился у самыхъ воротъ и прильнулъ лицомъ къ рѣшеткѣ. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе одинъ изъ солдатъ безцеремонно отдернулъ его прочь и заставилъ полетѣть кувыркомъ въ толпу лондонскихъ и провинціальныхъ зѣвакъ.

— Веди себя на будущее время приличнѣе, молодой оборванецъ!—замѣтилъ при этомъ солдатъ.

Толпа расхохоталась и принялась насмѣхаться надъ Томомъ, но молодой принцъ, съ разгорѣвшимся лицомъ и глазами, сверкавшими негодованіемъ, подскочилъ къ рѣшеткѣ и воскликнулъ:

— И тебѣ не стыдно обижать такого бѣднаго мальчика? Какъ ты смѣешь обращаться подобнымъ образомъ хотя бы даже съ ничтожнѣйшимъ изъ подданныхъ короля, моего отца? Сейчасъ же отвори ворота и впусти его!

Толпа съ обычнымъ своимъ непостоянствомъ разразилась рукоплесканіями и, снявъ шапки, принялась кричать:

— Ура, да здравствуетъ принцъ Уэльскій!

Солдаты, отдавъ своими алебардами честь принцу, отворили ворота и взяли опять на-караулъ, когда съвозъ эти ворота прошелъ въ своихъ развѣвавшихся лохмотьяхъ маленький принцъ нищеты, чтобы обмѣняться рукопожатіемъ съ принцемъ безграничнаго обилія благъ земныхъ.

Эдуардъ Тюдоръ сказалъ:—Ты, кажется, усталъ и голоденъ? Къ тому же съ тобою дурно обошлись. Пойдемъ со мною!

Съ полдюжины приближенныхъ принца поснѣпно подскочили неизвѣстно съ какой именно цѣлю, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ намѣреніемъ вмѣшаться. Принцъ, съ истинно царственнымъ жестомъ, повелительно махнулъ рукою, и всѣ они разомъ остановились, словно въ какомъ-то оцѣпенѣніи, такъ что ихъ можно было принять за статуи. Эдуардъ привелъ Тома во дворецъ, въ роскошную комнату, которую называлъ своимъ кабинетомъ. По приказанію его туда принесли такой обѣдъ, какой передъ тѣмъ встрѣчался Тому единственно только въ книгахъ. Съ истинно царственною деликатностью и утонченнымъ тактомъ, принцъ отослалъ прочь служителей, для того чтобы они не смущали скромнаго его гостя своими испытующими взорами, а затѣмъ сѣлъ возлѣ Тома и, поощряя его откусывать съ аппетитомъ, завязалъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

— Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

— Томъ Канти, съ вашего позволенія, государь.

— Странное имя! Гдѣ же ты живешь?

— Въ Сити, съ вашего позволенія, государь, на Мусорномъ дворѣ, что выходитъ въ Пирожный переулокъ.

— Мусорный дворъ, тоже какое-то странное мѣсто... Живы у тебя родители?

— Точно такъ, государь, а кромѣ нихъ жива и бабушка, къ которой я, впрочемъ, нельзя сказать, чтобы питалъ особенно горячую любовь. Прости меня, Господи, если я грѣшу, говоря это. Потомъ у меня имѣются еще двѣ сестры Лиза и Аня, близнецы.

— Должно быть, что бабушка не особенно къ тебѣ добра?

— Съ позволенія вашей свѣтлости, она ни къ кому не добра. Дѣло въ томъ, что сердце у нея злое, а потому она творить зло во всѣ дни живота своего.

— Значить она дурно съ тобой обращается?

— По временамъ, когда бабушка спитъ, или ужь очень пьяна, она не даетъ воли своимъ рукамъ, но зато, находясь въ здоровомъ умѣ и полной памяти, встрѣчаетъ меня каждый разъ доброю потасовкою.

Маленькій принцъ, глаза котораго сверкнули гнѣвомъ, воскликнулъ:

— Какъ, она тебя бьетъ?

— Точно такъ, государь, съ вашего соизволенія!

— Какъ, тебя бьютъ, такого маленькаго и хилаго? Послушай, прежде чѣмъ наступитъ вечеръ, она будетъ уже сидѣть здѣсь, въ Лондонской башнѣ. Король, мой отецъ...

— Извините, государь, но вы упустили изъ виду низкое ея званіе. Въ Лондонскую башню сажаютъ только знатныхъ особъ.

— Да, правда, я объ этомъ не подумалъ. Все равно, я ужь приищу для нея соотвѣтственное наказаніе! Ну, а что твой отецъ хорошо съ тобой обходится?

— Такъ же хорошо, какъ и бабушка, государь.

— Кажется, что всѣ отцы на одинъ ладъ. Мой тоже не отличается особенно кроткимъ нравомъ. Рука у него тяжелая, но меня онъ щадитъ и никогда не бьетъ, хотя словами язвить иной разъ порядкомъ... Какъ же обращается съ тобою мать?

— Она, государь, очень добрая, такъ что никогда меня не огорчала и не обижала. Аня и Лиза походятъ въ этомъ отношеніи на нее.

— Сколько же имъ лѣтъ?

— Пятнадцать, съ вашего дозволенія, государь.

— Сестрѣ моей, лэди Елизаветѣ, четырнадцать лѣтъ, а Еузина, лэди Анна Грей, мнѣ ровесница. Обѣ онѣ очень миленькія и хорошенькія. Но другая моя сестра, лэди Мери, такая мрачная и суровая... Ну, вотъ, напримѣръ, скажи пожалуйста, запрещаютъ ли твои сестры своимъ служанкамъ улыбаться и утверждаютъ ли онѣ, что это грѣхъ, способный погубить душу и ввергнуть ее въ адъ?

— Мои сестры? Неужели вы думаете, государь, что у нихъ есть служанки?

Маленькій принцъ, серьезно поглядѣвъ одно мгновенье на маленькаго мальчика, спросилъ:

— Отчего же нѣтъ? Развѣ онѣ могутъ обойтись безъ служанокъ? Кто же помогаетъ имъ раздѣваться вечеромъ, и кто одѣваетъ ихъ утромъ, когда онѣ встаютъ?

— Никто, государь. Неужели имъ слѣдовало, по вашему, снимать съ себя одежду и спать совершенно голымъ, какъ дикіе звѣри?

— Развѣ у нихъ всего одна одежда?

— Ахъ, ваша свѣтлость, на что же имъ больше? Вѣдь у каждой изъ нихъ всего одно тѣло?

— Странная и диковинная мысль! Извини меня, я вовсе не хотѣлъ надъ тобою смѣяться. Скажу тебѣ только, что твоя Аня и Лиза будутъ съ этихъ поръ имѣть достаточное количество прислуги и приличныхъ костюмовъ. Я насчетъ этого безотлагательно отдамъ приказаніе моему казначею. Нѣтъ, не благодари меня. Это такая мелочь, о которой не стоитъ и упоминать. Скажи мнѣ лучше, отчего ты такъ хорошо говоришь и объясняешься такъ непринужденно? Ты, можетъ быть, учился?

— Право, не знаю, какъ на это и отвѣтить, государь. Почтенный старичекъ священникъ, патеръ Эндрю, былъ настолько добръ, что училъ меня по своимъ книгамъ.

— Знаешь ты по-латыни?

— Немножко знаю, государь, но, кажется, что плоховато.

— Учись, мальчикъ! Въ латыни трудно только начало. Греческій языкъ не въ примѣръ хуже, но, кажется, что лэди Елизавета и моя кузина не видятъ для себя ни малѣйшихъ трудностей ни въ греческомъ, ни въ какомъ другомъ языкѣ. Я посоветовалъ бы тебѣ послушать, какъ эти барышни рѣжутъ по-гречески! Расскажи мнѣ, однако, про свой Мусорный дворъ. Что тебѣ хорошо тамъ живется?

— Сказать по правдѣ, государь, мнѣ, съ вашего дозволенія, живется тамъ хорошо, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда слишкомъ ужъ сильно подводитъ животъ отъ голода. Къ намъ на дворъ заходятъ петрушки, — Давидъ съ Голіафомъ, — обезьяны, такія забавныя и такъ хорошо выученныя. Онѣ изображаютъ рыцарей на войнѣ, дерутся и кричатъ до тѣхъ поръ, пока всѣ до одной не окажутся убитыми. Это ужасно занятно и стоитъ всего только одинъ грошъ, который, впрочемъ, съ позволенія вашего сіятельства, иной разъ очень трудно раздобыть.

— Расскажи мнѣ еще что-нибудь.

— Мы, мальчики съ Мусорнаго двора, деремся иной разъ

другъ съ другомъ на дубинкахъ, подобно тому, какъ это дѣлають цеховые ученики.

Глаза принца радостно засверкали и онъ сказалъ:

— Ну, что жъ, это было бы занятно и для меня! Продолжай.

— Мы бѣгаемъ взапуски, государь, чтобъ посмотреть, кто изъ насъ проворнѣе.

— Это должно быть тоже очень весело. Расскажи еще что-нибудь!

— Лѣтомъ, государь, мы бродимъ и плаваемъ въ канавахъ и по рѣкѣ. Каждый старается затащить подъ воду своего сосѣда. Мы брызгаемся водой, ныряемъ, кричимъ, кувыркаемся и...

— Я, кажется, былъ бы готовъ отказаться отъ родительскаго престола, чтобы хоть разъ позабавиться такимъ образомъ. Пожалуйста, расскажи мнѣ еще что-нибудь!

— Мы пляшемъ и поемъ въ Чипзейдѣ, вокругъ Майской Мачты,—играемъ въ пескѣ, стараясь каждый забросать имъ своего сосѣда, а по временамъ изготовляемъ изъ рѣчнаго ила пирожки и разные иные кушанья. Ахъ, какая это дивная грязь! Прелестнѣе ея, кажется, нѣтъ нигдѣ въ свѣтѣ. Мы въ ней, съ позволенія вашего сіятельства, государь, валяемся и кувыркаемся такъ, что зарываемся почти по уши.

— Ахъ, пожалуйста, замолчи: вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ обворожительно! Еслибъ я могъ когда-нибудь одѣться такъ, какъ ты,—разуться босикомъ и хоть разъ съ наслажденіемъ вывалиться въ грязи, зная, что никто меня не остановитъ и не станетъ бранить, я, кажется, могъ бы смѣло отречься отъ короны.

— А я, милѣйшій мой государь, еслибъ могъ хоть разъ одѣться въ такія же платья, какія теперь на васъ...

— Неужели это было тебѣ пріятно? Ну, такъ что жъ? Зачѣмъ же дѣло стало? Сбрось съ себя твои лохмотья, мальчикъ, и облекись въ этотъ великолѣпный костюмъ! Счастье наше будетъ скоропреходящимъ, но тѣмъ не менѣе мы имъ насладимся. Доставимъ же себѣ хоть кратковременное удовольствіе, а потомъ облечемся опять каждый въ свои одежды, прежде чѣмъ кто-нибудь явится сюда, чтобы намъ помѣшать.

Нѣсколько минутъ спустя маленькій принцъ Уэльскій облекся въ ободранные лохмотья Тома, а маленький принцъ нищеты красовался въ нарядномъ костюмѣ наслѣдника англійскаго престола. Оба они подошли къ большому зеркалу и стали рядомъ другъ съ другомъ. О, чудо! Зеркало донесло имъ, что никакой перемѣны какъ будто и не послѣдовало. Они съ изумленіемъ глядѣли то другъ на друга, то на свои изображенія въ зеркалѣ. Подъ конецъ принцъ воскликнулъ съ недоумѣніемъ:

— Что ты объ этомъ думаешь?

— Не требуйте отъ меня отвѣта, всемилостивѣйшій государь! Мальчику моего званія неумѣстно говорить объ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ я самъ скажу напрямикъ, что у тебя такіе же волосы, такіе же глаза, такой же голосъ и манеры, какъ и у меня. Мы оба одного роста, одинаково сложены и замѣчательно похожи лицомъ другъ на друга. Еслибъ мы оба остались раздѣтыми, то никто не могъ бы съ увѣренностью сказать, который изъ насъ ты и который принцъ Уэльскій. Теперь, въ твоей одеждѣ, мнѣ кажется, что я еще сильнѣе чувствую то, что ты долженъ былъ испытать, когда этотъ грубый солдатъ... Послушай-ка! Въѣдъ на твоей рукѣ остался синякъ.

— Да, но это чистые пустяки. Кромѣ того вашей свѣтлости извѣстно, что бѣдняга часовой...

— Молчи! Это былъ съ его стороны жестокой и позорный поступокъ!—вскричалъ молодой принцъ, топнувъ босою ножкою.— Если король... Не трогайся съ мѣста отсюда, пока я не вернусь! Я тебѣ это приказываю!

Съ этими словами принцъ Уэльскій схватилъ со стола предметъ, имѣвшій важное государственное значеніе, спряталъ его, выбѣжалъ изъ дверей и, одѣтый въ лохмотья, пробѣжалъ черезъ дворъ; лицо у него разгорѣлось, а глаза сверкали отъ гнѣва. Добѣжавъ до парадныхъ воротъ, онъ схватился за рѣшетку и пытался ее потрясти, восклицая вмѣстѣ съ тѣмъ:

— Эй, кто тамъ? Отворяйте ворота!

Солдатъ, который передъ тѣмъ обидѣлъ Тома, поспѣшно выполнилъ это приказаніе. Когда принцъ, едва держась на ногахъ отъ царственного своего гнѣва, выходилъ изъ воротъ, солдатъ отпустилъ ему звонкую пощечину, свалившую его прямо въ грязь на улицу и сказалъ:

— Вотъ тебѣ нищенское отродье въ уплату за выговоръ, полученный мною изъ-за тебя отъ его высочества.

Толпа разразилась громкимъ хохотомъ. Принцъ поднялся изъ грязи и яростно бросился къ часовому, восклицая:

— Я принцъ Уэльскій! Моя особа священна! Ты будешь повѣшенъ за то, что осмѣлился меня ударить!

Солдатъ взялъ свою аллебарду на-караулъ и насмѣшливо проговорилъ: — Отдаю честь вашему высочеству!

Затѣмъ онъ присовокупилъ сердитымъ тономъ:

— Убирайся отсюда, сумасшедшій оборванецъ!

Толпа окружила маленькаго принца и, осыпая насмѣшками, принялась толкать его передъ собою, заставляя бѣжать по дорогѣ. Она гналась за бѣдняжкой, восклицая:

— Дорогу его королевскому высочеству! Дорогу принцу Уэльскому.

ГЛАВА IV.

Принцу приходится бѣдствовать.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ настойчивой погони и преслѣдованія уличная чернь покинула, наконецъ, маленькаго принца и оставила его въ покоѣ. До тѣхъ поръ, пока принцъ былъ въ состояніи злиться, — осыпая чернь царственными угрозами и высочайшими приказаніями, до-нельзя смѣшными въ устахъ оборванца, — онъ казался толпѣ очень забавнымъ. Подъ конецъ онъ отъ усталости вынужденъ былъ замолчать, и утратилъ тогда всякій интересъ для своихъ мучителей, такъ что они не замедлили удалиться, для пріисканія себѣ какого-нибудь иного развлеченія. Осмотрѣвшись кругомъ, принцъ все-таки не могъ опредѣлить, гдѣ именно находится. Ему было извѣстно лишь то, что онъ въ самомъ Лондонѣ. Онъ шелъ безцѣльно впередъ и вскорѣ дошелъ до мѣста, гдѣ дома стояли уже значительно рѣже, да и прохожихъ встрѣчалось гораздо меньше. Омывъ окровавленные свои ноги въ ручейкѣ, струившемся тамъ, гдѣ пролегаетъ теперь Фарингдонская улица, принцъ отдохнулъ съ минутку на берегу этого ручейка, а затѣмъ продолжалъ идти дальше, пока не дошелъ до большой площади, на которой было разбросано нѣсколько отдѣльно стоявшихъ домовъ, окружавшихъ громадную церковь. Онъ ее тотчасъ узналъ. Она была окружена со всѣхъ сторонъ лѣсами, по которымъ сновали рабочіе, такъ какъ въ ней производился серьезный ремонтъ. Принцъ сразу ободрился, рѣшивъ, что его злключенія благополучно закончились. Онъ сказалъ себѣ самому: «Это бывшая церковь картезіанцевъ, которую король, мой отецъ, отобралъ отъ монаховъ, переименовалъ въ Христову церковь и отдалъ, со всѣми монастырскими угодьями, пріюту для бѣдныхъ, покинутыхъ дѣтей. Они съ радостью окажутъ услугу сыну монарха, отнесшася къ нимъ съ такой великодушной щедростью, тѣмъ болѣе, что, въ данную минуту, сынъ этотъ такой же бѣдный и покинутый мальчикъ, какъ тѣ, которыхъ здѣсь призрѣвали, или же будутъ когда-либо призрѣвать.

Принцъ вскорѣ очутился въ толпѣ мальчиковъ, которые бѣгали, прыгали, играли въ мячъ, въ чехарду и предавались разнымъ другимъ шумнымъ увеселеніямъ. Всѣ они были одинаково одѣты въ обычный тогдашній костюмъ учителей и цеховыхъ учениковъ. У каждаго на самой макушкѣ была плоская черная шапка величиною въ небольшую сковородку. Вслѣдствіе ограниченныхъ своихъ размѣровъ шапка эта не прикрывала сколько-нибудь приличнымъ образомъ головы и не могла разсматриваться такъ же,

какъ украшеніе. Волосы изъ подъ нея падали безъ пробора на середину лба и были подстрижены на этомъ уровнѣ въ кружокъ. На шеѣ моталась ленточка, присвоенная вообще всему духовному вѣдомству. Синій сюртукъ въ обтяжку, съ широкими рукавами, спускавшійся до колѣнъ или даже нѣсколько ниже, перехватывался большимъ краснымъ кушакомъ. Ярко желтые чулки сдерживались выше колѣнъ подвязками. Костюмъ этотъ дополняли низенькіе башмаки съ громадными металлическими пряжками. Его слѣдовало признать, безъ сомнѣнія, въ достаточной степени некрасивымъ. Прервавъ свои игры, мальчики столпились вокругъ принца, который сказалъ имъ съ прирожденнымъ достоинствомъ:

— Милые мои, передайте вашему директору, что Эдуардъ, принцъ Уэльскій, хочетъ съ нимъ переговорить.

Заявленіе это было встрѣчено громкими криками, и какой-то грубый мальчуганъ возразилъ:

— Эй, ты, оборванецъ! Неужели ты явился сюда посланцемъ отъ его высочества?

Принцъ покраснѣлъ отъ гнѣва, и правая его рука инстинктивнымъ движеніемъ перенеслась на бедро, но тамъ ничего не оказалось. Поднялась цѣлая буря смѣха, и одинъ изъ мальчиговъ воскликнулъ:

— Развѣ вы не замѣтили его жеста. Онъ вообразилъ себѣ, будто вооруженъ мечомъ. Очевидно, это самъ принцъ!

Выходка эта вызвала еще болѣе сильный взрывъ хохота. Бѣдняга Эдуардъ горделиво выпрямился и сказалъ:

— Да, я принцъ. Вы живете щедротами моего отца, а потому вамъ непристойно обращаться такимъ образомъ со мною!

Выговоръ этотъ показался всѣмъ мальчуганамъ до чрезвычайности забавнымъ, такъ что они снова разразились громкимъ смѣхомъ. Мальчикъ, который первый заговорилъ съ принцемъ, крикнулъ своимъ товарищамъ:

— Эй, вы, подлые свиньи, презрѣнные рабы, воспитанники царственнаго родителя его высочества! Неужели вы не понимаете, какъ слѣдуетъ себя вести? Скорѣй же становитесь на колѣни, чтобы выказать должное уваженіе величественнымъ его манерамъ и царственнымъ лохмотьямъ!

Всѣ мальчики съ громкимъ хохотомъ упали разомъ на колѣни передъ принцемъ, осмѣивая его такимъ образомъ въ лицо. Раздраженный принцъ толкнулъ ближайшаго къ нему мальчика ногою и сердито воскликнулъ:

— Получи это пока въ задатокъ, а завтра я прикажу вздернуть тебя на висѣлицу!

Это была уже не шутка. Воспитанники Королевскаго пріюта признали такой поступокъ тяжкимъ для себя оскорбленіемъ.

Смѣхъ тотчасъ прекратился, уступивъ мѣсто самой бѣшеной злобѣ. Дюжина голосовъ крикнула сразу:

— Гони его въ шею отсюда! Швырнемъ его въ прудъ, да, именно, въ прудъ! Гдѣ же собаки? Эй, вы: Левъ! Трезоръ! Куси его, куси! Затѣмъ послѣдовала сцена, никогда еще до тѣхъ поръ невиданная въ Англіи. Собственноручно оттузивъ священную особу наслѣдника престола, воспитанники Королевскаго пріюта принялись травить ее собаками.

Къ сумеркамъ принцъ оказался уже далеко оттуда, — въ одномъ изъ тѣсно застроенныхъ кварталовъ лондонскаго Сити. Все его тѣло было избито, руки изодраны въ кровь, а лохмотья выпачканы грязью. Онъ шелъ, не останавливаясь, все прямо, но выбился изъ силъ до того, что съ трудомъ лишь передвигалъ ноги. Имъ овладѣло самое глубокое отчаяніе. Онъ не смѣлъ уже ни къ кому обращаться съ разпросами, такъ какъ въ отвѣтъ на нихъ слышалъ единственно только оскорбленія. Дорогою принцъ твердилъ самому себѣ:

— Мусорный дворъ! Такъ именно вѣдь и называется это мѣсто. Если мнѣ удастся туда добраться, прежде чѣмъ силы меня покинутъ и я упаду безъ чувствъ на земь, все окончится благополучно. Родные Тома отвезутъ меня во дворецъ и докажутъ, что я не ихъ мальчикъ, а настоящій принцъ, и тогда мои испытанія кончатся.

Отъ времени до времени онъ вспоминалъ, какъ грубо обошлись съ нимъ воспитанники пріюта церкви Христа Спасителя и говорилъ:

— Когда я буду королемъ, то позабочусь доставить имъ не только пищу и кровь, но и надлежащее книжное образованіе. Если нѣтъ надлежащаго питанія для ума и сердца, то даже полный желудокъ не приноситъ особенной пользы. Я постараюсь сохранить это въ своей памяти для того, чтобы полученный мною сегодня урокъ не пропалъ даромъ. Желательно, чтобы изъ него получились какія-либо выгоды для моего народа, а мнѣ извѣстно изъ прописей, что образованіе смягчаетъ сердца, воспитывая въ нихъ кротость и состраданіе къ ближнимъ.

Кое-гдѣ въ окнахъ начали уже мелькать огоньки. Тѣмъ временемъ пошелъ дождь, поднялся сильный вѣтеръ и наступила холодная ненастная ночь. Безпріютный принцъ, бездомный наслѣдникъ англійскаго престола, все еще шелъ вѣсрь, углубляясь въ лабиринтъ узкихъ, кривыхъ и грязныхъ улицъ, ветхіе дома которыхъ были биткомъ набиты нищими, ворами и всевозможными другими представителями отбросовъ столичнаго населенія.

Внезапно, рослый пьяный негодяй схватилъ принца за шиворотъ и сказалъ:

— Ты опять шлялся до поздней ночи по городу и, навѣрное, не принесъ домой ни гроша! Въ такомъ случаѣ, если я не переломаю всѣ кости въ поскудномъ твоёмъ тѣлѣ, я буду не Джономъ Канти, а кѣмъ-нибудь другимъ!

Принцъ вырвался изъ рукъ этого негодяя, инстинктивно проведъ рукой по оскверненному своему плечу, словно для того, чтобы стереть прикосновеніе Канти, и съ жаромъ воскликнулъ:

— Ты и въ самомъ дѣлѣ его отецъ? Дай Богъ, чтобы эта была правда! Въ такомъ случаѣ ты сходишь за нимъ и отведешь меня обратно къ моимъ.

— Я его отецъ? Не понимаю, что ты этимъ хочешь сказать. Знаю только, что я твой отецъ, и что ты не замедлишь въ этомъ убѣдиться!..

— Мнѣ, право, не до шутокъ! Я чувствую себя избитымъ, изнуреннымъ и до невозможности усталымъ, такъ что не въ состояніи долѣе выносить этой пытки, — продолжалъ принцъ. — Отведи меня къ королю, моему отцу, и онъ наградитъ тебя такими богатствами, о которыхъ тебѣ даже и не снилось. Вѣрь тому, что я говорю тебѣ, и, пожалуйста, не сомнѣвайся! Вѣдь я не лгу и говорю чистую правду. Протяни мнѣ руку помощи и спаси меня! Вѣдь я въ самомъ дѣлѣ принцъ Уэльскій.

Здоровенный рослый негодяй съ изумленіемъ поглядѣлъ сверху внизъ на мальчика, а затѣмъ покачалъ головой и пробормоталъ сквозь зубы:

— Онъ помѣшался нисколько не хуже любого умалишеннаго, который сидитъ на цѣпи въ Бэдламъ! — Схвативъ принца еще разъ за шиворотъ, негодяй добавилъ съ грубой усмѣшкой и страшнымъ провѣтѣемъ: — Все равно, сумасшедшій ты, или нѣтъ, а мы съ бабушкой Канти сумѣемъ разыскать, гдѣ у тебя кости мягче! Не безпокойся, мы вышибемъ у тебя дурь изъ головы!

Съ этими словами Канти потащилъ съ собою принца, несмотря на самое энергичное его сопротивленіе. Они исчезли вмѣстѣ съ ними въ Мусорномъ дворѣ, куда ринулась за нимъ вслѣдъ оборванная, шумная толпа разношерстныхъ отбросовъ лондонской черни.

ГЛАВА V.

Томъ въ роли принца.

Томъ Канти, оставшись одинъ въ кабинетѣ принца, спѣшилъ воспользоваться выпавшимъ на его долю неожиданнымъ счастіемъ. Довольно долго стоялъ онъ передъ зеркаломъ, поворачиваясь изъ стороны въ сторону и восхищаясь собственною своею особою въ роскошномъ костюмѣ. Затѣмъ онъ началъ прохаживаться взадъ

и впередъ опять-таки передъ зеркаломъ, подражая величественной и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозной походкѣ принца. Обнаживъ великолѣпно изукрашенный мечъ, онъ поклонился, поцѣловалъ клинокъ и приложилъ его къ своей груди. Томъ видѣлъ собственными глазами, за пять или шесть недѣль передъ тѣмъ, какъ продѣлывалъ эту штуку благородный рыцарь, передавая съ рукъ на руки коменданту Лондонской башни арестованныхъ знатныхъ лордовъ: Норфолька и Сюррея. Играя висѣвшимъ у него на бедрѣ кинжаломъ, осыпаннымъ драгоцѣнными камнями, Томъ осматривалъ роскошное убранство въ кабинетѣ наслѣднаго принца. Онъ садился поочередно на каждый стулъ и каждое кресло, и думалъ, какъ возгордился бы онъ, если бы мальчики съ Мусорнаго двора могли заглянуть хоть однимъ глазкомъ въ этотъ кабинетъ и увидѣть своего принца на высотѣ такого величія. Онъ спрашивалъ себя, повѣрять ли они диковиннымъ его рассказамъ по возвращеніи домой, или покачаютъ головами и объявятъ, что онъ просто на-просто помѣшался и принялъ мечты своего воображенія за дѣйствительность.

По истеченіи приблизительно получаса, Тому пришло въ голову, что принцъ давненько таки ушелъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ томиться одиночествомъ, а вскорѣ послѣ того сталъ прислушиваться къ каждому шуму и съ нетерпѣніемъ ждать возвращенія принца. Томъ пересталъ играть окружающими его хорошенъкими вещицами и почувствовалъ себя какъ будто не въ своей тарелкѣ. У него возникли тревожныя опасенія, которыя, постоянно усиливаясь, привели его, наконецъ, въ отчаяніе. Что если вдругъ кто-нибудь войдетъ и увидитъ его въ костюмѣ принца, а между тѣмъ принцъ не успѣетъ еще вернуться и объяснить это переодѣваніе. Томъ считалъ довольно правдоподобнымъ, что его безотлагательно повѣсятъ, а затѣмъ уже примутся разбирать его дѣло по существу. Онъ слышалъ, что знатные англійскіе лорды не имѣли привычки особенно церемониться съ простонародьемъ. Опасенія эти, все возрастая, превращались въ настоящій паническій страхъ. Томъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, потихоньку отперъ дверь въ прихожую. Ему хотѣлось незамѣтно убѣжать и разыскать принца, чтобы съ его помощью высвободиться изъ дворца и вернуться здоровымъ и невредимымъ на свой Мусорный дворъ. Шесть нарядныхъ камеръ-юнкеровъ и два молодыхъ пажа знатнаго происхожденія, разодѣтые словно бабочки, проворно встали на ноги и отвѣсили ему низкіе поклоны. Томъ поспѣшно отшатнулся назадъ и заперъ за собою дверь.—Они смѣются надо мною,—сказалъ онъ самому себѣ.—Они навѣрное пойдутъ и расскажутъ, что видѣли меня, переодѣтаго принцемъ! Зачѣмъ принесла меня сюда нелегкая!.. Вижу, что мнѣ суждено здѣсь погибнуть!..

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету и, объятый невыразимымъ ужасомъ, вздрагивалъ при каждомъ шумѣ. Внезапно дверь распахнулась настежь, и пажъ, разодѣтый въ шелкъ и атласъ, доложилъ:—Леди Анна Грэй!

Дверь затворилась и очаровательная дѣвочка-подростокъ, въ великолѣпномъ платьицѣ, бросилась къ Тому, какъ будто собиравшись его обнять, но внезапно остановилась и спросила печальнымъ голосомъ:

— Что съ тобою, милордъ? Отчего ты такъ разстроенъ?

Языкъ Тома прильнулъ къ гортани, но, сдѣлавъ надъ собою отчаянное усиліе, мальчикъ всетаки проговорилъ:

— Пощади меня, ради Бога! Пойми, что я не принцъ и не лордъ, а просто на-просто бѣдняга Томъ Канти съ Мусорнаго двора въ лондонскомъ Сити. Пожалуйста, дай мнѣ случай повидаться съ принцемъ! Пусть онъ благоволитъ вернуть мнѣ мои лохмотья и отпустить отсюда съ миромъ. Будь же милосерда и спаси меня!

Мальчикъ упалъ на колѣни и съ пламенной мольбой протягивалъ руки къ Аннѣ Грэй. Дѣвочка въ свою очередь словно оцѣпенѣла отъ ужаса. Наконецъ, она воскликнула:

— Какъ, милордъ, ты, на колѣняхъ передо мною?..

Она до того перепугалась, что убѣжала, а Томъ, сраженный отчаяніемъ, повалился на полъ, бормоча вполголоса:

— Нѣтъ никакой надежды! Я погибъ! Теперь сейчасъ придутъ и схватятъ меня!

Пока Томъ лежалъ на полу кабинета, не помня себя отъ ужаса, страшная вѣсть быстро облетѣла весь дворецъ. Тогда, какъ и теперь, подобныя вѣсти всегда передавались шепотомъ. Лакей сообщил эту вѣсть на ушко своему товарищу, а благородный лордъ—столь же благородной лэди, такъ что въ одно мгновенье она пробѣжала по всѣмъ корридорамъ и заламъ рѣшительно всѣхъ этажей дворца. Всюду твердили: «Принцъ помѣшался, принцъ сошелъ съ ума!» Въ каждой залѣ и прихожей, облицованной мраморомъ, образовались группы высокоблагородныхъ лордовъ и лэди въ блестящихъ нарядахъ и кружки менѣе знатныхъ и не столь богато одѣтыхъ особъ, серьезно перешептывавшихся другъ съ другомъ, при чемъ на каждомъ лицѣ выражалась глубокая скорбь. Но вотъ роскошно одѣтый вельможа прошелъ мимо этихъ группъ, громогласно объявляя: «Именемъ его величества короля воспрещается подъ страхомъ смертной казни слушать лживыя и нелѣпыя розсказни, обсуждать ихъ или же пересказывать кому-нибудь. Такова воля его величества!» Шепотъ прекратился столь же неожиданно, какъ будто шептавшіеся внезапно онемѣли.

Вскорѣ затѣмъ, въ дворцовыхъ корридорахъ обнаружилось

движеніе и раздались вполголоса восклицанія: «Принцъ! Принцъ идетъ!» Бѣдняга Томъ медленно шелъ мимо придворныхъ, отвѣщивавшихъ ему низкіе поклоны. Онъ пытался и самъ отвѣчать на эти поклоны, робко глядя на необычайную, окружавшую его обстановку. Въ глазахъ у бѣдняги одновременно выражались изумленіе, недоумѣніе и смертельный испугъ. Знатные вельможи шли по обѣ стороны Тома, поддерживая мальчика, чтобы нельзя было замѣтить неувѣренныхъ его шаговъ; позади слѣдовали придворные врачи и нѣсколько камергеровъ.

Томъ не замедлилъ очутиться въ большой великолѣпной комнатѣ и услышалъ, какъ затворилась за нимъ дверь. Мальчика окружали придворные, которые его туда привели, а въ небольшомъ разстояніи полулежалъ передъ нимъ на парадномъ диванѣ чрезвычайно рослый и дородный мужчина съ широкимъ и обрюзглымъ лицомъ, имѣвшимъ необычайно строгое и суровое выраженіе. Ни усовъ ни бороды у этого мужчины не было, а большая голова и бакенбарды, обрамлявшія лицо, совершенно посѣдѣли. Одежда на немъ была изъ дорогой ткани, но казалась сильно поношенной и мѣстами потертой. Одна изъ распухшихъ его ногъ, окутанная фланелью, лежала на подушкѣ. Водворилось глубокое молчаніе, и головы всѣхъ, за исключеніемъ одного человѣка, почтительно преклонились. Этотъ человѣкъ съ суровымъ лицомъ былъ грозный Генрихъ VIII. Впрочемъ, минуту спустя, лицо его приняло ласковое выраженіе, когда онъ проговорилъ:

— Ну, какъ поживаешь, милый сынъ мой, милордъ Эдуардъ? Чего ради пришло тебѣ въ голову подшутить надо мною, любящимъ тебя королемъ-отцомъ, и смутить меня за мою доброту такой печальной шуткой?

Бѣдняга Томъ слушалъ начало этой рѣчи настолько внимательно, насколько это было возможно для отуманенныхъ его умственныхъ способностей. Когда слова, «меня короля-отца» зазвучали въ его ухахъ, онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и упалъ на колѣни такъ мгновенно, какъ будто его сразило пушечное ядро. Поднявъ руки вверхъ, онъ воскликнулъ:

— Ты значитъ король? Тогда я погибъ, погибъ безповоротно!

Слова эти, повидимому, поразили короля: глаза его величества безцѣльно перебѣгали отъ одного лица къ другому, а затѣмъ съ недоумѣніемъ остановились на мальчикѣ, стоявшемъ передъ нимъ на колѣняхъ. Помолчавъ немного, король сказалъ тономъ глубокаго разочарованія:

— Увы! Я считалъ преувеличеннымъ дошедшій до меня слухъ, но боюсь, что ошибся!—Онъ тяжело вздохнулъ и ласково добавилъ:—Приди къ твоему отцу! Ты нездоровъ!

Тома подняли на ноги, и онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, смиренно

подошелъ къ его величеству англійскому королю. Обхвативъ обѣими руками испуганное лицо мальчика, король пристально и нѣжно глядѣлъ на него въ теченіе нѣкотораго времени, какъ бы стараясь отыскать какой-нибудь симптомъ возвращающагося разума, а затѣмъ прижалъ къ своей груди курчавую его головку и ласково ее погладилъ.

— Неужели ты не узнаешь своего отца, дитя мое? Не разрывай стариковского моего сердца! Скажи, что ты меня знаешь! Разумѣется, знаешь? — спрашивалъ король.

— Да, знаю! Ты грозный мой лордъ король, котораго да сохранить Господь Богъ!

— Вѣрно, совершенно вѣрно! Это очень хорошо. Только успокойся и не дрожи такъ. Никто тебя здѣсь не обидитъ. Всѣ здѣсь любятъ тебя. Тебѣ стало лучше. Твой дурной сонъ миновалъ. Такъ вѣдь? Ты, безъ сомнѣнія, узнаешь вѣдь теперь себя самого и не станешь больше называть себя чужимъ именемъ, какъ дѣлалъ это еще недавно.

— Прошу тебя всемилостивѣйше мнѣ вѣрить, могущественнѣйшій грозный государь. Я говорилъ чистую правду. Я дѣйствительно ничтожнѣйшій изъ твоихъ подданныхъ, такъ какъ родился и росъ до сихъ поръ въ нищетѣ. Теперь я оказываюсь здѣсь лишь вслѣдствіе злополучной странной случайности, въ которой я самъ не при чемъ. Я ничего дурного не сдѣлалъ и къ тому же я, вѣдь, такъ молодъ. Зачѣмъ же мнѣ умирать, когда ты можешь спасти меня всего лишь однимъ словечкомъ? Скажи это словечко, государь!

— Зачѣмъ ты говоришь о смерти? Нѣтъ, милый мой принцъ, не упоминай о ней! Да снизойдетъ миръ на твое взволнованное сердце. Смерть тебя не постигнетъ!

Томъ упалъ на колѣни съ радостнымъ возгласомъ:

— Да вознаградить Господь Богъ тебя, государь, за твое милосердіе и да ниспошлетъ Онъ тебѣ долгіе дни ко благу нашей отчизны!

Затѣмъ, проворно поднявшись, онъ обернулся съ радостнымъ лицомъ къ сопровождавшимъ его двумъ лордамъ-камергерамъ и воскликнулъ:

— Вы слышали? Смерть меня не постигнетъ! Самъ король объявилъ это.

Слова его не вызвали среди присутствовавшихъ ни малѣйшаго волненія. Всѣ наклонили головы съ серьезнымъ, почтительнымъ видомъ, но никто ничего не возразилъ. Томъ, нѣсколько смутившись, постоялъ съ минутку въ недоумѣніи, а затѣмъ робко обратился къ королю съ вопросомъ:

— Можно теперь уйти?

— Уйти? Разумѣется, можно, если ты хочешь! Отчего, однако, тебѣ не побыть здѣсь еще немножко? Куда ты хотѣлъ уйти?

Потупивъ глаза, Томъ смиренно отвѣтилъ:

— Безъ сомнѣнія, я ошибался, но мнѣ казалось, что я еще не лишенъ свободы. Я хотѣлъ, поэтому, разыскать снова конуру, гдѣ родился и выросъ въ бѣдности, но гдѣ живутъ моя мать и сестры. Тамъ настоящий мой домъ, а не здѣсь, среди роскоши и великолѣпія, къ которому я не привыкъ. Прошу васъ, государь, отпустить меня домой!

Король нѣсколько времени молчалъ и погрузился въ глубокую задумчивость, при чемъ его лицо приняло грустное выраженіе, становившееся все болѣе безотраднымъ. Вдругъ на лицѣ этомъ мелькнулъ лучъ надежды.

— Быть можетъ, онъ помѣшался только на одномъ пунктѣ! — воскликнулъ король. — Въ такомъ случаѣ разсудокъ у него во всѣхъ другихъ отношеніяхъ могъ сохраниться. Дай Богъ, чтобы это такъ и случилось! Подвергнемъ его маленькому испытанію.

Онъ обратился съ вопросомъ на латинскомъ языкѣ къ Тому, который отвѣтилъ на этотъ вопросъ хотя и не особенно бойко, но тоже по-латыни. Король не скрывалъ своего восхищенія. Присутствовавшіе знатные вельможи и доктора тоже до чрезвычайности обрадовались. Король замѣтилъ:

— Положимъ, что онъ, при своемъ образованіи и знаніяхъ, могъ бы отвѣтить и лучше, но всетаки отсюда уже можно заключить, что душевная его болѣзнь не безнадежна и не вызвала въ его умѣ рокового помраченія. А вы, сударь, какъ думаете?

Врачъ, къ которому обратился король, низко поклонился и объявилъ:

— Ты, государь, высказалъ своими устами мое собственное убѣжденіе.

Поощреніе со стороны такого авторитетнаго лица, очевидно, доставило королю удовольствіе. Онъ продолжалъ сравнительно уже веселымъ тономъ:

— Мы сдѣлаемъ ему еще испытаніе. Слушайте всѣ внимательно!

Онъ обратился къ Тому съ вопросомъ на французскомъ языкѣ. Мальчикъ, смущенный устремленными на него взорами всѣхъ присутствовавшихъ, съ минуту молчалъ, а затѣмъ неувѣреннымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Съ соизволенія вашего величества, я этого языка совсѣмъ не знаю.

Король упалъ назадъ на свое ложе. Придворные устремились къ нему на помощь, но онъ отстранилъ ихъ жестомъ руки и сказалъ:

— Не беспокойте меня! Это мгновенный упадокъ силъ, который тотчасъ пройдетъ. Поднимите меня! Вотъ такъ, довольно! Подойди ко мнѣ, дитя мое. Пусть бѣдная больная твоя головка успокоится и отдохнетъ на груди у твоего отца! Ты скоро выздоровѣешь. Мечта, омрачившая твой умъ, не замедлитъ разсѣяться. Не бойся, ты поправишься!

Затѣмъ онъ обратился къ присутствовавшимъ придворнымъ, но ласковое выраженіе его лица при этомъ мгновенно исчезло и въ глазахъ начали сверкать зловѣщіе огоньки. Онъ сказалъ:

— Слушайте. Мой сынъ помѣшался, но это у него пройдетъ! Онъ слишкомъ прилежно учился и черезчуръ много сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ. Смотрите теперь за тѣмъ, чтобы онъ не возился больше, до поры до времени, съ книгами и учителями! Забавляйте его разными играми на открытомъ воздухѣ. Старайтесь всячески его развлекать, чтобы онъ выздоровѣлъ какъ можно скорѣе!

Принявъ сидячее положеніе, Генрихъ VIII продолжалъ энергическимъ тономъ:

— Онъ сумасшедшій, но всетаки сынъ мой и наслѣдникъ англійскаго престола! Въ здоровомъ умѣ, или же помѣшанный, а все же онъ будетъ царствовать. Слушайте также и объявите во всеобщее свѣдѣніе: тотъ, кто вздумаетъ говорить о болѣзни наслѣднаго принца, будетъ безотлагательно повѣшенъ, какъ нарушитель мира и спокойствія нашихъ королевствъ!.. Дайте-ка мнѣ выпить! Все нутро у меня горитъ. Это горе подрываетъ мои силы... Довольно! Возьмите прочь чашу... Поддержите меня! Ну, вотъ такъ хорошо. Онъ, значитъ, сумасшедшій? Ну и пусть себѣ будетъ хоть тысячу кратъ сумасшедшій, а всетаки онъ принцъ Уэльскій, и я, король, утверждаю его въ этомъ санѣ! Пусть онъ сегодня же будетъ утвержденъ съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ обычаемъ формальностей въ званіи принца Уэльскаго. Лордъ Гертфордъ, безотлагательно изготовьте соотвѣтствующій указъ.

Одинъ изъ вельможъ преклонилъ колѣно передъ ложемъ короля и сказалъ:

— Вашему величеству извѣстно, что наслѣдственный англійскій великій маршалъ содержится теперь въ Лондонской башнѣ по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Не приличествуетъ лицу, надъ которымъ тяготѣетъ такое обвиненіе...

— Молчи! Не оскорбляй моихъ ушей ненавистнымъ его именемъ! Неужели этотъ человѣкъ долженъ вѣчно копить землю? Развѣ можетъ моя воля быть невыполненной? Ужъ не прикажете ли принцу Уэльскому остаться неутвержденнымъ въ должности за отсутствіемъ у меня въ королевствѣ великаго маршала, непо-

дозрѣваемаго въ государственной измѣнѣ и, слѣдовательно, способнаго участвовать въ церемоніалѣ? Нѣтъ, клянусь Богомъ Всемогущимъ, я этого не поущу! Объяви моему парламенту, чтобы онъ еще до восхода солнца постановилъ надъ Норфолькомъ приговоръ и прислалъ мнѣ его на утвержденіе. Въ противномъ случаѣ члены парламента жестоко поплатятся за свою нерадивость.

— Воля короля—законъ!—отвѣчалъ лордъ Гертфордъ и, поднявшись съ колѣнъ, вернулся на прежнее мѣсто.

Гнѣвное выраженіе постепенно исчезло съ лица короля, когда онъ вернулся къ Тому и сказалъ:

— Поцѣлуй меня, дорогой принцъ. Ну, вотъ такъ, чего же ты боишься? Развѣ я для тебя не любящій отецъ?

— Я и въ самомъ дѣлѣ знаю, могущественный всемилостивѣйшій государь, что ты добръ ко мнѣ недостойному. Все-таки, государь, мнѣ тяжело и прискорбно думать о человѣкѣ, который осужденъ тобою на смерть и...

— Это вотъ совершенно и какъ нельзя болѣе на тебя походить. Вижу, что сердце у тебя осталось такое же нѣжное, какъ прежде, хотя твой умъ отчасти и пострадалъ. Ты всегда былъ кроткимъ и незлобивымъ мальчикомъ. На этотъ разъ, однако, герцогъ Норфолькъ стоитъ между тобой и подобающими тебѣ почестями. Я рѣшилъ назначить на его мѣсто вельможу, который ничѣмъ не запятнаетъ своего высокаго поста. Успокойся же, милый принцъ, и не смущай болѣе бѣдной твоей головки такими мыслями.

— Но вѣдь ты, государь, ускоряешь изъ-за меня его смерть. Если бы не я, то онъ могъ бы, пожалуй, прожить еще долго!

— Не думай о немъ, милый принцъ, онъ этого не стоитъ. Поцѣлуй меня еще разъ и иди въ твои апартаменты играть и забавляться. Болѣзнь все-таки подорвала мои силы. Я чувствую себя усталымъ и хотѣлъ бы отдохнуть. Иди же съ твоимъ дядей Гертфордомъ и твоею свитой. Когда отлыхъ меня освѣжить, приходи опять ко мнѣ.

Тома немедленно увели изъ королевской опочивальни. У него было тяжело на сердцѣ, такъ какъ послѣднія слова короля нанесли смертельный ударъ надеждамъ на освобожденіе, которыми онъ до тѣхъ поръ себя ласкалъ. Еще разъ онъ услышалъ раздававшіяся въ корридорѣ вполголоса восклицанія: «Принцъ, принцъ идетъ!»

Мальчикъ все болѣе падалъ духомъ по мѣрѣ того, какъ шелъ между блестящими золотымъ и серебрянымъ шитьемъ рядами кланявшихся ему придворныхъ. Онъ сознавалъ себя теперь въ плѣну и боялся остаться навѣки запертымъ въ вызолоченной

кѣтъ, въ качествѣ злополучнаго одинокаго принца, не имѣющаго ни друзей, ни товарищей. Только одинъ милосердый Богъ могъ сжалиться еще надъ нимъ и возвратить ему свободу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, куда бы Томъ ни оборачивался, ему казалось, будто въ воздухѣ передъ нимъ носится отрубленная голова англійскаго великаго маршала, герцога Норфолькскаго, и глядитъ на него съ упрекомъ помертвѣвшими глазами. Лицо герцога врѣзалось въ памяти у мальчика, видѣвшаго, какъ этого вельможу везли подъ конвоемъ въ Лондонскую башню.

Прежнія мечты Тома были такими чарующими и увлекательными, но осуществлявшая ихъ дѣйствительность казалась ему невыносимо ужасной.

ГЛАВА VI.

Томъ получаетъ должныя инструкціи.

Тома отвели въ лучшую залу великолѣпныхъ апартаментовъ наслѣднаго принца и заставили тамъ усѣсться на кресло. Ему это казалось особенно неловкимъ въ виду того, что тутъ же находились несравненно болѣе пожилые и знатные люди, продолжавшіе стоять. Онъ просилъ ихъ тоже сѣсть, но они, выражая словами и поклонами, свою благодарность за это приглашеніе не рѣшались имъ воспользоваться. Томъ собирався было наставить, но его «дядя», графъ Гертфордъ, шепнулъ ему на ухо:

— Пожалуйста не настаивай, милорды! Не принято, чтобы они сидѣли въ твоёмъ присутствіи.

Дежурный пажъ доложилъ, что лордъ Сентъ-Джонъ проситъ аудіенціи у принца. Низко поклонившись Тому, лордъ объявилъ:

— Я пришелъ по приказанію короля говорить о дѣлѣ, требующемъ соблюденія величайшей тайны. Не сообразовалите ли, ваше королевское величество, выслать изъ залы всѣхъ своихъ приближенныхъ, за исключеніемъ графа Гертфорда?

Замѣтивъ, что Томъ, повидимому, не знаетъ, какимъ образомъ слѣдуетъ отдать соотвѣтственное приказаніе, Гертфордъ шепнулъ ему сдѣлать жестъ рукою, пожалуй, даже не говоря ни слова. Когда придворные удалились, лордъ Сентъ-Джонъ продолжалъ:

— Его величество король повелѣваетъ, чтобы его высочество принцъ, въ виду важныхъ и необходимыхъ государственныхъ соображеній, скрывалъ всѣми зависящими отъ него средствами и способами свою болѣзнь до тѣхъ поръ, пока она не пройдетъ и онъ не станетъ опять совершенно такимъ же, какъ прежде. Иными словами его высочеству предписывается ни подъ какимъ видомъ болѣе не отрицать, что онъ настоящій принцъ и наслѣдникъ англійскаго

престола. Соблюдая августѣйшее свое достоинство, онъ долженъ принимать безъ всякаго протеста словами, или жестами, знаки почтенія и уваженія, подобающіе его сану и установленные закономъ и обычаемъ. Онъ не долженъ болѣе говорить кому бы то ни было о мнимомъ своемъ низкомъ происхожденіи и предшествовавшей жизни, такъ какъ эти болѣзненные мечты вызваны лишь воображеніемъ, разстроеннымъ вслѣдствіе чрезмѣрныхъ занятій науками. Онъ обязанъ какъ можно скорѣе воскресить въ своей памяти лица всѣхъ своихъ приближенныхъ. Въ случаяхъ, когда это ему не будетъ удаваться, онъ долженъ молчать, не обнаруживая своей забывчивости удивленіемъ, или же иными признаками. При выходахъ и парадныхъ пріемахъ, если у его высочества встрѣтится какое-либо недоразумѣніе относительно того, что именно слѣдуетъ сказать, или сдѣлать, онъ не долженъ обнаруживать безпокойства, которое могло бы быть подмѣчено кѣмъ-нибудь со стороны, а посоветоваться съ лордомъ Гертфордомъ, или же съ моею ничтожной особой. Король предоставилъ меня именно съ этою цѣлью въ распоряженіе вашего высочества и приказалъ мнѣ находиться при васъ до тѣхъ поръ, пока онъ не отмѣнитъ этого распоряженія. Такова воля его величества короля, который посылаетъ поклонъ вашему королевскому высочеству и молить Бога, чтобы Онъ, по своему великому милосердію, послалъ вамъ скорое исцѣленіе и сохранилъ васъ теперь и во вѣки вѣковъ подъ святымъ Своимъ покровомъ.

Высказавъ все это, лордъ Сентъ-Джонъ поклонился и отошелъ въ сторону. Томъ смиренно отвѣтилъ:

— Такова воля его величества короля! Нельзя шутить съ его приказаніями, или уклоняться отъ выполненія ихъ подъ какими бы то ни было предлогами. Я буду повиноваться.

Лордъ Гертфордъ замѣтилъ тогда, въ свою очередь:

— Его величество король изволилъ также отдать предписаніе относительно отмѣны на нѣсколько дней учебныхъ и другихъ серьезныхъ занятій, а потому не соблаговолите ли, ваше высочество, провести время въ какихъ-нибудь пріятныхъ забавахъ? Желательно, чтобы вы, принцъ, отдохнули и собрались съ силами для банкета, такъ какъ въ противномъ случаѣ вы можете утомиться и разстроить ваше августѣйшее здоровье.

На лицѣ Тома выразилось изумленіе и недоумѣніе. Замѣтивъ грустный взоръ, устремленный на него лордомъ Сентъ-Джономъ, мальчикъ покраснѣлъ. Благородный лордъ ласково ему сказалъ:

— Память все еще тебѣ измѣняетъ, и ты какъ будто удивляешься, но пусть это тебя не смущаетъ. Безъ сомнѣнія, она у тебя возстановится съ теченіемъ времени, когда твоя болѣзнь начнетъ проходить. Милордъ Гертфордъ говоритъ о банкетѣ у лорда-мэра, на которомъ будетъ присутствовать ваше высочество

во исполненіе обѣщанія, даннаго два мѣсяца тому назадъ его величествомъ королемъ. Припоминаешь ты это теперь?

— Мнѣ очень жаль, что я долженъ отвѣтить отрицательно, — сказалъ неувѣреннымъ голосомъ Томъ и снова покраснѣлъ.

Въ это мгновеніе доложили о прибытіи лэди Елизаветы и лэди Анны Грей. Оба лорда обмѣнялись другъ съ другомъ многозначительными взглядами, и Гертфордъ поспѣшно подошелъ къ дверямъ. Когда молодыя дѣвушки проходили мимо, онъ, понизивъ голосъ, предупредилъ ихъ:

— Прошу васъ, лэди, сдѣлать видъ, будто не замѣчаете разстроеннаго состоянія принца. Не выказывайте также удивленія, если память ему станетъ измѣнять. Вы съ прискорбіемъ убѣдитесь, что это будетъ случаться на каждомъ шагѣ!

Тѣмъ временемъ лордъ Сентъ-Джонъ говорилъ Тому на ухо:

— Пожалуйста, принцъ, сообразуйся какъ можно строже съ желаніемъ его величества короля. Вспомни то, что для тебя возможно, и дѣлай видъ, будто помнишь все остальное. Не позволяй имъ замѣтить въ тебѣ сколько-нибудь серьезной перемѣны. Ты знаешь вѣдь, какъ нѣжно тебя любятъ твоя сестра и кузина, и какъ сильно опечалила бы ихъ эта перемѣна. Угодно вашему высочеству, чтобы я и вашъ дядя остались здѣсь?

Томъ изъявилъ свое согласіе жестомъ и словами, которыя пролепеталъ вполголоса, неувѣреннымъ тономъ. Онъ учился уже выполнять роль, навязанную ему судьбою и, въ простотѣ сердца, рѣшился играть ее настолько хорошо, насколько это для него возможно, сообразуясь во всей строгости съ приказаніями короля.

Несмотря на всѣ мѣры предосторожностей, бесѣда съ принцессами по временамъ у него не вязалась. Томъ неоднократно готовъ былъ уже придти въ отчаяніе и отказаться отъ выполненія непосильной роли, но каждый разъ его спасалъ замѣчательный тактъ принцессы Елизаветы, или же какое-нибудь словцо, какъ будто невзначай брошенное тѣмъ или другимъ изъ благородныхъ лордовъ, бдительно слѣдившихъ за разговоромъ. Лэди Анна Грей совсѣмъ казалось сбила съ толку Тома вопросомъ:

— Былъ ты сегодня, милордъ, съ визитомъ у ея величества королевы?

Мальчикъ замялся и, очевидно, не зная, что отвѣтить, собирався сказать что-нибудь наугадъ, но лордъ Джонъ, съ непринужденной ловкостью придворнаго, привычнаго выпутываться изъ затруднительныхъ положеній, поспѣшилъ отвѣтить вмѣсто принца:

— Точно такъ, милэди. Ея величество соизволила успокоить принца благопріятными извѣстіями о состояніи здоровья его величества короля. Такъ вѣдь, ваше высочество?

Томъ пробормоталъ что-то такое въ утвердительномъ смыслѣ,

но чувствовалъ, какъ почва у него подъ ногами начинаетъ колебаться. Нѣсколько позже упомянуто было въ разговорѣ, что Тому предписано прекратить на время учебныя занятія. Маленькая лэди тотчасъ воскликнула:

— Жаль, очень жаль, ты вѣдь такъ хорошо учился! Впрочемъ, потерпи немного. Тебѣ навѣрное позволятъ опять приняться за книги. Ты, дорогой мой принцъ, навѣрное будешь такимъ же ученымъ, какъ достопочтенный твой отецъ и станешь говорить на столькихъ же языкахъ, какъ онъ!

— Стоитъ развѣ говорить про моего достопочтеннаго отца! — вскричалъ Томъ, забывшись на мгновенье. — Думаю, что онъ и на родномъ-то своемъ языкѣ можетъ выражаться понятно развѣ лишь для свиней, которыя живутъ въ хлѣву на Мусорномъ его дворѣ. Что же касается до научныхъ свѣдѣній, то...

Случайно оглянувшись въ эту минуту, Томъ встрѣтилъ взоръ лорда Сентъ-Джона, устремленный на него съ торжественнымъ предостереженіемъ. Мальчикъ остановился, покраснѣлъ, а затѣмъ грустно проговорилъ вполголоса:

— Меня опять охватила болѣзнь, отуманивающая умъ странною мечтою. Я вовсе не имѣлъ въ виду непочтительно отзываться объ его величествѣ королѣ.

— Мы это знаемъ, принцъ, — подтвердила принцесса Елизавета, почтительно и ласково сжимая руку своего «брата» между ладонями своихъ ручекъ. — Пожалуйста не безпокойся объ этомъ. Вина тутъ не твоя, а твоего нездоровья.

— Ты очень милая утѣшительница, очаровательная моя лэди, — отвѣчалъ ей Томъ. — Сердце заставляетъ меня высказать тебѣ за это пламенную благодарность и я беру на себя смѣлость это сдѣлать.

Недогадливая юная лэди Анна позволила себѣ сказать Тому что-то по-гречески. Внимательный взоръ принцессы Елизаветы тотчасъ подмѣтилъ по благодушному недоумѣнію, выразившемуся на лицѣ Тома, что стрѣла его кузины пролетѣла надъ цѣлью. Она совершенно спокойно отвѣтила поэтому лэди Аннѣ цѣлымъ залпомъ шутокъ на греческомъ языкѣ и тотчасъ же перевела разговоръ на другую тему.

Время шло, благодаря всему этому, очень пріятно для Тома, который плылъ подъ чужимъ флагомъ, сравнительно, довольно удачно. Онъ все рѣже и рѣже садился на мель, или же натыкался на подводные камни. Видя, что всѣ съ нимъ такъ ласковы, стараются ему помочь и снисходительно относятся къ его промахамъ, Томъ сталъ чувствовать себя значительно лучше. Когда выяснилось, что обѣ дѣвочки будутъ съ нимъ вмѣстѣ вечеромъ, на банкетѣ у лорда-мэра, сердце Тома забилося отъ радости. Ему ка-

залось, что теперь онъ всетаки не окажется одинокимъ на этомъ банкетѣ среди множества постороннихъ, незнакомыхъ лицъ. Между тѣмъ, часомъ раньше, мысль о томъ, что обѣ принцессы будутъ вмѣстѣ съ нимъ на банкетѣ, безъ сомнѣнія, привела бы его въ невообразимый ужасъ.

Ангеламъ-хранителямъ Тома, въ образѣ двухъ благородныхъ лордовъ, надо полагать, было не особенно легко выполнять возложенныя на нихъ обязанности. Въ продолженіе всего свиданья они чувствовали себя словно на горячихъ угляхъ. Дѣйствительно, они находились въ положеніи лоцмановъ, которымъ надлежитъ вести большой корабль по узкому извилистому и чрезвычайно опасному фарватеру. Они все время держались насторожѣ и порядкомъ таки утомились. Когда поэтому, къ концу посѣщенія обѣихъ принцессъ, доложили, что лордъ Гильфордъ Дудлей желалъ бы навѣстить его высочество, они не только нашли, что принцъ совершилъ на первый разъ достаточные подвиги, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришли къ заключенію, что имъ самимъ было бы очень трудно взяться сызнова за выполненіе тяжелой своей лоцманской задачи. Они почтительно посовѣтовали Тому извиниться, что онъ и сдѣлалъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Напротивъ того, на хорошенькомъ личикѣ лэди Анны мелькнула легкая тѣнь разочарованія, когда она услышала о рѣшеніи не допускать такого блестящаго юношу, какъ лордъ Гильфордъ, передъ свѣтлыя очи его высочества.

Наступила пауза выжидательнаго молчанія, остававшаяся непонятнымъ для Тома. Онъ взглянулъ на лорда Гертфорда, отвѣтившаго многозначительнымъ знакомъ, смыслъ котораго также ускользнулъ отъ мальчика. Догадливая принцесса Елизавета, съ обычной своей непринужденной граціей, явилась къ нему на выручку. Сдѣлавъ реверансъ, она спросила:—Его высочество принцъ, мой братъ, разрѣшаетъ намъ удалиться?

Томъ отвѣчалъ:

— Вы, милэди, разумѣется, можете быть увѣрены въ моемъ согласіи на всѣ ваши желанія, но я предпочелъ бы, чтобы они заключались въ чемъ-нибудь иномъ, а не въ разрѣшеніи удалиться отсюда свѣтлую радость вашего присутствія! Желаю вамъ добраго дня и молю Бога, да освѣтитъ Онъ васъ Своей милостью! — При этомъ онъ невольно улыбнулся, добавляя:—Я всетаки не даромъ бесѣдовалъ мысленно съ сказочными принцами и принцессами и прилежно читалъ про нихъ въ книжкахъ. Я малую толику пріучился къ вѣжливымъ ихъ рѣчамъ, расшитымъ и изукрашеннымъ комплиментами.

По уходѣ обѣихъ принцессъ Томъ обратился съ утомленнымъ видомъ къ своимъ гувернерамъ и сказалъ:

— Не соблаговолите ли вы, благородные лорды, позволить мнѣ уйти въ какой-нибудь уголокъ и отдохнуть немножко?

Лордъ Гертфордъ возразилъ:

— Осмѣлюсь замѣтить вашему высочеству, что ваше дѣло повелѣвать, а наше повиноваться! Тебѣ, принцъ, и въ самомъ дѣлѣ не мѣшаетъ отдохнуть прежде, чѣмъ отправиться въ Сити.

Онъ позвонилъ въ колокольчикъ, и тотчасъ явился пажъ, которому было приказано сообщить сэру Уильяму Герберту, что присутствіе этого джентльмена желательно. Сэръ Уильямъ немедленно явился въ залу и отвелъ Тома въ великолѣпную опочивальню. Придя туда, Томъ прежде всего хотѣлъ выпить воды и протянулъ уже руку къ бокалу, стоявшему возлѣ графина, но камеръ-юнкеръ, одѣтый въ шелкъ и бархатъ, выхватилъ чуть не изъ рукъ у него этотъ бокалъ, поставилъ его на золотой подносы и подаль Тому, опустившись самъ на одно колѣно.

Усталый плѣнникъ сѣлъ и собирался снять съ себя полусапожки, робко спрашивая взоромъ разрѣшенія это сдѣлать, но тотчасъ другой камеръ-юнкеръ, одѣтый тоже въ шелкъ и бархатъ, упалъ передъ нимъ на колѣни и выполнилъ за него это дѣло. Томъ сдѣлалъ двѣ или три другихъ попытки раздѣваться, но, видя, что его каждый разъ поспѣшно предупреждаютъ, вздохнулъ и покорился своей участи, проговоривъ сквозь зубы:

— Чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ! Удивляюсь, какъ это они еще не требуютъ, чтобы я позволилъ имъ дышать за меня?

Очутившись въ туфляхъ и въ роскошномъ халатѣ, онъ легъ, наконецъ, отдохнуть. О снѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ голова Тома была слишкомъ полна мыслями, а его опочивальня — народомъ. Онъ не въ состояніи былъ удалить свои мысли, а потому онѣ остались терзать его своимъ присутствіемъ. Онъ не зналъ, какъ удалить своихъ прислужниковъ, а потому они тоже остались въ опочивальнѣ, къ величайшему сожалѣнію какъ Тома, такъ и ихъ самихъ.

Съ уходомъ Тома въ опочивальню остались въ залѣ лишь оба сіятельные его гувернеры. Въ продолженіе нѣкотораго времени они молча расхаживали по ней взадъ и впередъ и въ глубокой задумчивости покачивали головами. Наконецъ, лордъ Сентъ-Джонъ спросилъ:

— Ну, что ты обо всемъ этомъ думаешь?

— Что я думаю? Вотъ что: король теперь при смерти, племянникъ мой сумасшедшій, вступитъ въ сумасшествіи на престолъ, да и послѣ того останется сумасшедшимъ. Говорятъ, что Господь Богъ покровительствуетъ Англіи. Во всякомъ случаѣ, она будетъ теперь очень нуждаться въ такомъ покровительствѣ.

— Оно и въ самомъ дѣлѣ на это похоже. Однако же... Нѣтъ ли

у тебя какихъ-нибудь недоразумѣній насчетъ... то есть именно насчетъ...

Лордъ Сентъ-Джонъ, очевидно, не рѣшался высказаться обстоятельнѣе и замолчалъ, безъ сомнѣнія, чувствуя, что завелъ рѣчь о щекотливомъ предметѣ. Лордъ Гертфордъ сталъ передъ нимъ, прямо и откровенно взглянулъ ему въ лицо и сказалъ:

— Говори смѣло, никто, кромѣ меня, тебя не услышитъ. Какія тутъ могутъ быть недоразумѣнія?

— Мнѣ очень тяжело высказать мысль, возникшую въ моемъ умѣ, особенно же передъ тобою, милордъ, который состоитъ съ нимъ въ такомъ близкомъ родствѣ. Умоляю о прощеніи, если въ моихъ словахъ найдется что-нибудь оскорбительное, но я все-таки позволяю себѣ спросить: развѣ не странно, что умопомѣшательство могло такъ измѣнить всю его манеру держаться и говорить? Правда, что онъ и теперь въ своихъ рѣчахъ и обращеніи настоящій принцъ, но, все-таки, въ нихъ обнаруживается тамъ и сямъ маленькое различіе, сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ держалъ себя прежде. Не странно развѣ, что умопомѣшательство истребило изъ его памяти даже самыя лица его отца, равно какъ придворныя формы и обычаи, соблюдавшіеся въ ежедневномъ обиходѣ? Какъ могло случиться также, что онъ, продолжая еще владѣть латинскимъ языкомъ, совершенно позабылъ греческій и французскій? Пожалуйста не оскорбляйтесь, милордъ, но облегчите мнѣ сердце отъ тревожныхъ опасеній, которыя теперь его мучатъ. Я буду вамъ за это неизрѣченно благодаренъ. Меня неотвязно преслѣдуетъ мысль о томъ, какъ настоятельно онъ самъ утверждалъ, что не принцъ и что...

— Замолчи, милордъ! Это, вѣдь, государственная измѣна! Развѣ ты забылъ приказаніе короля? Вспомни, что, если я стану тебя слушать, то, уже вслѣдствіе этого самаго, сдѣлаюсь соучастникомъ преступленія.

Сентъ-Джонъ поблѣднѣлъ и послѣшно возразилъ:

— Сознаюсь, что былъ виноватъ. Надѣюсь, однако, что ваша свѣтлость соблаговолите меня пощадить, и что вы меня не выдадите? Я же обязуюсь не думать и не говорить болѣе объ этомъ щекотливомъ предметѣ. Надѣсь, вы меня извините. Въ противномъ случаѣ я погибъ!

— Успокойся, милордъ. Если ты не будешь никогда болѣе высказывать здѣсь, или же при другихъ, столь оскорбительныя подозрѣнія, то я признаю себя совершенно удовлетвореннымъ и сочту, что ты какъ будто ничего не говорилъ. Впрочемъ, и подозрѣнія твои сами по себѣ совершенно неосновательны. Онъ несомнѣнно сынъ моей сестры. Вѣдь его голосъ, лицо и все тѣло-сложеніе какъ нельзя лучше знакомы мнѣ съ самой колыбели.

Умопомѣнательство можетъ вызывать не только замѣченные тобою, но иногда еще гораздо худшія странности. Развѣ ты запамятовалъ, какъ нашъ общій знакомый, баронъ Марлей, сойдя съ ума, забылъ свое собственное лицо, которое зналъ въ теченіе цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ и принялся утверждать, будто ему навязали чужую физиономію. Онъ называлъ себя также сыномъ Маріи Магдалины и говорилъ, будто его голова сдѣлана изъ самаго хрупкаго испанскаго хрусталя. Онъ не позволялъ даже никому до нея прикоснуться, опасаясь, чтобы, по неосторожности, ее какъ-нибудь не разбили вдребезги. Нѣтъ, мой добрѣйшій лордъ, не тревожь себя безцѣльными опасеніями и подозрѣніями! Это и въ самомъ дѣлѣ наслѣдный принцъ, а вскорѣ онъ будетъ королемъ. Вспомни, что я, какъ родной дядя принца, не могу ошибиться въ его личности. Совѣтую тебѣ хорошенько обдумать мои слова и держать ихъ въ памяти!

Поговоривъ еще съ Сентъ-Джономъ, при чемъ благородный лордъ пытался, по возможности, загладить свой промахъ многоразными увѣреніями въ томъ, что теперь совершенно уже убѣдился представленными ему доводами и не станетъ питать на будущее время ни малѣйшихъ сомнѣній, графъ Гертфордъ простился съ своимъ товарищемъ по наблюденію надъ принцемъ. Лордъ Гертфордъ, оставшись одинъ дежурить въ залѣ, погрузился въ глубокія размышленія. Очевидно, что, чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ въ большее смущеніе приходилъ. Графъ сперва было усѣлся въ кресло, а затѣмъ вскочилъ и принялся ходить взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ, бормоча сквозь зубы:

— Нѣтъ, это, навѣрное, принцъ! Развѣ осмѣлится кто-нибудь утверждать, чтобы могли найтись два мальчика, не состоящихъ въ кровномъ родствѣ другъ съ другомъ, но въ то же время похожихъ, какъ двѣ капли воды? Впрочемъ, даже и тогда было бы положительно чудомъ, если бы случай свелъ вмѣстѣ такихъ двойниковъ и поставилъ одного изъ нихъ на мѣсто другого. Самая мысль о возможности такого случая является просто-на-просто сумасбродствомъ.

Помолчавъ немного, онъ добавилъ:

— Если бы еще мы имѣли дѣло съ обманщикомъ, который называетъ себя принцемъ, тогда, разумѣется, можно было бы имѣть противъ него нѣкоторую тѣнь подозрѣнія. Самозванецъ самъ по себѣ всегдѣ нѣчто естественное и удобопонятное. Въ данномъ случаѣ, однако, не можетъ быть и рѣчи о самозванствѣ. Мальчикъ, котораго король, весь дворъ и всѣ приближенные называютъ принцемъ, упорно отрицаетъ августѣйшій свой санъ. Понятное дѣло, онъ не самозванецъ! Нѣтъ, клянусь душой св. Стефана, что это настоящій принцъ, который только снятилъ съ ума.

ГЛАВА VII.

Первый обѣдъ Тома во дворцѣ въ роли принца.

Немного болѣе часа пополудни. Томъ безропотно подчинился церемоніалу одѣванья къ обѣду. Онъ нашелъ новый свой костюмъ столь же изящнымъ, какъ и предшествовавшій, но только все было теперь иное, начиная съ воротничка и заканчивая чулками. Нарядивъ такимъ образомъ мальчика, его торжественно провели въ обширную богато убранную комнату, гдѣ былъ уже накрытъ столъ всего для одной персоны. Весь приборъ былъ изъ массивнаго золота, но главную цѣнность придавала ему художественная работа, такъ какъ онъ вышелъ изъ мастерской Бенвенуто Челлини. Столовая оказалась до половины заполненной знатными придворными, явившимися, чтобы прислуживать принцу за обѣдомъ. Какъ только священникъ прочелъ молитву, Томъ, который послѣ долгой голодовки чувствовалъ изрядный аппетитъ, хотѣлъ немедленно же приняться за стоявшія передъ нимъ вкусныя яства, но его нѣсколько задержалъ милордъ графъ Беркелей, который повязалъ ему вокругъ шеи салфетку. Должность повязывателя салфетокъ принцу Уэльскому была наслѣдственная въ семьѣ этого вельможи. Кравчій принца тоже оказался налицо и предупреждалъ всѣ попытки Тома налить себѣ самому вино. Испытатель яствъ при его высочествѣ принцъ Уэльскомъ стоялъ тутъ же, въ готовности по первому требованію отвѣдать любое блюдо, которое покажется подозрительнымъ и такимъ образомъ подвергнуть себя риску умереть отъ яда. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, должность эта являлась чистою синекурою. Испытателю яствъ никогда почти не приходилось выполнять обязанности своего званія, но, въ прежнія времена, оно было сопряжено съ серьезными опасностями и не представлялось особенно соблазнительнымъ. Повидимому, можно было бы возложить испытаніе подозрительныхъ яствъ на собаку или простого чернорабочаго, но англійскіе короли разыгрывали тогда роль земныхъ божковъ, и пути ихъ были неисповѣдимы. Старшій камеръ-юнкеръ, милордъ д'Арси, присутствовалъ въ столовой Богъ знаетъ зачѣмъ, вѣроятно, потому, что это требовалось традиціями придворнаго этикета. Лордъ старшій дворецкій тоже находился на своемъ посту за стуломъ Тома, откуда имѣлъ верховный надзоръ за всѣмъ церемоніаломъ, выполнявшимся подъ непосредственнымъ руководствомъ лорда великаго стольника и лорда великаго повара, стоявшихъ: одинъ по правую, а другой по лѣвую его сторону. Кромѣ нихъ, у Тома имѣлось еще триста восемьдесятъ четыре служителя благороднаго

званія. Разумѣется, изъ нихъ развѣ лишь четвертая часть находилась въ столовой. Къ тому же Томъ даже и не подозрѣвалъ, что у него столько слугъ.

Всѣмъ придворнымъ было вбито только-что передъ тѣмъ въ голову, что принцъ временно не въ своемъ умѣ и что ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ выказывать хотя бы тѣни удивленія по поводу его странностей. Эти странности не замедлили проявиться совершенно открыто, но вызывали у всѣхъ присутствовавшихъ лишь сожалѣніе и скорбь, а не веселье. Всѣмъ было тяжело и грустно видѣть, что принцъ, пользовавшійся общей любовью, сраженъ такимъ ужасающимъ недугомъ.

Бѣдняга Томъ ѣлъ по преимуществу пальцами, но никто не смѣлъ, глядя на это, улыбнуться, или хотя бы даже показать видъ, что замѣчаетъ августѣйшую его неблаговоспитанность. Тщательно и съ большимъ интересомъ осматривъ свою салфетку, которая была дѣйствительно очень изящна и красива, мальчикъ просто-душно замѣтилъ:

— Пожалуйста снимите ее съ меня прочь, а то я по неосторожности, чего добраго, ее еще запачкаю!

Наслѣдственный повязыватель салфетки почтительно снялъ таковую безъ всякаго возраженія или протеста.

Пристально поглядѣвъ на рѣпу и салатъ, Томъ освѣдомился, что это такое и съѣдобные ли это предметы? Дѣло въ томъ, что въ Англіи недавно лишь стали разводить эти овощи, которые выписывались передъ тѣмъ изъ Голландіи и считались предметами роскоши. На его вопросъ отвѣтили съ почтительнѣйшей серьезностью, не выражая ни малѣйшаго изумленія. Къ концу десерта онъ набилъ себѣ карманы орѣхами, но никто не подалъ вида, что это замѣтилъ, или же этимъ смутился. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе самъ мальчикъ, однако, пришелъ въ величайшее смущеніе и почувствовалъ себя до крайности неловко. Единственное, что ему дозволено было сдѣлать собственноручно за обѣдомъ, это насыпать орѣховъ въ карманъ, а между тѣмъ онъ явственно сознавалъ, что это было поступкомъ безтактнымъ и неумѣстнымъ для принца. Какъ разъ въ это мгновеніе мышцы его носа начали сокращаться и вздрагивать, при чемъ самый кончикъ означеннаго органа сталъ подозрительно вздвигаться вверхъ и колыхаться. Носъ не хотѣлъ уговориться, и это приводило Тома въ величайшее отчаяніе. Онъ бросалъ умоляющіе взоры попеременно на всѣхъ окружавшихъ его знатныхъ лордовъ, и слезы выступили у него на глаза. Придворные встревоженно устремились къ Тому и тоже съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ просили объяснить, что именно его обезпокоиваетъ. Мальчикъ отвѣтилъ съ совершенно искреннимъ волненіемъ:

— Извините пожалуйста, но только носъ у меня страшно чешется. Какъ именно слѣдуетъ поступить теперь по правиламъ этикета? Рѣшите пожалуйста сами, но только поторопитесь, такъ какъ я не въ силахъ долго выдержать.

Никто не улыбнулся, но всѣ пришли въ величайшее недоумѣніе и поглядывали другъ на друга, какъ бы ожидая услышать добрый совѣтъ. Всѣ оказались, однако, въ данномъ случаѣ перпетыми въ стѣнѣ за неимѣніемъ въ англійской исторіи прецедента, на основаніи котораго можно было бы теперь поступить. За отсутствіемъ церемоніймейстера никто не рѣшался взять на себя починъ разрѣшенія столь важной задачи, тѣмъ болѣе что не имѣлось въ данномъ случаѣ никакихъ историческихъ указаній. Придворный штатъ принца Уэльскаго оказывался, увы, неполнымъ. Въ немъ не былъ предусмотрѣнъ наследственный великій носочесальщикъ. Тѣмъ временемъ у Тома выступили уже слезы и начали струиться по щекамъ. Носъ его морщился и колыхался, требуя настоятельнаго, чѣмъ когда-либо безоглагательной помощи. Наконецъ, природа одержала верхъ и ниспровергла всѣ рамки придворнаго этикета. Томъ съ внутренней мольбой о помилованіи, если онъ поступаетъ на самомъ дѣлѣ душно, облегчилъ смущенныя сердца своихъ придворныхъ, собственноручно почесавъ себѣ носъ.

По окончаніи обѣда подошелъ къ Тому благородный лордъ съ большимъ, но неглубокимъ золотымъ блюдомъ, наполненнымъ душистой розовой водою, предназначенной для того, чтобы выполоскать ротъ и вымыть пальцы. Другой благородный лордъ, а именно наследственный повязыватель салфетки стоялъ тутъ же, держа ее наготовѣ. Томъ съ недоумѣніемъ глядѣлъ секунды двѣ на блюдо, затѣмъ взялъ его въ руки, поднесъ къ губамъ и величественно отпилъ глотокъ розовой воды. Возвращая блюдо почти совершенно ожидавшему лорду, мальчикъ сказалъ:

— Нѣтъ, это не по моему вкусу, милордъ! Запахъ довольно хорошъ, но никакой вѣрности въ напикѣ нѣтъ.

Эта эксцентричная выходка умопомѣшаннаго принца вызвала глубочайшую скорбь во всѣхъ сердцахъ, но никому даже и въ голову не пришло разсмѣяться.

Вслѣдъ затѣмъ Томъ сдѣлалъ другой безсознательный промахъ, вставъ и выйдя изъ-за стола въ то самое мгновеніе, когда капелланъ сталъ позади его стула, поднялъ лицо и руки къ потолку и, зажмуривъ глаза, собирался прочесть благодарственную молитву. Никто, однако, не подавъ вида, будто замѣчаетъ, что принцъ учинилъ опять необычайный поступокъ.

По собственному требованію маленькаго нашего пріятеля его отвели въ кабинетъ и оставили тамъ одного. Стѣны этого кабинета выложены были дубомъ, а на крючкахъ по нимъ висѣли

отдѣльныя части блестящей стальной брони, украшенной великолѣпными золотыми арабесками. Томъ тотчасъ же надѣлъ наколѣнники, перчатки, шлемъ съ перьями и другія части вооруженія, которыя можно было возложить на себя безъ посторонней помощи. Эта великолѣпная броня принадлежала настоящему принцу Уэльскому, которому недавно подарила ее королева, г-жа Парри. Все приходилось Тому какъ нельзя лучше впору, и онъ хотѣлъ было уже призвать кого-нибудь изъ камеръ-юнкеровъ, чтобы совершенно одѣться въ латы, но вспомнилъ про орѣхи, принесенные съ собою съ обѣденнаго стола. Мальчику тотчасъ представилось удовольствіе, съ которымъ онъ станетъ ѣсть ихъ теперь, когда никто на него не смотритъ и никакіе наслѣдственные придворные сановники не навязываютъ ему непрошенныхъ своихъ услугъ. Поэтому Томъ повѣсилъ всѣ хорошенькія вещицы опять на прежнія мѣста и немедленно же принялся грызть орѣхи, причемъ почувствовалъ себя почти счастливымъ, впервые послѣ того, какъ Богъ, въ наказаніе за грѣхи, сдѣлалъ его принцемъ. Когда всѣ орѣхи были съѣдены, Томъ нечаянно нашелъ въ одномъ шкапчикѣ нѣсколько интересныхъ для себя книгъ, въ числѣ которыхъ имѣлось также и описаніе англійскаго придворнаго этикета. Эта книга была для него поистинѣ желанной находкой. Улегшись на роскошный диванъ, онъ принялся съ самымъ искреннимъ усердіемъ учиться. Оставимъ же его временно за этимъ занятіемъ.

ГЛАВА VIII.

Вопросъ о государственной печати.

Часовъ въ пять пополудни Генрихъ VIII, пробудившись отъ сна, который не принесъ ему никакого успокоенія, пробормоталъ сквозь зубы:

— Какіе дурные, тревожные сны! Они служатъ предвѣстниками того, что мой конецъ близокъ. Это же подтверждаетъ и все большая слабость моего пульса.

Глаза монарха внезапно вспыхнули зловѣщими огоньками, и онъ добавилъ:

— А всетаки я передъ смертью отправлю его еще на тотъ свѣтъ!

Дежурившіе при королѣ придворные замѣтили, что онъ проснулся. Одинъ изъ нихъ освѣдомился, каковы будутъ приказанія его величества относительно лорда-канцлера, который ждетъ у дверей опочивальни.

— Впустить его сюда, впустить сейчасъ же! — съ горячностью воскликнулъ король.

Лордъ канцлеръ вошелъ и, преклонивъ колѣна предъ королевскимъ ложемъ, сказалъ:

— Я отдалъ необходимыя распоряженія, чтобъ выполнить повелѣнія вашего величества. Пэры королевства, въ парадныхъ своихъ облаченіяхъ, стоятъ теперь въ палатѣ общинъ передъ рѣшеткой и, утвердивъ приговоръ, постановленный надъ герцогомъ Норфолькомъ, смиренно ожидаютъ тамъ дальнѣйшаго благоусмотрѣнія вашего величества.

Лицо Генриха VIII вспыхнуло свирѣпой радостью, и онъ сказалъ:

— Поднимите меня! Я хочу лично предстать предъ моимъ парламентомъ и собственноручно скрѣпить приговоръ, освобождающій меня отъ...

Голосъ ему измѣнился. Румянецъ, которымъ вспыхнули было щеки, смѣнился какой-то землисто-сѣрой блѣдностью. Дежурные камергеры, уложивъ короля на подушки, поспѣшно подали ему подкрѣпляющія лекарства. Принявъ ихъ, онъ грустно проговорилъ:

— Какъ долго ждалъ я этого сладостнаго часа и, увы, онъ наступаетъ для меня слишкомъ поздно! Судьба похитила отъ меня счастье, которое я себѣ сузилъ. Спѣшите же, по крайней мѣрѣ, вы. Не теряйте времени. Пусть хоть другіе выполнятъ то, что не удалось свершить мнѣ. Передаю большую мою печать комиссіи. Назначь самъ лордовъ, которые должны войти въ ея составъ, и безотлагательно примись вмѣстѣ съ ними за дѣло. Смотри только поторопись. Прежде чѣмъ солнце успѣетъ встать и снова закатиться, принеси мнѣ его голову, чтобы я могъ еще на нее поглядѣть.

— Повелѣніе вашего величества будетъ исполнено. Не благоугодно ли вашему величеству приказать, чтобы печать была возвращена мнѣ, дабы я могъ немедленно же употребить ее въ дѣло.

— Печать? Да вѣдь она должна храниться у тебя!

— Ваше величество изволили взять ее отъ меня сами, два дня тому назадъ, объявивъ, что она не должна быть въ употребленіи до тѣхъ поръ, пока собственная ваша августѣйшая рука не приложитъ ее къ смертному приговору герцога Норфолькскаго.

— Да, я и въ самомъ дѣлѣ ее взялъ. Я теперь это припоминаю... Что же я съ нею сдѣлалъ?.. Право, не упомяну. За послѣдніе дни память мнѣ стала что-то ужъ очень измѣнять... Странно, очень странно!

Король принялся бормотать что-то такое, чего нельзя было хорошенько разслышать, покачивая отъ времени до времени потихоньку сѣдой своей головой и, очевидно, стараясь припомнить, что именно онъ сдѣлалъ съ печатью. Подъ конецъ графъ Гертфордъ

взялъ на себя смѣлость преклонить передъ нимъ колѣни и объявить:

— Ваше величество, я и многіе другіе изъ присутствующихъ здѣсь лордовъ, съ позволенія вашего, явственно припоминаемъ, что вы передали большую государственную печать въ руки его высочества принца Уэльскаго, дабы хранить ее до тѣхъ поръ, пока...

— Вѣрно, совершенно вѣрно! Принеси же ее. Слѣши, время уходитъ!

Лордъ Гертфордъ бѣгомъ устремился въ аппартаменты Тома, но, вскорѣ вернувшись къ королю, смущенный и съ пустыми руками, объяснилъ:

— Мнѣ очень прискорбно, милордъ-король, сообщать столь грустные и тяжелыя вѣсти, но Богу угодно, чтобы болѣзнь принца все еще длилась. Онъ не можетъ припомнить себѣ фактъ полученія отъ васъ государственной печати. Я послѣдшилъ доложить объ этомъ, такъ какъ нахожу, что было бы совершенно безцѣльной и ни къ чему не ведущей тратой времени производить теперь обыскъ въ длинномъ ряду комнатъ и залъ, принадлежащихъ къ аппартаментамъ его королевскаго высочества...

Стоянь, вырвавшійся изъ груди короля, заставилъ графа Гертфорда замолчать. Минуту спустя Генрихъ VIII проговорилъ съ глубокою грустью:

— Не беспокойте этого бѣднаго ребенка. Рука Господня отяготѣла надъ нимъ. Сердце мое переполнено любящимъ къ нему состраданіемъ и печалью о томъ, что я не могу поднять его бремя на свои собственныя ромена, удрученный годами и заботами. Съ какою радостью вернулъ бы я ему миръ и спокойствіе!

Король закрылъ глаза, принялся опять что-то бормотать и, наконецъ, замолчалъ. По прошествіи нѣкотораго времени онъ снова раскрылъ глаза и съ недоумѣніемъ осматривался кругомъ до тѣхъ поръ, пока взоръ его не остановился на лордѣ-канцлерѣ, все еще продолжавшемъ стоять на колѣняхъ. Лицо Генриха VIII тотчасъ же вспыхнуло гнѣвомъ:

— Какъ, ты все еще здѣсь? Клянусь Всемогущимъ Богомъ, что, если ты не займешься сейчасъ же дѣломъ объ этомъ измѣнникѣ, твоя шанка останется завтра безъ употребленія, за отсутствіемъ головы, на которую ее можно было бы надѣвать.

Государственный канцлеръ, трепеща отъ страха, отвѣтилъ:

— Всемиловѣйшій государь, прошу пощады и помилованія у вашего величества! Я до сихъ поръ ждалъ печати.

— Въ своемъ ли ты умѣ, милордъ? Малая государственная печать, которую я обыкновенно бралъ съ собою во время поѣздокъ, лежитъ теперь въ казначействѣ. Если большая печать

пропала безъ вѣсти, понятно, что слѣдуетъ употребить въ дѣло малую. Удивительно, какъ ты не могъ этого сообразить! Уходи же теперь скорѣе, да смотри, не смѣй ко мнѣ возвращаться безъ его головы!

Злополучный государственный канцлеръ, разумѣется, поспѣшилъ удалиться изъ такого опаснаго сосѣдства. Назначенная имъ комиссія, не теряя времени, скрѣпила королевскимъ утвержденіемъ приговоръ, постановленный рабочими парламентомъ, и назначила слѣдующій же день для совершенія казни отрубленіемъ головы надъ старшимъ изъ англійскихъ перовъ, злополучнымъ герцогомъ Норфолькомъ.

ГЛАВА IX.

Празднество на рѣкѣ.

Въ девять часовъ вечера весь обширный фасадъ дворца, выходившій на рѣку, сверкалъ огнями. Сама рѣка, сколько можно было охватить ее глазомъ по направленію къ городу, была покрыта яликами и большими парадными лодками, разукрашенными разноцвѣтными фонарями. Тихонько колыхаясь отъ волненія, фонари эти казались громаднымъ сверкающимъ цвѣтникомъ, по которому пробѣгаль легкій лѣтній вѣтерокъ. Интересное зрѣлище представляла также и громадная каменная терраса, спускавшаяся ступеньками къ рѣкѣ и достаточно обширная для того, чтобы на ней могла выстроиться цѣлая армія какого-нибудь германскаго княжества. Теперь на этой террасѣ стояла стройными рядами вооруженная бердышами дворцовая стража въ блестящихъ стальныхъ латахъ. Цѣлыя толпы придворныхъ слугъ, въ великолѣпныхъ костюмахъ, сновали взадъ и впередъ по ступенькамъ лѣстницы, слѣдша закончить, безъ сомнѣнія, очень важныя приготовленія.

Но вотъ раздалось громкое приказаніе, и въ одно мгновеніе ока на ступенькахъ рѣшительно никого не осталось. Въ воздухѣ словно нависло томительное ожиданіе. Поскольку можно было окинуть рѣку взглядомъ, взоръ вездѣ останавливался на десяткахъ тысячъ людей, которые вставали со своихъ сидѣній въ лодкахъ и пристально смотрѣли по направленію къ дворцу, защищая глаза руками отъ свѣта факеловъ и фонарей.

Къ лѣстницѣ, спускавшейся на рѣку, подплыла вереница пзъ сорока или пятидесяти парадныхъ барокъ. Всѣ онѣ были богато вызолочены, а высокіе ихъ носы и кормы—украшены великолѣпной рѣзбой. Многія барки щеголяли знаменами и флагами изъ драгоцѣнныхъ тканей, штофа и парчи съ вышитыми на нихъ

гербами. Изъ нѣкоторыхъ изъ флаговъ было прикрѣплено множество маленькихъ серебряныхъ колокольчиковъ, весело звенѣвшихъ въ вѣяніи вѣтерка. Другіе флаги и штандарты обнаруживали еще большія притязанія, такъ какъ развѣвались на баржахъ, принадлежавшихъ вельможамъ, непосредственно состоявшимъ на службѣ у принца Уэльскаго. Борты этихъ баржъ были живописно изукрашены шитами съ разными герольдическими эмблемами. Каждую парадную баржу велъ на буксирѣ большой баркасъ, на которомъ, кромѣ гребцовъ, находился хоръ музыкантовъ и нѣсколько воиновъ въ блестящихъ стальныхъ плечахъ и латахъ.

Первые ряды процессіи, появленія которой ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, показали, наконецъ, изъ главныхъ дворцовыхъ воротъ. Это былъ взводъ дворцовой стражи, вооруженной бердышами. Гвардейцы, служившіе въ этой стражѣ, носили коричневые брюки съ черными полосками, бархатныя шапочки, украшенныя съ обѣихъ сторонъ серебряными розетками, и кафтаны изъ темно-краснаго сукна съ синими отворотами, на которыхъ спереди и сзади вышиты были золотомъ три пера, включенныя въ гербъ принца. Дривки аллебардъ, обтянутыя алымъ бархатомъ, прикрѣпленнымъ вызолоченными гвоздиками, украшались золотыми кистями. Развернувшись направо и налево, гвардейцы выстроились въ два длинныхъ кордона, тянувшихся отъ дворцовыхъ воротъ до нижнихъ ступенекъ спуска на рѣку. Въ промежуткѣ между двумя рядами гвардейцевъ, лакеи, въ красныхъ съ золотомъ ливреяхъ послѣдняго принца, раскинули и уложили пышный полосатый коверъ. Вслѣдъ затѣмъ изъ-за дворцовой ограды послышался сигналъ, поданный трубачами. Музыканты съ баркасовъ тотчасъ же подхватили этотъ сигналъ и начали исполнять оживленную, веселую прелюдію. Тѣмъ временемъ, двое церемоніймейстеровъ съ бѣлыми жезлами вышли медленнымъ, величественнымъ шагомъ изъ дворцовыхъ воротъ. За ними слѣдовали оруженосцы лондонскаго лорда мэра: одинъ съ булавою, а другой съ мечомъ, нѣсколько сержантовъ городской гвардіи въ полной парадной формѣ, съ шевронами на рукавахъ, герольдъ ордена Подвязки въ парадномъ своемъ облаченіи, нѣсколько командировъ ордена Бани, съ бѣлыми кружевами на рукавахъ, кавалеры этого же ордена, судьи въ красныхъ своихъ плащахъ и шапкахъ, лордъ верховный англійскій канцлеръ, въ красномъ плащѣ, открытомъ спереди и подбитомъ горностаемъ, депутація эльдерменовъ, тоже въ красныхъ плащахъ, и старосты разныхъ лондонскихъ гильдій и цеховъ въ парадныхъ одѣяніяхъ. За ними шли двѣнадцать французскихъ дворянъ въ великолѣпныхъ костюмахъ, а именно: курткахъ изъ бѣлаго штофа съ золотыми полосами, епанчахъ изъ алаго бархата, подбитыхъ фіолетовой тафтой, и бархатныхъ же

короткихъ брюкахъ тѣльнаго цвѣта. Дворяне эти принадлежали къ свитѣ французскаго посла. Потомъ начали спускаться съ лѣстницы двѣнадцатъ кавалеровъ испанскаго посла въ костюмахъ изъ чернаго бархата безъ всякихъ украшеній. Позади нихъ шли нѣсколько знатныхъ англійскихъ вельможъ съ дворянами своей свиты.

Трубачи въ оградѣ дворца начали играть почетную встрѣчу. Дядя принца Уэльскаго, получившій въ послѣдствіи титулъ герцога Сомерсета, вышелъ изъ воротъ въ черномъ камзолѣ, шитомъ золотомъ, сверхъ котораго накинута былъ плащъ изъ алаго атласа съ золотыми цвѣтами и серебряными полосками, образовавшими въ совокупности какъ бы сѣтку. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ обернулся лицомъ къ дворцу, снялъ свою шляпу со страусовыми перьями, отвѣсилъ низкій поклонъ и принялся идти задомъ напередъ, кланаясь на каждомъ шагѣ. Снова зазвучали трубы и раздалась громкая команда: «Дорогу высокому и могущественному лорду Эдуарду, принцу Уэльскому!» Длинная линія красныхъ огненныхъ языковъ съ грохотомъ вырвалась изъ бойницъ, прорѣзанныхъ въ верхней части дворцовыхъ стѣнъ. Съ лодокъ, запрудившихъ собою всю рѣку, отвѣтила имъ цѣлая буря привѣтственныхъ возгласовъ, и Томъ Канти, герой и первопричина всего торжества, выйдя на террасу, слегка наклонилъ августѣйшую свою голову.

Онъ былъ въ великолѣпномъ камзолѣ изъ бѣлаго атласа съ нашитымъ на груди дублетомъ изъ пунцоваго бархата, осыпаннаго брилліантами и отороченнаго горностаемъ. Сверхъ камзола накидывался плащъ изъ бѣлаго съ золотомъ штофа на голубой атласной подкладкѣ. На плащѣ были вышиты золотомъ же три эмблематическихъ пера. Онъ былъ осыпанъ жемчугами, драгоценными каменьями и застегивался брилліантовой пряжкой. На шеѣ у Тома красовались: орденъ Подвязки и нѣсколько царственныхъ иностранныхъ орденовъ. Драгоценные каменья, которыми онъ былъ осыпанъ, ярко сверкали въ отвѣтъ на каждый лучъ падашаго на нихъ свѣта. Томъ Канти, родившійся въ конурѣ, и выросшій въ грязи водосточныхъ канавъ на лондонскихъ улицахъ, одѣвавшійся незадолго еще передъ тѣмъ лишь въ лохмотья нищеты, представлялъ собою теперь поистинѣ великолѣпное зрѣлище.

ГЛАВА X.

Принцъ въ бѣдственномъ положеніи.

Мы разстались съ Джономъ Канти какъ разъ въ ту минуту, когда онъ, сопровождаемый по пятамъ шумной и обрадованной тол-

пою черни, тащилъ на Мусорный дворъ законнаго принца Уэльскаго. Всего лишь одинъ человѣкъ попытался сказать слово въ защиту бѣднаго мальчика, но слово это осталось какъ бы гласомъ вопіющаго въ пустынь. Среди шумной суматохи никто, вѣроятно, его и не услышалъ. Принцъ, видѣ себя отъ негодованія на грубое и дерзкое обращеніе, которое ему приходилось выносить, настойчиво пытался вырваться на свободу. Джонъ Канти, не обладавшій особенно большимъ запасомъ терпѣнія, совершенно утратилъ, наконецъ, таковое и, охваченный внезапнымъ порывомъ бѣшенства, размахнулся тяжелой своей дубиной. Онъ, безъ сомнѣнія, разможилъ бы принцу голову, если бы тотъ самый человѣкъ, который вступался передъ тѣмъ за мальчика, не бросился впередъ, дабы удержать руку негодяя. Человѣкъ этотъ перехватилъ ударъ дубинки своею собственной рукою, но Канти, взбѣшенный до нелѣзя этимъ вмѣшательствомъ, заревѣлъ:

— Чего ты суешь свой носъ, куда не спрашиваютъ! Вотъ тебѣ за это!

Дубина его со свистомъ опустилась на голову человѣка, осмѣлившагося вмѣшаться въ расправу его съ мальчикомъ. Послышался глухой стонъ, и человѣкъ, чертъ котораго нельзя было уже различить во мракѣ, упалъ на земь подъ ноги толпы, ломившейся во дворъ. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе онъ остался лежать одинъ въ темнотѣ. Чернь, веселое настроеніе которой нисколько не было нарушено этимъ эпизодомъ, привѣтствовала громкимъ хохотомъ паденіе бѣдняги и, безъ сомнѣнія, нашла, что Канти далъ ему заслуженный урокъ. Тѣмъ временемъ принцъ оказался въ квартирѣ Джона Канти, дверь которой немедленно заперли, чтобы воспретить туда входъ постороннимъ. При слабомъ свѣтѣ сальнаго огарка, воткнутаго въ бутылку, мальчикъ могъ всетаки различить наиболѣе выдающіяся очертанія мерзостнаго вертепа, въ которомъ очутился. Онъ разглядѣлъ также обитателей этого вертепа. Двѣ дѣвочки-подростки, отъ которыхъ несло какимъ-то тяжелымъ, непріятнымъ запахомъ, и женщина среднихъ лѣтъ сидѣли, прижавшись къ стѣнѣ въ уголку, съ видомъ животныхъ, привыкшихъ къ побоямъ и съ робкой покорностью ожидавшихъ потасовки. Изъ другого угла тихонько подходила къ принцу изсохшая старуха съ злыми глазами и растрепанными сѣдыми волосами.

— Не хочешь ли послушать представленіе, ни дать, ни взять, какъ въ театрѣ? Смотри только сперва не мѣшай, а когда позабавишься вдоволь, можешь дать рукамъ волю и обработать комедіанта, какъ твоей душенькѣ будетъ угодно. Эй, ты, мальчуганъ, Расскажи опять свою чепуху, если ты не предпочелъ теперь ее позабыть! Повѣдай намъ твое имя и объясни, кто ты такой?

Кровь снова бросилась въ лицо оскорбленному принцу. Устремивъ пристальный негодующій взоръ на Канти, онъ возразилъ:

— Только такіе неблаговоспитанные люди, какъ ты, могутъ обращаться ко мнѣ съ подобнымъ требованіемъ! Повторяю тебѣ опять, какъ говорилъ уже и передъ тѣмъ, что я никто иной, какъ Эдуардъ, принцъ Уэльскій.

Отвѣтъ этотъ до того поразилъ старуху, что она словно окаменѣла и остановилась, разинувъ ротъ, какъ будто прикованная къ полу. Безмысленное удивленіе, съ которымъ она тарашила на принца глаза, показалось до такой степени забавнымъ негодлю ея сыну, что онъ разразился громкимъ хохотомъ. На мать и сестеръ Тома Канти отвѣтъ мальчика подѣйствовалъ совершенно иначе. Боязнь побоевъ для себя лично исчезла у нихъ мгновенно, смѣнившись опасеніемъ чего-то, несравненно болѣе худшаго. Съ выраженіемъ глубочайшей скорби и отчаянія на лицахъ, онъ бросился къ принцу, восклицая:

— Ахъ, бѣдный, несчастный Томъ! Что съ тобою случилось?

Мать Тома упала передъ принцемъ на колѣни, положила руки ему на плечи и, глядя сквозь слезы прямо ему въ лицо, вскричала въ страстномъ порывѣ горести:

— Несчастный мой мальчикъ! Дурацкое чтеніе довело тебя, наконецъ, до бѣды и свело тебя съ ума! Сколько разъ я тебя предостерегала отъ этихъ проклятыхъ книгъ. Ты всетаки меня не слушался, и вотъ теперь сердце мое разрывается отъ печали!

Принцъ въ свою очередь взглянулъ ей тоже прямо въ лицо и ласково отвѣтилъ:

— Твой сынъ, почтенная женщина, совершенно здоровъ и находится въ полномъ разумѣ. Поэтому утѣшься и отведи меня во дворецъ. Ты его найдешь тамъ, и король, мой отецъ, не замедлитъ вернуть его тебѣ.

— Король, твой отецъ? Ахъ, дитя мое! Никогда не повторяй этихъ словъ, такъ какъ они угрожаютъ тебѣ самому смертью, а всѣмъ твоимъ близкимъ гибелью. Оттони отъ себя прочь эту безумную, несчастную мечту. Постарайся вернуть себѣ воспоминаніе о прежней жизни. Неужели память совсѣмъ тебѣ измѣнила? Взгляни на меня. Развѣ ты не узнаешь родную мать, которая любила и любить тебя такъ нѣжно?

Покачавъ головою, принцъ съ видимой неохотой возразилъ:

— Богу извѣстно, до какой степени мнѣ жаль опечалить твое сердце, но всетаки я долженъ сказать по всей правдѣ, что впервые лишь вижу тебя въ лицо.

Женщина безспально опустилась на полъ, закрыла лицо руками и, сядя на полу, разрыдалась до того, что самъ принцъ, глядя на нее, чуть не заплакалъ.

— Пусть представлѣніе идетъ своимъ чередомъ! — кликнулъ Джонъ Канти. — Эй, вы, Аннушка и Лиза, что вы тамъ зазѣвались?.. Какія, подумаешь, неблаговоспитанныя дѣвки! Какъ вы смѣете стоять въ присутствіи принца? На колѣни передъ нимъ, нищенское вы отродье! Кланяйтесь же ему и припадайте къ его стопамъ!

Онъ снова залился грубымъ смѣхомъ, напоминавшимъ лошадиное ржаніе. Дѣвочки начали робко ходатайствовать за своего брата, при чемъ Аня сказала:

— Если бы ты, папаша, велѣлъ ему лечь въ постель, то сонъ и отдыхъ могли бы, пожалуй, вылечить его отъ сумасшествія. Будь такъ добръ, позволь ему уснуть...

— Да, папаша, позволь ему лечь, — поддержала ее Лиза. — Томъ, должно быть, усталъ сегодня болѣе обыкновеннаго. Завтра онъ, навѣрное, придетъ въ себя и будетъ усердно просить милостыни, такъ что вернется домой уже не съ пустыми руками.

Замѣчаніе это словно протрезвило отца семейства. Въмѣсто того, чтобы потѣшаться надъ принцемъ, Джонъ Канти повернулся къ нему и сказалъ сердитымъ дѣловымъ тономъ:

— Завтра мы должны уплатить два пенса хозяину этой конуры. Понимаете вы всѣ, что это значить? Надо раздобыть цѣлыхъ два пенса, причитающіеся съ насъ за полугодичный срокъ. — Если деньги не будутъ внесены, намъ предложатъ убираться отсюда на всѣ четыре стороны. Покажи-ка, что ты собралъ, окаянный лѣнтяй!

— Не оскорбляй же меня и не говори со мной такимъ непристойнымъ образомъ. Повторяю тебѣ еще разъ, что я королевскій сынъ и наслѣдникъ англійскаго престола!

Звонокій ударъ широкой ладонью Канти заставилъ принца зашататься и упасть въ объятія матери Тома. Прижавъ мальчика къ груди, она защищала его собственнымъ тѣломъ отъ града предназначавшихся ему толчковъ и ударовъ. Испуганныя дѣвочки забились въ уголъ, но бабушка Тома съ величайшей готовностью бросилась помогать сыну. Принцъ, мужественно вырвавшись изъ объятій г-жи Канти, воскликнулъ:

— Тебѣ, сударыня, не слѣдуетъ страдать изъ-за меня. Пусть эти свиньи дѣлаютъ со мною, что имъ вздумается!

Слова эти привели «свиней» въ такое бѣшенство, что онѣ, теряя времени, принялись за дѣло. Обработавъ вдвоемъ мальчика самымъ исправнымъ образомъ, онѣ отколотили порядкомъ также дѣвочекъ и мать Тома за сочувствіе къ несчастной жертвѣ, выказанное этими бѣдняжками.

— Теперь довольно! Ложитесь всѣ спать. Представленіе мнѣ уже надѣло! — объявилъ Канти.

Свѣчу потушили, и вся семья расположилась на ночлегъ. Какъ

только ея глава и старуха захрапѣли, наглядно доказывая, такимъ образомъ, что спать, обѣ дѣвочки тихонько подползли къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ принцъ, и нѣжно укрыли его отъ холода соломой и разнымъ тряпьемъ. Ихъ мать тоже прокралась къ нему. Ласково разглаживая волосы мальчика, она плакала надъ нимъ, при чемъ все время шептала ему на ухо слова утѣшенія и состраданія. Она сберегла для него кусочекъ хлѣбца и мяса, но душевные и тѣлесныя муки отняли у принца весь аппетитъ, по крайней мѣрѣ, къ черному хлѣбу и невкусно приготовленной говядинѣ послѣдняго сорта. Растроганный самоотверженіемъ, съ которымъ защищала его мать Тома, и состраданіемъ, которое она ему высказывала, принцъ поблагодарилъ эту женщину въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, свойственныхъ августѣйшему его происхожденію, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ ее лечь спать, чтобы хоть во снѣ позабыть свое горе. Онъ присовокупилъ, что король, его отецъ, не оставитъ безъ награды вѣрнопопданническую ея доброту и преданность. Это новое доказательство сумасшествія сына до такой степени огорчило мать Тома, что она, прижавъ еще нѣсколько разъ мальчика къ своей груди, наконецъ, ушла отъ него, заливаясь слезами, и легла въ постель.

Разумѣется, ей было не до сна. Тоскуя и размышляя, она мало-по-малу почувствовала, какъ у нея зарождается смутная мысль, будто въ этомъ мальчикѣ есть что-то такое, чего она никогда не замѣчала у Тома Канти и чѣмъ онъ не могъ обладать ни въ здоровомъ умѣ, ни въ состояніи помѣшательства. Она не могла описать, въ чемъ именно это заключалось и была не въ состояніи выяснить даже самой себѣ сущность этого различія, но, тѣмъ не менѣе, материнскій ея инстинктъ какъ будто усматривалъ и замѣчалъ таковое. А что, если этотъ мальчикъ и въ самомъ дѣлѣ не ея сынъ? Ахъ, какая нелѣпость! Мать Тома, несмотря на свое горе и пережитыя ею непріятности, чуть было не разсмѣялась сама надъ собою, когда у нея явилась такая мысль. При всемъ томъ эта мысль оказалась удивительно настойчивой и продолжала неотступно ее преслѣдовать. Она никакъ не могла отогнать неотвязную мысль, которая ее мучила и томила. Убѣдившись, наконецъ, въ невозможности для себя успокоиться, мать Тома рѣшилась пріискать такое испытаніе, которое надежно и несомнѣнно выяснило бы, дѣйствительно ли этотъ мальчикъ ея сынъ, или нѣтъ. Она понимала, что только такимъ путемъ и можетъ разсѣять назойливо мучившее ее сомнѣніе. Подобное испытаніе дѣйствительно было бы желаннымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія, а потому мать Тома напрягала все силы своего ума, чтобы его придумать. Поставить себѣ такую задачу оказалось, однако, не въ примѣръ легче, чѣмъ ее разрѣшить. Бѣдной женщинѣ при-

ходило въ голову множество разнообразѣйшихъ испытаній, но по здоровомъ размысленіи, она признала за лучшее отъ нихъ отказаться. Всѣ они представлялись ей недостаточно благонадежными и убѣдительными. Она не могла поэтому ни однимъ изъ нихъ удовлетвориться. Ей казалось уже, что она тщетно ломаетъ себѣ голову и должна будетъ отказаться отъ всякой надежды разъяснить свое сомнѣніе. Въ то время, когда эта безотрадная мысль терзала мать Тома, ухо ея уловило правильное дыханіе мальчика, свидѣтельствовавшее, что онъ крѣпко заснулъ. Пока она прислушивалась, это мѣрное дыханіе было прервано неожиданнымъ легкимъ крикомъ, дозволявшимъ заключить, что сонъ бѣдняжки былъ тревожный. Это случайное обстоятельство дозволило матери Тома мгновенно составить себѣ планъ, который по своей практичности и удобоисполнительности могъ съ лихвою замѣнить всю совокупность придуманныхъ ею испытаній. Въ лихорадочномъ волненіи, но безъ всякаго шума, она принялась зажигать свѣчу, разсуждая шепотомъ сама съ собою:

— Если бы я только видѣла его въ это мгновеніе, то сейчасъ же узнала бы все. Съ того самаго дня, когда, въ раннемъ дѣтствѣ, пороховая вспышка чуть не опалила Тому лицо, онъ закрываетъ глаза рукою каждый разъ, какъ только что-нибудь заставляетъ его внезапно пробудиться отъ сна, или глубокой думы. При этомъ онъ всегда держитъ руку ладонью наружу, а не во внутрь, какъ дѣлаютъ это другіе. Я видѣла у него многія сотни разъ этотъ жестъ, и всегда онъ повторялъ его безъ малѣйшаго измѣненія. Да, теперь я безотлагательно узнаю, дѣйствительно ли это мой сынъ, или нѣтъ.

Она ползкомъ пробралась къ мальчику, тщательно заслоняя отъ него рукою пламя зажженной свѣчи. Едва дыша отъ волненія, которое съ трудомъ лишь удавалось подавить, она осторожно нагнулась надъ спавшимъ и, внезапно отнявъ отъ свѣчи руку, заставила свѣтъ упасть ему на лицо. Въ то же мгновеніе она стукнула возлѣ самаго его уха кулакомъ по полу. Глаза спавшаго тотчасъ широко раскрылись. Онъ изумленно осмотрѣлся кругомъ, но не сдѣлавъ руками никакого необычайнаго движенія.

Бѣдная женщина была почти внѣ себя отъ изумленія и горя, но ей удалось скрыть эти чувства и, приласкавъ мальчика, добиться того, чтобъ онъ опять уснулъ. Вернувшись на свою соломенную подстилку, она съ отчаяніемъ обсуждала отрицательный результатъ произведеннаго ею испытанія и пыталась себя увѣрить, что помѣшательство Тома заставило его позабыть обычный жестъ. Ей это, однако, не удавалось. «Нѣтъ, -- говорила она, -- помѣшательство не распространилось же у него на руки. Онъ не могутъ въ

такое короткое время отучиться от давнишней привычки. Ахъ, какой это для меня тяжелый, томительный день!»

Надежда оказывалась, однако, теперь столь же упорной, какъ прежде сомнѣніе. Мать Тома чувствовала себя не въ силахъ примириться съ приговоромъ опыта, придуманнаго ею самою, и рѣшила, что отрицательный результатъ получился только случайно и что поэтому надо повторить испытаніе. Поэтому она еще два раза неожиданно будила мальчика, но результаты получились тѣ же, какъ и при первомъ испытаніи. Наконецъ, она потихоньку вернулась на свою постель и, погрузившись въ грустные думы, уснула. Засыная, она твердила шепотомъ:

«Я всетаки не могу отъ него отказаться. Нѣтъ, не могу... Это непремѣнно мой мальчикъ!»

Послѣ того, какъ несчастная мать прекратила свои опыты надъ принцемъ, онъ уснулъ тѣмъ крѣпче, что боль отъ побоевъ постепенно ослабѣвала. Усталость взяла свое, и сонъ принца сталъ глубокимъ и совершенно спокойнымъ. Часъ проходилъ за часомъ, а принцъ продолжалъ спать, какъ мертвый. Лишь спустя четыре или пять часовъ усыпленіе начало какъ будто проходить, и принцъ въ полусонномъ еще состояніи пробормоталъ:

— Сэръ Уильямъ!

Мгновеніе спустя онъ добавилъ:

— Знаешь что, сэръ Уильямъ Гербертъ? Подойди-ка сюда и послушай, какой странный сонъ я тебѣ расскажу... Слышишь ты, сэръ Уильямъ? Представь себѣ, мнѣ снилось, будто я сѣдлался мальчишкой-пищенкой и... Что же никто сюда не идетъ? Эй, вы, гвардейцы! Кликните сюда сэра Уильяма! Какъ, здѣсь нѣтъ даже дежурнаго камеръ-юнкера? Ну, ужъ это такое упущеніе, что я положительно не могу себѣ его объяснить!..

— Что съ тобой?—спросилъ послышавшійся возлѣ него шепотъ.—Кого ты зовешь?

— Сэра Уильяма Герберта. А ты кто?

— Я-то? Разумѣется, твоя сестра Аня. Ахъ, Томъ, я совсѣмъ вѣдь позабыла... Ты, бѣдный мальчикъ, теперь сумасшедшій, совсѣмъ сумасшедшій! Лучше было бы мнѣ не просыпаться и умереть... тогда бы я, по крайней мѣрѣ, не знала больше о твоёмъ несчастіи. Пожалуйста только держи языкъ за зубами, а то и тебя самого и насъ всѣхъ избыютъ до смерти!

Изумленный принцъ приподнялся было въ постели, но острая боль, которую причинило его тѣлу это усиліе, заставила его придти въ себя. Опустившись опять на полусгнившую солому, онъ со стономъ воскликнулъ:

— Увы, это значитъ былъ не сонъ?

Въ одно мгновеніе ока вернулись къ нему горе и отчаяніе,

позабытыя было во снѣ. Ему совершенно явственно представилось, что онъ уже не принцъ, за которымъ съ такой любовью ухаживаютъ во дворцѣ и на котораго съ обожаніемъ устремлены глаза всего народа. Онъ оказывался теперь несчастнымъ проходимцемъ-нищенкой, одѣтымъ въ лохмотья и заключеннымъ въ логовище, пригодное скорѣе для звѣрей, чѣмъ для людей. Ему приходилось жить въ этомъ мерзостномъ вертепѣ съ какими-то нищими и ворами.

Занятый этими грустными мыслями, принцъ всетаки слышалъ хохотъ и насмѣшливые возгласы, раздававшіеся непосредственно за стѣной. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе послышался сильный стукъ въ двери. Джонъ Канти пересталъ храпѣть и спросилъ:

— Кто тамъ стучить? Что тебѣ надо?

Голосъ изъ-за двери отвѣтилъ:

— Знаешь ли, кого ты угостилъ вчера дубинкой?

— Не знаю, да и знать не хочу!

— Надѣюсь, что ты запоешь скоро въ другомъ тонѣ! Если хочешь спасти свою шею отъ петли, потрудишься безотлагательно павострить лыжи. Человѣкъ, котораго ты ударилъ, выпускаетъ какъ разъ теперь духъ. Это священникъ, патеръ Эндрю.

— Ахъ, ты, Господи, этого только недоставало! — воскликнулъ Канти.

Разбудивъ семью, онъ сурово отдалъ ей приказаніе:

— Сейчасъ же вставайте и улепетывайте! Если останетесь здѣсь, то пропадете ни за грошъ.

Минутъ пять спустя, вся семья Канти была уже на улицѣ и бѣжала со всевозможною поспѣшностью. Джонъ Канти держалъ принца за руку и тащилъ его сквозь мракъ за собою, отдавая вполголоса слѣдующую инструкцію:

— Ты хоть дуракъ и сумасшедшій, а всетаки смотри хорошо за своимъ языкомъ и не смѣй произносить нашего имени. Я долженъ буду безотлагательно выбрать себѣ другую фамилію, чтобы сбить съ толку проклятыхъ судей, которые непременно пошлютъ за мною въ погоню своихъ ищеекъ. Такъ помни же, что я велѣлъ тебѣ держать языкъ за зубами!

Обратившись затѣмъ къ остальнымъ членамъ семьи, онъ сурово присовокупилъ:

— Если насъ что-нибудь разлучитъ, то пусть каждый спѣшитъ къ Лондонскому мосту. Дойдя до послѣдней полотняной лавки на мосту, онъ долженъ обождать возлѣ нея всѣхъ остальныхъ. Потомъ уже мы отправимся всѣ вмѣстѣ дальше, въ Зюйд-веркъ.

Въ это мгновеніе вся семья Канти неожиданно попала изъ мрака въ свѣтъ и сразу очутилась въ густой толпѣ народа,

который, собравшись на набережной, забавлялся тамъ пѣніемъ, пляской и кричалъ во все горло: «Ура наслѣдному принцу!» Всюду, куда только достигалъ взоръ, вверхъ и внизъ по теченію Темзы, горѣли вдоль берега праздничные костры. Лондонскій и Зюдверкскій мосты были иллюминированы. Вся рѣка свѣтилась и сверкала отблесками разноцвѣтныхъ фонарей. Ракеты фейерверковъ поминутно взлетали вверхъ изящными огненными дугами, которыя, взаимно пересѣкая на небѣ другъ друга и ниспадая частымъ дождемъ блестящихъ ослѣпительныхъ искръ, почти превращали ночь въ день. Весь Лондонъ, казалось, ликовалъ. Всюду близъ берега видѣлись толпы веселящагося люда.

Джонъ Канти, облегчивъ свое сердце бѣшеннымъ проклятіемъ, тотчасъ скомандовалъ отступить, но приказаніе это было отдано слишкомъ поздно. Онъ самъ и его присные были мгновенно поглощены густымъ роемъ веселивагося люда и тотчасъ же потеряли другъ друга изъ виду. Это не относилось, впрочемъ, до принца, котораго Канти продолжалъ крѣпко держать за руку. Сердечко мальчика стало теперь усиленно биться надеждой на освобожденіе. Здоровенный, задорный лодочникъ, порядкомъ уже подвыпившій, обидѣвшись тѣмъ, что его толкнулъ Канти, который пытался пробраться сквозь толпу, положилъ увѣсистую свою руку на его плечо и сказалъ:

— Нѣтъ, стой, пріятель! Куда ты такъ спѣшишь? Для всѣхъ честныхъ людей и вѣрнопопданныхъ теперь праздникъ, а ты, какъ ни въ чемъ не бывало, промышляешь подлыми своими дѣлишками!

— Мои дѣла до тебя не касаются, — грубо возразилъ Канти, — убери прочь руку и дай мнѣ пройти!

— Ну, ужъ извини! Ты не пройдешь, пока не выпьешь за здоровье принца Уэльскаго. Вотъ тебѣ и весь сказъ! — объявилъ рѣшительнымъ тономъ лодочникъ, загораживая ему дорогу.

— Передай мнѣ тогда чарку, да только поторопись и не задерживай меня!

Товарищи лодочника, заинтересованные этимъ столкновеніемъ, вскричали:

— Подайте сюда большой почетный кубокъ. Пусть-ка этотъ угрюмый молодчикъ осушить его до дна, а то мы скормимъ его самого рыбамъ!

Принесли громадный почетный кубокъ. Лодочникъ, схвативъ его за одну изъ ручекъ и придерживаясь другой рукой за кончикъ воображаемой скатерти, подаль этотъ кубокъ съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формальностей Джону Канти, которому надлежало взяться одной рукой за противоположную ручку кубка, а другою приподнять крышку. Благодаря этому установ-

ленному съ незапамятныхъ временъ церемоніалу, рука принца оказалась на мгновенье свободной. Онъ не тратилъ времени по пустому и тотчасъ нырнулъ въ окружавшій его лѣсъ человѣческихъ ногъ. Въ слѣдующее затѣмъ мгновенье онъ затерялся въ колыхавшихся волнахъ живого моря, гдѣ было бы такъ же трудно его разыскать, какъ десятикопѣчную монету въ волнахъ Атлантическаго океана.

Мальчикъ не замедлилъ уяснить себѣ это и тотчасъ занялся собственными дѣлами, не помышляя уже болѣе о Джонѣ Канти. Онъ очень скоро уяснилъ себѣ также и нѣчто другое, а именно, что лондонское Сити угощаетъ вмѣсто него самозваннаго принца Уэльскаго. Отсюда настоящий принцъ безъ труда заключилъ, что нищенка-мальчикъ, Томъ Канти, умышленно воспользовался столь неожиданно представившимся ему случаемъ и сдѣлался самозванцемъ.

При такихъ обстоятельствахъ принцу не оставалось ничего иного, какъ проникнуть во что бы ни стало въ Гильдейскую залу, объявить тамъ свой санъ и уличить обманщика. Онъ рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Тому надо предоставить извѣстное время, для подготовленія къ смерти надлежащимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ, а затѣмъ поступить съ нимъ по закону. Принцъ зналъ, что въ тогдашнія времена Тома должны были присудить къ повѣшенію и четвертованію за государственную измѣну, при чемъ его трупъ предварительно надлежало протащить по всѣмъ главнымъ городскимъ улицамъ.

ГЛАВА XI.

Въ Гильдейской залѣ.

Королевская баржа, съ сопровождавшей ее великолѣпно разукрашенной флотиліей, торжественно плыла внизъ по теченію Темзы сквозь несмѣтное множество роскошно иллюминированныхъ яликовъ и лодокъ. Музыка играла все время, не переставая. На обоихъ берегахъ рѣки горѣли праздничные костры. Надъ отдаленнымъ городомъ стояло отъ зажженныхъ костровъ пѣжное розоватое зарево, надъ которыми вздымались въ многихъ мѣстахъ къ небу высокіе островерхіе шпицы церквей, усыянные яркими разноцвѣтными фонарями. Эти шпицы производили издали впечатлѣніе поднятыхъ вверхъ копій, осыпанныхъ драгоценными камнями. Съ береговъ привѣтствовали плывшую мимо флотилію возгласами, сливавшимися въ глухой ревъ, который чуть не покрывалъ непрерывный грохотъ артиллерійскихъ орудій, салютовавшихъ королевской баржѣ залпами.

Для Тома Канти, обложеннаго со всѣхъ сторонъ шелковыми подушками, эти звуки и это зрѣлище представлялись неизреченно изумительнымъ и великолѣпнымъ чудомъ. Дѣвочки, сидѣвшія съ нимъ рядомъ, принцесса Елизавета и лэди Анна Грей, не усматривали тутъ ничего, заслуживающаго вниманія.

Прибывъ къ Нижнимъ воротамъ, флотилія поднялась вверхъ по теченію прозрачной свѣтлой рѣчки Вальбрука, русло которой скрывается теперь уже болѣе двухсотъ лѣтъ подъ воздвигнутыми надъ нимъ многоэтажными каменными зданіями. Проплывъ по этой рѣчкѣ мимо домовъ и подъ роскошно иллюминированными мостами, на которыхъ толпились разодѣтый по праздничному народъ, флотилія прибыла въ Бэклерсбюри и подъ конецъ остановилась въ бассейнѣ, находившемся въ самой серединѣ стариннаго лондонскаго Сити, тамъ, гдѣ теперь Барочная площадь. Выйдя на берегъ, Томъ, со своей блестящей царственной свитой, прошелъ черезъ Чипзейдъ и, прослѣдовавъ по Старой Еврейской и Базингельской улицамъ, прибылъ въ Гильдейскій залъ.

Томъ и сопровождавшія его дѣвочки-подростки были встрѣчены съ должнымъ церемоніаломъ лордомъ - мэромъ и эльдермэнами въ золотыхъ цѣпяхъ и пунцовыхъ парадныхъ кафтанахъ. Затѣмъ высокихъ гостей повели къ великолѣпному балдахину, стоявшему въ почетномъ концѣ большой залы. Впереди нихъ шли герольды и оруженосцы, съ городской булавой и мечомъ, дабы расчищать дорогу. Лорды и лэди, долженствовавшіе прислуживать Тому и несовершеннолѣтнимъ его пріятельницамъ, заняли свои мѣста за предназначенными для нихъ креслами.

За другимъ столомъ, расположеннымъ тоже на эстрадѣ, но только нѣсколько ниже, усѣлись высшіе придворные чины и другіе вельможи вмѣстѣ съ городскими магнатами. Менѣе знатнымъ лицамъ предоставлены были столы, размѣщенные во множествѣ прямо на полу залы. Съ возвышеннаго своего наблюдательнаго поста древніе стражи лондонскаго Сити, великаны Гогъ и Магогъ, созерцали это зрѣлище очами, съ незапамятныхъ временъ уже привыкшими къ таковому. Послѣ сигнала, поданнаго рожкомъ, и громкаго заявленія дать дорогу, появился сквозь высокую дверь, прорѣзанную въ лѣвой стѣнѣ залы, толстякъ дворецкій, за которымъ шли служители, несшіе съ внушительной торжественностью горячій царственный ростбифъ, который оставалось только разрѣзать.

Послѣ молебствія Томъ (которому дана была уже надлежащая инструкція) всталъ, при чемъ всѣ присутствовавшіе поднялись тоже съ мѣстъ. Принявъ отъ лорда-кравчаго громадный золотой почетный кубокъ, онъ отпилъ изъ него вмѣстѣ съ принцессой Елизаветой. Затѣмъ кубокъ этотъ перешелъ къ лэди Аннѣ и обошелъ всѣхъ присутствующихъ. Такимъ образомъ начался банкетъ.

Въ полночь пиршество было въ самомъ разгарѣ. Для увеселенія гостей дано было одно изъ тѣхъ представленій въ лицахъ, которыми такъ восхищались въ старинныя времена. Очевидецъ этого представленія описалъ его слѣдующимъ образомъ:

«Какъ только расчищено было свободное мѣсто, тамъ появились баронъ и графъ, одѣтые по турецкой модѣ въ длинные парчевые халаты, вышитые золотыми блестками. На головахъ у нихъ были алые бархатныя ермолки съ большими золотыми кистями. Къ золотымъ же поясамъ халатовъ придѣлано было на золотыхъ перевязяхъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями, по два меча, именуемыхъ ятаганами. Вслѣдъ затѣмъ вышли на расчищенное мѣсто другой баронъ и другой графъ въ двухъ длинныхъ кафтанахъ изъ желтаго атласа съ бѣлыми атласными вставками, отороченными, по русской модѣ, алымъ атласомъ. На головахъ у нихъ были сѣрыя мѣховыя шапки, а на ногахъ сапоги съ остроконечными носками, торчавшими на цѣлый футъ вверхъ. Оба они держали въ рукахъ сѣкиры. Вслѣдъ затѣмъ выступили баронетъ и старшій лордъ-адмиралъ, въ сопровожденіи пяти дворянъ. Всѣ они были въ жилетахъ изъ алаго бархата, закрывавшихъ всю спину и спереди доходившихъ до бедеръ. Въмѣсто пуговицъ жилеты эти на груди стягивались золотыми цѣпочками. Поверхъ накинута были епанчи изъ алага атласа, а на головахъ надѣты шляпы съ фазаньими перьями, вродѣ какъ у балетныхъ танцоровъ (костюмы эти были тогда модными при прусскомъ дворѣ). Факелоносцы, которыхъ насчитывалось около сотни, были въ атласныхъ костюмахъ алаго и зеленаго цвѣтовъ. Они изображали араповъ, а потому лица и руки у нихъ пришлось выкрасить въ черную краску. За факелоносцами слѣдовали паяцы. Потомъ явились министрели въ маскахъ. Они пѣли и танцевали. Многіе лорды и лэди пустились тогда тоже въ плясъ и откалывали съ такимъ оживленіемъ разные дикіе танцы, что на нихъ пріятно было смотрѣть».

Въ то время, какъ Томъ съ возвышеннаго своего мѣста подъ балдахиномъ глядѣлъ на эти дикіе танцы, восхищаясь проходившимъ у него передъ глазами ослѣпительнымъ калейдоскопомъ нарядныхъ фигуръ въ пестрыхъ костюмахъ, которые развѣвались въ бѣшенномъ вихрѣ пляски, одѣтый въ лохмотья мальчикъ, называвшій себя настоящимъ принцемъ Уэльскимъ, стоялъ у воротъ Гильдейской залы. Онъ громко требовалъ, чтобы его впустили, утверждалъ, что онъ дѣйствительно принцъ, и обѣщалъ уличить самозванца. Все это очень забавляло толпу, собравшуюся на улицѣ. Каждый старался пробиться впередъ и вытягивалъ шею, чтобы взглянуть на помѣшаннаго мальчика, поднимавшаго такой скандалъ. Стоявшіе поближе къ принцу начали его дразнить и смѣяться

надъ нимъ, съ умышленной цѣлью довести его до еще большаго бѣшенства, ожидая, что онъ сдѣлается тогда еще забавнѣе. На глазахъ у раздосадованнаго принца выступили слезы, но онъ продолжалъ стоять на своемъ и съ истинно царственнымъ величіемъ отвѣчалъ на оскорбленія черни; такъ какъ его продолжали, однако, дразнить и осыпать колкими насмѣшками, то онъ подъ конецъ воскликнулъ:

— Говорю вамъ опять, неблаговоспитанные ублюдки, что я принцъ Уэльскій! Хотя я теперь одинокъ и возлѣ меня нѣтъ друга и пріятеля, который помогъ бы мнѣ теперь въ нуждѣ словомъ или дѣломъ, я всетаки не отступлюсь отъ своего права и буду его отстаивать!

— Принцъ ли ты, или не принцъ, а всетаки ты молодецъ мальчишкѣ! Не говори, что у тебя нѣтъ друга и пріятеля! Я тутъ возлѣ тебя и не дамъ тебя въ обиду! Позволю тебѣ сказать, что такого надежнаго друга и пріятеля, какъ Мильсъ Гендонъ, ты и днемъ съ фонаремъ не скоро разыщешь. Дай отдохнуть маленькому твоему ротуку, дитя мое, я лучше тебя объяснюсь съ этими подлыми подпольными крысами, потому что говорю на ихъ языкѣ такъ же свободно, какъ если бы родился въ какой-нибудь ихъ норѣ!

Говорившій напоминалъ своимъ костюмомъ, внѣшнимъ видомъ и манерой держаться извѣстнаго донъ Цезаря де-Базанъ. Рослый, хорошо сложенный и мускулистый, онъ былъ одѣтъ въ когда-то щегольской, но сильно поношенный и потертый костюмъ, золотые галуны и шитье на которомъ сильно потускнѣли. Кружевной его воротничекъ оказывался помятымъ и разорваннымъ, страусовое перо на мягкой шляпѣ съ широкими полями было изломано и растрепано, такъ что имѣло очень неказистый видъ. На боку у Гендона висѣла длинная боевая шпага въ ржавыхъ желѣзныхъ ножнахъ. Онъ держалъ себя съ вызывающимъ молодцоватымъ видомъ, который сразу позволялъ угадать военнаго, не разъ уже бывавшаго въ походахъ и привыкшаго къ лагерной жизни. Въ общемъ, однако, фигура Мильса Гендона представлялась до такой степени странной и фантастической, что его слова были встрѣчены взрывомъ хохота и насмѣшекъ. Одни кричали: «Это навѣрное тоже какой-нибудь переодѣтый принцъ!» другіе совѣтовали держать языкъ за зубами, потому что съ нимъ шутки плохія, присовокупляя: «Взгляните только на его глаза, какъ онъ ихъ страшно таращитъ! — Оттащите-ка прочь этого щенка. — Швырнемъ мальчишку въ прудъ. Можетъ быть, онъ тамъ очу-
хается!»

Подъ впечатлѣніемъ этой счастливой мысли чья-то рука мгновенно схватила принца. Въ тотъ же мигъ длинная шпага незнакомца была выхвачена изъ ноженъ и угостила такимъ сильнымъ

ударомъ планшия человѣка, увлекшагося означенной счастливой мыслью, что онъ опрокинулся навзничь. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе человѣкъ двадцать крикнуло: «Надо убить этого негоднаго пса. Убьемъ же его, убьемъ!» и разъяренная чернь съ бѣшенствомъ бросилась на обнищавшаго воина, который прислонился къ стѣнѣ и принялся съ ловкостью и энергіей бѣшенаго безумца работать длинною своею пикагою. Каждый ударъ валялъ кого-нибудь на земь, но падавшихъ попирали ногами и съ тѣмъ большею яростью стремились разорвать въ клочья незнакомца, который одинъ осмѣлился завязать ссору съ цѣлою толпою. Минуты его, казалось, были уже сочтены. Онъ долженъ былъ неизбѣжно погибнуть, когда внезапно зазвучали трубы. Раздался возгласъ: «Дорогу королевскому гонцу!» и отрядъ вооруженныхъ всадниковъ, мчавшійся во всю прыть своихъ коней, заставилъ чернь, толпившуюся передъ Гильдейской залой, разбѣжаться съ величайшай поспѣшностью. Смѣлый незнакомецъ схватилъ принца на руки и вскорѣ унесъ его далеко отъ опасности, грозившей имъ обоимъ.

Вернемся теперь въ Гильдейскую залу. Внезапно сквозь жизнерадостный шумъ, гулъ и грохотъ пиршества раздался пронзительно рѣзкій сигналъ рожка. Мгновенно водворилось глубокое мертвое молчаніе. Тогда послышался голосъ посланца, прибывшаго изъ дворца. Онъ читалъ визгливымъ дискантомъ манифестъ, который всѣ присутствовавшіе слушали стоя.

Послѣднія слова манифеста: «Король скончался» произнесены были особенно торжественнымъ тономъ. Всѣ словно по сигналу опустили головы на грудь. Наступило глубокое молчаніе, длившееся нѣсколько мгновеній, а затѣмъ всѣ разомъ упали на колѣни, протянули руки къ Тому и воскликнули такъ громогласно, что, казалось, будто потряслось все зданіе.

— Да здравствуетъ король!—Недоумѣвающіе взоры бѣдняги Тома глядѣли на это ошеломлявшее его зрѣлище, перебѣгая отъ одного изъ присутствовавшихъ къ другому и подъ конецъ остановились, словно въ сонной грезѣ, на принцессахъ, стоявшихъ передъ нимъ на колѣняхъ. Мгновенье спустя, на лицѣ Тома выразилась внезапная рѣшимость. Пристально поглядѣвъ на графа Гертфорда, онъ сказалъ ему потихоньку на ухо:

— Отвѣчай мнѣ совершенно искренно, по чести и совѣсти. Если я отдамъ здѣсь приказаніе, на которое одинъ только король имѣетъ право и власть, будетъ ли приказаніе это выполнено, или осмѣлятся кто-нибудь на него возразить?

— Никто, государь, въ предѣлахъ твоего королевства не дерзнетъ этого сдѣлать. Въ твоей особѣ сосредоточено царственное величіе Англіи. Ты король, и слово твое законъ!

Томъ объявить тогда громкимъ энергическимъ голосомъ и съ величайшимъ оживленіемъ:

— Въ такомъ случаѣ пусть съ этого дня королевское слово станетъ закономъ милосердія и никогда впредь не будетъ закономъ кровавой кары. Встань съ колѣнъ, графъ, и спѣши сейчасъ же въ Тоуеръ объявить герцогу Норфольскому королевское помилованіе.

Ближайшіе къ Тому слышали эти слова, которыя, передаваясь изъ устъ въ уста, быстро распространились по всей залѣ. Въ то время, какъ лордъ Гертфордъ торопливо шелъ къ выходу, чтобы безотлагательно выполнить повелѣніе молодого короля, вся зала снова потряслась громовымъ возгласомъ:

— Царство ужаса кончилось! Многая лѣта Эдуарду, королю англійскому!

ГЛАВА XII.

Принцъ и его спаситель.

Выбравшись изъ толпы, Мильсъ Гендонъ и маленькій принцъ тотчасъ направились по самымъ глухимъ улицамъ и переулкамъ къ рѣкѣ. Путь для нихъ былъ совершенно свободенъ до тѣхъ поръ, пока они не начали подходить къ Лондонскому мосту. Тамъ они снова оказались въ густой толпѣ. Гендонъ смѣло сталъ сквозь нее пробираться, крѣпко держа за руку наслѣднаго принца или, лучше сказать, короля. Извѣстіе о кончинѣ Генриха VIII уже распространилось и мальчикъ слышалъ возгласы тысячи голосовъ: «Король умеръ!» Въсть эта глубоко огорчила осиротѣвшаго отрока и заставила его вздрогнуть всѣмъ тѣломъ. Онъ понималъ громадность своей утраты и чувствовалъ глубочайшую скорбь, такъ какъ суровый тиранъ, наводившій страхъ и ужасъ на всѣхъ другихъ, былъ всегда добръ и ласковъ къ своему сыну. Слезы навернулись на глаза молодого короля и заслонили отъ него словно дымкой тумана всѣ окружающіе предметы. На мгновеніе онъ почувствовалъ себя самымъ одинокимъ, заброшеннымъ и забытымъ Божьимъ твореніемъ, но вслѣдъ затѣмъ мракъ ночи былъ потрясенъ разносившимися всюду громовыми раскатами возгласа: «Да здравствуетъ король Эдуардъ VI!» Глаза мальчика засверкали тогда опять огонькомъ, и онъ весь съ ногъ до головы преисполнился гордымъ сознаніемъ своего достоинства.

«Я вѣдь теперь король, — подумалъ онъ. — Какъ величественно и странно сознавать себя могущественнымъ монархомъ!»

Наши пріатели медленно пробирались сквозь толпу, тѣснившуюся на мосту. Этотъ мостъ, который могъ уже тогда похвастать шестисотлѣтнею давностью, въ продолженіе которой на немъ

происходило всегда шумное и людное движеніе, являлся самъ по себѣ чрезвычайно интереснымъ сооруженіемъ. По обѣимъ сторонамъ моста, отъ одного берега рѣки до другого, тянулся сплошной рядъ лавокъ и магазиновъ, надъ которыми устроены были жилыя помѣщенія для хозяевъ. Такимъ образомъ, мостъ оказывался чѣмъ-то вродѣ города. У него имѣлись собственныя свои питейныя дома, портерныя, булочныя, мелочныя и стѣстные лавки, ремесленныя заведенія и даже церковь. Соединяя Лондонъ съ Зюддверкомъ, мостъ (въ лицѣ своего населенія) считалъ ихъ довольно сносными, въ качествѣ предмѣстievъ, но въ сущности незаслуживающими особаго вниманія. Мостовики составляли, если можно такъ выразиться, замкнутую корпорацию. Мостъ являлся маленькимъ городкомъ изъ одной улицы, сажень въ полтора ста длиною. Обывателей въ немъ было не больше, чѣмъ въ порядочной деревнѣ. Каждый изъ нихъ коротко зналъ не только своихъ согражданъ, но также ихъ отцовъ, матерей, равно какъ и всѣ хозяйственныя и домашнія ихъ дѣла. Разумѣется, что у мостовиковъ имѣлась своя аристократія: старинныя гордыя семьи мясниковъ, булочниковъ и т. п., которыя торговали пятьсотъ или шестьсотъ лѣтъ въ тѣхъ же самыхъ лавкахъ и знали исторію моста отъ начала до конца со всѣми ея легендами. Всѣ ихъ рѣчи и мысли имѣли настоящій мостовой пошибъ. Даже если имъ случалось лгать, то и ложь у нихъ выходила совершенно своеобразная и характерная для Лондонскаго моста. Вся обстановка складывалась такъ, чтобы выработать у мостовиковъ узость взглядовъ, невѣжество и самомиѣніе. Дѣти, рождавшіяся на мосту, вырастали тамъ, старѣлись и, наконецъ, умирали, не побывавъ въ продолженіе всей своей жизни нигдѣ, кромѣ Лондонскаго моста. Понятно, что тянувшаяся день и ночь по мосту, служившему какъ бы улицей, бескончаемая вереница, съ аккомпаниментомъ смѣшаннаго гула человѣческихъ голосовъ и криковъ, конскаго ржанья, мычанья и блеянія разныхъ животныхъ, топота ногъ и грохота колесъ, должна была казаться мостовикамъ единственнымъ въ свѣтѣ, величественнымъ явленіемъ, при чемъ они сами оказывались его хозяевами. Впрочемъ, они и въ самомъ дѣлѣ были до извѣстной степени хозяевами движенія по своему мосту. По крайней мѣрѣ, они могли показывать его изъ своихъ оконъ и дѣлали это за приличное вознагражденіе, когда возвращеніе короля или побѣдоноснаго полководца въ столицу придавало мосту особенно парадный видъ. Дѣйствительно, изъ оконъ жилыхъ его помѣщеній открывался самый лучший видъ на проходившія по мосту колонны войскъ, или торжественныя процессіи. Людямъ, родившимся и возмужавшимъ на Лондонскомъ мосту, жизнь въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ казалась какою-то

мертвой и невыносимо скучной. Исторія повѣствуетъ объ одномъ изъ такихъ людей, который, проживъ на мосту до семьдесятъ перваго года отъ роду, вздумалъ удалиться отъ дѣлъ и переселиться въ провинцію. Тамъ онъ испытывалъ каждую ночь самыя тяжкія муки и только ворочался съ боку на бокъ въ постели, но никакъ не могъ заснуть. Глубокая невозмутимая тишина приводила его въ ужасъ, тревожила и томила до того, что онъ совсѣмъ выбился изъ силъ. Подъ конецъ, совершенно исхудалый и еле живой, онъ вернулся къ себѣ на родину и тотчасъ же мирно уснулъ подъ убаюкивающую музыку всплесковъ воды, съ аккомпаниментомъ нескончаемаго грохота, стукотни, шума и гамъ на Лондонскомъ мосту.

Въ описываемыя теперь времена мостъ этотъ доставлялъ своимъ обывателямъ, кромѣ всего прочаго, также и предметные уроки изъ англійской исторіи. Этими предметными уроками служили насаженные на желѣзныя острія надъ его воротами отрубленные и разлагавшіяся на свѣжѣмъ воздухѣ головы наиболѣе знаменитыхъ англійскихъ мужей и политическихъ дѣятелей. Впрочемъ, все это является, собственно говоря, отступленіемъ отъ нашего разсказа.

Квартира Гендона находилась въ маленькомъ постояломъ дворѣ на самомъ мосту. Когда онъ съ мальчикомъ подходилъ уже къ дверямъ, чей-то грубый голосъ неожиданно воскликнулъ:

— А! Наконецъ-то ты пришелъ! Ручаюсь, что ты больше отъ меня не вырвешься. Если, превративъ твои кости въ пуддингъ, можно тебя чему-нибудь выучить, ты, надѣюсь, не заставишь насъ вторично ждать тебя такъ долго!

Съ этими словами Джонъ Канти протянулъ руку, чтобы схватить мальчика. Милльсъ Гендонъ загородилъ ему дорогу и сказалъ:

— Не торопись черезъ мѣру, пріятель. Мнѣ кажется, что ты слишкомъ уже грубъ. Какъ тебѣ доводится этотъ мальчикъ?

— Коли ты считаешь себя въ правѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла, то я отвѣчу тебѣ такъ и быть, что это мой сынъ.

— Онъ лжетъ!—съ горячностью воскликнулъ маленький король.

— Смѣло сказано, и я вѣрю тебѣ, мальчикъ, независимо отъ того, окажется ли маленькая твоя головка здоровою, или же больною. Во всякомъ случаѣ доводится этотъ грубый негодай тебѣ отцомъ или нѣтъ, ему всетаки не удастся бить тебя и оскорблять въ выполненіе своей угрозы, если только ты предпочтешь остаться со мной.

— Разумѣется, я это предпочитаю. Мнѣ онъ совершенно посторонній, и я питаю къ нему одно только омерзѣніе.

— Въ такомъ случаѣ, дѣло улажено, нечего больше и разговаривать.

— Это еще мы посмотримъ! — воскликнулъ Джонъ Канти, пытаясь пройти мимо Гендона, чтобы добраться до мальчика. — Я его заставлю силой...

— Если ты, ожившаяся по нечаянности падалъ, посмѣешь только до него дотронуться, то я тебя насажу на вертелъ словно гуся, — объявилъ Гендонъ, загораживая опять ему дорогу и схватившись за рукоятъ боевой своей шпаги съ такимъ грознымъ жестомъ, что Канти невольно отшатнулся назадъ. — Замѣть себѣ, — продолжалъ Гендонъ, — что я взялъ этого мальчика подъ свое покровительство, когда цѣлая толпа такихъ негодяевъ, какъ ты, собиралась его обидѣть и, быть можетъ, даже убить. Неужели ты воображаешь, что я покину его теперь въ жертву еще худшей участи? Смѣю думать, что ты лжешь, называя себя его отцомъ, но, если бы даже ты паче чаянiя, сказалъ и правду, то всетаки приличная скорая смерть была бы для такого мальчика не въ примѣръ лучше жизни подъ властью такого грубаго скота, какъ твоя милость. Иди поэтому своей дорогой, да поторопись. Я отъ природы не слишкомъ терпѣливъ и не люблю долгихъ разговоровъ!

Бормоча сквозь зубы угрозы и проклятiя, Джонъ Канти ушелъ и скрылся въ толпѣ изъ виду. Гендонъ, распорядившись, чтобы прислали ему обѣдъ въ нумеръ, находившійся въ четвертомъ этажѣ постоялаго двора, поднялся туда съ мальчикомъ, котораго взялъ подъ свое покровительство. Нумеръ былъ очень плохенькій съ ветхой кроватью, покрытой потертымъ одѣяломъ. Скучная его меблировка слабо освѣщалась двумя тускло горѣвшими свѣчами. Обесилѣвшій отъ голода и усталости, маленький король, дотащившись до постели, тотчасъ улегся на ней. Онъ оставался на ногахъ большую часть дня и ночи (было уже два часа утра) и за все это время ничего не ѣлъ.

— Пожалуйста, доложи мнѣ, когда накроютъ на столъ, — проговорилъ онъ почти уже въ безсознательномъ состоянiи и тотчасъ же погрузился въ глубокой сонъ.

Во взглядѣ Гендона мелькнула улыбка, и онъ сказалъ себѣ самому:

«Однако жъ, чортъ возьми, этотъ маленький нищій входитъ въ чужую квартиру и занимаетъ чужую постель съ такой же естественной и непринужденной граціей, какъ будто эта постель его собственная. Онъ даже не подумалъ извиниться и сказать, на примѣръ: «съ вашего дозволенiя», «если вамъ будетъ угодно», или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ болѣзненномъ своему сумасбродствѣ онъ назвалъ себя принцемъ Уэльскимъ и, надо отдать ему справедливость, молодецки выдерживаетъ характеръ.

Бѣдный одинокій мальчуганъ вѣлъ до сихъ поръ, безъ сомнѣнія, самую несчастную жизнь. Онъ, вѣроятно, даже и помѣшался отъ дурного съ нимъ обращенія. Во всякомъ случаѣ, во мнѣ онъ найдетъ надежнаго друга и пріятеля. Я его спасъ и чувствую къ нему теперь сильное влеченіе. Мнѣ кажется, что я уже люблю эту маленькую бестію, такую дерзкую на языкъ. Онъ, какъ настоящій солдатъ, не трусилъ передъ подлою чернью и высказывалъ ей самое царственное презрѣніе. Какое у него хорошенькое пріятное и кроткое лицо теперь, когда сонъ разсѣялъ его горе и заботу! Я буду учить этого мальчика, вылечу его, стану для него старшимъ братомъ, буду его охранять и оберегать. Тотъ, кому вздумалось бы оскорбить моего мальчугана словомъ или дѣломъ, можетъ зранѣе заказать себѣ саванъ. Я позабочусь, чтобы онъ ему пригодился, если бы даже мнѣ самому пришлось быть за это сожженнымъ на кострѣ».

Нагнувшись надъ мальчикомъ, Гендонъ глядѣлъ на него съ ласковымъ любопытствомъ и состраданіемъ. Могучая загорѣлая рука воина нѣжно поглаживала дѣтскія щечки и приводила въ порядокъ спутавшіеся растрепанные локоны. По всему тѣлу мальчика пробѣжала легкая дрожь. Гендонъ замѣтилъ себѣ тогда сквозь зубы:

— Нечего сказать, хорошо я забочусь о своемъ питомцѣ! Развѣ можно было позволить ему улечься въ постель, не укрывшись одѣяломъ? Бѣдняжка вѣдь такъ прозябъ, что можетъ, чего добраго, схватить смертельную простуду. Что же мнѣ, однако, дѣлать? Если я попробую его поднять и положить подъ одѣяло, онъ вѣдь, пожалуй, проснется, а между тѣмъ, бѣдняжкѣ сонъ теперь нужнѣе всего.

Гендонъ тщетно искалъ въ нумерѣ чего-нибудь, способнаго замѣнить одѣяло, и подъ конецъ рѣшилъ снять съ себя камзолъ и укрыть имъ мальчика, рассуждая: «Я привыкъ на войнѣ ко всякимъ передрагамъ. Маленькая прохлада мнѣ не повредитъ». Затѣмъ онъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, чтобы такимъ образомъ согрѣться и продолжалъ свой монологъ:

— Большая головка мальчика увѣряетъ его, будто онъ принцъ Уэльскій. Такимъ образомъ у насъ все еще окажется наследный принцъ, хотя въ дѣйствительности принцъ этотъ сталъ уже королемъ. Сумасшедшій бѣдняга будетъ, разумѣется, стоять на своемъ и не сообразитъ, что ему слѣдуетъ превратиться изъ принца въ короли...

«Просидѣвъ семь лѣтъ въ чужеземной тюрьмѣ, я за все это время не получалъ никакихъ извѣстій изъ дому, но, если отецъ мой еще живъ, онъ радушно приметъ бѣднаго мальчика и пріютитъ его подъ своимъ кровомъ ради меня. Также отнесется къ

моему питомцу и милый мой старшй братъ, Артуръ. Что касается до моего другого брата Гуга... Впрочемъ, я распибу ему лобъ, если этотъ подлый скотъ, лисица въ человѣческомъ образѣ, вздумаетъ что-нибудь возражать. Да, мы отправимся прямо домой и притомъ безотлагательно».

Вошелъ половой съ обѣдомъ только-что изъ печи. Разставивъ блюда на маленькомъ столикѣ изъ некрашеннаго простого дерева, онъ придвинулъ къ столу два стула и ушелъ, предоставляя такимъ дешевымъ квартирантамъ, какъ Мильсъ Гендонъ и его мальчикъ, прислуживать себѣ самимъ. Захлопнувъ за собою двери, онъ разбудилъ этимъ шумомъ мальчика, который, поднявшись въ сидячее положеніе, окинулъ комнату радостнымъ взглядомъ. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе лицо ребенка приняло опять грустное выраженіе, и онъ проговорилъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Увы, горе мнѣ, это былъ только сонъ!

Увидѣвъ на себѣ камзолъ Мильса Гендона, онъ взглянулъ на воина, все еще продолжавшаго ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, понявъ его самопожертвованіе и ласково сказалъ:

— Ты добръ ко мнѣ, да, очень добръ. Возьми камзолъ и надѣнь опять на себя. Мнѣ онъ больше не нуженъ.

Въ углу комнаты стоялъ умывальный приборъ. Мальчикъ, вставъ съ постели, подошелъ къ нему и остановился, словно чего-то ожидая. Гендонъ, чтобы ободрить своего питомца, весело проговорилъ:

— Намъ подали прекрасный супъ и жаркое. Все приготовлено очень вкусно и не успѣло еще остыть. Теперь ты немножко заснулъ, а когда закусишь, почувствуешь себя опять молодцомъ!

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ, но продолжалъ пристально глядѣть съ изумленіемъ и какъ бы отчасти даже съ нетерпѣніемъ на рослаго воина съ длинной шпагой. Гендонъ, котораго этотъ пристальный взглядъ приводилъ до извѣстной степени въ недоумѣніе, спросилъ:

— Что тебѣ надо?

— Я, сударь, хотѣлъ бы умыться.

— Только-то? Можешь никогда не обращаться къ Мильсу Гендону съ просьбой о разрѣшеніи тебѣ чего бы то ни было. Будь здѣсь, какъ дома, и поступай по твоему благоусмотрѣнію со всѣмъ, что мнѣ принадлежитъ.

Мальчикъ продолжалъ стоять возлѣ умывальника и не трогался съ мѣста. Онъ только топнулъ раза два ножкой отъ нетерпѣнія. Это еще болѣе озадачило Гендона и онъ спросилъ:

— Скажи же, наконецъ, ради Бога, что тебѣ нужно?

— Пожалуйста подай мнѣ мыться и не болтай пустяковъ!

Гендонъ чуть было не расхохотался, но ему удалось удер-

жаться. Сказавъ самому себѣ: «Клянусь всѣми святыми, это просто восхитительно!», воинъ проворно подошелъ къ маленькому дерзкому нищенкѣ и выполнилъ его приказаніе, а затѣмъ остановился, словно въ какомъ-то оцѣпенѣніи, пока его не вывело изъ такового другое приказаніе:

— Живѣй, полотенце!

Взявъ полотенце, висѣвшее какъ разъ подъ носомъ у мальчика, онъ подалъ его безъ всякихъ комментарій, а затѣмъ принялся мыться самъ. Пока онъ мылся, его пріемышъ усѣлся за столъ и приготовился кушать. Быстро покончивъ съ умываніемъ, Гендонъ слегка отодвинулъ отъ стола другой стулъ и собирался уже сѣсть, когда мальчикъ съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Въ своемъ ли ты умѣ? Развѣ разрѣшается сидѣть въ присутствіи короля?

Заявленіе это до такой степени поразило Гендона, что онъ чуть не свалился съ ногъ. «Однако же, сумасшествіе этого бѣдняги какимъ-то образомъ согласуется съ текущими событіями, — пробормоталъ онъ себѣ самому. — Пунктъ помѣшательства измѣнился вмѣстѣ съ великой перемѣной, которая произошла у насъ въ королевствѣ. Мальчуганъ произвелъ теперь себя изъ наслѣднихъ принцевъ въ короли. Приходится потакать царственному его тщеславію. Иначе вѣдь ничего не подѣлаешь. Если бы я заупрямился, онъ, чего добраго, отправитъ еще меня въ Лондонскую башню».

Шутка эта показалась Гендону до такой степени забавной, что онъ совсѣмъ отодвинулъ свой стулъ отъ стола, сталъ позади короля и началъ ему прислуживать, стараясь соблюдать всѣ установленныя формы придворнаго церемоніала, насколько онѣ были ему извѣстны.

Пока маленький король кушалъ, суровость царственного его достоинства немножко смягчилась. Вмѣстѣ съ возраставшимъ довольствомъ возникло также желаніе поговорить. Онъ сказалъ:

— Если не ошибаюсь, ты называлъ себя Мильсомъ Гендонъ?

— Точно такъ, ваше величество, — отвѣчалъ Мильсъ, замѣтивъ себѣ самому: «Если ужъ потакать сумасшествію этого бѣдняги, то надо называть его государемъ и величествомъ. Не слѣдуетъ ничего дѣлать вполонину. Взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Разъ, что я рѣшился съ благою цѣлью играть комедію, то долженъ добросовѣстно исполнять свою роль, такъ какъ въ противномъ случаѣ, вмѣсто пользы принесу только вредъ болѣному бѣднягѣ».

Подкрѣпившись вторымъ стаканомъ вина, король замѣтилъ:

— Мнѣ хотѣлось бы узнать про тебя побольше. Расскажи мнѣ

твою исторію. Видь у тебя мужественный и представительный. Безъ сомнѣнія, ты благороднаго происхожденія.

— Мы, ваше величество, стоимъ въ самомъ хвостѣ англійскаго дворянства. Мой отецъ баронетъ изъ мелкихъ рыцарей-помѣщиковъ, сэръ Ричардъ Гендонъ, изъ Гендонъ Галля, близъ Монкстольма въ Кентѣ.

— Что-то не припомню этой фамиліи! Продолжай твой разсказъ.

— Онъ не особенно интересенъ, ваше величество, но, пожалуй, за не имѣніемъ лучшаго, позволить скоротать лишнѣхъ полчаса времени. Мой отецъ, сэръ Ричардъ, очень богатъ и обладаетъ чрезвычайно великодушнымъ характеромъ, мать же умерла, когда я былъ еще ребенкомъ. Я средній изъ трехъ братьевъ. Старшій изъ насъ, Артуръ, характеромъ, весь въ отца, а младшій, Гугъ, настоящая змія: хитрый, лживый, алчный, порочный и во всѣхъ отношеніяхъ недостойный августѣйшаго вашего вниманія. Онъ былъ негодяемъ еще въ колыбели, а десять лѣтъ тому назадъ, когда я видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ, онъ, несмотря на свои девятнадцать лѣтъ, былъ уже зрѣлымъ мерзавцемъ. Мнѣ исполнилось тогда всего лишь двадцать лѣтъ, Артуру же двадцать два года. Кромѣ того, въ нашемъ домѣ жила еще моя кузина, лэди Эдиовъ. Ей было тогда шестнадцать уже лѣтъ. Эта милая, добрая дѣвушка и замѣчательная красавица, единственная дочь умершаго уже графа, послѣдняго въ своемъ родѣ. Она передаетъ по этому своему мужу большія помѣстья и графскій титулъ. Мой отецъ состоитъ ея опекуномъ. Я любилъ Эдиовъ, и она платила мнѣ взаимностью, хотя еще въ раннемъ дѣтствѣ была обручена съ Артуромъ, а сэръ Ричардъ не хотѣлъ и слушать о нарушеніи фамильнаго договора. Между тѣмъ Артуру нравилась другая дѣвушка, а потому онъ совѣтовалъ намъ не отчаяваться и надѣяться, что со временемъ счастье повернется къ намъ лицомъ. Гугъ въ свою очередь влюбился въ помѣстья и капиталы лэди Эдиовъ, хотя и утверждалъ, будто любить ее самое. Насъ это нисколько не удивляло, такъ какъ у него всегда была привычка говорить не то, что думаетъ. Всѣ его старанія обмануть молодую дѣвушку оказывались, однако, тщетными. Ему удалось провести единственно только отца, любимчикомъ котораго онъ былъ въ качествѣ младшаго сына. Отецъ относился къ Гугу съ полнымъ довѣріемъ и питалъ къ нему тѣмъ большую нѣжность, что мы съ Артуромъ терпѣть не могли хитраго негодяя, брата. Онъ умѣлъ говорить очень гладко и убѣдительно и былъ надѣленъ необычайнымъ талантомъ ко лжи. Эти качества, какъ и слѣдовало ожидать, еще болѣе усиливали слѣпую отеческую къ нему любовь. Я, въ свою очередь, былъ пылкимъ взбалмошнымъ юношей, пожалуй, даже меня слѣдовало бы

назвать очень взбалмошнымъ, хотя безразсудныя мои продѣлки оказывались довольно невиннаго свойства, такъ какъ вредили единственно только мнѣ самому, не причиняли никому вреда, или же позора и не имѣли въ себѣ ничего преступнаго, низкаго или же несовмѣстнаго съ дворянскимъ моимъ достоинствомъ.

«Братецъ Гуго сумѣлъ, однако, воспользоваться моими слабостями. Видя, что здоровье старшаго нашего брата Артура плохо, онъ счелъ для себя не безвыгоднымъ на всякій случай столкнуть меня съ дороги и... Впрочемъ, всемилостивѣйшій государь, разсказывать обо всемъ этомъ не стоитъ и было бы къ тому же слишкомъ долго. Суть дѣла въ томъ, что младшій братъ безсовѣстно преувеличивалъ мои проступки, превращая ихъ въ преступления. Онъ довершилъ свою низость, отыскавъ въ моихъ комнатахъ шелковую лѣстницу, которую самъ же тамъ спряталъ, и убѣдивъ моего отца этой лѣстницей и показаніями подкупленныхъ слугъ и разныхъ другихъ лжецовъ, будто я собирался похитить эдипъ, чтобы жениться на ней прямо вопреки его волѣ.

«Въ виду всего этого, отецъ нашелъ, что трехлѣтнее отсутствіе изъ дому и родины сдѣлаетъ изъ меня воина и порядочнаго человека, а вмѣстѣ съ тѣмъ научить меня до нѣкоторой степени благоразумію. Я провелъ этотъ трехлѣтній испусъ въ войнахъ на материкѣ Европы, при чемъ подвергался въ изобиліи серьезнымъ опасностямъ и всяческимъ лишеніямъ. Я участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и неоднократно былъ раненъ, но въ послѣдней моей битвѣ попался въ плѣнъ и въ продолженіе пѣлыхъ семи лѣтъ, которыя истекли съ тѣхъ поръ, содержался въ чужеземной тюрьмѣ. Благодаря ловкости и мужеству, мнѣ удалось вырваться оттуда на свободу. Я бѣжалъ прямо на родину и только-что прибылъ сюда, почти безъ денегъ, совсѣмъ оборванцемъ и не зная рѣшительно ничего о томъ, что случилось за эти несчастныя семь лѣтъ съ Гендонъ-Галлемъ и его обитателями. Съ вашего позволенія, государь, небольшой мой разсказъ законченъ.

— Тебя, позорно оклеветали, — объявилъ маленькій король, глазки котораго сверкали. — Я заставлю, однако, воздать тебѣ должное. Клянусь въ этомъ Распятіемъ. Королевское слово свято!

Воспламененный разсказомъ о бѣдствіяхъ Мильса, мальчикъ и самъ разговорился. Онъ изложилъ изящно и краснорѣчиво исторію недавнихъ своихъ бѣдствій. Мильсъ слушалъ его внимательно и съ изумленіемъ, которое все болѣе возрастало. Когда король закончилъ свое повѣствованіе, воинъ сказалъ самому себѣ:

— Какое блестящее у него воображеніе! Умъ у этого мальчика дѣйствительно необыкновенный. Въ противномъ случаѣ, онъ ни въ здоровомъ, ни въ помѣшанномъ состояніи не могъ бы сплести такую правдоподобную, ловкую сказку изъ столь ничтож-

наго по своему содержанію матеріала. Бѣдная помѣшанная головка. У тебя не окажется недостатка въ другѣ, или же въ кровѣ до тѣхъ поръ, пока я останусь въ живыхъ. Этотъ мальчикъ никогда больше меня не покинетъ. Онъ будетъ моимъ любимцемъ, маленькимъ моимъ товарищемъ. Я его непременно вылечу, и онъ станетъ тогда настоящимъ молодцомъ. Я убѣжденъ, что онъ далеко пойдетъ и со временемъ прославить свое имя. Я буду имъ тогда гордиться и говорить: «Да, это мой мальчикъ! Я подобралъ его, когда онъ былъ еще маленькимъ безпріютнымъ оборванцемъ, и тотчасъ же увидѣлъ, что изъ него выйдетъ прокъ. Я былъ заранѣе увѣренъ, что онъ со временемъ заставитъ о себѣ говорить. Поглядите теперь на него сами и рѣшите: Развѣ я не былъ правъ?» Король спокойно и обдуманно присовокупить:

— Ты избавилъ меня отъ позора и оскорбленія и, быть можетъ, даже сналъ мнѣ жизнь и корону. Такая услуга требуетъ должнаго вознагражденія. Скажи, чего ты желаешь? Твое желаніе будетъ выполнено, если только это возможно для моей королевской власти.

Столь трезвое фактическое предложеніе сразу пробудило Гендона отъ мечтательной грезы, въ которую онъ было погрузился. Онъ уже собирался поблагодарить короля и объявить, что исполнилъ свой долгъ, а потому не желаетъ никакой награды, но затѣмъ ему пришла въ голову благоразумная мысль. Онъ просилъ разрѣшенія помолчать нѣсколько мгновеній и обдумать всемилостивѣйшее предложеніе его величества. Король съ совершенно серьезнымъ видомъ одобрилъ это рѣшеніе, замѣтивъ, что въ столь важныхъ дѣлахъ никогда не слѣдуетъ торопиться.

Мильсъ, раскинувъ умомъ, сказалъ самому себѣ:

— Необходимо устроиться именно такимъ образомъ. Никакимъ инымъ способомъ нельзя этого добиться, а я извѣдалъ теперь на опытъ, какъ утомительны и неудобны для меня нынѣшніе порядки. Какое счастье, что я не упустилъ представляющагося теперь благоприятнаго случая! Я могу дѣйствительно выговорить себѣ льготу, очень полезную для меня при существующихъ условіяхъ.

Съ этими словами онъ опустился передъ мальчикомъ на одно колено и сказалъ:

— Ничтожная услуга, оказанная мною, не выходила изъ предѣла обязанностей простого подданнаго, а сама по себѣ не заслуживаетъ никакого поощренія. Вашему величеству, однако, угодно признать ее достойной награды, и я, ободренный этою августѣйшей милостью, беру на себя смѣлость представить по этому поводу всеижайшую мою просьбу. Лѣтъ четыреста тому назадъ, какъ вашему величеству извѣстно, вслѣдствіе недоразумѣній между англійскимъ королемъ Іоанномъ и французскимъ государемъ было

постановлено рѣшить споръ такъ называемымъ судомъ Божиимъ, а именно поединкомъ между англійскимъ и французскимъ бойцами въ присутствіи означенныхъ двухъ монарховъ и еще третьяго испанскаго короля, являвшагося въ нѣкоторомъ родѣ третейскимъ судьей. Въ день, назначенный для поединка, французскій витязъ вышелъ на арену. Онъ имѣлъ до такой степени грозный видъ, что наши англійскіе рыцари уклонились отъ предложенія съ нимъ сразиться. При такихъ обстоятельствахъ, споръ, касавшійся важныхъ государственныхъ интересовъ, приходилось разрѣшить въ ущербъ англійскому королю. Какъ разъ въ это время сидѣлъ подъ арестомъ, въ Лондонской башнѣ, лордъ де-Курси, могущественнѣйшій изъ англійскихъ витязей. Онъ долго уже томился тамъ въ заключеніи, лишенный всѣхъ своихъ титуловъ и владѣній. Въ виду столь крайней необходимости рѣшились обратиться къ нему. Де-Курси согласился вступить съ французомъ въ единоборство и, одѣвшись въ боевые доспѣхи, выѣхалъ на арену. Какъ только французъ увидѣлъ богатырскую фигуру англійскаго витязя и услышалъ его имя, прославившееся въ бояхъ, онъ испугался и убѣжалъ, вслѣдствіе чего дѣло французскаго короля было объявлено проиграннымъ. Король Іоаннъ, вернувъ де-Курси его титулы и владѣнія, сказалъ: «Объяви мнѣ твое желаніе, и оно будетъ выполнено, если бы мнѣ пришлось для этого даже пожертвовать половиною моего королевства». Тогда де-Курси, ставъ на колѣни, какъ я дѣлаю это теперь, отвѣтилъ: «Въ такомъ случаѣ я попрошу вотъ о чемъ, государь: чтобы мнѣ и моимъ преемникамъ даровано было неотъемлемое право оставаться съ покрытой головой въ присутствіи англійскихъ королей отъ сего времени и до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать англійскій престолъ». Какъ извѣстно вашему величеству, привилегія эта была дарована, и съ тѣхъ поръ, въ продолженіе четырехсотъ лѣтъ, въ потомствѣ де-Курси никогда не было недостатка въ наслѣдникахъ мужескаго пола, такъ что, по настоящее время, глава этой старинной фамиліи пользуется правомъ носить въ присутствіи его величества англійскаго короля шляпу или шлемъ, безпрепятственно и не спрашивая на это разрѣшенія. Никто не обладаетъ такимъ правомъ, за исключеніемъ потомковъ де-Курси, лордовъ Кингселей. Ссылаясь на этотъ прецедентъ въ подкрѣпленіе моей просьбы, умоляю короля предоставить мнѣ великую милость и привилегію, которую я и сочту для себя болѣе, чѣмъ достаточнымъ вознагражденіемъ: да будетъ разрѣшено мнѣ и моимъ наслѣдникамъ на вѣчныя времена «сидѣть» въ присутствіи его величества англійскаго короля.

Мальчишъ, тѣмъ временемъ, обнаживъ шпагу Гендона, слегка ударилъ его по плечу и сказалъ величественнымъ, серьезнымъ тономъ:

— Встань, вѣрный мой баронъ, сэръ Мильсъ Гендонъ. Ты можешь теперь сидѣть въ моемъ присутствіи. Просьба твоя выполнена. Пока существуетъ Англія и королевскій ея престолъ, ты и твои потомки будете пользоваться этой привилегіей.

Его величество отошелъ въ сторону и какъ будто погрузился въ глубокія размышленія, а Гендонъ немедленно же уѣлся за столъ, говоря себѣ самому:

— Хорошо еще, что пришла въ голову такая счастливая мысль! Теперь мнѣ будетъ значительно легче. Ноги у меня порядкомъ устали и могутъ теперь, по крайней мѣрѣ, отдохнуть. Если бы я не догадался исходатайствовать себѣ привилегію сидѣть въ присутствіи его величества, то пришлось бы, пожалуй, стоять въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, пока у бѣднаго моего мальчика не пройдетъ умопомѣшательство.

Немного погодя, онъ добавилъ:

— Итакъ, я возведенъ въ рыцарское достоинство и пожалованъ въ бароны призрачнаго королевства! Странное и оригинальное положеніе для такого серьезнаго и практическаго человѣка, какъ я. Боже, избави меня, однако, смѣяться надъ этимъ положеніемъ, такъ какъ призрачное для меня, является вполнѣ дѣйствительнымъ для моего мальчика. Впрочемъ, съ извѣстной точки зрѣнія, я и самъ не могу, въ данномъ случаѣ, считать призракъ пустымъ и ложнымъ. Въ немъ вѣдь совершенно точно отражаются великодушіе и доброта моего питомца. — Помолчавъ нѣсколько времени, новопожалованный баронъ подумалъ: — «Вдругъ ему придетъ фантазія называть меня сэромъ Мильсомъ при постороннихъ. Всѣхъ разсмѣшитъ тогда, пожалуй, контрастъ между моимъ знатнымъ титуломъ и потертымъ костюмомъ. Во всякомъ случаѣ я спорить и прекословить не стану».

ГЛАВА XIII.

Исчезновеніе принца.

Барону и королю обоимъ сильно хотѣлось спать. Его величество проговорилъ, указывая пальцемъ на свою одежду:

— Сними съ меня эти лохмотья.

Гендонъ безъ всякихъ возраженій или же прекословія раздѣлъ мальчика, уложилъ его въ постель и укуталъ одѣяломъ, а затѣмъ, осматриваясь въ комнатѣ, грустно замѣтилъ себѣ самому:

«Ну, вотъ, онъ опять улегся на моей постели! Что же мнѣ теперь дѣлать, чортъ возьми?»

Замѣтивъ его недоумѣніе, маленькій король разсѣялъ таковое единымъ своимъ монаршимъ словомъ. Онъ проговорилъ сквозь сонъ:

— Ты будешь спать за дверьми, чтобы сторожить ихъ.

Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе мальчикъ погрузился въ глубокой сонъ, заставившій его позабыть всѣ пережитыя невзгоды.

— Каковъ милашка! Ему слѣдовало бы и въ самомъ дѣлѣ родиться королемъ. Онъ великолѣпно играетъ роль августѣйшаго вѣнценосца, — прошепталъ съ наивнымъ восхищеніемъ Гендонъ.

Затѣмъ онъ улегся у дверей на полу, утѣшая себя мыслью:

«Мнѣ приходилось цѣлыхъ семь лѣтъ довольствоваться худшей квартирой, чѣмъ эта, а потому съ моей стороны было бы черной неблагодарностью жаловаться».

На зарѣ сэръ Мильсъ уснулъ, а къ полудню проснулся и, послѣдовательно раскрывая своего питомца, все еще объятаго глубокимъ сномъ, снялъ съ него веревочкой мѣрку. Король проснулся какъ разъ къ тому времени, когда Мильсъ заканчивалъ эту работу, пожаловался на холодъ и спросилъ, что онъ дѣлаетъ.

— Все уже теперь кончено, государь, — отвѣчалъ Гендонъ. — Мнѣ надо уйти по дѣламъ, но я скоро вернусь. Засните опять, такъ какъ вашему величеству надо выспаться. Позвольте укрыть и вашу головку. Вы скорѣй тогда согрѣетесь.

Прежде чѣмъ баронъ успѣлъ это договорить, король снова уже очутился въ мірѣ грезъ. Мильсъ потихоньку вышелъ изъ комнаты и по прошествіи тридцати или сорока минутъ столь же осторожно вернулся назадъ съ полнымъ костюмомъ для мальчика. Положимъ, что этотъ костюмъ былъ подержанный, изъ дешеваго матеріала, но тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ довольно приличный видъ и соотвѣтствовалъ времени года. Мильсъ усѣлся возлѣ стола и началъ разсматривать свою покупку, ворча себѣ подъ носъ:

— Съ болѣе толстымъ кошелькомъ можно было бы, разумѣется, купить кое-что лучшее, но, когда всѣ гроши на счету, надо поневолѣ удовлетвориться и этимъ.

Затѣмъ онъ громко запѣлъ солдатскую пѣсню:

Въ нашемъ городѣ, да,
Жила баба молода...

— Кажется, что онъ пошевелинулся. Надо будетъ пѣть потише. Пусть себѣ онъ хорошенько выспится, такъ какъ намъ предстоитъ долгая дорога, а онъ, бѣдняга, страшно измучился... Пальтецо это само по себѣ недурное, особенно если его кое-гдѣ подштопать. Сюртучекъ еще лучше, хотя и ему не повредить маленькая починка. Штанишки и такъ сойдутъ, чулки же и сапоги совершенно исправны. Ножкамъ мальчика будетъ въ нихъ очень тепло, и онъ не стануть больше страдать отъ сырости. Положимъ, что съ непривычки это покажется ему страннымъ, такъ какъ онъ до сихъ поръ, безъ сомнѣнія, ходилъ зиму и лѣто босикомъ. Какъ жаль, что на хлѣбъ иная цѣна, чѣмъ на нитки. Мнѣ на пятакъ

отпустили столько нитокъ, что хватить на цѣлый годъ, да въ припачу бесплатно добавили такую славную здоровенную иглоку. Я съ нею какъ-нибудь ужь управлюсь, только бы вдѣть въ ушко нитку. Это чертовски тяжелая работа.

Она оказалась для воина дѣйствительно очень тяжелой и требовавшей самаго напряженнаго вниманія. Подобно тому, какъ дѣлаютъ это и будутъ дѣлать мужчины впредь до скончанія вѣковъ, онъ держалъ иглоку неподвижно и пытался просунуть нитку сквозь ушко, тогда какъ женщины поступаютъ совершенно противоположнымъ образомъ. Нитка разъ за разомъ миновала цѣль, проскакивая то по одну, то по другую сторону иглы, при чемъ иногда кончикъ ея загибался, натыкаясь на стержень иглоки. Мильсъ Гендонъ тѣмъ не менѣе настойчиво и терпѣливо продолжалъ свои попытки вдѣть нитку въ ушко. Такъ какъ за время лагерной жизни ему не разъ уже приходилось въ этомъ практиковаться, то усилія его увѣнчались подъ конецъ успѣхомъ. Взявъ пальтецо, лежавшее у него передъ тѣмъ на колыняхъ, онъ усердно принялся шить, разсуждая самъ съ собою:

— За нумеръ ужь заплачено, включительно съ завтракомъ, который намъ сегодня еще подадутъ. Остается еще довольно денегъ, чтобы купить парочку ословъ и покрыть дорожные наши расходы въ продолженіе одного или двухъ дней, пока мы доберемся до благоденствія, которое ожидаетъ насъ въ Гендонъ-Галль.

Баба мужика люби..

— Ахъ, ты, Господи, я укололъ себя иглокой подъ ноготь!.. Пустяки, мнѣ это ужь не впервые, хоть, разумѣется, нельзя сказать, чтобы такой уколъ доставлялъ особенное удовольствіе... Не безпокойся, малышъ! Намъ съ тобою будетъ тамъ хорошо. Всѣ твои невзгоды разсѣются, какъ дымъ, и ты, безъ сомнѣнія, не замедлишь выздороветь.

Баба мужика любила, но другой..

— А вѣдь какіе это прекрасные большіе стежки! — продолжалъ Мильсъ Гендонъ, держа пальтецо передъ собою и разглядывая его съ восхищеніемъ. — У нихъ такой солидный величественный видъ, что сравнительно съ ними мелкіе еле замѣтные стежки портного стушевываются, словно подлая чернь передъ вельможами.

Баба мужика любила, но другой любила ее..

— Ну, вотъ, дѣло сдѣлано! Работа, смѣю сказать, порядочная, да къ тому же выполненная скоро и хорошо. Теперь я его разбужу, одѣну, вымою, накормлю, а потомъ мы отправимся съ нимъ покупать себѣ ословъ на конную, въ Зюдверкъ, къ постоялому двору подъ вывѣскою «Герольдова плаща». — Сблагоеволите про-

снутья, ваше высочество!.. Онъ не отвѣчаетъ. Вотъ какъ значить крѣпко уснуть.—Ваше величество, вы слишкомъ долго уже почиваете... Что жь дѣлать, придется осквернить священную его особу моимъ прикосновеніемъ, а то, чего добраго, его не добудешь до завтрашняго дня... Какъ? Что это значить?

Откинувъ одѣяло, онъ убѣдился, что мальчикъ исчезъ.

Пораженный изумленіемъ, Гендонъ не могъ въ первую минуту выговорить ни слова. Оглянувшись кругомъ, онъ впервые замѣтилъ, что изодранная одежда его питомца тоже исчезла. Тогда только онъ вскипѣлъ негодованіемъ и яростно принялся требовать къ себѣ содержателя постоялаго двора. Какъ разъ въ это мгновеніе вошелъ трактирный слуга съ завтракомъ.

— Объясни мнѣ, дьявольское отродье, если только хочешь остаться въ живыхъ, гдѣ мальчикъ? — взревѣлъ воинъ, бросившись съ такимъ неистовствомъ къ половому, что у того отъ страха и удивленія онѣмѣлъ въ первую минуту языкъ.

Замкаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ, трактирный слуга сообщилъ, наконецъ, слѣдующее:

— Ваша милость только-что изволили уйти, какъ приближалъ сюда молодчикъ и сказалъ, что ваша милость велѣли мальчику идти прямо къ вамъ, на самый конецъ моста съ Зюйдверкской стороны. Я привелъ его сюда. Онъ разбудилъ мальчика и передалъ ему ваше порученіе. Мальчикъ немного поворчалъ за то, что его разбудили такъ рано, но тотчасъ же одѣлся въ рваное свое платье и пошелъ съ вашимъ посланцемъ, замѣтивъ, впрочемъ, что было бы приличіе для вашей милости придти самимъ, а не присылать за нимъ какого-то проходимца. И вотъ такимъ образомъ...

— Ты оказался дуракомъ, набитымъ дуракомъ, который сразу же дался въ обманъ. Желая тебѣ за это провалиться сквозь землю. Впрочемъ, ничего особенно дурного еще и не случилось. Пожалуй, что я успѣю еще ихъ догнать и найду моего мальчика цѣлымъ и невредимымъ. Накрой тѣмъ временемъ на столъ. Впрочемъ, погоди. Одѣяло на кровати было свернуто такъ, какъ если бы кто-нибудь подъ нимъ лежалъ. Неужели это была игра случая?

— Право, не знаю, ваша милость. Положимъ, что молодчикъ, приходившій за мальчикомъ, что-то долго возился съ одѣяломъ.

— Тысячу чертей! Это было сдѣлано, чтобы меня обмануть! Понятно, что тутъ имѣлось въ виду выиграть время. Послушай-ка, былъ этотъ молодчикъ одинъ?

— Одинъ-одинешенекъ, ваша милость.

— И ты въ этомъ увѣренъ?

— Увѣренъ, ваша милость.

— Подумай-ка хорошенько и постарайся припомнить все, какъ было.

Подумавъ съ минутку, половой сказалъ:

— Онъ пришелъ сюда совершенно одинъ, но теперь я припоминаю, что какъ только онъ съ мальчикомъ вышелъ на мостъ и вмѣшался въ толпу, къ нимъ подскочилъ откуда-то рослый мужчина, производившій впечатлѣніе порядочнаго негодяя. Въ ту самую минуту, когда онъ къ нимъ подскочилъ...

— Что же тогда случилось? Говори же! — вскричалъ громовымъ голосомъ Гендонъ, прерывая слугу.

— Какъ разъ въ ту самую минуту они скрылись въ толпѣ, и я ничего больше не видѣлъ. Дѣло въ томъ, что меня кликнулъ назадъ хозяинъ, страшно разсердившійся на то, что забыли изготovitъ ростбифъ, заказанный сборщикомъ заставныхъ пошлинъ. Мнѣ страшно за это досталось, хотя я беру всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что такъ же неповиненъ въ этомъ проступкѣ, какъ неродившійся еще младенецъ...

— Прочь съ глазъ моихъ, идиотъ! Твоя болтовня сводитъ меня съ ума! Постой, куда ты бѣжишь! Неужели не можешь хоть минутку стоять смирно? Они и въ самомъ дѣлѣ пошли къ Зюйдверку?

— Точно такъ, ваша милость, хотя, впрочемъ, не могу за это поручиться, потому, значить, что меня хозяинъ призвалъ, чтобы выбрать за проклятый ростбифъ, въ которомъ я также неповиненъ, какъ ребенокъ, находящійся еще, съ позволенія вашей милости, въ материнской утробѣ. Такъ видите ли...

— Ты все еще здѣсь и мелешь попрежнему вздоръ! Сейчасъ же сгинь и пропади, а не то я тебя удушю!

Половой исчезъ, а Гендонъ выбѣжалъ вслѣдъ за нимъ, перепрыгнулъ его и, прыгая черезъ двѣ ступеньки на третью, быстро спустился съ лѣстницы. — Безъ сомнѣнія, это тотъ же подлый негодяй, который называлъ себя его отцомъ, — бормоталъ Мильсъ сквозь зубы. — Бѣдный мой сумасшедшій мальчикъ, я тебя потерялъ! Горько мнѣ объ этомъ думать, такъ какъ я успѣлъ уже тебя полюбить. Нѣтъ, клянусь церковными книгами и колоколами, что я на этомъ не помирюсь. Я осмотрю всѣ закоулки въ Лондонѣ и окрестностяхъ и не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока тебя не разыщу. Несчастное дитя, тамъ наверху дожидается тебя завтракъ, приготовленный для насъ обоихъ. Мнѣ тоже не до ѣды. Пусть крысы съѣдятъ мою порцію. Всего важнѣе теперь не терять времени. Необходимо спѣшить!

Быстро прокладывая себѣ путь сквозь шумную толпу на Лондонскомъ мосту, онъ нѣсколько разъ говорилъ себѣ самому:

— Мой мальчикъ хоть и поворчалъ немного, но все-таки пошелъ.

Да, онъ пошелъ, голубчикъ, потому что думалъ, будто этого желаетъ Мильсъ Гендонъ. Ни для кого другого онъ этого бы не сдѣлалъ. Я въ этомъ увѣренъ, положительно увѣренъ, — добавлялъ Мильсъ съ такимъ видомъ, какъ еслибъ означенная увѣренность была ему особенно пріятна.

ГЛАВА XIV.

Король умеръ. Да здравствуетъ король!

Къ разсвѣту того же самаго утра Томъ Канти пробудился отъ тяжелаго сна. Было еще темно, когда мальчикъ раскрылъ глаза. Съ минутку онъ лежалъ молча, пытаясь разобраться въ пестрой путаницѣ наполнявшихъ его голову мыслей и впечатлѣній и прискаты имъ какой-нибудь смыслъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, это ему удалось, такъ какъ онъ неожиданно воскликнулъ вполголоса, но съ выраженіемъ величайшаго восторга:

— Теперь я понялъ все, рѣшительно все! Ну, слава Богу, я окончательно проснулся. Прочь печаль и тоска. Будемъ радоваться. Эй, Аня и Лиза, прыгайте съ вашей соломой прямо сюда ко мнѣ! Я расскажу вамъ самый дикій и сумасшедшій сонъ, какой посылали когда-либо ночные духи человѣку, котораго хотѣли удивить! Вы просто не повѣрите своимъ ушамъ, какимъ образомъ все это могло мнѣ присниться. Гдѣ же вы, Аня и Лиза? Оглухи вы, что ли!..

Какая-то человѣческая фигура, очертанія которой нельзя было разглядѣть въ темнотѣ, подошла къ его постели и чей-то голосъ произнесъ:

— Благоутодно тебѣ что-нибудь повелѣтъ?..

— Увы, я узнаю этотъ голосъ! Скажи же мнѣ, кто я такой?

— Ты-то? Вчера еще ты былъ принцемъ Уэльскимъ, а сегодня ты, всемогуществѣйшій мой государь, Эдуардъ, король англійскій! Уткнувшись головой въ подушки, Томъ жалобно проговорилъ:

— Ахъ, это, значитъ, былъ не сонъ! Ложитесь опять въ постель, дорогой графъ, и предоставьте меня моему горю!

Томъ снова заснулъ и по прошествіи нѣкотораго времени увидѣлъ очень пріятный сонъ. Ему снилось, будто онъ играетъ одинъ въ самый разгаръ лѣта на хорошенькой лужайкѣ, называвшейся «Полею добраго чародѣя». Вдругъ подходитъ къ нему маленькій карликъ вышиной всего въ полъ-аршина, съ длинными рыжими усами и большимъ горбомъ. Обласкавъ Тома, карликъ этотъ подаръ ему маленькую монетку и сказалъ:

— Рой ямку возлѣ этого пня!

Онъ послушался и сразу же нашелъ въ этой ямкѣ двѣнадцать совсѣмъ новенькихъ трехкопеечныхъ монетъ, составлявшихъ

для него цѣлый капиталъ. Дѣло этимъ не ограничилось. Карликъ подошелъ опять къ Тому и сказалъ ему:

— Ты добрый, хорошій мальчикъ. Всѣ твои несчастья закончились, такъ какъ день награжденія ужь наступилъ. Приходи сюда черезъ каждыя семь дней. Ты найдешь подъ землею возлѣ этого самого пня каждый разъ двѣнадцать новенькихъ трехкопеечниковъ. Не говори только объ этомъ никому и храни эту тайну.

Карликъ исчезъ, а Томъ сейчасъ же побѣжалъ съ деньгами на Мусорный дворъ, разсуждая самъ съ собою:

«Я буду каждый вечеръ отдавать отцу по трехкопеечнику. Онъ подумаетъ, что я выклянчилъ эти деньги, обрадуется этому и не станетъ больше меня колотить! Доброму священнику, который меня училъ, я буду еженедѣльно приносить по трехкопеечнику, остальные же четыре монеты стану отдавать матери, Анѣ и Лизѣ. Имъ не придется больше ходить въ лохмотьяхъ и страдать отъ голода. Намъ незачѣмъ будетъ ежeminутно опасаться площадной брани и побоевъ. Тому казалось во снѣ, будто онъ, запыхавшись, съ глазами, сіявшими отъ радости и восторга, прибѣжалъ въ мерзостную свою конуру, бросилъ четыре трехкопеечныя монеты въ подолъ матери и воскликнулъ:

— Онъ всѣ твои, рѣшительно всѣ! Возьми ихъ для себя, Ани и Лизы. Деньги эти добыты честнымъ путемъ: не попрошайничествомъ и не воровствомъ.

Счастливая удивленная мать прижала его къ своей груди и воскликнула:

— Становится уже поздно. Не благоугодно ли вашему величеству проснуться?

Мальчикъ ожидалъ совѣтъ много отвѣта. Сонъ его мгновенно разсѣялся. Онъ пробудился.

Раскрывъ глаза, Томъ увидѣлъ стоявшаго на колѣняхъ передъ его кроватью лорда камергера въ великолѣпной полной парадной формѣ. Радостное чувство, вызванное живымъ сномъ, быстро исчезло, и бѣдный мальчикъ съ горестью убѣдился, что остается попрежнему въ неволѣ и королемъ. Въ опочивальнѣ его толпились придворные въ мантияхъ пурпурнаго цвѣта, считавшагося тогда траурнымъ. Въ рядахъ ихъ находились также и вельможи, прислуживавшіе монарху. Сидя въ постели, Томъ глядѣлъ изъ-за тяжелыхъ шелковыхъ занавѣсей на всѣхъ этихъ знатныхъ особъ.

Началось важное дѣло одѣванія его величества. Одинъ придворный за другимъ становился передъ королемъ на колѣни, привѣтствовалъ его величество и высказывалъ свое соболѣзнованіе по поводу понесенной королемъ тяжелой утраты. Тѣмъ временемъ одѣваніе шло своимъ чередомъ. Старшій дежурный шталмейстеръ, взявъ рубашку, передалъ ее лорду оберъ-егермейстеру, отъ него

она перешла ко второму камеръ-юнкеру, который препроводилъ ее лорду смотрителю Виндзорскаго лѣса, отъ него она перешла послѣдовательно къ лорду доѣзжаему, къ королевскому канцлеру герцогства Ланкастерскаго, къ гардеробмейстеру, къ третьему изъ англійскихъ провинціальныхъ герольдовъ, къ полицмейстеру Лондонской башни, къ оберъ-гофмейстеру, къ великому наслѣдственному салфеткодержателю, къ лорду англійскому великому адмиралу и, наконецъ, къ лорду старшему камергеру, который, взявъ эту рубашку, успѣвшую порядкомъ поизмяться, надѣлъ ее на Тома. Бѣдняга мальчикъ съ изумленіемъ глядѣлъ на эту процедуру, напоминавшую ему передачу ведра съ водою изъ рукъ въ руки на пожарѣ.

Каждый предметъ одѣянія подвергался въ свою очередь той же самой медленной и торжественной процедурѣ. Неудивительно, если она сердечно надоела Тому, и что онъ ощутилъ приливъ неизреченной радости, когда подъ конецъ увидѣлъ, что длинные шелковые чулки тронулись уже въ путь. Онъ заключилъ отсюда, что одѣванье близится къ концу. Радость мальчика оказалась, однако, преждевременной. Старшій лордъ-камергеръ, принявъ чулки, собирався уже напялить ихъ Тому на ноги, но вдругъ лицо почтеннаго лорда покрылось густымъ румянцемъ, и онъ поспѣшно сунулъ чулки обратно архіепископу кентерберійскому, прошепталъ съ изумленнымъ видомъ: «Потрудитесь взглянуть, милордъ!» при чемъ указалъ на обнаруженную имъ въ чулкѣ маленькую дырочку. Архіепископъ сперва поблѣднѣлъ, а потомъ покраснѣлъ и, передавъ чулокъ великому лорду адмиралу, шепнулъ: «Видите вы это, милордъ?» Отъ адмирала чулки перешли къ наслѣдственному великому салфеткодержателю, а затѣмъ прослѣдовали опять по порядку къ оберъ-гофмейстеру, полицмейстеру Лондонской башни, третьему герольду, гардеробмейстеру, канцлеру герцогства Ланкастерскаго, лорду доѣзжаему, виндзорскому старшему лѣсническому, второму камеръ-юнкеру и лорду оберъ-егермейстеру, сопровождаемый каждый разъ робкимъ и испуганнымъ возгласомъ: «Смотрите, смотрите», пока, наконецъ, попали въ руки дежурнаго лорда оберъ-штаймейстера. Поглядѣвъ съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ на причину всего этого ужаса и отчаянія, онъ прошепталъ прерывающимся голосомъ:

— Боже мой, этого только еще недоставало. Тутъ, во время вязанья, спущена была петля!.. Сейчасъ же отправить старшаго смотрителя королевскихъ чулковъ въ Лондонскую башню!

Отдавъ это приказаніе, онъ оперся на плечо старшаго лорда егермейстера, чтобы собраться съ новыми силами въ ожиданіи, пока принесутъ его величеству новые чулки безъ всякихъ пороковъ и недостатковъ.

Все здѣсь на землѣ имѣетъ начало и конецъ, а потому, съ теченіемъ времени, Тома Канти привели въ такое положеніе, что онъ могъ встать съ постели. Надлежащая высокопоставленная особа подала ему мыться, другая знатная особа дѣятельно пособляла производить эту операцію, третья стояла наготовѣ съ полотенцемъ и т. д., и т. д. Благополучно покончивъ съ церемоніаломъ омовенія, Томъ, съ высочайшаго своего разрѣшенія, переданъ былъ въ распоряженіе королевскаго лейбъ-парикмахера. Выйдя, наконецъ, изъ рукъ этого художника, онъ, въ своемъ плащѣ и брюкахъ изъ пурпуроваго атласа и въ шапочкѣ съ пурпуровыми перьями, казался столь же изящнымъ и красивымъ, какъ красная дѣвушка. Затѣмъ онъ торжественно прослѣдовалъ сквозь залы, наполненныя придворными, въ малую столовую для завтрака. Всюду на пути Тома знатные лорды и лэди въ великолѣпныхъ траурныхъ костюмахъ разступались, чтобы дать ему дорогу и падали передъ нимъ на колѣни. Послѣ завтрака Томъ въ сопровожденіи высшихъ государственныхъ чиновъ и стражи изъ пятидесяти лейбъ-гвардейцевъ благороднаго происхожденія, вооруженныхъ позолоченными боевыми сѣкирами, былъ отведенъ съ царственнымъ церемоніаломъ въ тронную залу, чтобы заниматься тамъ государственными дѣлами. Дяди короля, лордъ Гертфордъ, стоялъ возлѣ трона, чтобы пособлять юному монарху мудрыми совѣтами.

Знатные вельможи, назначенные покойнымъ королемъ душеприказчиками, явились, чтобы испросить одобренія Тома для нѣкоторыхъ сдѣланныхъ ими распоряженій. Нельзя сказать, чтобы это было съ ихъ стороны простою формальностью, такъ какъ регента не было еще назначено. Архіепископъ кентербэрійскій доложилъ Тому составленный душеприказчиками декретъ, касательно похоронъ его величества покойнаго короля, скрѣпленный подписями душеприказчиковъ, а именно, архіепископа кентербэрійскаго, англійскаго лорда-канцлера, Уильяма лорда Сентъ-Джона, Джона лорда Росселя, Эдварда графа Гертфорда, Джона виконта Лиля, Кудберта епископа дургемскаго...

Томъ не слушалъ перечисленія этихъ именъ и титуловъ. Его приводилъ въ недоумѣніе одинъ изъ параграфовъ декрета. Обернувшись къ лорду Гертфорду, онъ спросилъ шепотомъ:

- Въ какой именно день назначены похороны?
- Шестнадцатаго числа будущаго мѣсяца, государь.
- Мнѣ, это кажется ужасно глупымъ. Развѣ онъ можетъ сохраниваться такъ долго?

Бѣдняга еще не привыкъ къ царственнымъ обычаямъ и порядкамъ. Ему было какъ нельзя лучше извѣстно, что нищенствовавшее населеніе Мусорнаго двора не давало залеживаться своимъ

покойникамъ, которыхъ спѣшили хоронить на другой, или же на третій день послѣ ихъ смерти. Лордъ Гертфордъ разсѣялъ безъ труда его опасенія.

Затѣмъ государственный секретарь доложилъ указъ верховнаго совѣта о назначеніи въ одиннадцать часовъ завтрашняго утра аудіенціи иностраннымъ посламъ и просилъ короля скрѣпить этотъ указъ высочайшимъ своимъ разрѣшеніемъ.

Томъ обратилъ испытующій взоръ на графа Гертфорда, который ему шепнулъ:

— Вашему величеству будетъ благоугодно изъяснить свое согласіе... Послы ходатайствовали объ аудіенціи, чтобы выразить отъ лица своихъ государей соболѣзнованіе по поводу тяжкаго бѣдствія, постигшаго ваше величество и все англійское королевство.

Другой государственный секретарь принялся читать докладъ объ издержкахъ на содержаніе двора покойнаго короля Генриха VIII, при чемъ выяснилось, что за предшествовавшее полугодіе издержки эти простирались до 28.000 фун. стерлинговъ. Сумма эта показалась Тому Канти до такой степени громадной, что онъ разинулъ ротъ отъ изумленія. Оно еще болѣе возросло, когда докладчикъ объяснилъ, что изъ этой суммы 20.000 фун. стерлинговъ остаются еще въ долгу. Самое сильное впечатлѣніе произвело, однако, на Тома заявленіе государственнаго секретаря, что въ сундукахъ собственнаго королевскаго казначейства ровно ничего нѣтъ и что тысяча двѣсти служителей, состоящихъ по штату при особѣ его величества, находятся въ очень стѣсненномъ положеніи, вслѣдствіе неуплаты имъ жалованья за прежнее время. Взволнованный не на шутку, Томъ энергически воскликнулъ:

— Да вѣдь мы такимъ образомъ вылетимъ, съ позволенія сказать, въ трубу! Надо по одежкѣ протягивать ножки, пными словами, сократить королевскій штатъ и отпустить лишнихъ служителей, тѣмъ болѣе что отъ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго прока. Они заставляютъ лишь короля даромъ терять время и смущаютъ его ненужными услугами, которыя, утомляя умъ и позоря душу, приличествовали бы развѣ для куклы, не имѣющей ни мозговъ, ни рукъ, а потому неспособной ничего дѣлать. Я припоминаю маленький домикъ близъ Билингскихъ воротъ, прямо напротивъ Рыбнаго рынка...

Графъ Гертфордъ въ это мгновеніе такъ крѣпко схватилъ Тома за руку, что мальчикъ внезапно покраснѣлъ и прекратилъ безразсудныя замѣчанія. На лицахъ присутствовавшихъ вельможъ нельзя было подмѣтить ни малѣйшаго признака того, чтобы эти неумѣстныя и странныя замѣчанія произвели сколько-нибудь неблагопріятное впечатлѣніе.

Государственный секретарь представилъ еще докладъ о томъ, что покойный король въ своемъ завѣщаніи предписалъ возвести графа Гертфорда въ герцогское достоинство, а его брата, сэра Томаса Сеймура, въ англійскіе пэры. Сынъ Гертфорда долженъ былъ получить графское достоинство, а прочимъ высшимъ придворнымъ чинамъ предназначались по завѣщанію разныя другія награды. Государственный совѣтъ постановилъ, въ виду всего этого, собраться 16 февраля для обсужденія и утвержденія означенныхъ наградъ. Принимая во вниманіе, что покойный король не соизволилъ назначить ново пожалованнымъ титулованнымъ лицамъ соответственныхъ помѣстій, совѣтъ душеприказчиковъ, на основаніи словесныхъ заявленій его величества, признаетъ утѣстнымъ дать Сеймуру помѣстье съ доходомъ въ 500 фунтовъ стерлинговъ, а сыну Гертфорда другое помѣстье съ доходомъ въ 800 фун. съ тѣмъ, что къ нему будетъ прирѣзана часть епископскаго помѣстья съ доходомъ въ 300 фун. стерлинговъ, какъ только помѣстье это станетъ вакантнымъ. Безъ сомнѣнія, все это дѣлается съ разрѣшенія благополучно царствующаго короля. Томъ собирався было заявить, что слѣдовало сперва уплатить долги покойнаго короля, а потомъ уже выдавать награды вельможамъ, но догадливый Гертфордъ, своевременно схвативъ мальчика за руку, избавилъ его отъ этой еще худшей нескромности. Томъ безпрекословно далъ свое королевское согласіе, хотя подобная несвоевременная щедрость очень ему не нравилась. На минуту мальчикъ утѣшился, разсуждая о легкости, съ которою творятся такія необычайныя блестящія чудеса. Ему пришла въ голову счастливая мысль: отчего бы не сдѣлать его мать герцогиней Мусорнаго двора, наградивъ ее кстати приличнымъ помѣстьемъ? Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе онъ съ величайшимъ прискорбіемъ убѣдился въ неосуществимости этого проекта. Вѣдь онъ былъ королемъ только по имени, тогда какъ на самомъ дѣлѣ имъ помыкали важные государственные сановники и вельможи. Для нихъ его мать являлась только призраннымъ созданіемъ больного воображенія. Томъ понималъ, что если бы онъ отдалъ приказъ возвести ее въ герцогское достоинство, его выслушали бы почтительнѣйшимъ образомъ и тотчасъ послали бы за докторомъ.

Доклады по государственнымъ дѣламъ шли своимъ чередомъ. Они казались Тому до чрезвычайности скучными и надоѣдливymi. Ему пришлось выслушать чтеніе множества прошеній, заявленій, патентовъ и разныхъ другихъ дѣловыхъ документовъ, изложенныхъ самымъ убійственнымъ слогомъ со множествомъ излишнихъ повтореній и формальностей. Подъ конецъ Томъ грустно вздохнулъ и сказалъ самому себѣ:

— За какіе именно грѣхи Господь Богъ взялъ меня изъ прежней моей жизни, среди полей на чистомъ воздухѣ и солнечномъ свѣтѣ, чтобъ запереть здѣсь во дворцѣ, превратить въ короля и подвергнуть такой тяжелой мукѣ?

Бѣдная утомленная головка мальчика начала легонько кивать и, наконецъ, опустилась на плечо. Государственные дѣла пріостановились за недостаткомъ августѣйшей власти, которая должна была скрѣплять ихъ своимъ утвержденіемъ. Вокругъ задремавшаго мальчика водворилось молчаніе, и мудрые государственные сановники прервали свои совѣщанія.

До полудня Тому, съ разрѣшенія его гувернеровъ, Гертфорда и Сентъ-Джона, можно было отдохнуть душою часочекъ въ обществѣ лэди Елизаветы и лэди Анны Грей, хотя настроеніе духа у обѣихъ принцессъ было подавлено тяжелымъ ударомъ, поразившимъ королевскую фамилію. Тотчасъ по ихъ уходѣ посѣтила Тома старшая принцесса, которая была потомъ извѣстна въ англійской исторіи подъ именемъ Маріи Кровавой. Несмотря на краткость, бывшую, по мнѣнію Тома, единственнымъ достоинствомъ этого свиданія, оно произвело на него тяжелое впечатлѣніе. Въ распоряженіи Тома оставалось всего лишь нѣсколько свободныхъ минутъ, когда къ нему вошелъ безъ доклада маленький худощавый мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, одѣтый весь въ черное, за исключеніемъ бѣлоснѣжнаго воротничка и кружевныхъ рукавичковъ. На рукѣ у него не было траурной повязки. Мѣсто ея заступала бантъ изъ пурпуровой ленты на плечѣ. Онъ неувѣренно подошелъ къ Тому и, потупивъ голову, сталъ передъ нимъ на одно колѣно. Томъ продолжалъ спокойно сидѣть на креслѣ и, поглядѣвъ съ минутку на своего посѣтителя, сказалъ:

— Встань, мальчикъ! Кто ты такой? Что тебѣ надо?

Мальчикъ поднялся съ колѣнъ и стоялъ передъ Томомъ съ граціозной непринужденностью, но при этомъ на его лицѣ можно было подмѣтить тревожное опасеніе. Онъ отвѣтилъ:

— Ты навѣрное помнишь меня, милордъ. Я твой мальчикъ для порки.

— Мальчикъ для порки?

— Точно такъ, ваше величество, я вѣдь Гэмфри... Гэмфри Марлоу!

Томъ нашелъ, что гувернерамъ слѣдовало бы предупредить его о существованіи такого должностнаго лица. Положеніе казалось ему щекотливымъ. Какъ тутъ поступить: сдѣлать видъ, что узнаетъ мальчика, а затѣмъ выказывать каждымъ своимъ словомъ, что никогда прежде о немъ не слыхалъ? Нѣтъ, это не годится! Вмѣстѣ съ тѣмъ Тому пришло на мысль, что подобные казусы могутъ теперь случаться съ нимъ частенько, такъ какъ лорды Гертфордъ

и Сентъ-Джонъ, въ качествѣ душеприказчиковъ покойнаго короля, должны участвовать въ совѣщаніяхъ и, слѣдовательно, оставлять его одного на произволъ судьбы. Надлежало выработать себѣ такой образъ дѣйствій, при посредствѣ котораго онъ самъ могъ бы выпутываться изъ затрудненій. Остановившись на столь мудрой идеѣ, Томъ рѣшилъ немедленно испытать ея пригодность на этомъ мальчикѣ и посмотрѣть, къ какимъ результатамъ она его приведетъ. Проведя раза два съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ полбу, онъ сказалъ:

— Я тебя какъ будто припоминаю, но только туманно и неясно: глубокое горе словно омрачило мнѣ память.

— Ахъ, какъ это прискорбно, ваше величество!—съ чувствомъ воскликнулъ мальчикъ для порки. Одновременно съ этимъ, онъ присовокупилъ про себя:—А вѣдь правду говорили, что онъ помѣшался. И въ самомъ дѣлѣ жалъ бѣдняжку! Хорошо, что никто насъ не слышалъ, а то бы мнѣ, безъ сомнѣнія, досталось порядкомъ на орѣхи. Я совсѣмъ забылъ приказаніе держать себя такъ, словно вовсе не замѣчалъ, что съ нимъ творится неладное.

— Удивительно, какъ это память измѣняетъ мнѣ за послѣдніе нѣсколько дней,—продолжалъ Томъ.—Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего серьезнаго. Мнѣ становится теперь уже лучше. Зачастую достаточно для меня легкаго намека, чтобы вспомнить опять имена и вещи, о которыхъ я, казалось, совсѣмъ уже забылъ (надѣюсь доказать этому мальчику, что я могу такимъ путемъ вспомнить даже то, о чемъ никогда прежде не слыхивалъ). Ну, рассказывай теперь, что тебѣ надо!

— Дѣло это, государь, ничтожное, но, съ разрѣшенія вашего величества, я всетаки осмѣлюсь его изложить. Два дня тому назадъ, когда ваше величество изволили сдѣлать три ошибки въ греческомъ сочиненіи... помните, еще во время утренняго урока?

— Н - да, кажется, помню (положимъ, я теперь лгу, но это несущественно, такъ какъ, еслибъ я вздумалъ писать по гречески, то сдѣлалъ бы, разумѣется, не три, а тридцать три ошибки)... да, я припоминаю; продолжай.

— Учитель, разсердившись на работу вашего величества, назвалъ ее небрежной и дурацкой и обѣщалъ задать мнѣ за нее добрую порку...

— Тебѣ порку?—повторилъ Томъ, изумленный до того, что невольно вышелъ изъ своей роли.—Съ какой же стати пороть тебѣ за сдѣланныя мною ошибки?

— Память опять измѣнила вашему величеству. Учитель пороть меня каждый разъ, когда вы плохо приготовляете свои уроки.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, я совершенно позабылъ объ этомъ. Ты вѣдь повторяешь эти уроки со мною и, если я плохо ихъ знаю, то онъ заключаетъ, что ты не исполнилъ какъ слѣдуетъ своихъ обязанностей и...

— Ахъ, государь, что вы говорите! Развѣ осмѣлюсь я, смиреннѣйшій изъ твоихъ слугъ, учить тебя чему-нибудь?

— За что же тогда тебя порять? Это для меня какая-то загадка. Ужъ не сошелъ ли я и впрямь съ ума? Или, быть можетъ, ты помѣшался? Потрудись объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Ваше величество, тутъ нечего даже и объяснять. Никто не дерзаетъ оскорбить ударами священную особу принца Уэльскаго. Поэтому за его провинности приходилось расплачиваться мнѣ. Это было совершенно уместно и правильно, такъ какъ составляло прямую мою обязанность по службѣ, за которую я получалъ до сихъ поръ жалованье.

Томъ пристально глядѣлъ на мальчика, совершенно спокойнымъ тономъ докладывавшаго ему все это, и разсуждалъ самъ съ собою: «Вотъ такъ штука! Признаться, я ничего подобнаго не ожидалъ. Странная, удивительная должность. Какъ это они не догадались нанять мальчика, который позволилъ бы себя чесать и одѣвать вмѣсто меня? Ахъ, какъ я былъ бы радъ, еслибъ они это сдѣлали. Я въ такомъ случаѣ согласился бы ужъ, чтобъ меня пороли лично за мои провинности и сталъ бы благодарить Бога за такую перемѣну». Затѣмъ онъ громко спросилъ:

— И что же, тебя и въ самомъ дѣлѣ теперь выпороли?

— Нѣтъ еще, ваше величество! Наказаніе было назначено на сегодняшній день. Быть можетъ, его и отмѣнять, какъ несоотвѣтствующее установленному теперь придворному трауру. Во всякомъ случаѣ, я осмѣлился явиться сюда и напомнить вашему величеству о милостивомъ обѣщаніи ходатайствовать за меня.

— Передъ учителемъ, чтобы спасти тебя отъ порки?

— Ахъ, ваше величество, вы вспоминаете?

— Какъ видишь, память у меня улучшается. Успокойся, спина твоя на этотъ разъ не пострадаетъ. Я объ этомъ похлопочу!

— Благодарю васъ, государь, — воскликнулъ мальчикъ, снова падая передъ Томомъ на колѣни. — Быть можетъ, мнѣ слѣдовало бы этимъ и ограничиться, но...

Видя, что Гемфри колеблется, Томъ ободрилъ его продолжать, объяснивъ, что чувствуетъ себя въ особенно благодушномъ настроеніи.

— Тогда я осмѣлюсь высказать вашему величеству еще одну всепокорнѣйшую просьбу. Ты, государь, теперь уже не принцъ Уэльскій, а король и можешь устраивать все такъ, какъ тебѣ

вздумается, при чемъ никто не посмѣетъ тебѣ противорѣчить. Тебѣ нѣтъ поѣтому ни малѣйшей надобности корпѣть надъ книжками. Ты, безъ сомнѣнія, ихъ сожжешь и станешь заниматься чѣмъ-нибудь менѣе скучнымъ и противнымъ. Въ такомъ случаѣ, я и мои спротки сестры пропадемъ, какъ говорится, ни за грошъ.

— Отчего же вы пропадете, скажи на милость?

— Просто-на-просто оттого, что моя спина зарабатываетъ намъ всѣмъ кусокъ хлѣба. Ахъ, государь, если она останется безъ дѣла, мы всѣ умремъ съ голоду. Какъ только ты перестанешь учиться, моя должность будетъ упразднена, такъ какъ ты не будешь больше нуждаться въ мальчикѣ для порки. Умоляю тебя, государь, не прогоняй меня со службы!

Томъ былъ до глубины души растроганъ искреннимъ глубокимъ горемъ мальчика и сказалъ въ настоящемъ царственномъ порывѣ великодушія:

— Не печалься болѣе, мой милый, твоя должность останется на вѣчныя времена за тобой и твоимъ потомствомъ. — Затѣмъ, слегка ударивъ мальчика по плечу плащомъ своимъ августѣйшимъ мечомъ, онъ воскликнулъ: — Встань, Гэмфри Марлоу, наследственный великій мальчикъ для порки при королевскомъ англійскомъ домѣ! Не печалься понапрасну. Я снова примусь за книги и стану такъ гадко учиться, что твои должностныя занятія очень увеличатся. Можетъ быть, въ виду этого обстоятельства найдутъ нужнымъ устроить тебѣ жалованье.

Обрадованный Гэмфри восторженно отвѣтилъ:

— Благодарю, ваше величество! Благодарю васъ отъ всего сердца! Августѣйшія ваши милости превысили своею щедростью самыя смѣлыя мои мечты. Теперь счастье обезпечено на всю жизнь не только мнѣ, но и всему благородному роду Марлоу.

Томъ обладалъ достаточной догадливостью, чтобы сообразить, что этотъ мальчикъ можетъ оказаться ему полезнымъ. Онъ обладалъ Гэмфри такъ, чтобы заставить его разговаривать, и достигъ предположенной цѣли. Гэмфри радовался отъ всего сердца, думая, что помогаетъ исцѣленію Тома. Каждый разъ, послѣ того какъ мальчикъ напоминалъ его величеству разныя подробности чего либо происходившаго въ августѣйшей классной комнатѣ или вообще во дворцѣ, онъ съ паивнымъ восхищеніемъ убѣждался, что Томъ вѣдь и въ самомъ дѣлѣ совершенно явственно припоминаетъ себѣ эти факты. Память у его величества начала замѣтно улучшаться. По прошествіи какого-нибудь часа Томъ скопилъ себѣ порядочный запасъ весьма цѣнныхъ свѣдѣній относительно лицъ и порядковъ при его королевскомъ дворѣ, а потому рѣшилъ ежедневно почерпать новыя свѣдѣнія изъ этого источника. Въ виду этого онъ повелѣлъ немедленно впускать Гэмфри въ королевскій

кабинетъ, когда онъ придетъ, если только король не будетъ занятъ въ это время другими дѣлами. Теперь же, по уходѣ великаго наслѣдственнаго мальчика для порки, явился въ кабинетъ его величества графъ Гертфордъ съ извѣстіемъ, на этотъ разъ очень непріятнымъ для Тома.

Онъ сообщилъ, что лорды государственнаго совѣта, опасаясь, чтобы преувеличенные слухи о душевной болѣзни короля не распространились въ народѣ и не произвели дурного впечатлѣнія, призналъ наиболѣе умѣстнымъ и благоразумнымъ для его величества завтракать и обѣдать публично, съ соблюденіемъ надлежащаго въ такихъ случаяхъ церемоніала. Къ этому надлежитъ приступить съ завтрашняго, или послѣзавтрашняго дня. Государственный совѣтъ полагалъ, что здоровый цвѣтъ лица и бодрая походка его величества, совмѣстно съ изящными манерами и непринужденной граціей обращенія, несравненно вѣрнѣе успокоятъ общественное мнѣніе, въ случаѣ если бы непріятные слухи и въ самомъ дѣлѣ распространились, чѣмъ всякія иныя мѣры, какія можно было бы примѣнить при существующихъ условіяхъ.

Графъ началъ тогда самымъ деликатнымъ образомъ знакомить Тома съ тѣмъ, какъ надлежитъ королю держаться при парадныхъ обѣдахъ. При этомъ онъ дѣлалъ видъ, будто напоминаетъ то, что, безъ сомнѣнія, должно быть хорошо извѣстно его племяннику. Къ величайшей радости графа, выяснилось, что Томъ почти не нуждается по этому предмету въ его инструкціяхъ. Его величество сумѣлъ искусно воспользоваться свѣдѣніями, которыя выудилъ у Гэмфри, когда мальчикъ для порки рассказалъ ему, между прочимъ, что королю придется вскорѣ обѣдать публично. Легкокрылая придворная молва довела этотъ слухъ до его свѣдѣнія. Томъ не счелъ нужнымъ, однако, объяснять графу Гертфорду, по какой именно причинѣ такъ хорошо припоминаетъ, какъ надо вести себя за параднымъ обѣдомъ.

Видя, что королевская память до такой степени улучшилась, графъ позволилъ себѣ подвергнуть ее, какъ бы случайно, маленькому испытанію, чтобы убѣдиться, насколько именно подвинулось это улучшеніе. Результаты оказались очень благопріятными, но память у короля возстановилась, очевидно, только отчасти по нѣкоторымъ предметамъ (по тѣмъ именно, о которыхъ онъ бесѣдовалъ съ Гэмфри). При всемъ томъ лордъ Гертфордъ не на шутку обрадовался и началъ ласкать себя самыми оптимистическими надеждами. Онъ оказался даже не въ силахъ скрыть эти надежды и сказалъ увѣреннымъ тономъ:

— Я убѣжденъ теперь, что если ваше величество соблаговолите сдѣлать маленькое усиліе надъ своею памятью, то намъ удастся разрѣшить загадку исчезновенія большой государствен-

ной печати. Утрата этой печати была не далѣе какъ вчера очень существенной, но теперь не имѣетъ уже серьезнаго значенія, такъ какъ срокъ службы большой печати закончился вмѣстѣ съ жизнью покойнаго короля. Не соблаговолите ли ваше величество сдѣлать такую попытку?

Томъ положительно недоумѣвалъ, такъ какъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о большой государственной печати. Послѣ минутнаго колебанія онъ наивно взглянулъ на графа Гертфорда и спросилъ:

— Что это за штука, милордъ? Какова она на видъ.

Графъ невольно вздрогнулъ и пробормоталъ про себя: «Увы, онъ еще совсѣмъ помѣшанный! Съ моей стороны было неблаго-разумно заставлять его до такой степени напрягать свою память». Тщательно скрывая отъ короля свое волненіе, онъ ловко перевелъ разговоръ на другую тему, чтобы изгладить у Тома всякую мысль о злополучной печати, и безъ труда достигъ этой цѣли.

ГЛАВА XV.

Томъ въ роли короля.

На слѣдующій день явились въ тронную залу иностранные послы со своими пышными свитами. Томъ принялъ ихъ, воссѣдая на престолѣ, окруженный тоже самою царственною роскошью. Въ первыя минуты великолѣпное зрѣлище занимало мальчика и воспламеняло его воображеніе, но торжественная аудіенція оказалась слишкомъ продолжительной и скучной. Рѣчи пословъ были слишкомъ многословными и похожими одна на другую, такъ что Томъ подъ конецъ утомился и, вмѣсто удовольствія, началъ вскорѣ испытывать смертельную тоску и пламенное желаніе избавиться отъ столь непріятнаго королевскаго ремесла и вернуться опять на Мусорный дворъ. Въ отвѣтъ на посольскія рѣчи Томъ говорилъ то, что подсказывалъ ему графъ Гертфордъ; вообще онъ добросовѣстно старался выполнять монаршую свою обязанность, но дѣло это оказывалось для него еще непривычнымъ. Мальчикъ чувствовалъ себя слишкомъ не въ своей тарелкѣ, чтобы вполне безупречно играть свою роль. Онъ выполнилъ ее всего лишь довольно сносно, но и это было съ его стороны уже достаточнымъ подвигомъ. Онъ производилъ впечатлѣніе настоящаго короля, но никакъ не могъ усвоить себѣ истинно королевскихъ мыслей и чувствъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ сердечно радъ, когда торжественная аудіенція, окончилась.

Большая часть этого дня пропала, какъ находилъ Томъ, на выполнение обязанностей его королевскаго званія. Даже и два часа,

посвящавшихся якобы августѣйшимъ забавамъ и развлеченіямъ, казались ему своего рода бременемъ, такъ какъ эти развлеченія и забавы были обставлены стѣснительнымъ и непонятнымъ для него придворнымъ церемоніаломъ. Зато ему удалось побесѣдовать опять часокъ со своимъ мальчикомъ для порки. Томъ считалъ эту бесѣду для себя вдвойнѣ выгодною, такъ какъ она въ самомъ дѣлѣ его забавляла и, кромѣ того, давала ему случай обогатиться полезными свѣдѣніями.

Третій день царствованія Тома Канти прошелъ приблизительно такъ же, какъ и предшествовавшіе, при чемъ, однако, въ въ мрачныхъ тучахъ, словно окруженнымъ которыми чувствовалъ себя мальчикъ, образовался маленькій просвѣтъ. Томъ началъ помаленьку привыкать къ условіямъ своей обстановки, цѣпи придворнаго церемоніала все еще его тяготили и тревожили, но уже значительно меньше, чѣмъ въ первые дни. Онъ находилъ, что присутствіе знатныхъ придворныхъ сановниковъ и раболѣпное ихъ подслуживаніе смущаетъ и огорчаетъ его съ каждымъ часомъ все меньше.

При такихъ обстоятельствахъ Томъ встрѣтилъ бы безъ всякихъ опасеній приближеніе четвертаго дня своего царствованія, если бы какъ разъ въ этотъ день не предстояло ему впервые публично обѣдать. Обѣдъ этотъ беспокоилъ несчастнаго мальчика въ несравненно большей степени, чѣмъ другія, намѣченные на этотъ день, очередныя занятія. Между тѣмъ ему надлежало тогда предсѣдательствовать въ государственномъ совѣтѣ, собиравшемся, чтобы выслушать мнѣнія и приказанія его величества касательно политики, которой надлежало слѣдовать по отношенію къ иностраннымъ державамъ всего земного шара. Въ тотъ же самый день надлежало формально назначить графа Гертфорда лордомъ-протекторомъ и выслушать доклады по нѣкоторымъ другимъ важнымъ государственнымъ дѣламъ. Какъ уже упомянуто, все это казалось Тому ничтожнымъ по сравненію съ тяжкимъ испытаніемъ, которому онъ долженъ былъ подвергнуться. Онъ долженъ былъ обѣдать одинъ за столомъ, въ то время, когда на него будутъ устремлены многія сотни любопытствующихъ взоровъ, и сознавать при каждомъ глоткѣ, то всѣ эти зѣваки перешептываются другъ съ другомъ, подмѣчая каждый промахъ и каждое отступленіе отъ церемоніала, если ему, къ несчастью, случится это сдѣлать.

Англійскіе короли пользовались тогда большою властью, но она всетаки не могла помѣшать наступленію четвертаго дня, а потому этотъ день въ надлежащее время наступилъ. Онъ нашелъ бѣднягу Тома въ самомъ подавленномъ настроеніи духа: мальчикъ чувствовалъ себя въ высшей степени скверно, голова его была

какъ бы въ туманѣ и онъ не могъ ни на чемъ сосредоточиться. Всѣ его усилія стряхнуть съ себя это мучительное состояніе оказались тщетными. Выполненіе обычныхъ утреннихъ королевскихъ обязанностей казалось ему болѣе, чѣмъ когда-либо утомительнымъ и нескончаемо долгимъ. Онъ снова чувствовалъ въ высшей степени явственно, что находится въ плѣну, словно птичка въ золоченой клеткѣ.

Время близилось уже къ полудню, когда Томъ прохаживался взадъ и впередъ по большой пріемной залѣ, бесѣдуя съ графомъ Гертфордомъ и грустно ожидая наступленія часа, назначеннаго для параднаго пріема цѣлой толпы важныхъ государственныхъ и придворныхъ сановниковъ.

Подойдя къ окну, Томъ заинтересовался оживленнымъ движеніемъ на дорогѣ, пролегавшей за воротами дворца. Къ этому интересу присоединялось у мальчика сердечное желаніе очутиться самому за воротами и принять личное участіе въ шумной, веселой суетлостѣ. Какъ разъ въ это время онъ увидѣлъ еще издали приближавшуюся чернь, оглашавшую воздухъ криками и бранью. Можно было различить, что передніе ряды толпы состояли изъ женщинъ, мужчинъ и дѣтей, принадлежавшихъ къ подонкамъ лондонскаго населенія. Всѣ они казались очень взволнованными.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, что тамъ такое? — воскликнулъ Томъ съ любопытствомъ, совершенно естественнымъ у мальчика его лѣтъ.

— Ты, вѣдь, король, — торжественно отвѣтилъ ему съ поклономъ графъ Гертфордъ. — Приказываетъ мнѣ ваше величество отдать надлежащее распоряженіе?

— Ну, да, разумѣется! — съ возбужденіемъ воскликнулъ Томъ, прибавивъ для себя самого: — «положимъ, что царствовать скучновато, но всетаки король пользуется за это нѣкоторыми удовольствіями и удобствами». — Подобное соображеніе до нѣкоторой степени утѣшило мальчика.

Тѣмъ временемъ графъ позвалъ пажа и послалъ его къ капитану дворцовой стражи съ приказаніемъ:

— Задержать толпу и узнать, чего ради она собралась. Такъ повелѣваетъ король!

Спустя нѣсколько мгновеній, длинная колонна королевской стражи въ сверкающихъ стальныхъ бронеяхъ выступила изъ воротъ и, выстроившись поперекъ дороги, загородила путь толпѣ. Вскорѣ затѣмъ явился ординарецъ доложить, что толпа провожала мужчину, женщину и дѣвучку, осужденныхъ на смертную казнь за преступленія, учиненныя противъ мира и благоденствія Британскаго королевства.

Эти несчастливцы осуждены на смерть! Ихъ казнятъ! Мысль

эта сильно подѣйствовала на Тома; его охватило чувство состраданія, передъ которымъ ступевались всѣ остальные соображенія. Ему и въ голову не пришло вспомнить объ оскорбленномъ величїи закона, равно какъ о горѣ и убыткахъ, которые эти преступники причинили своимъ жертвамъ. Онъ видѣлъ единственно только эшафотъ и страшную участь, тяготѣвшую надъ головами осужденныхъ. Увлекаемый состраданіемъ, Томъ на мгновеніе даже забылъ, что онъ не настоящій король, а только лживый призракъ. Прежде чѣмъ мальчикъ успѣлъ опомниться, онъ уже отдалъ грозное приказаніе:

— Привести ихъ сюда!

Лицо Тома покрылось густымъ румянцемъ и онъ хотѣлъ было уже извиниться, но замѣтивъ, что это приказаніе не вызвало ни малѣйшаго удивленія ни у графа, ни у дежурнаго пажъ, благоразумно воздержался отъ всякихъ извиненій. Пажъ съ глубокимъ поклономъ вышелъ, пятась задомъ, изъ залы, чтобы выполнить королевское повелѣніе, представлявшееся ему совершенно естественнымъ. Томъ, ощутивъ проблескъ гордости, снова почувствовалъ, что королевскій санъ обладаетъ также кое-какими преимуществами; и началъ размышлять: «Право, я чувствую себя приблизительно такъ, какъ у старика священника, когда читая сказки, воображалъ себя принцемъ, который отдаетъ всѣмъ и каждому приказанія. Мнѣ стоитъ только сказать: сдѣлай то или это, и мои желанія тотчасъ выполняются безъ малѣйшаго прекословія.

Въ это мгновеніе дверь королевской пріемной растворилась настежь, и церемоніймейстеръ принялся докладывать имена и титулы знатныхъ сановниковъ, явившихся представиться его величеству. Добрая половина залы была вскорѣ наполнена пышно разодѣтой аристократіей. Томъ едва сознавалъ, однако, присутствіе этихъ знатныхъ особъ,—до такой степени былъ онъ возбужденъ и поглощенъ другимъ, несравненно болѣе интересовавшимъ его предметомъ. Въ разсѣянности онъ сѣлъ, самъ того не замѣчая, на свое парадное кресло и устремилъ глаза на дверь съ выраженіемъ нетерпѣливаго ожиданія. Замѣтивъ это, собравшіеся вельможи не рѣшились его тревожить и принялись вполголоса бесѣдовать другъ съ другомъ о государственныхъ дѣлахъ и придворныхъ сплетняхъ.

Вскорѣ послѣ того послышались приближавшіеся мѣрные шаги военного отряда. Осужденные на смертную казнь введены были въ залу, подъ конвоемъ младшаго шерифа и полузвода королевской стражи. Шерифъ преклонилъ колѣно передъ Томомъ, а потомъ, по данному знаку, всталъ и отошелъ въ сторону. Трое осужденныхъ такъ и остались стоять на колѣняхъ, что же ка-

сается до стражи, то она выстроилась позади королевскаго кресла. Томъ пристально вглядывался въ осужденныхъ. Что-то такое въ костюмѣ или наружности мужчины пробудило въ немъ туманное воспоминаніе. «Кажется, я гдѣ-то уже видѣлъ этого человѣка, только не помню, гдѣ именно и при какомъ случаѣ?» — думалъ Томъ. Какъ разъ въ это мгновеніе мужчина этотъ взглянулъ на него и тотчасъ потупилъ взоръ передъ грознымъ королевскимъ величіемъ. Тому представился при этомъ случай взглянуть ему прямо въ лицо, и взгляды этотъ разрѣшилъ всѣ монаршія его недоумѣнія. Томъ сказалъ себѣ самому: «Теперь для меня совершенно ясно, что это тотъ самый незнакомецъ, который вытаскилъ маленькаго Джильса Витта изъ Темзы и спасъ ему жизнь какъ разъ въ день Новаго года, когда погода стояла такая холодная и бурная. Это былъ мужественный и честный поступокъ. Жаль, что бѣдняга позволилъ себѣ заниматься также и болѣе гадкими дѣлами, изъ-за которыхъ попалъ въ печальное положеніе... День и часть, когда онъ спасъ Джильса Витта, вѣзались у меня въ памяти потому, что часть спустя, когда пробило ровно одиннадцать, бабушка Кэни задала мнѣ такую потасовку, сравнительно съ которой всѣ предъидущія и послѣдующія должны были казаться нѣжными ласками».

Приказавъ, чтобы женщину и дѣвочку увели на время изъ залы, Томъ обратился къ младшему шерифу и спросилъ:

— Объясните мнѣ, сударь, въ чемъ именно провинился этотъ человѣкъ?

Преклонивъ колѣни, чиновникъ отвѣтилъ:

— Осмѣлюсь доложить вашему величеству, что онъ лишилъ жизни одного изъ вашихъ подданныхъ при помощи яда!

Состраданіе Тома къ осужденному и восхищеніе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на него, какъ на смѣлаго спасителя утопавшаго мальчика, потерпѣло при этомъ заявленіи тяжкій ударъ.

— И что же? Преступленіе его доказано? — спросилъ онъ тѣмъ же тономъ.

— Совершенно явственно и несомнѣнно, ваше величество!

Томъ со вздохомъ сказалъ: — Уведите его прочь! Онъ заслужилъ смертную казнь! Жаль, очень жаль, такъ какъ это былъ славный малый... То есть, я хочу сказать, что онъ производитъ на взглядъ такое впечатлѣніе.

Осужденный съ энергическимъ порывомъ стиснулъ свои руки и принялся въ отчаяніи ихъ ломать, обращаясь къ королю съ мольбами и просьбами, вырывавшимися у него безсвязными, но тѣмъ не менѣе трогательными фразами, воскликнулъ:

— Ахъ, милордъ-король! Если у тебя есть чувство состраданія къ несчастнымъ и погибшимъ, пожалѣй обо мнѣ! Я невиненъ! То, въ чемъ меня обвиняютъ, было доказано лишь съ боль-

шими натяжками, но я не стану напирать теперь на это! При- сяжные постановили приговоръ и пусть онъ остается въ силѣ. Тѣмъ не менѣе я прошу оказать мнѣ милость, безъ которой участь моя будетъ непосильно тяжелой. Всемиловѣйшій милордъ — король, соблаговоли по августѣйшему твоему состраданію выполнить по- слѣднюю мою просьбу. Прикажи меня повѣсить!

Просьба эта поразила Тома: онъ ожидалъ услышать что-ни- будь совсѣмъ иное.

— Клянусь жизнью, ты требуешь себѣ странной милости; Развѣ тебя ожидала не эта самая участь?

— Нѣтъ, всемиловѣйшій государь! Къ сожалѣнію, не эта! Меня присудили сварить живьемъ.

Изумленіе, отвращеніе и ужасъ, охватившіе Тома, когда онъ услышалъ этотъ отвѣтъ, заставили его привскочить на креслѣ. Нѣсколько оправившись отъ волновавшихъ его чувствъ, онъ вскричалъ:

— Пусть твое желаніе, бѣдняга, будетъ исполнено. Если бы ты отравилъ даже цѣлую сотню людей, ты всетаки не погибнешь такой мучительной смертью.

Осужденный поклонился королю въ землю и высказалъ ему въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ свою благодарность, за- кончивъ словами:

— Если тебя когда нибудь постигнетъ злосчастье, отчего избави Боже, пусть вспомнится и вознаградится тебѣ нынѣшняя твоя доброта ко мнѣ.

Обратившись къ графу Гертфорду, Томъ спросилъ:

— Неужели, милордъ, можно было постановить на законномъ основаніи такой жестокой, или, вѣрнѣе сказать, свирѣпый при- говоръ?

— Въ нашихъ англійскихъ законахъ, ваше величество, уста- новлена такая кара для отравителей. Въ Германіи варятъ фальши- выхъ монетчиковъ живьемъ, въ кипящемъ маслѣ, при чемъ опу- скаютъ ихъ туда на веревочкѣ и при томъ не сразу, а постепенно, такъ чтобы сперва сварились ступни ногъ, потомъ ноги до ко- лѣнъ, а потомъ все выше и выше...

— Пожалуйста замолчи, милордъ, я не могу этого слы- шать,—вскричалъ Томъ, закрывая глаза руками, словно ему на самомъ дѣлѣ представлялось это ужасающее зрѣлище.—Распоря- дись, чтобы приняты были мѣры къ измѣненію существующаго закона противъ отравителей. Пусть постановленная для нихъ смертная казнь не осложняется мерзостной пыткой.

На лицѣ графа выразилась совершенно искренняя радость, такъ какъ онъ самъ отличался великодушіемъ и обладалъ добрымъ сердцемъ, что въ тогдашнюю суровую эпоху представлялось срав-

нительно рѣдкимъ явленіемъ, по крайней мѣрѣ, среди англійской аристократіи. Онъ отвѣтилъ:

— Повелѣніе вашего величества постановило приговоръ надъ этимъ закономъ. Исторія занесетъ на свои скрижали это повелѣніе и помянетъ добромъ великодушныя, благородныя чувства, побудившія отдать таковое.

Помощникъ шерифа собирался уже увести осужденнаго, но Томъ далъ ему знакъ обождать и сказалъ:

— Я хочу вникнуть въ это дѣло нѣсколько обстоятельнѣе. Приговоренный утверждаетъ, что его вина не была доказана вполне основательно. Изложи мнѣ, какимъ именно образомъ мотивировался приговоръ.

— Ваше величество! На судѣ выяснилось, что этотъ человѣкъ зашелъ въ одинъ изъ домовъ Нслингтонской деревни, гдѣ лежалъ больной. Трое свидѣтелей утверждаютъ, что видѣли его тамъ въ десять часовъ утра, а двое встрѣтились съ нимъ тамъ же нѣсколькими минутами позже. Въ хижинѣ какъ разъ тогда никого не было, кромѣ больного, который спалъ. Нѣсколько минутъ спустя, человѣкъ этотъ вышелъ изъ хижины и отправился дальше своей дорогой. Больной умеръ черезъ часъ послѣ его ухода въ страшныхъ судорогахъ. Передъ смертію у него были позывы къ рвотѣ.

— Былъ кто-нибудь очевидцемъ страданія? Найдены въ тѣлѣ умершаго какой-нибудь яды?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество.

— На какомъ же основаніи заключили, что смерть вообще произошла отъ отравы?

— Осмѣлюсь доложить вашему величеству, что, по заявленію врачей, смерть съ такими симптомами можетъ быть причинена только ядомъ.

Въ тогдашнія времена наивнаго невѣжества подобная экспертиза имѣла силу неопровержимаго доказательства. Признавая подавляющее ея значеніе, Томъ сказалъ:

— Доктора знаютъ свое ремесло и, по всѣмъ вѣроятіямъ, они правы. Виновость этого бѣдняги представляется и въ самомъ дѣлѣ правдоподобной.

— Это еще не все, ваше величество. Въ данномъ случаѣ имѣются противъ него другія, еще болѣе тяжкія улики. Многіе свидѣтели показали, будто колдунья, ушедшая послѣ того невѣдомо куда изъ деревни, предсказывала и говорила по секрету, что больной непременно умретъ отъ яда, присовокупляя, что его отравитъ незнакомецъ съ темнорусыми волосами, одѣтый въ поношенное и потертое мужицкое платье. Осужденный какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ этому описанію. Прошу, ваше величество,

принять во вниманіе, что все случилось именно такъ, какъ было предсказано.

Въ тогдашнія суевѣрные времена такой доводъ былъ несомнѣнно могущественнымъ. Томъ сознавалъ, что въ виду столь вѣскихъ свидѣтельскихъ показаній виновность бѣдняги доказана совершенно неопровержимо и что его нѣтъ ни малѣйшей возможности спасти. Тѣмъ не менѣе ему хотѣлось предоставить осужденному случай оправдаться, если это окажется, паче чаянія, возможнымъ, а потому онъ объявилъ:

— Если можешь сказать что-нибудь въ свое оправданіе, говори.

— Никакого проку изъ того, что я скажу, не выйдетъ, милордъ-король. Я не виновенъ, но не могу доказать свою невинность. У меня нѣтъ друзей и пріятелей, а то я доказалъ бы, что въ этотъ день не могъ быть въ Ислингтонѣ, такъ какъ въ десять часовъ утра въ тотъ самый день находился верстахъ въ десяти отсюда на старой Ваппингской набережной. Кромѣ того, милордъ-король, тогда бы выяснилось, что въ этотъ именно часъ я не только никого не убивалъ, но даже напротивъ того спасъ чело-вѣческую жизнь. Утопавшій мальчикъ...

— Довольно. Шерифъ, когда именно совершено преступленіе?

— Въ десять часовъ утра или нѣсколькими минутами позднѣе, въ первый день Нового года, ваше ве...

— Сейчасъ же отпустить осужденнаго на всѣ четыре стороны! Такова моя королевская воля.

Отдавъ это приказаніе, Томъ покраснѣлъ до ушей, словно сознавалъ свое поведеніе не вполне умѣстнымъ. Желая по возможности замаскировать эту неумѣстность, онъ присовокупилъ:

— Положительно не понимаю, какъ могли приговорить чловека къ смертной казни на основаніи такихъ нелѣпыхъ и недостаточныхъ уликъ!

Среди присутствовавшихъ въ залѣ государственныхъ придворныхъ сановниковъ пробѣжалъ ропотъ восторженнаго удивленія. Въ данномъ случаѣ восхищались, однако, вовсе не рѣшеніемъ, которое было постановлено Томомъ. Напротивъ того, весьма немногіе лишь были склонны считать умѣстнымъ или заслуживающимъ похвалы полное помплованіе отравителя, приговореннаго законнымъ порядкомъ къ смертной казни. Всѣхъ приводили въ восторгъ единственно только умъ и разсудительность, обнаруженные Томомъ при разборѣ дѣла; нѣкоторые изъ сановниковъ говорили вполголоса:

«Ну, нѣтъ, этотъ король не сумасшедшій! Голова его совершенно въ порядкѣ!»

«Какъ разсудительно ставилъ онъ вопросы и какъ согласуется

съ прежнимъ его характеромъ это внезапное, властное и безповоротное рѣшеніе дѣла!»

«Слава Богу, болѣзнь его прошла! Это не безхарактерный, слабоумный ребенокъ, а настоящій король. По части энергіи и рѣшимости онъ не уступаетъ своему отцу!»

Похвалы и одобренія посилились въ воздухѣ, а потому неудивительно, если ухо Тома отчасти тоже ихъ уловило. Результатъ получился самый благопріятный. Мальчикъ съ Мусорнаго двора сталъ чувствовать себя гораздо непринужденнѣе, увѣреннѣе и жизнерадостнѣе въ роли англійскаго монарха.

Отроческое любопытство вскорѣ взяло, однако, у него верхъ надъ этими пріятными мыслями и чувствами. Ему хотѣлось узнать, какое именно страшное злодѣяніе могло быть учинено женщиной и маленькой дѣвочкой, присужденными къ смертной казни. Когда ихъ ввели по его приказанію въ залу, обѣ онѣ рыдали и отъ страха не могли выговорить ни слова.

— Что именно онѣ сдѣлали?—свѣдомился Томъ у шерифа.

— Ихъ, ваше величество, обвинили въ тяжкомъ преступленіи, которое является вполне доказаннымъ, вѣдѣствіе чего судьи, на основаніи существующихъ законовъ, приговорили ихъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Преступленіе ихъ заключается въ томъ, что онѣ продали душу свою дьяволу.

Томъ вздрогнулъ. Онъ съ дѣтства слышался о такихъ коммерческихъ сдѣлкахъ со злымъ духомъ и зналъ, что эти сдѣлки имѣютъ самый преступный злодѣйскій характеръ. При всемъ томъ любопытство продолжало его подмывать, и онъ спросилъ:

— Гдѣ же и когда именно заключена эта сдѣлка?

— Въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ полночь, въ разрушенной церкви, ваше величество.

Томъ снова вздрогнулъ.

— Кто же при этомъ присутствовалъ?

— Только онѣ вдвоемъ, ваше величество, да онъ третій.

— Что же онѣ сами сознались?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество, онѣ отрицаютъ свою вину.

— На какомъ же основаніи могли ихъ тогда обвинять?

— Достоверные свидѣтели видѣли, какъ онѣ шли по направле-
нію къ развалинамъ церкви, ваше величество. Такимъ образомъ подозрѣніе было возбуждено, а страшныя послѣдствія не преминули затѣмъ подтвердить его справедливость. Между прочимъ, доказано, что чрезъ посредство пріобрѣтенной такимъ путемъ власти творить зло, онѣ накликали и вызвали бурю, которая опустошила всю окрестную мѣстность. Около сорока свидѣтелей показали на судѣ, что буря дѣйствительно бушевала, но ихъ можно было набрать не сорокъ, а цѣлую тысячу. У всѣхъ имѣлось осно-

ваніе ея помнитъ, такъ какъ рѣшительно всѣ отъ нея пострадали.

— Да, это дѣло очень серьезное, — замѣтилъ Томъ и, поразмысливъ нѣсколько времени объ этомъ мрачномъ злодѣяннѣ, спросилъ:

— Ну, а эта женщина, пострадала она отъ бури или нѣтъ?

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ престарѣлыхъ государственныхъ сановниковъ кивнули сѣдыми своими головами, признавая этотъ вопросъ чрезвычайно мудрымъ и основательнымъ. Шерифъ напротивъ того, не придавалъ ему сколько-нибудь существеннаго значенія и отвѣтилъ съ наивнымъ простодушіемъ:

— Разумѣется, пострадала, ваше величество, и притомъ совершенно заслуженно, какъ признаетъ весь околотоѣ. Избушку ея совсѣмъ снесло, такъ что она и ея дочь остались безъ крова.

— Мнѣ кажется, что власть сыграть съ собой такую плохую шутку была куплена ею очень дорогой цѣною. Она осталась положительна въ дурачѣ, если заплатила за свое могущество хоть мѣдный грошъ. То обстоятельство, что она отдала за него свою собственную душу и душу своей дочери, свидѣлствуетъ, что она сумасшедшая. Въ такомъ случаѣ, однако, она не знала, что творила, а потому ей нельзя ставить это въ грѣхъ.

Старѣйшіе изъ государственныхъ сановниковъ снова кивнули головами, признавая такимъ образомъ мудрость высказанныхъ Томомъ соображеній. Одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ даже прошептать: «А еще ходятъ слухи, будто король и самъ сумасшедшій. Вижу теперь, что его сумасшествіе такого рода, что, съ Божіей помощью, исправить здравый смыслъ у многихъ нынѣшнихъ умниковъ».

— Сколько лѣтъ этой дѣвчкѣ? — продолжалъ спрашивать Томъ.

— Девять лѣтъ, ваше величество.

— Имѣетъ ли право, милордъ, по англійскимъ законамъ несовершеннолѣтній ребенокъ вступать въ договоры и продавать себя кому бы то ни было? — спросилъ Томъ, обращаясь къ находившемуся по близости юриконсульту.

— Законъ, ваше величество, не дозволяетъ ребенку входить въ какія-либо серьезныя сдѣлки. Тутъ принимается во вниманіе, что незрѣлый дѣтскій умъ легко можетъ быть введенъ въ обманъ злостною хитростью взрослыхъ. Дьяволъ, если ему заблагоразсудится, можетъ купить ребенка, съ его согласія, но англичанину это не дозволяется. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ договоръ о куплѣ былъ бы признанъ противозаконнымъ и какъ бы не состоявшимся.

— Мнѣ кажется неосновательнымъ и несовмѣстнымъ съ хри-

стіанской религіей, что англійское законодательство предоставляетъ дьяволу такіа юридическія права, которыхъ не признастъ за своими англичанами!—съ горячностью воскликнулъ Томъ.

Этотъ новый взглядъ на дѣло вызвалъ много улыбокъ. Онъ вѣзался у многихъ въ памяти, и его приводили потомъ при дворѣ въ доказательство мощной оригинальности воззрѣній молодого короля, въ быстромъ выздоровленіи котораго никто не дерзалъ послѣ того сомнѣваться.

Старшая изъ осужденныхъ перестала рыдать. Лицо ея озарилось надеждой, и она съ величайшимъ вниманіемъ и самымъ животрепещущимъ интересомъ прислушивалась къ словамъ Тома. Замѣтивъ это, мальчикъ ощутилъ еще большую симпатію къ этой женщинѣ, находившейся въ столь ужасномъ и, повидимому, безвыходномъ положеніи. Онъ спросилъ:

— Какимъ же образомъ вызывали онѣ бурю!

— Снимая съ себя чулки, государь.

Это удивило Тома и такъ разожгло его любопытство, что онъ дрожалъ, словно въ лихорадкѣ.

— Да вѣдь это чудо изъ чудесъ! Неужели имъ стоитъ только снять чулки, чтобы каждый разъ разыгралась буря?—освѣдомился онъ у шерифа.

— Точно такъ, ваше величество, если только женщина этого пожелаетъ и произнесетъ вслухъ, или же про себя надлежащее заклинаніе.

Обратившись тогда къ женщинѣ, Томъ оживленно воскликнулъ:

— Покажи твое могущество. Вызови сейчасъ же мнѣ бурю!

Многіе изъ присутствовавшихъ знатныхъ сановниковъ были до того заражены суевѣріемъ, что щеки ихъ внезапно поблѣднѣли. Почти у всѣхъ въ глубинѣ души зашевелилось желаніе убраться изъ дворца по-добру по-здорову. Каждый вельможа старался, разумѣется, скрыть это желаніе, но Томъ ни на кого изъ нихъ, впрочемъ, не смотрѣлъ, такъ какъ сосредоточилъ все свое вниманіе на колдуньѣ, могущество которой должно было произвести упомянутое грозное явленіе природы. Видя, что его требованіе привело колдунью въ изумленіе и недоумѣніе, онъ съ возбужденіемъ добавилъ:

— Не бойся за это никакой кары. Напротивъ того, ты будешь тотчасъ отпущена на свободу, и никто не посмѣетъ дотронуться до тебя пальцемъ. Покажи же свое могущество.

— Ахъ, милордъ-король, никакого такого могущества у меня нѣтъ. Меня совершенно напрасно обвиняютъ, будто я имъ обладаю.

— Тебя удерживаетъ, быть можетъ, страхъ, но успокойся и ободрись. Никакого зла тебѣ не сдѣлаютъ. Вызови только бурю,

хоть самую маленькую. Я отъ тебя не требую ужъ очень сильной и опасной бури, такъ какъ, признаться, предпочелъ бы, чтобы она оказалась безвредной, но во всякомъ случаѣ стоитъ только тебѣ вызвать бурю, и жизнь твоя спасена. Ты и твоя дѣвочка удостоитесь тогда полного королевскаго помилованія, и вамъ будетъ разрѣшено жить гдѣ угодно въ предѣлахъ королевства безъ всякой помѣхи и не подвергаясь никакимъ оскорбленіямъ.

Женщина упала передъ королемъ ницъ и принялась увѣрять со слезами, что, къ сожалѣнію, не можетъ совершить требуемое чудо. Въ противномъ случаѣ она съ радостью исполнила бы желаніе короля, хотя бы для того, чтобы спасти жизнь своей дѣвочки.

Если бы повиновеніе королевской волѣ могло доставить ей столь драгоценную милость, она сама охотно согласилась бы умереть на висѣлицѣ. Томъ настаивалъ, но женщина продолжала отрицать у себя способность вызвать бурю. Наконецъ онъ сказалъ:

— Думаю, что женщина эта говоритъ правду. Родная моя мать, находясь на ея мѣстѣ и будучи одарена дьявольскимъ могуществомъ, вызвала бы немедленно бурю, хотя бы пришлось опустошить всю Англію для спасенія такимъ путемъ моей жизни. Позволительно предположить, что и другія матери склонны поступать подобнымъ же образомъ. Ты и твоя дочь обѣ свободны, такъ какъ я не считаю васъ виновными. Теперь вы заручились королевскимъ помилованіемъ, а потому вамъ нечего бояться. Сними же съ себя чулки, добрая женщина, и если тебѣ удастся вызвать такимъ образомъ для меня бурю, я осыплю тебя сокровищами.

Освобожденная колдунья громко изъявляла радостную свою благодарность и тотчасъ принялась выполнять приказаніе короля. Томъ глядѣлъ на ея приготовленія съ ожиданіемъ, къ которому примѣшивалась, впрочемъ, тѣнь суевѣрнаго опасенія. Придворные, очевидно, были смущены и чувствовали себя не въ своей тарелкѣ. Женщина сняла съ ногъ у себя и своей дѣвочки чулки и несомнѣнно была готова отблагодарить короля за его великодушіе хотя бы землетрясеніемъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ ея усилія остались тщетными. Видя это, Томъ съ грустнымъ вздохомъ замѣтилъ:

— Довольно, голубушка, не мучься напрасно. Дьявольское могущество отъ тебя отлетѣло. Иди съ миромъ, но если оно когда-нибудь къ тебѣ вернется, пожалуйста, не забывай меня и устрой для меня бурю!

ГЛАВА XVI.

Парадный обѣдъ.

Обѣденный часъ приближался, но, какъ это ни покажется страннымъ, мысль о парадномъ обѣдѣ почти уже не страшила Тома и вызывала у него развѣ лишь самую легкую тѣнь неудовольствія. Успѣшное выполненіе королевской роли утромъ значительно улучшило его самочувствіе и довѣріе къ собственнымъ силамъ. Пробывъ четыре дня въ позолоченной своей кѣлѣткѣ, мальчикъ съ Мусорнаго двора приспособился къ ней за это время несравненно больше, чѣмъ это оказалось бы возможнымъ для взрослого человѣка въ цѣлый мѣсяцъ. Фактъ этотъ являлся самъ по себѣ блестящимъ доказательствомъ способности дѣтей легко пріурочиваться къ измѣнившимся условіямъ обстановки.

Въ качествѣ лицъ, пользующихся особыми правами и преимуществами, мы можемъ войти въ парадную обѣденную залу и осмотрѣться тамъ въ отсутствіе Тома, котораго еще наряжаютъ и готовятъ къ торжественному обѣду. Это обширная зала съ позолоченными колоннами и пилястрами. Стѣны и потолокъ украшены живописью альфреско. У дверей стоятъ неподвижно, какъ статуи, рослые гвардейцы, въ богатыхъ нарядныхъ костюмахъ, вооруженные бердышами. На хорахъ, идущихъ вокругъ всей обѣденной залы, помѣщаются: оркестръ музыки и множество гражданъ обоого пола, разодѣтыхъ, какъ говорится, въ пухъ и прахъ. Посрединѣ залы стоитъ на возвышенной эстрадѣ столъ, за которымъ надлежитъ обѣдать Тому. Предоставимъ теперь слово старинному лѣтописцу.

«Въ залу входитъ джентльмэнъ съ жезломъ въ рукѣ. Рядомъ съ нимъ идетъ другой джентльмэнъ со скатертью. Трижды преклонивъ колѣни, оба они съ величайшимъ благоговѣніемъ накрываютъ столъ скатертью, а затѣмъ удаляются. Потомъ входятъ два другихъ джентльмэна, одинъ тоже съ жезломъ, а другой съ солонкой, тарелкою и хлѣбомъ. Совершивъ установленное колѣнопреклоненіе, они уходятъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и предшествовавшіе, поставивъ, разумѣется, принесенныя ими вещи на столъ. Подъ конецъ входятъ, въ богатыхъ одеждахъ, двое вельможъ у одного изъ которыхъ имѣется ножъ для разрѣзанія хлѣба. Изящно совершивъ троекратное колѣнопреклоненіе, они подходятъ къ столу и обтираютъ его хлѣбомъ и солью съ такимъ же благоговѣйнымъ почтеніемъ, какъ если бы находились въ присутствіи короля».

Этимъ заканчивается торжественный предварительный цере-

моніаль. Издали по гулкимъ корридорамъ доносятся уже звуки сигнальнаго рожка и неясные еще возгласы: «Мѣсто королю! Дорогу его превосходительнѣйшему величеству королю! Безпрерывно повторяясь, эти звуки и отголоски становятся все громче и явственнѣе по мѣрѣ своего приближенія. Наконецъ чуть не вполоть къ намъ раздается рѣзкій воинственный сигналъ рожка и громовой возгласъ: «Дорогу королю!» Въ это мгновеніе появляется у дверей и проходитъ сквозь нихъ размѣреннымъ шагомъ блестящая торжественная процессія. Предоставимъ опять говорить хроникеру.

«Сперва идутъ джентльмены, бароны, графы и кавалеры ордена Подвязки въ богатыхъ костюмахъ и съ непокрытыми головами. За ними слѣдуетъ государственный канцлеръ между двумя сановниками, изъ которыхъ одинъ несетъ королевскій скипетръ, а другой государственный мечъ въ красныхъ бархатныхъ ножнахъ, усаженныхъ золотыми лиліями. Мечъ этотъ онъ держитъ остриемъ вверхъ. За ними шествуетъ самъ король, котораго встрѣчаютъ при входѣ въ залъ громкимъ привѣтственнымъ тушемъ двѣнадцать трубачей и множество барабанщиковъ. Всѣ находящіеся на хорахъ встаютъ съ мѣстъ и кричатъ: «Боже, спаси короля!» За королемъ идутъ вельможи собственнаго его двора, а по правую и лѣвую руку конвоируетъ его почетная стража изъ пятидесяти дворянъ съ вызолоченными боевыми сѣкирами».

Все это казалось Тому очень забавнымъ и пріятнымъ. Пульсъ его бился нѣсколько учащенно, а глаза свѣтились весельемъ и радостью. Мальчикъ держалъ себя съ истинно-царственнымъ изяществомъ и непринужденностью, тѣмъ болѣе естественными, что онъ вовсе не думалъ о томъ, какъ ему слѣдуетъ себя держать, до такой степени былъ онъ занятъ и очарованъ окружавшей его блестящей обстановкой, музыкой и привѣтственными возгласами. Кромѣ того, каждый будетъ казаться изящнымъ и красивымъ, если его одѣтъ въ великоблнный костюмъ, сшитый какъ разъ по его мѣрѣ, особенно если счастливый обладатель такого костюма занятъ въ данную минуту мыслями о чемъ-нибудь иномъ. Соображаясь съ полученными инструкціями, Томъ отвѣтилъ на привѣтственные возгласы легкимъ наклоненіемъ головы, накрытой шапочкой со страусовыми перьями пурпуроваго цвѣта, и вѣжливо проговорилъ:

— Благодарю васъ, вѣрноподданные!

Онъ усялся за столъ, не снимая шапки, и не ощутилъ при этомъ ни малѣйшаго затрудненія или смущенія. Дѣло въ томъ, что Канти и англійскіе короли въ одинаковой степени усвоили себѣ царственный обычай вкушать пищу, не снимая шапокъ. Этимъ и ограничивалось взаимное ихъ сходство въ навыкахъ, но, по

отношенію къ ѣдѣ въ шапкахъ, ни одна сторона не могла похвастать болѣе старинной и прочнѣе установившейся привычкой. Королевская свита, войдя въ залу, расположилась тамъ живописными группами, при чемъ всѣ, кромѣ короля, оставались, съ непокрытыми головами.

Но вотъ при звукахъ веселой музыки входятъ въ обѣденный залъ йомены королевской лейбъ-гвардіи, «самые рослые и сильные люди въ Англіи, тщательно выбранные именно въ виду этихъ качествъ». Пусть продолжаетъ лѣтописецъ:

«Йомены королевской лейбъ-гвардіи вошли съ непокрытыми головами, въ красныхъ мундирахъ съ вышитыми на спинахъ золотыми розами. Они входили и уходили, принося каждый разъ перемѣну блюдъ, сервированныхъ на серебрѣ. Особо назначенный для того джентльмэнъ принималъ эти блюда въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ ихъ приносили, и ставилъ ихъ на столъ. Лордъ-испытатель яствъ заставлялъ каждого йомена отвѣдать отъ принесеннаго имъ блюда въ доказательство, что тамъ нѣтъ отравы».

Томъ пообѣдалъ съ аппетитомъ, несмотря на сознаніе, что сотни глазъ слѣдили за каждымъ кускомъ, который онъ подносилъ ко рту, и наблюдали за тѣмъ, какъ онъ ѣлъ этотъ кусокъ съ такимъ же интересомъ, какъ если бы тамъ заключалось смертоносное взрывчатое вещество, которое могло въ любую минуту разнести короля на куски по всему парадному залу. Томъ въ свою очередь наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ѣсть не спѣша и не дѣлать самому ничего такого, что могли сдѣлать за него другіе, а выждать, пока надлежащее должностное лицо станетъ передъ нимъ на колѣни и выполнить требуемую процедуру. Въ продолженіе всего обѣда онъ не сдѣлалъ ни единого промаха и не на шутку гордился столь полнымъ и драгоцѣннымъ успѣхомъ.

Обѣдъ, наконецъ, кончился, и Томъ вышелъ изъ залы въ торжественной процессіи, окруженный блестящей своей свитой. Въ честь его опять гремѣли трубы, били барабаны, и зала потрясалась громкими привѣтственными возгласами, ласкавшими его ухо. Мальчику казалось, что если публичный королевскій обѣдъ не осложняется ничѣмъ худшимъ, то можно было бы, пожалуй, подвергаться такому испытанію хотя бы даже и нѣсколько разъ въ день, если бы только это позволяло откупиться отъ выполненія нѣкоторыхъ другихъ болѣе страшныхъ и тягостныхъ обязанностей королевскаго званія.

ГЛАВА XVII.

Фу-Фу первый.

Мильсъ Гендонъ поспѣшно шелъ къ зюйдверкскому концу Лондонскаго моста, пристально высматривая тѣхъ, кого искалъ. Онъ надѣялся и ожидалъ, что ихъ нагонитъ, но эти надежды и ожиданія не сбылись. Разспрашивая встрѣчныхъ прохожихъ, Мильсъ попалъ было на слѣдъ похищеннаго у него мальчика, но въ самой серединѣ Зюйдверка слѣдъ этотъ снова исчезъ, и почтенный воинъ увидѣлъ себя въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, не зная, гдѣ и какимъ образомъ продолжать поиски. Тѣмъ не менѣе онъ не прекращалъ ихъ до поздняго вечера. Къ наступленію ночи, страшно проголодавшійся Мильсъ Гендонъ съ трудомъ лишь держался на ногахъ и въ то же время сознавалъ, что не подвинулся ни на шагъ къ осуществленію поставленной себѣ цѣли. Поужинавъ въ гостинницѣ подъ вывѣскою «Герольдова плаща», онъ улегся въ постель съ намѣреніемъ проснуться рано утромъ и заняться дѣятельными розысками по всему городу. Въ то время, пока онъ лежалъ и обдумывалъ, какъ лучше всего организовать эти розыски, у него явилась слѣдующая мысль: «Мальчикъ при первой возможности навѣрное убѣжитъ отъ негодая, называющаго себя его отцомъ. Можно ли ожидать, что онъ вернется назадъ въ Лондонъ на прежнее свое пепелище? Нѣтъ, онъ ни за что этого не сдѣлаетъ уже изъ опасенія попасться опять въ руки тѣхъ, отъ которыхъ бѣжалъ. Какъ же онъ, спрашивается, поступитъ? До встрѣчи съ Мильсомъ Гендономъ у бѣдняги никогда не было друга и покровителя. Онъ естественно будетъ стараться поэтому разыскать снова этого друга, особенно же если такая попытка не потребуетъ возвращенія въ Лондонъ, гдѣ на каждомъ шагу угрожаетъ ему опасность. Мальчикъ непременно отправится въ Гендонъ-Галль, такъ какъ ему извѣстно, что Гендонъ ѣдетъ домой и что его тамъ вѣрнѣе всего можно найти». Мильсъ Гендонъ выяснилъ себѣ такимъ образомъ, что не къ чему терять даромъ времени въ Зюйдверкѣ, а что лучше всего пуститься немедленно черезъ Кентское графство къ Моксгольму, наводя дорогой кое-какія справки и производя розыски въ лѣсу. Оставивъ его при этомъ рѣшеніи, вернемся къ пропавшему отъ него маленькому королю.

Трактирному слугѣ на мосту показалось, будто онъ видѣлъ, какъ къ мальчику и сманившему его молодцу подскочилъ рослый негодай. На самомъ дѣлѣ негодай этотъ не присоединился немедленно къ нимъ, а только шелъ за ними слѣдомъ, держась все время

по близости и не говоря ни слова. Лѣвая его рука висѣла въ повязкѣ, а на лѣвомъ глазу былъ наклеенъ большой зеленый пластырь. Самъ незнакомецъ слегка прихрамывалъ и какъ бы съ усиленіемъ опирался на дубовый посохъ. Молодчикъ провелъ короля разными глухими переулками черезъ Зюйдверкское предмѣстье и вышелъ, наконецъ, вмѣстѣ съ нимъ на большую дорогу въ кентское графство. Раздраженный король объявилъ, что дальше не пойдетъ и остановится тутъ, такъ какъ Гендону надлежало идти къ нему, а не ему къ Гендону. Онъ не намѣренъ выносить такого дерзкаго съ собой обращенія и не сдѣлаетъ болѣе ни шагу.

Путеводитель его сказалъ:

— Ты, значить, хочешь оставаться здѣсь, въ то время какъ твой пріятель лежитъ раненый тамъ въ лѣсу? Ну, что жъ, пусть будетъ по твоему.

Манеры короля сразу перемѣнились. Онъ воскликнулъ:

— Милость Гендонъ раненъ, говоришь ты? Кто осмѣлился нанести ему рану? Впрочемъ, теперь некогда объ этомъ разсуждать. Веди меня сейчасъ же къ нему. Показывай дорогу! Скорѣй же, скорѣй! Неужели подошвы у тебя подбиты свинцомъ! Такъ его значить ранили? Еслибъ тотъ, кто нанесъ ему рану, оказался даже сыномъ герцога, онъ долженъ будетъ въ этомъ раскаяться.

До лѣсу казалось еще довольно далеко, но это разстояніе пройдено было довольно скоро. Юный путеводитель короля, осмотрѣвшись кругомъ, нашелъ воткнутую въ землю древесную вѣтвь съ привязанной къ ней тряпкой и вошелъ въ лѣсъ возлѣ этой вѣтви; пробираясь далѣе сквозь лѣсъ, онъ разыскивалъ и по временамъ находилъ такія же вѣхи, очевидно указывавшія дорогу къ мѣсту, куда онъ направлялся. По прошествіи нѣкотораго времени король очутился со своимъ путеводителемъ на полянкѣ, гдѣ находились обуглившіяся развалины крестьянской избы. Тутъ же стоялъ сарай, который отъ ветхости угрожалъ обвалиться. Все кругомъ было тихо и безмолвно. Нельзя было подмѣтить никакихъ признаковъ жизни. Мальчикъ, слѣдомъ за юношей, поспѣшно вошелъ въ сарай, но тамъ никого не оказалось. Бросивъ на своего путеводителя взглядъ, полный изумленія и недовѣрія, король спросилъ:

— Гдѣ же онъ?

Ему отвѣтилъ насмѣшливый хохотъ, до такой степени раздражившій короля, что онъ схватилъ валявшееся на землѣ полено и собирался уже броситься на юношу, когда услышалъ позади себя другой столь же насмѣшливый хохотъ. На этотъ разъ смѣялся хромой негодяй, шедшій все время слѣдомъ за королемъ и юношей, держась отъ нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Король обернулся и сердито спросилъ:

— Кто ты такой и зачѣмъ сюда пришелъ?

— Перестань дурачиться и успокойся,—возразилъ ему Джонъ Канти.—Положимъ, что я замаскировался недурно, но всетаки ни за что не повѣрю, чтобъ ты могъ не признать во мнѣ съ перваго же взгляда родного своего отца.

— Ты вовсе мнѣ не отецъ! Я тебя не знаю. Я король! Если ты спрятаешь моего слугу, то разыщи мнѣ его сейчасъ же, или тебя постигнетъ суровая кара за недостойные твои поступки.

Джонъ Канти возразилъ строгимъ, но совершенно спокойнымъ тономъ:

— Знаю, что ты сошелъ съ ума, и мнѣ бы не хотѣлось тебя бить, такъ какъ дурь изъ твоей головы палкой не вышибешь, но если ты станешь меня раздражать, то я всетаки долженъ буду задать тебѣ трепку. Твоя болтовня здѣсь сама по себѣ вредить не можетъ, такъ какъ тутъ нѣтъ ушей, которыя стали бы обращать вниманіе на подобныя глупости, но все же тебѣ не мѣшаетъ приучать свой языкъ къ осторожности, чтобъ онъ не повредилъ намъ потомъ, когда мы выберемъ себѣ другое мѣстожительство. Я совершилъ убійство и не могу теперь оставаться въ Лондонѣ. Тебя я тоже не могу тамъ оставить, такъ какъ нуждаюсь въ твоихъ услугахъ. Я перемѣнилъ свою фамилію, такъ какъ у меня имѣлись на это вѣскія основанія. Меня зовутъ теперь Гоббсъ,—Джонъ Гоббсъ, а тебя—Джекъ. Смотри же, не забывай этого. Ну, теперь скажи мнѣ, гдѣ твоя мать и сестры? Онѣ не явились на сборный пунктъ. Быть можетъ, тебѣ извѣстно, куда именно онѣ дѣвались?

Король угрюмо отвѣтилъ:

— Не приставай ко мнѣ съ такими глупыми вопросами. Ты, какъ англичанинъ, долженъ и самъ знать, что моя мать умерла, а сестры живутъ во дворцѣ.

Это до того разсмѣшило юношу, что онъ чуть не лопнулъ отъ хохота. Король хотѣлъ уже на него броситься, чтобы дать ему хорошій урокъ, но Канти или Гоббсъ, какъ онъ себя теперь называлъ, предупредилъ мальчика и сказалъ:

— Тихе, Гуго, замолчи и не дразни его! Онъ вѣдь помѣшанный, а ты своимъ поведеніемъ только лишь хуже его волнуешь. Садись, Джекъ, и успокойся. Потомъ тебѣ дадутъ кусочекъ чего-нибудь съѣстного.

Гоббсъ и Гуго принялись бесѣдовать другъ съ другомъ, понизивъ голосъ, а король отошелъ въ самый дальній уголъ сарая, чтобъ избавиться по возможности отъ непріятнаго ихъ общества. Въ этомъ дальнемъ темномъ углу, сверхъ глинобитнаго пола, настлана была солома приблизительно на полъ-аршина въ толщину. Улегшись тамъ, онъ закрылся соломой же вмѣсто одѣя-

ла и вскорѣ погрузился въ размышленія. Много у него было горестей и печалей, но всё онѣ отступали на задній планъ передъ наиболѣе тяжкимъ горемъ, вызваннымъ утратой отца. У всѣхъ другихъ имя Генриха VIII вызывало невольный трепеть, соединенный съ представленіемъ о грозномъ людоедѣ, дышавшемъ, если можно такъ выразиться, смертью и разрушеніемъ. Для этого мальчика, однако, съ именемъ Генриха VIII соединялись только пріятныя ощущенія. Оно вызывало у него лишь представленіе о нѣжной отцовской ласкѣ и любви. Мальчикъ припоминалъ себѣ длинный рядъ сценъ, свидѣтельствовавшихъ о родительской нѣжности къ нему покойнаго короля, и все болѣе останавливался на этихъ сценахъ. Слезы, катившіяся изъ его глазъ, свидѣтельствовали, какъ искренно и глубоко было горе, томившее его сердце. День уже склонялся къ вечеру, когда измученный и утомленный мальчикъ мало-по-малу погрузился въ спокойный, цѣлебный сонъ.

По прошествіи довольно долгаго времени, опредѣлить которое въ точности мальчикъ не могъ, глубокий сонъ смѣнился у него какимъ-то полусознательнымъ состояніемъ. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, не давая себѣ яснаго отчета, гдѣ находится и что именно съ нимъ случилось. Тѣмъ не менѣе вниманіе его привлекъ какой-то невнятный шумъ, вызывавшійся частымъ дождемъ, падавшимъ на крышу. Пріятное ощущеніе комфорта охватило маленькаго короля, но, въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе, онъ былъ непріятно пробужденъ отъ этого чувства визгливою болтовней и грубымъ смѣхомъ многочисленныхъ голосовъ. Придя совершенно въ сознаніе, мальчикъ сразу же почувствовалъ себя очень скверно и, раздвинувъ солому, закрывавшую ему лицо, принялся разглядывать, откуда именно слышалась эта обезпокоившая его болтовня. Глазамъ его представилось тогда странное и весьма неказистое зрѣлище: на другомъ концѣ сарая, на полу, ярко пылалъ костеръ, вокругъ котораго лежало и сидѣло освѣщенное красными отблесками самое разношерстное общество, состоявшее изъ отбросовъ столичнаго населенія и негодяевъ обоого пола. Маленькому королю никогда не доводилось читать или же слышать о чемъ-нибудь подобномъ. Тамъ были рослые дюжіе люди, загорѣвшіе на солнцѣ и закаленные непогодой, — длинноволосые и одѣтые въ самыя фантастическіе лохмотья. Тутъ же были дерзкіе и грубые на видъ юноши средняго роста и тоже въ лохмотьяхъ, слѣпыя нищенки съ повязками и пластыремъ на глазахъ, калѣки на костыляхъ и деревяшкахъ, больные, покрытые ранами и гнойнными болячками, выглядывавшими изъ подъ тряпокъ, которыми онѣ были прикрыты. Тутъ же находились: разносчикъ со своимъ боробомъ, смахивавшій скорѣе на мошенника, чѣмъ на честнаго

торговца, точильщикъ, лудильщикъ и цирюльникъ съ орудіями своего ремесла. Между особами женскаго пола встрѣчалось много дѣвушекъ, едва только достигшихъ возмужалости. Другія женщины были въ дѣтѣхъ лѣтъ. Наконецъ, попадались также и старухи съ лицами, сморщенными, какъ испеченое яблоко. Всѣ онѣ безъ исключенія какъ старыя, такъ и самыя молодыя, отличались наглымъ безстыдствомъ и пересыпали свою рѣчь непристойными, скверными словами. Одежда у всѣхъ была грязная и рваная. При женщинахъ находились три или четыре грудныхъ младенца, лица которыхъ были покрыты болячками. Кромѣ того тутъ же бродила парочка исхудалыхъ, голодныхъ собакъ, которыя исполняли у слѣпыхъ должность поводырей.

Наступила уже ночь; вся шайка только-что отужинала и началось общее пьянство. Кружка съ водкой ходила уже кругомъ, когда раздался возгласъ, тотчасъ же поддержанный всѣми:

— Пѣсню! Живѣе пѣсню! Пусть запѣвалами будутъ Слепой Дикъ и Хромоногій Прыгунъ!

Одинъ изъ слѣпыхъ всталъ и приготовился къ исполненію своихъ обязанностей, снявъ пластыри, которыми были закрыты превосходные его глаза, и отбросивъ большой листъ картона съ трогательнымъ описаніемъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ онъ будто бы лишился зрѣнія. Хромоногій Прыгунъ въ свою очередь освободился отъ своей деревяшки и сталъ на совершенно здоровыхъ и вѣрбикихъ ногахъ рядомъ со своимъ пріателемъ. Оба они принялись тогда пѣть старинную воровскую пѣсню на мошенническомъ жаргонѣ. Въ концѣ каждаго куплета присутствовавшіе подтягивали припѣвъ хоромъ. Къ концу послѣдняго куплета полупьяный энтузіазмъ дошелъ до своего апогея, такъ что всѣ повторили этотъ куплетъ хоромъ съ самаго начала, при чемъ подняли такой ревъ, что въ сараѣ, казалось, затряслись даже балки. Въ пѣснѣ рассказывалось, какъ нѣсколькими ворами удалось обокрасть часовню и какъ они потомъ кутили на похищенные тамъ сокровища, въ которыхъ Господь Богъ и Божья Матерь вовсе не нуждались, тогда какъ добрымъ молодцамъ они пригодились на выпивку. Затѣмъ завязался разговоръ, но не на воровскомъ діалектѣ, употреблявшемся лишь тогда, когда существовало опасеніе, что могутъ подслушать посторонніе. Въ разговорѣ этомъ выяснилось, что Джонъ Гоббсъ былъ далеко уже не новичкомъ, и что въ прежнія времена онъ состоялъ членомъ шайки. Отъ Гоббса потребовали разсказа объ его похожденияхъ послѣ разлуки съ шайкой. Сообщение о томъ, что онъ случайно убилъ человѣка, очень понравилось всѣмъ присутствующимъ, когда же онъ присовокупилъ, что убилъ священника, заявленіе это было встрѣчено привѣтственными возгласами и ру-

коплексаніями, послѣ чего ему пришлось выпить малую толику со всѣми присутствующими. Старые знакомые привѣтствовали его самымъ радушнымъ образомъ, а новые считали за честь пожать ему руку. Его спросили, гдѣ именно пропадалъ онъ столько мѣсяцевъ? Онъ отвѣчалъ:

— Въ Лондонѣ нашему брату живется лучше, чѣмъ въ провинціи, а за послѣднее время также и безопаснѣе, въ виду чрезвычайной строгости законовъ и чрезмѣрнаго усердія, съ которыми они примѣняются. Если бы не упомянутая уже случайность, я бы до сихъ поръ остался въ столицѣ. Я совсѣмъ было рѣшилъ учредить въ Лондонѣ постоянную мою резиденцію и никогда не удаляться въ провинцію, но изъ-за этой неожиданной случайности пришлось поневолѣ перемѣнить всю программу дѣйствій.

Онъ освѣдомился, изъ сколькихъ теперь человекъ состояла шайка. Начальникъ шайки, атаманъ, отвѣчалъ:

— Принимая въ расчетъ всѣхъ красотокъ, молодицъ и старухъ, насъ наберется двадцать пять душъ. Въ этомъ числѣ много выдающихся ловкачей, карманщиковъ, громилъ и попрошайекъ. Большинство присутствуетъ теперь здѣсь, остальные же пошли на Востокъ зимней нашей тропкою. Мы на разсвѣтѣ движемся слѣдомъ за ними.

— Я что-то не вижу Уэна между окружающимъ меня честнымъ людомъ. Куда же онъ дѣвался?

— Бѣдняга кушаетъ теперь горячую сѣру, и притомъ кипящую ключемъ, такъ какъ всегда вѣдь былъ гастрономомъ. Онъ теперь на томъ свѣтѣ, потому что убить въ дракѣ приблизительно еще въ половинѣ лѣта.

— Жаль, очень жаль! Уэнь былъ способный малый и удалецъ хоть куда.

— Что правда, то правда! Черная Лиза, его красотка, и теперь съ нами, но только ушла впередъ. Это славная дѣвушка, умненькая, бойкая и вполне добропорядочнаго поведенія. Ея никогда не видывали пьяной чаще, чѣмъ четыре дня въ недѣлю.

— Да, я хорошо ее помню. Она умѣла себя держать и всегда была прекрасной дѣвушкой, достойной всякаго уваженія. Вотъ ея мамаша вела себя не въ примѣръ вольнѣе. Она готова была таскаться со всякимъ, да и характеръ у нея былъ очень ужъ тяжелый и привередливый. Зато она обладала поистинѣ необыкновеннымъ умомъ.

— Вотъ изъ-за этого самого ума мы ея и лишились. Она такъ ловко гадала на рукѣ и такъ хорошо предсказывала будущее, что подъ конецъ прослыла колдуньей. Судьи приговорили изжарить ее до смерти на медленномъ огнѣ. Ужъ на что даже и меня растрогала бодрость, съ которою она терпѣла злополуч-

ную свою участь, ругая и проклиная, на чемъ свѣтъ стоитъ толпу, собравшуюся, чтобы глазѣть на то, какъ огонь подбирался къ лицу старухи, жегъ посѣдѣвшіе жидкіе ея волосы и съ трескомъ взвивался надъ старушечьей ея головой. И какъ же хлестко проклинала она этихъ зѣвакъ! Если бы тебѣ довелось прожить тысячу лѣтъ, ты все-таки навѣрное бы не услышалъ такой художественной ругани. Увы, ея искусство умерло вмѣстѣ съ нею! Теперь остается только ничтожное слабое подражаніе, а настоящей талантливой брани нигдѣ болѣе не услышишь. Встрѣчается, положимъ, кое-гдѣ бойкая ругань, но по сравненію съ бранью покойной старухи она представляется только ничтожнымъ, слабымъ подражаніемъ!

Атаманъ вздохнулъ, и у всѣхъ его слушателей вырвался тоже вздохъ сочувствія. У всѣхъ обнаруживалось въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній подавленное душевное настроеніе. Даже и самые закоснѣлые мошенники изъ числа присутствовавшихъ были не вполне лишены нѣжныхъ чувствъ. У нихъ сохранилась еще способность испытывать мимолетное чувство утраты и горести, правда, лишь по временамъ и при особо благопріятныхъ этому обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, по случаю смерти старухи, унесшей съ собою въ могилу геніальное свое искусство. Впрочемъ, когда чарка обошла кругомъ, всѣ не замедлили воспрянуть духомъ.

— Пришлось пострадать еще кому-нибудь изъ нашихъ пріятелей?—освѣдомился Гоббсъ.

— Былъ тотъ грѣхъ! Нѣкоторые пострадали. Особенно много доводилось терпѣть новичкамъ,—мелкимъ крестьянамъ, которыхъ выгнали изъ избъ и заставили шататься по бѣлу свѣту и голодать, такъ какъ ихъ фермы понадобилось обратить въ пастбища для овецъ. Бѣднягамъ пришлось просить милостыню. Ихъ хватали, привязывали къ телегѣ и тащили по всему городу обнаженными по поясъ, при чемъ сѣкли плетью на каждомъ перекресткѣ до крови, а потомъ выставили на площадь къ позорному столбу и подбуживали мальчишекъ бросать въ нихъ камнями. Когда ихъ, наконецъ, выпустили, они вынуждены были опять просить милостыню. Ихъ снова тѣмъ же порядкомъ драли плетью на всѣхъ перекресткахъ и отрѣзали затѣмъ каждому по одному уху. Глупое мужичье и тутъ не унялось. Имъ, видишь ли, очень ужъ ѣсть хотѣлось. Они попались въ третій разъ въ попрошайничествѣ. Тогда имъ заклеили щеки каленымъ желѣзомъ и продали ихъ въ рабство. Тѣхъ, кто убѣгалъ отъ хозяевъ, ловили и вѣшали безъ всякихъ дальнѣйшихъ церемоній, разумѣется, въ томъ случаѣ, если ихъ удавалось поймать. Другіе изъ нашей братіи вели свои дѣла много удачнѣе. Отойдите-ка маленько въ сторонку, Йокель Бернсъ и Годжъ! Покажите, какъ васъ разукрасили!

Трое поименованныхъ молодцовъ встали и, сбросивъ съ себя изодранныя куртки, выставили напоказъ свои спины, исполосованныя толстыми, какъ канаты, рубцами, оставшимися отъ ударовъ плетью. Одинъ изъ нихъ, раздвинувъ волосы, показалъ мѣсто, гдѣ когда-то имѣлось у него лѣвое ухо, у другого выжжена была на плечѣ буква «В» и отрѣзано тоже одно ухо, третій сказалъ:

— Передъ вами Іокель. Я былъ когда-то богатымъ фермеромъ. У меня имѣлась любящая жена и трое маленькихъ дѣтокъ, — здоровыхъ и веселыхъ. Теперь въ моемъ состояніи и родѣ занятій произошла нѣкоторая перемѣна, жены и дѣтей у меня тоже нѣтъ. Быть можетъ, онѣ на небѣ, а не то въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, но, слава Богу, по крайней мѣрѣ, не въ Англіи. Моя добрая честная старуха мать, несмотря на преклонные годы, зарабатывала себѣ кусокъ хлѣба, ухаживая за больными. Одинъ изъ нихъ умеръ, а такъ какъ доктора не знали, отчего именно приключилась у него смерть, то старуху сожгли, въ качествѣ колдуньи. Мои ребятишки глядѣли, какъ она жарилась на кострѣ, и плакали. Ура англійскимъ законамъ! Поднимите вверхъ чарки и выпьемте всѣ разомъ за эти славные, милосердые англійскіе законы, освободившіе ее изъ англійскаго ада! Благодарю васъ, друзья и товарищи! Ферма моя понадобилась подъ пастбище, и мнѣ пришлось съ женой и голодными дѣтьми бродить изъ дому въ домъ, прося милостыню. Голодные считаются въ Англіи преступниками, а потому меня и жену, на законномъ основаніи, обнажили до пояса и пороли плетью на всѣхъ перекресткахъ въ трехъ провинціальныхъ городахъ. Выпейте же всѣ опять по чаркѣ въ честь сострадательныхъ англійскихъ законовъ, плети которыхъ упились кровью моей Мери и помогли ей вскорѣ освободиться отъ всякихъ земныхъ невзгодъ! Она лежитъ мирно и спокойно на кладбищѣ. Ребятишки тоже теперь пристроены къ мѣсту. Пока законъ таскалъ меня изъ города въ городъ и дралъ плетью, они всѣ поумирали съ голоду. Выпейте же молодцы хоть капельку въ память бѣдныхъ моихъ ребятъ, которые никогда никому не сдѣлали зла! Я, какъ видите, все-таки не умеръ, но вынужденъ былъ опять просить милостыню. Я просилъ, чтобы мнѣ подали хоть корочку хлѣба, но меня схватили, нещадно отодрали плетью, привязали къ позорному столбу и отрѣзали мнѣ одно ухо. Отъ него, какъ видите, ничего почти не осталось. Я опять сталъ попрошайничать и въ назиданіе мнѣ, кромѣ всего прочаго, отрѣзали и другое ухо. Я все-таки не унылся, и меня продали въ рабство. Вотъ здѣсь, на щекѣ, если бы я смылъ гримъ, который ее покрываетъ, вы увидѣли бы красное клеймо, выжженное раскаленнымъ желѣзомъ. Я невольникъ! Понимаете ли вы это слово? Передъ вами стоитъ здѣсь англичанинъ-невольникъ! Я убѣждалъ отъ моего владѣльца и,

если меня найдутъ, то я буду повѣшенъ по предписанію англійскаго закона, на который да обрушатся всѣ громы небесные!

Какъ разъ въ это мгновеніе раздался сѣвось мракъ и мглу звонкій голосъ:

— Нѣтъ, ты не будешь повѣшенъ! Законъ этотъ будетъ отмѣненъ съ сегодняшняго же дня.

Всѣ обернулись и увидѣли поспѣшно приближавшуюся фантастическую фигуру маленькаго короля. Когда она вошла въ полосу свѣта, такъ что ее можно было явственно различить, послышались со всѣхъ сторонъ вопросы:

— Это кто такой? Что это значитъ? Кто ты, маленький человѣчекъ?

Мальчикъ стоялъ, нисколько не смущаясь устремленными на него испытующими изумленными взорами. Окинувъ величественнымъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, онъ отвѣтилъ съ царственнымъ достоинствомъ:

— Я Эдуардъ, король англійскій!

Заявленіе это вызвало бѣшеный взрывъ хохота. Всѣ находили шутку мальчика въ высшей степени смѣшной и забавной. Задѣтый за живое, король укоризненно возразилъ:

— Ахъ, вы, необтесанные бродяги! Такъ-то вы благодарите за обѣщавшую вамъ королевскую милость?

Онъ продолжалъ говорить въ томъ же тонѣ, возбужденно жестикулируя, но нельзя было различить его словъ въ ураганъ хохота и насмѣшливыхъ восклицаній. Джонъ Гоббсъ нѣсколько разъ пытался умирить эту бурю, перекричавъ ее. Подъ конецъ это ему удалось.

— Товарищи, — сказалъ онъ, — это мой сынъ, мечтатель, дуракъ и совсѣмъ какъ есть сумасшедшій. Не обращайтесь на него вниманія. Онъ воображаетъ себя и впрямь королемъ!

— Да, я король, — сказалъ Эдуардъ, обращаясь къ Гоббсу. — Въ свое время тебѣ представится случай въ этомъ убѣдиться. Ты сознался въ убійствѣ и будешь за это вздернутъ на висѣлицу!

— Ты, щенокъ, собираешься меня выдать? Ты... погоди, я сейчасъ до тебя доберусь!

— Тсъ, тише! — прервалъ его удалецъ атаманъ, своевременное вмѣшательство котораго спасло короля. Услуга эта являлась тѣмъ болѣе блестящей, что атаманъ кстати спихнулъ Гоббса съ ногъ здоровеннымъ ударомъ кулака. — Вижу, что ты, братъ, не уважаешь ни королей, ни атамановъ, — продолжалъ онъ. — Если ты вздумаешь дерзить еще разъ такимъ же образомъ въ моемъ присутствіи, то я повѣшу тебя самъ на первомъ попавшемся деревѣ.

Обращаясь затѣмъ къ его величеству, атаманъ присовокупилъ:

— Ты, мальчикъ, не долженъ грозить своимъ товарищамъ! Держи языкъ за зубами и остерегайся говорить про нашихъ что-нибудь дурное. Будь королемъ, если ты ужъ на этомъ помѣшался, но не причиняй твоимъ сумасшествіемъ зла. Откажись отъ титула, который ты сейчасъ себѣ присвоилъ. Это самозванство вѣдъ государственная измѣна. Мы въ нѣкоторыхъ мелочахъ позволяемъ себѣ нарушать законы, а потому не можемъ называться хорошими людьми, но все-таки никто изъ насъ не дошелъ до такой низости, чтобы измѣнять своему королю. Мы всѣ здѣсь любящіе его вѣрноподданные. Послушай-ка самъ, правду ли я говорю. Нутка, ребята, крикнемъ всѣ разомъ: Многая лѣта Эдуарду, королю англійскому!

— Многая лѣта Эдуарду, королю англійскому!

Этотъ вѣрноподданныческій возгласъ былъ подхваченъ съ такимъ единодушіемъ разношерстной толпой, грѣвшейся у костра, что ветхое зданіе затряслось отъ громовыхъ его раскатовъ. Лицо маленькаго короля на мгновеніе просіяло отъ удовольствія. Онъ слегка наклонилъ голову и отвѣтилъ съ простодушной серьезностью:

— Благодарю васъ, вѣрноподданные!

Этотъ неожиданный отвѣтъ чуть не поморилъ всѣхъ отъ смѣха. Когда возстановилось опять нѣчто вродѣ спокойствія, атаманъ объявилъ рѣшительнымъ тономъ, но съ отгнѣкомъ добродушія:

— Оставь эту затѣю, мальчикъ! Въ ней нѣтъ ничего умнаго и проку изъ нея для тебя не выйдетъ. Называй себя королемъ, если тебѣ ужъ такъ приспичило, но только выбери себѣ какой-нибудь другой титулъ.

Лудильщикъ, которому пришла счастливая мысль, воселикнулъ:

— Назовемъ его Фу-фу первымъ, королемъ всѣхъ болвановъ!

Титулъ этотъ понравился присутствовавшимъ. Всѣ разомъ его подхватили, и въ сараѣ раздалось громогласное привѣтствіе:

— Да здравствуетъ Фу-фу первый, король всѣхъ болвановъ! Многая ему лѣта!

Затѣмъ послѣдовали многозначительные свистки, кошачье мяуканье и взрывы хохота.

— Подайте-ка сюда его величество, надо его короновать!

— Одѣньте его въ королевскую мантию!

— Дайте ему въ руки скипетры!

— Посадите его на тронъ!

Всѣ эти крики и двадцать другихъ раздавались за-разъ. Прежде чѣмъ мальчикъ могъ что-либо возразить, ему нахлобучили уже на голову оловянный тазъ, закутали бѣднягу въ изодранное одѣяло, усадили на бочку и вложили ему въ руку вмѣсто скипетра

паяльщикъ лудильщика, а затѣмъ все бросились передъ нимъ на колѣни и начали притворно хныкать, вытирая себѣ глаза грязными ободранными рукавами и передниками.

— Сжался надъ нами, всемилостивѣйшій король! — насмѣшливо молили они.

— Не попирай ногами насъ, червей, ползающихъ предъ тобою во прахъ, о, благородный король!

— Сжался надъ твоими рабами и сподоби насъ хоть королевскаго твоего пинка!

— Порадуй и согрѣй насъ лучами твоихъ милостей, о, пламенное солнце верховной власти!

— Освяти прикосновеніемъ твоей ноги землю, дабы мы могли облагородить себя, лобызая ея прахъ!

— Удостой плюнуть на насъ, о, государь, дабы дѣти дѣтей нашихъ могли рассказать о царственной твоей снисходительности и гордиться вѣвѣи вѣковъ такою милостью!

Изобрѣтательный лудильщикъ сумѣлъ, однако, отличиться и тутъ передъ всѣми. Онъ подползъ на колѣняхъ къ королевскому трону и порывался поцѣловать ногу короля, который съ негодованіемъ оттолкнулъ его отъ себя. Обратившись къ товарищамъ, лудильщикъ началъ просить у нихъ тогда тряпки, чтобы закрыть мѣсто на лицѣ, до котораго дотронулась нога его величества. Мѣсто это, по словамъ шутника, надлежало предохранить отъ прикосновенія воздуха. Онъ увѣрялъ, что составитъ себѣ капиталъ, выйдя на большую дорогу и показывая это мѣсто любопытнымъ по сту шиллинговъ за каждый разъ. Вообще лудильщикъ обнаружилъ при этомъ случаѣ такое убійственное остроуміе, что вся окружающая его толпа воровъ, бродягъ и бездомныхъ оборванцевъ глядѣла на него съ завистью и почтительнымъ изумленіемъ.

Слезы стыда и негодованія стояли на глазахъ маленькаго короля. Онъ думалъ въ сердцѣ своемъ:

«Если бы я чѣмъ-нибудь ихъ оскорбилъ и обидѣлъ, они не могли бы поступить со мной болѣе жестокимъ образомъ. Между тѣмъ я обѣщалъ сдѣлать имъ добро, отмѣнивъ несправедливый законъ, отъ котораго они теперь страдаютъ. И вотъ какъ они отплатили мнѣ за это».

ГЛАВА XVIII.

Король съ бродягами.

На другой день рано утромъ, чуть только занялась заря, вся шайка вышла изъ сарая на поляну и тронулась въ путь. Небо было покрыто тяжелыми тучами. Ноги вязли въ землѣ, намокшей отъ

дождя, а въ воздухѣ вѣяло зимней стужей. Ни у кого въ шайкѣ нельзя было подмѣтить даже и тѣни вчерашняго веселья. Нѣкоторые шли угрюмо и молча впередъ, другіе обнаруживали раздражительность и наклонность къ ссорамъ; ни у кого не было кротости и добродушія, но всѣхъ, очевидно, томила жажда.

Атаманъ отдалъ «Джека» на попеченіе Гуго, получившаго краткія, но ясныя инструкціи относительно того, какимъ именно образомъ надлежитъ ему обращаться съ его величествомъ. Джону Канти приказано было держаться подальше отъ короля и ни подъ какимъ видомъ не осмѣливаться его обижать. Атаманъ объявилъ также и Гуго, что не потерпитъ слишкомъ грубаго обращенія съ мальчикомъ.

По прошествіи нѣкотораго времени погода стала теплѣе и тучи нѣсколько разсѣялись. Путники болѣе ужъ не дрожали отъ стужи и расположеніе духа у нихъ начало улучшаться. Они становились все бодрѣе и веселѣе, такъ что подъ конецъ принялись дразнить другъ друга и приставать къ прохожимъ на большой дорогѣ, осыпая ихъ насмѣшками и оскорбленіями. Со стороны бродягъ и мошенниковъ это свидѣтельствовало, что они пробуждаются опять къ ясному пониманію жизни и ея радостей. О страхѣ, который они внушали простымъ смертнымъ, свидѣтельствовалъ тотъ фактъ, что всѣ и каждый давали имъ дорогу и смиренно выслушивали ихъ наглые дерзости, не осмѣливаясь возражать на таковыя. Члены шайки хватали и уносили съ собой бѣлье, развѣшанное на дорогахъ. Это происходило иной разъ на глазахъ самихъ хозяевъ, которые не смѣли въ такихъ случаяхъ протестовать и, казалось, даже радовались, что бродяги не уносили вмѣстѣ съ бѣльемъ и заборовъ.

Часамъ къ девяти утра шайка зашла на маленькую ферму, стоявшую поодаль отъ другихъ избъ, и расположилась тамъ, какъ дома. Фермеръ и вся его семья, дрожа отъ страха, выложили всѣ запасы изъ кладовой, чтобы приготовить для бродягъ завтракъ. Въ благодарность за то, что фермерша и ея дочери разносили имъ пищу, бродяги хватали ихъ за подбородокъ, обнимали за талію и позволяли себѣ надъ ними разныя грубыя шутки, сопровождавшіяся оскорбительными эпитетами и взрывами громкаго хохота. Въ фермера и его сыновей они кидали костями и варенымъ картофелемъ, раздражаясь громкими рукоплесканіями каждый разъ, когда какой-нибудь изъ снарядовъ мѣтко попадалъ въ цѣль. Подъ конецъ они расшибли голову одной изъ дочерей, вздумавшей найти обращеніе съ нею слишкомъ фамиліярнымъ. Прощаясь съ хозяевами, шайка угрожала вернуться назадъ и сжечь ферму со всѣми ея обитателями, если только попробуютъ донести мѣстнымъ властямъ о подвигахъ бродягъ.

Около полудня, послѣ долгаго и утомительнаго перехода, шайка сдѣлала привалъ у забора, на окраинѣ большого села. Рѣшено было тамъ съ часокъ отдохнуть, а затѣмъ члены шайки разбрелись по сторонамъ, чтобы войти въ село одновременно съ разныхъ сторонъ и заняться тамъ каждый своимъ промысломъ. Джекъ долженъ былъ идти вмѣстѣ съ Гуго. Они бродили по селу въ теченіе нѣкотораго времени. Гуго высматривалъ случай чѣмъ-нибудь поживиться, но, не находя такового, сказалъ:

— Какое паскудное мѣсто! Тутъ даже ничего, повидимому, не украдешь. Намъ съ тобой поневолѣ придется просить милостыню.

— Ты совершенно напрасно говоришь во множественномъ числѣ. Занимайся своимъ промысломъ. Онъ для тебя приличествуетъ, я же попрошайничать не стану.

— Не станешь?—воскликнулъ Гуго, съ изумленіемъ глядя на короля.—Скажи на милость, какая это муха тебя укусила? Давно ты пересталъ заниматься нищенствомъ?

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Что я хочу сказать? Да вѣдь ты же всю жизнь собиралъ милостыню на лондонскихъ улицахъ.

— Я-то? Ахъ, ты, идіотъ!

— Не расточай такъ своихъ комплиментовъ, а то, чего добраго, израсходуешь весь запасъ. Твой отецъ говоритъ, что ты чуть не съ самаго рожденія просилъ милостыню. Быть можетъ, онъ лжетъ. Чего добраго, ты осмѣлишься сказать ему это прямо въ глаза?—насмѣшливо спросилъ Гуго.

— Человѣку, котораго называютъ здѣсь моимъ отцомъ, я, разумѣется, скажу, что онъ лжетъ.

— Можешь сколько угодно разыгрывать роль сумасшедшаго, но только совѣтую тебѣ всетаки держаться въ нѣкоторыхъ границахъ. Отчего не позабавиться малую толику, но при этомъ не слѣдуетъ навлиять на себя побоевъ. Если я передамъ ему твои слова, онъ отлупитъ тебя такъ, что ты своихъ не узнаешь!

— Можешь избавить себя отъ этого труда. Я скажу ему самъ, что онъ лжетъ.

— Какой, подумаешь, удалецъ! Смѣлость твоя и въ самомъ дѣлѣ мнѣ нравится, но въ то же время я не могу сказать, чтобы особенно восхищался твоею разсудительностью. На долю нашего брата и безъ того приходится довольно зуботычинъ и палочныхъ ударовъ, и я не вижу ни малѣйшей надобности навлиять ихъ на себя умышленно. Впрочемъ, къ чему намъ спорить изъ-за пустяковъ? Въ данномъ случаѣ я вѣрю твоему отцу. Не сомнѣваюсь, что онъ можетъ лгать и лжетъ не краснѣя, когда находитъ это для себя выгоднымъ, но теперь ему и лгать-то незачѣмъ. Мы все умѣемъ при случаѣ втирать кому слѣдуетъ очки. Умный человѣкъ

не станетъ тратить по пустякамъ такую драгоценную вещь, какъ ложь. Послушай, однако, если ты не хочешь просить милостыню, чѣмъ же тогда мы займемся? Будемъ, что ли, съ тобой воровать цыплятъ?

Король съ нетерпѣніемъ возразилъ:

— Отстань, наконецъ, отъ меня съ такими глупостями! Ты мнѣ надоедаешь!

Гуго съ замѣчательнымъ долготерпѣніемъ замѣтилъ:

— Станный ты, однако, человекъ, любезнѣйшій. Ты не хочешь просить милостыню и отказываешься воровать! Пусть будетъ, впрочемъ, по твоему. Во всякомъ случаѣ тебѣ придется подманивать, пока я буду просить. Попробуй-ка только отказаться! Надѣюсь, что ты на это не рѣшишься.

Съ устъ короля хотѣлъ было уже сорваться презрительный отвѣтъ, но Гуго прервалъ его заявленіемъ.

— Тише, сюда подходитъ человекъ, по наружности очень добродушный. Со мной сейчасъ сдѣлается припадокъ. Когда незнакомецъ подбѣжитъ ко мнѣ, начинай немедленно выть благимъ матомъ, стань на колѣни и залейся слезами. Надѣюсь, что ты умѣешь рыдать такъ, какъ еслибъ у тебя въ животѣ среблись не то что копейки, а настоящіе черти. Покажи же теперь твою удачу, а затѣмъ начинай причитывать сквозь слезы: «Ахъ, сударь, это бѣдный мой братъ, страдающій падуцей болѣзнью! Мы съ нимъ остались круглыми сиротами!.. Нѣтъ у насъ ни друзей, ни пріятелей. Ради Бога удостойте взглянуть съ состраданіемъ на больного, покинутого несчастнаго юношу! Подайте хоть грошикъ отъ вашихъ избытковъ человеку, убитому Богомъ, и находящемуся на краю гибели». Замѣть себѣ, что ты долженъ выть, не умолая до тѣхъ поръ, пока мы не выманить у него хоть грошъ. Если ты этого не сдѣлаешь, то пеняй потомъ самъ на себя!

Гуго безотлагательно принялся ревѣть дикимъ голосомъ, стонать, неистово ворочать глазами, метаться изъ стороны въ сторону и шататься, какъ пьяный. Едва только незнакомецъ подошелъ достаточно близко, какъ юноша, взвизгнувъ, словно ужаленный змѣей, повалился на земь, растянулся поперекъ дороги и принялся валяться въ грязи, при чемъ подергивалъ руками и ногами, словно въ предсмертныхъ судорогахъ.

— Ахъ, Боже мой... Ахъ, ты, Господи!—вскричалъ добродушный незнакомецъ. — Бѣдняжка, какъ онъ страдаетъ! Ну, вотъ, дай я помогу тебѣ встать.

— Да благословить васъ Богъ за вашу доброту, сударь, но я все-таки попрошу васъ до меня не дотрогиваться. Вы не можете себѣ и вообразить, какую страшную боль я терплю, если кто-нибудь хоть слегка прикоснется ко мнѣ во время припадка. Спро-

сите у моего брата. Онъ расскажетъ вашему сіятельству, какія ужасныя муки приходится мнѣ тогда выносить. Подайте мнѣ, сударь, грошикъ, чтобы купить кусочекъ хлѣба, а затѣмъ оставьте меня на жертву ужасной моей неисцѣлимой болѣзни!

— Грошикомъ тутъ ничего не подѣлаешь. Я дамъ тебѣ цѣлый гривенникъ, несчастный бѣдняга, — возразилъ джентльмэнъ, засовывая съ нервной поспѣшностью руку въ карманъ и вытаскивая оттуда деньги. — Возьми ихъ, бѣдный мальчикъ, и пусть они пойдутъ тебѣ въ прокъ. Подойди же сюда, мальчикъ, и помоги мнѣ донести больного твоего брата вотъ до этого дома. Тамъ...

— Я вовсе не его братъ! — возразилъ король, прерывая джентльмэна.

— Какъ, ты не его братъ?..

— Праведный Боже, этого еще только недоставало! — простоналъ Гуго, скрежеща вмѣстѣ съ тѣмъ отъ злости зубами. Онъ отрекается отъ родного своего брата, который стоитъ, если можно такъ выразиться, одной ногою уже въ могилѣ.

— Какое у тебя черствое сердце, мальчикъ! Развѣ можно отрекаться такимъ образомъ отъ родного брата, который не въ состояніи двигать теперь ногами и руками? Если онъ тебѣ не братъ, кто же онъ тогда?

— Попрошайка и воръ. Получивъ отъ васъ деньги, онъ успѣлъ обшарить вашъ карманъ, пока вы къ нему нагибались. Если хотите совершить чудо, которое вылечитъ его сразу, то примитесь обрабатывать вашу палкою ему плечи, а въ остальномъ положитесь на Бога.

Гуго не намѣренъ былъ ждать, пока совершится это чудо. Во мгновеніе ока онъ вскочилъ на ноги и пустился бѣжать съ быстротою молніи. Джентльмэнъ бросился бѣжать за нимъ, крича во все горло: «Лови! Держи!» Король вздохнулъ съ облегченнымъ сердцемъ и, благодаря Бога за собственное свое избавленіе, пустился улепетывать во всю прыть въ противоположномъ направленіи. Мальчикъ не замедлялъ своего бѣга до тѣхъ поръ, пока не очутился достаточно далеко отъ мѣста, гдѣ расположилась на привалъ шайка бродягъ, къ которой примкнулъ названный его отецъ. Свернувъ на первую попавшуюся дорогу, король скорѣ оставилъ далеко за собою село. Онъ шелъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ съ величайшей возможной для него поспѣшностью, нервно оглядываясь отъ времени до времени, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли за нимъ погони. Подъ конецъ, однако, опасенія его разсѣялись и замѣнились пріятнымъ сознаніемъ безопасности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, мальчикъ замѣтилъ, что голоденъ и очень усталъ. Дойдя до отдѣльно стоявшей крестьянской избы, онъ остановился, но только-что открылъ ротъ, чтобы попросить себѣ кусочекъ хлѣба,

какъ его грубо прогнали, осыпавъ жесточайшей площадной бранью. Нищенскіе лохмотья мальчика, очевидно, не располагали въ его пользу.

Оскорбленный и негодующій король продолжалъ свой путь, твердо рѣшившись не подвергать себя болѣе подобному обращенію. Голодъ, однако, какъ говорится, не тетка. Въ данномъ случаѣ онъ оказался въ состояніи сломить даже и королевскую гордыню. День клонился уже къ вечеру, когда маленькій король рѣшился повторить свою попытку въ другой крестьянской избѣ. Попытка эта оказалась, однако, еще болѣе неудачной. Его не только всячески изругали, но обѣщали даже арестовать, какъ бродягу, если онъ сейчасъ же не уберется оттуда.

Наступила ночь, холодная и темная. Все небо заволокло тучами, такъ что не видать было ни мѣсяца, ни звѣздъ. Ножи у маленькаго короля были изранены и страшно болѣли, но онъ все-таки потихоньку шелъ впередъ. Ему приходилось во что бы ни стало идти, такъ какъ, если онъ пытался присѣсть, чтобъ отдохнуть, холодъ прохватывалъ его сейчасъ же до мозга костей. Пробираясь сквозь непроглядный мракъ и торжественную тишину беззвѣздной зимней ночи, молодой король испытывалъ совершенно новыя, странныя, невѣдомыя ему до тѣхъ поръ ощущенія. По временамъ слышались голоса, которые приближались, проносились мимо и снова замирали вдали. Людей, которымъ принадлежали эти голоса, мальчикъ не могъ разглядѣть. Они представлялись ему лишь какими-то безформенными черными тѣнями, скользившими мимо. Поэтому самые голоса казались ему какими-то призрачными и таинственными, такъ что его невольно бросало въ дрожь. По временамъ видѣлся мерцавшій свѣтъ, но всегда такъ далеко, словно изъ какого-нибудь другого міра. Слышался иногда звонъ колокольчиковъ, которые привязываютъ въ Англіи овцамъ на шею, чтобъ онѣ не затерялись, но этотъ звонъ доносился всегда неясно, какъ бы изъ туманной дали. Иногда слышалось также молодому королю прерывистое мычанье стадъ, долетавшее грустными отзвуками на крыльяхъ ночного вѣтра. По временамъ раздавалось жалобное завываніе собаки, разносившееся по необозримымъ пространствамъ полей и лѣсовъ. Всѣ эти звуки слышались изъ такого отдаленія, что маленькому королю казалось, будто вокругъ него все вымерло, и что онъ стоитъ одинъ безъ друзей и товарищей посреди громадной необозримой пустыни.

Эта необычайная обстановка словно гипнотизировала мальчика. Онъ шелъ все впередъ, какъ бы въ полусонномъ состояніи, изъ котораго иногда пробуждалъ его тихій шелестъ сухой листвы надъ головою, напоминавшій человѣческій шепотъ. Подъ конецъ онъ совершенно неожиданно для себя набрелъ на мерцающій

свѣтъ жестяного фонаря, стоявшаго неподалеку на землѣ. Свѣрнувъ въ сторонку, чтобы выйти изъ полосы свѣта, мальчикъ началъ осматриваться кругомъ. Оказалось, что фонарь стоитъ у открытыхъ дверей сарая. Кругомъ все было тихо. Король ждалъ нѣсколько времени, но не слышалъ ни малѣйшаго шума, или шума. При этомъ онъ до такой степени прозябъ и гостепріимный сарай имѣлъ такой заманчивый видъ, что мальчикъ подъ конецъ рѣшился рискнуть войти. Онъ быстро проскользнулъ въ двери неслышными шагами; но въ то самое мгновеніе, когда перешагнулъ за порогъ, услышалъ за собою голоса, а потому поспѣшно спрятался за бочку, которая стояла въ сараѣ. Двое рабочихъ съ фермы вошли въ сарай, принесли съ собою фонарь и принялись тамъ молотить, бесѣдуя въ то же время другъ съ другомъ. Пока они ходили съ фонаремъ, маленькій король смотрѣлъ во все глаза и сообразилъ, что находится въ овинѣ, за которымъ непосредственно слѣдуетъ хлѣвъ довольно большихъ размѣровъ. Мальчикъ рѣшилъ туда пробраться, какъ только рабочіе уйдутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ лежавшую на половинѣ дороги грудѣ лошадиныхъ попоны. Одной изъ нихъ онъ рѣшился воспользоваться на ночь для собственныхъ надобностей его величества, считая, что имѣетъ законное право произвести такую реквизицію.

Заключивъ молотьбу, рабочіе ушли, унесли съ собою фонарь и заперли двери. Дрожавшій отъ холода король пустился разыскивать попоны. Онъ шелъ настолько быстро, насколько это было возможно въ совершенной темнотѣ. Добравшись до попоны, онъ захватилъ ихъ съ собою и затѣмъ благополучно прокрался ощупью въ хлѣвъ. Тамъ онъ сдѣлалъ себѣ изъ двухъ попоны постель, а двумя другими покрылся вмѣсто одѣяла. Попоны были старыя и тонкія, такъ что не особенно грѣли. Кромѣ того, отъ нихъ несло лошадинымъ потомъ, такъ что его величество чуть не задыхался, но это не мѣшало ему чувствовать себя какъ нельзя болѣе счастливымъ монархомъ.

Мальчикъ былъ голоденъ и сильно прозябъ, но въ то же время онъ сильно усталъ и его клонило ко сну. Обѣ послѣднія побуждательныя причины не преминули взять верхъ надъ первыми. Онъ задремалъ и погрузился въ полубезсознательное состояніе. Какъ разъ въ ту минуту, когда предстояло перейти изъ этой подготовительной стадіи въ крѣпкій здоровый сонъ, его величество почувствовалъ совершенно явственно, какъ что-то до него дотронулось. Король разомъ проснулся и широко раскрылъ ротъ, чуть не задыхаясь отъ ужаса. Чье-то таинственное привосновеніе въ темнотѣ до того пугало мальчика, что сердце у него чуть не остановилось. Онъ лежалъ неподвижно и прислушивался, почти не смѣя дышать. Ничто, однако, не шевелилось, и августѣйшее его

ухо было не въ состояніи уловить ни единого звука. Маленькій король началъ подъ конецъ снова впадать въ дремоту, но тотчасъ же ощутилъ то же самое таинственное прикосновеніе. Это легкое прикосновеніе чего-то незримаго и неслышнаго являлось по-ложительно ужасающимъ. Бѣдный мальчикъ былъ внѣ себя отъ неизъяснимаго страха. Онъ спрашивалъ себя, какъ тутъ поступить? но не умѣлъ надлежаще отвѣтить на этотъ вопросъ. Ему удалось устроить себѣ на ночь сравнительно удобную постель. Неужели теперь придется ее бросить и бѣжать отъ невѣдомаго, загадочнаго страшилища? Да и куда еще бѣжать? Вѣдь дверь овина заперта снаружи, такъ что выбраться оттуда нельзя. Неужто онъ станетъ слоняться въ темнотѣ взадъ и впередъ по овину наединѣ съ привидѣніемъ, которое будетъ скользить за нимъ слѣдомъ неслышными шагами, пугая отъ времени до времени отвратительнымъ своимъ легкимъ прикосновеніемъ къ лицу или же къ плечу? Одна мысль объ этомъ казалась мальчику невыносимой. Но развѣ лучше было оставаться тутъ на мѣстѣ и всю ночь выносить такую смертельную пытку? Нѣтъ, это представлялось тоже невыносимымъ. Что же въ такомъ случаѣ дѣлать? Маленькій король совершенно явственно сознавалъ, что для него оставался всего только одинъ исходъ: надлежало протянуть руку и разыскать предметъ, дважды уже потревожившій его своимъ прикосновеніемъ. Легко было это подумать, но не такъ-то легко выполнить! Надо было собраться съ духомъ, чтобы рѣшиться на такую попытку. Молодой король три раза потихоньку протягивалъ руку во мракъ и каждый разъ внезапно отдергивалъ ее назадъ, чуть не вскрикивая отъ страха не потому, чтобы онъ что-нибудь ощупалъ, но вслѣдствіе увѣренности, что въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе его рука непременно коснется до невѣдомаго страшилища. При четвертой попыткѣ, однако, рука молодого короля, вытянувшись немного дальше, скользнула по чему-то мягкому и теплomu. Мальчикъ совершенно оцѣпенѣлъ тогда отъ страха. Онъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что невольно вообразилъ себѣ, будто дотронулся до мертвеца, еще не успѣвшаго остыть. Онъ думалъ, что скорѣе умереть, чѣмъ попробуетъ дотронуться вторично. Такая ложная мысль могла явиться у мальчика лишь вслѣдствіе его молодости и неопытности. Непреодолимое могущество человѣческаго любопытства еще не было ему извѣстно. Вскорѣ его рука, безъ согласія разсудка и даже въ противность велѣніямъ таковаго, принялась опять ощупывать мракъ въ томъ самомъ направленіи, гдѣ находилось страшилище. Послѣ непродолжительныхъ тиетныхъ поисковъ она встрѣтила пучекъ длинныхъ волосъ. Король вздрогнулъ, но продолжалъ ощупывать дальше и нашелъ, что къ этому пучку

примыкаетъ словно какой-то теплый канатъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе, направленное вверхъ по канату, открыло ни въ чемъ, неповиннаго теленка. Самый канатъ оказался вовсе не веревкой а просто на-просто телячьимъ хвостомъ.

Король совершенно искренно стыдился, что такое безобидное существо, какъ сонный теленокъ, могло привести его въ такой ужасъ и подвергнуть столь мучительной душевной пыткѣ. Стыдъ этотъ нельзя было признать, однако, вполне основательнымъ. Маленькій король испугался на самомъ дѣлѣ вовсе не теленка, а невѣдомаго страшилища, которое, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, оказалось теленкомъ. Въ тогдашнія времена суевѣріе было до того распространено, что всякій другой мальчикъ, на мѣстѣ короля, точно также бы испугался и страдалъ бы совершенно такимъ же образомъ.

Маленькій король не только обрадовался тому, что испугавшее его страшилище оказалось просто-на-просто теленкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, пришелъ положительно въ восторгъ, ощутивъ возлѣ себя присутствіе этого живого существа. Онъ чувствовалъ себя передъ тѣмъ до того покинутымъ и одинокимъ, что ему пріятно было теперь общество даже такого скромнаго животнаго, какъ теленокъ. Къ тому же, за послѣдніе нѣсколько дней, ему пришлось вытерпѣть отъ людей столько дерзостей и оскорбленій, что теперь онъ испытывалъ истинное удовольствіе, сознавая себя въ обществѣ созданія Божія, которое хотя и не отличалось выдающимися умственными способностями и талантами, но зато обладало добрымъ сердцемъ и ласковымъ характеромъ. Король рѣшился поэтому снизить съ головокружительныхъ высотъ своего ранга и вступить въ дружескія отношенія съ теленкомъ.

Его величество принялся гладить мягкую теплую спину теленка, лежавшаго тутъ же неподалеку, такъ что до него легко было достать рукою. При этомъ королю пришла счастливая мысль о возможности воспользоваться теленкомъ также и для нѣкоторыхъ иныхъ, какъ нельзя болѣе желанныхъ цѣлей. Ухватившись за эту мысль, король перенесъ свою постель какъ разъ къ самому теленку, прилегъ вплотную къ спинѣ четвероногого своего пріятеля и накрылъ попонами и себя, и его. Черезъ минуту или двѣ ему стало также тепло и уютно, какъ если бы онъ лежалъ на пуховикахъ королевской спальни въ Вестминстерскомъ дворцѣ.

Какъ только мальчикъ согрѣлся, мысли его тотчасъ же пріобрѣли пріятную жизнерадостную окраску. Дѣйствительно, онъ освободился изъ узъ неволи и преступленія, отдѣлался отъ общества грубыхъ бродягъ и подлыхъ мошенниковъ; ему было тепло, онъ находился подъ кровомъ и, однимъ словомъ, чувствовалъ себя счастливымъ. Поднявшійся ночью вѣтеръ все болѣе усиливался.

Онъ дулъ теперь страшными порывами, отъ которыхъ старый овинъ вздрагивалъ и сотрясался. Порою вѣтеръ какъ будто замиралъ и принимался жалобно стонать и завывать вокругъ угловъ и подъ стрѣхою крыши, но все это казалось пріятною музыкою маленькому королю, сознававшему, что онъ до чрезвычайности уютно и удобно устроилъ свой ночлегъ. Пусть себѣ свирѣпствуетъ хоть настоящая буря, пусть она рветъ и мечетъ, визжитъ и завываетъ, какъ хоръ адскихъ бѣсовъ, счастливому мальчику до нея теперь дѣла нѣтъ! Все это могло теперь его только забавлять. Чѣмъ сильнѣе завывалъ вѣтеръ, тѣмъ крѣпче прижимался король къ своему четвероногому пріятелю, наслаждаясь тѣмъ, что ему удалось, наконецъ, согрѣться. Это блаженное самочувствіе незамедлило перейти въ глубокій сонъ, полный мира и спокойствія и не тревожимый никакими грезами. Гдѣ-то вдаль завывали собаки, порою примѣшивалось къ этому завыванію грустное мычаніе коровъ; вѣтеръ продолжалъ дуть бѣшенными порывами, послѣ которыхъ дождь ниспадалъ цѣлыми потоками на землю. Его британское величество спало, нисколько этимъ не тревожась. То же самое, впрочемъ, дѣлалъ и теленокъ, который былъ отъ природы простодушнымъ созданіемъ, не особенно смущавшимся бурями, или же высокою честью почивать рядомъ съ королемъ.

ГЛАВА XIX.

Король у крестьянъ.

Проснувшись рано утромъ, король убѣдился, что мокрая, но, очевидно, весьма разсудительная крыса, заползла къ нему ночью и устроила для себя уютный ночлегъ у него за пазухой. Когда мальчикъ началъ ворочаться, она встревожилась и поспѣшно убѣжала; король улыбнулся и сказалъ: «Дурочка, чего ты такъ испугалась? Я такой же безпріютный несчастливецъ, какъ и ты сама. Я въ такомъ безпомощномъ состояніи, что какъ нельзя лучше понимаю все безобразіе обижать безпомощное существо. вмѣстѣ съ тѣмъ благодарю тебя за хорошее предзнаменованіе. Если злоключенія короля дошли до того, что крысы выбираютъ его себѣ подстилкой для сна, то ему, безъ сомнѣнія, предстоитъ счастливая перемѣна судьбы.—Хуже, кажется, ужъ ничего быть не можетъ!»

Король всталъ и вышелъ изъ хлѣва. Какъ разъ въ эту минуту онъ услышалъ дѣтскіе голоса: дверь овина растворилась и вошли двѣ маленькія дѣвочки. Увидѣвъ незнакомаго мальчика, онѣ перестали говорить и смѣяться, молча остановились передъ нимъ и принялись съ любопытствомъ его разглядывать. Затѣмъ онѣ начали

шентаться о чемъ-то другъ съ другомъ, подошли еще ближе, снова остановились и, опять поглядѣвъ на маленькаго короля, начали шепотомъ сообщать другъ другу свои впечатлѣнія. Вскорѣ онѣ настолько ободрились, что стали разсуждать вслухъ. Одна изъ дѣвочекъ сказала:

— А вѣдь у него хорошенькое личико!

Другая добавила:

— Волосы тоже у него не дурны!

— Жаль только, что онъ такъ дурно одѣтъ!

— Видь у него измученный!—Кажется, что онъ очень проголодался.

Дѣвочки подошли еще ближе, робко поглядывая на короля и осматривая его со всѣхъ сторонъ такъ тщательно, какъ еслибъ это былъ невѣдомый заморскій звѣрь. При этомъ, однако, онѣ соблюдали должную осторожность и бдительность, какъ еслибъ опасаясь, что этотъ заморскій звѣрь, пожалуй, вздумаетъ кусаться. Подъ конецъ онѣ остановились почти передъ самымъ королемъ, держа другъ друга для большей безопасности за руки и, повидимому, вполне удовлетворились тщательнымъ обзоромъ, произведеннымъ ихъ невинными глазками. Тогда одна изъ дѣвочекъ, собравъ все свое мужество, простоудушно и честно освѣдомилась:— Кто ты такой, мальчикъ?

— Я король!—отвѣтилъ онъ ей совершенно серьезнымъ тономъ.

Дѣвочки слегка вздрогнули отъ удивленія и съ полминуты молчали, широко раскрывъ глаза. Любопытство заставило ихъ, однако, прервать молчаніе вопросомъ:

— Ты король? Какой же именно?..

— Англійскій король!

Дѣвочки поглядѣли сперва другъ на друга, потомъ на мальчика, а затѣмъ опять другъ на друга и, очевидно, находились въ величайшемъ недоумѣніи. Наконецъ, одна изъ нихъ сказала:

— Слышишь ты, Марджери, онъ называетъ себя королемъ! Неужели это правда?

— Должно быть, что такъ, Присси. Вѣдь онъ же не станетъ лгать? Замѣть себѣ, Присси, что если бы онъ не сказалъ правды, то это была бы ложь! Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Теперь потрудись сообразить, что изъ неправды ничего, кромѣ лжи, никогда выйти не можетъ!

Доказательство это было до такой степени логическимъ, что подъ него нельзя было подпустить даже иголки. Сомнѣнія, появившіяся было у Присси, должны были при такихъ обстоятельствахъ разсѣяться. Подумавъ съ минутку, она возложила всю отвѣтственность на короля, наивно замѣтивъ:

— Если ты въ самомъ дѣлѣ король, то я тебѣ вѣрю!

— Да я и въ самомъ дѣлѣ король!

Этимъ все было окончательно улажено. Королевское достоинство его величества было признано безъ дальнѣйшихъ разспросовъ и колебаній. Маленькія дѣвочки начали тотчасъ же освѣдомляться, какимъ образомъ король забрелъ къ нимъ въ хлѣвъ, отчего онъ явился въ такомъ не царственномъ одѣяніи, куда держитъ путь и т. д. и т. д. Вообще маленькаго короля обстоятельно разспросили объ его собственныхъ дѣлахъ. Возможность разсказать про свои злоключенія, не подвергаясь опасности встрѣтить насмѣшки и недовѣріе, являлась большимъ облегченіемъ для его величества. Онъ разсказалъ свою повѣсть съ такимъ увлеченіемъ, что временно позабылъ даже голодъ. Кроткія и ласковыя крестьянскія дѣвочки слушали его съ самымъ глубокимъ и нѣжнымъ сочувствіемъ, но когда король перешелъ къ событіямъ вчерашняго дня, и объявивъ, какъ долго ничего не ѣлъ, онъ осмѣлился прервать повѣствованія его величества и поспѣшно увели короля въ избушку, объявивъ, что ему надо тамъ позавтракать.

Маленькій король былъ теперь совершенно веселъ и счастливъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсуждалъ самъ собою. «Вернувшись на престолъ, я всегда буду относиться съ любовью и уваженіемъ къ маленькимъ дѣтямъ, вспоминая, что они мнѣ вѣрили и принимали во мнѣ живое участіе, тогда какъ взрослые люди, считая себя умниками, смѣялись надо мною и выставляли меня лунономъ».

Мать обѣихъ дѣвочекъ встрѣтила маленькаго короля ласково и съ состраданіемъ. Безпомощное состояніе мальчишка, казавшагося умопомѣшаннымъ, тронуло ея добродушное женское сердце. Она была вдова, въ достаточной степени знакомая съ нуждой, чтобы научиться сочувствію къ чужой бѣдѣ. Вообразивъ себѣ, что помѣшавшійся мальчикъ ушелъ отъ родныхъ, или же изъ больницы, гдѣ его лечили, она пыталась выяснитъ путемъ ловкихъ разспросовъ, откуда именно онъ прибылъ, для того чтобы можно было потомъ вернуть его по принадлежности. Эти разспросы и намеки на сосѣдніе города и села не привели, однако, къ ожидаемому результату. Выраженіе лица мальчишка и его отвѣты свидѣтельствовали о полнѣйшемъ его незнакомствѣ съ означенными городами и селами. Мальчикъ очень умно и бойко разсуждалъ о придворныхъ дѣлахъ и на глаза его нѣсколько разъ навертывались слезы, когда шла рѣчь о королѣ, его отцѣ, но какъ только разговоръ заходилъ о менѣе возвышенныхъ предметахъ, мальчикъ утрачивалъ всякій къ нему интересъ и умолкалъ.

Все это очень удивляло крестьянку, но тѣмъ не менѣе она не отказывалась отъ надежды разузнуть всю подноготную о мальчикѣ, казавшемся ей помѣшаннымъ. Приступивъ къ изготовле-

нiю горячаго завтрака, она начала вмѣстѣ съ тѣмъ обдумывать, какимъ бы способомъ можно было узнать изъ устъ самого мальчика, кто онъ таковъ въ дѣйствительности. Разговоръ о крупномъ рогатомъ скотѣ и овцахъ оставлялъ его совершенно равнодушнымъ, такъ что первоначальное предположенiе крестьянки, будто неожиданный ея гость былъ спятившимъ съ ума подпаскомъ, совершенно не выдерживало критики. Столь же неудачными оказались ея попытки возбудить интересъ молодого короля толками о бумагопрядильной фабрикѣ,—про ткачей, лудильщиковъ, кузнецовъ и разныхъ иныхъ ремесленниковъ и торговцевъ, про Бедламъ, тюрьмы и богадѣлни. Изъ безуспѣшности этихъ попытокъ она заключила, впрочемъ, что мальчикъ былъ просто-на-просто передъ тѣмъ гдѣ-нибудь въ услуженiи. Ей казалось, что она напала теперь на вѣрный слѣдъ, по которому уже не трудно добраться до истины. Результаты, которыхъ она достигла при дальнѣйшихъ разспросахъ, далеко не соответствовали, однако, этимъ оптимистическимъ ожиданiямъ. Подметать полы казалось ему занятiемъ утомительнымъ и непристойнымъ, укладывать дрова въ печь такъ, чтобы они могли хорошо разгорѣться, онъ, очевидно, не умѣлъ и вовсе, повидимому, не интересовался подобнымъ дѣломъ. Чистить мебель и обтирать съ нея пыль не представлялось ему тоже сколько-нибудь интереснымъ. Вдовушка, утративъ почти всякую надежду, заговорила со своимъ гостемъ единственно лишь для успокоенiя совѣсти о поварскомъ искусствѣ. Къ величайшему ея изумленiю и радости, лицо молодого короля тотчасъ же просіяло. «Наконецъ-то я его выслѣдила», самодовольно разсуждала крестьянка, не на шутку гордясь обнаруженной ею при этомъ случаѣ хитростью и тактомъ.

Ей приходилось передъ тѣмъ такъ много говорить, что она, какъ это не покажется страннымъ, обрадовалась случаю помолчать, между тѣмъ какъ король, вдохновляясь томительнымъ голодомъ и благоуханiемъ вкусныхъ яствъ, варившихся въ горшкахъ и жарившихся на сковородкахъ, сдѣлался чрезвычайно разговорчивымъ и пустился въ такія краснорѣчивыя разсужденiя о великолѣпныхъ блюдахъ, которыя ему подавали во дворцѣ, что въ теченiе цѣлыхъ трехъ минутъ, почтенная крестьянка непрерывно твердила про себя: «Подумаешь, какъ я вѣрно отгадала. Онъ вѣдь и въ самомъ дѣлѣ былъ поваренкомъ! Тѣмъ временемъ маленький король принялся описывать свое меню и обсуждать его съ такимъ знанiемъ дѣла и такимъ оживленiемъ, что недоумѣвающая хозяйка задала себѣ вопросъ: «Ахъ, ты, Господи, откуда это онъ могъ узнать про такое множество кушанiй? Къ тому же, все это самыя изысканныя блюда, которыя подаются лишь на столахъ у вельможъ и богачей! Впрочемъ, я теперь поняла! Несмотря на то,

что мальчикъ теперь превратился въ несчастнаго оборванца, онъ, вѣроятно, служилъ во дворцѣ до тѣхъ поръ, пока не спятилъ съ ума. Безъ сомнѣнія, онъ состоялъ поваренкомъ на королевской кухнѣ. Я сейчасъ въ этомъ удостовѣрюсь».

Старая нетерпѣливѣе доказать свою смѣтливость, она попросила короля посмотрѣть на минутку за кушаньями, намекнувъ, что если ему угодно, онъ можетъ изготавить и добавить къ нимъ одно или два блюда. Затѣмъ она вышла изъ избы и знаками приказала своимъ дѣтямъ слѣдовать за нею. Король промолвилъ вполголоса:

— Одному англійскому монарху пришлось, въ давно прошедшія времена заниматься какъ разъ такимъ же дѣломъ. То, до чего снизошелъ Альфредъ Великій, не можетъ быть сочтено позоромъ и для меня. Я постараюсь, впрочемъ, лучше оправдать довѣріе, возложенное на меня бѣдною женщиной, тогда какъ Альфредъ, помнится, сжегъ драчену, за которою ему поручено было наблюдать.

Это было, безъ сомнѣнія, благое намѣреніе, но, къ сожалѣнію, оно осталось невыполненнымъ. Маленькій король, подобно своему великому предшественнику, вскорѣ погрузился въ глубокія размышленія о своихъ дѣлахъ, и въ результатъ получилось подобное же бѣдствіе: кушанья пригорѣли. Хорошо еще, что хозяйка вернулась во-время, чтобы спасти завтракъ отъ окончательной гибели. Она такъ бойко и такъ искренно задала мальчику головомойку, что мгновенно пробудила его отъ грезъ. Видя, однако, до какой степени онъ смутился тѣмъ, что не оправдалъ возложеннаго на него довѣрія, крестьянка тотчасъ же смягчилась и стала относиться послѣ того къ нему особенно нѣжно и ласково.

Мальчикъ закусиль, что называется, плотно и съ аппетитомъ. Сытный завтракъ подкрѣпилъ короля и много улучшилъ расположеніе его духа. Интересною характерною чертой этого завтрака было то обстоятельство, что обѣ стороны поступились собственнымъ своимъ достоинствомъ, при чемъ, однако, лицо, которому была оказана милость, даже не подозрѣвало этого. Хозяйка собиралась сперва накормить маленькаго бродягу какими-нибудь объѣдками въ углу, какъ дѣлала это съ другими бродягами и съ собаками, но, ощутивъ угрызенія совѣсти за то, что такъ сильно его выбранила, рѣшила вознаграждать бѣднягу за столь дурное съ нимъ обращеніе, дозволивъ ему сѣсть за одинъ столъ съ семьею и позавтракать съ порядочными людьми, какъ бы на равной съ ними ногѣ. Король мучился, въ свою очередь, угрызеніями совѣсти за то, что обманулъ возложенное на него довѣріе, послѣ того какъ вся семья была съ нимъ до такой степени добра. Онъ рѣшился, поэтому, загладить свой поступокъ, снизойдя до одного

уровня съ крестьянскою семьею, и отказался отъ первоначальнаго своего намѣренія требовать отъ хозяйки и ея дѣтей, чтобы они стояли и прислуживали ему, пока онъ будетъ завтракать за обѣденнымъ столомъ, въ торжественномъ одиночествѣ, подobaющемъ высокому его сану и происхожденію.

Подобныя взаимныя уступки всегда оказываются очень полезными. Почтенная хозяйка была въ продолженіе цѣлаго дня какъ нельзя болѣе довольна собою, такъ какъ непрерывно осыпала себя похвалами за великодушную снисходительность къ маленькому бродягѣ. Король же, съ своей стороны самодовольно помышлялъ о всемилостивѣйшемъ снисхожденіи, съ какимъ онъ отнесся къ простой крестьянѣ.

Послѣ завтрака хозяйка приказала королю вымыть посуду. Приказаніе это было выполнено не сразу. Одно мгновеніе король чуть было не возмутился, но потомъ сказалъ самому себѣ: «Альфредъ Великій наблюдалъ же за тѣмъ, какъ пеклась драчена; безъ сомнѣнія, онъ вымылъ бы также и посуду, если бы отъ него это потребовали. Отчего же и мнѣ не попробовать?»

Проба эта оказалась не особенно удачною, что, между прочимъ, не мало удивило и самого короля, думавшаго, что очень нетрудно вымыть деревянныя ложки и тарелки. На самомъ дѣлѣ работа эта оказалась очень скучной и утомительной, но все-таки она съ теченіемъ времени окончилась. Мальчикъ сгоралъ нетерпѣніемъ продолжать свой путь, но ему не суждено было такъ скоро отдѣлаться отъ общества старательной и усердной хозяйки. Она непрерывно заставляла его выполнять то одну, то другую работу. Прилагая все свое стараніе, маленький король подвизался въ этихъ работахъ старательно и не безъ нѣкотораго успѣха. Тогда она усадила его и обѣихъ дѣвочекъ чистить зимнія яблоки, но тутъ онъ обнаружилъ такую неловкость и неумѣлость, что его немедленно же удалили отъ столь благороднаго занятія и поручили ему наточить большой мясницкій ножъ; послѣ того крестьянка заставила его величество расчесывать шерсть, и маленький король началъ уже размышлять, что оставилъ короля Альфреда Великаго далеко за флагомъ по части мелочныхъ геройскихъ подвиговъ, кажушихся такими живописными и забавными, когда ихъ описываютъ въ книжкахъ для дѣтей. Въ дѣйствительности эти подвиги надобли ему не на шутку и онъ имѣлъ серьезное намѣреніе отъ нихъ отказать.

Въ полдень, какъ разъ послѣ обѣда, хозяйка прислала маленькому королю корзинку съ котятами и приказала ихъ утопить. Онъ этого, однако, не сдѣлалъ и только-что собирался объяснить ей всю неумѣстность отдавать подобныя приказанія англійскому монарху (онъ сознавалъ необходимость установить какія-нибудь

границы для посягательства на августѣйшую свою особу и ему казалось, какъ нельзя болѣе умѣстнымъ поставить такую пограничною чертой умерщвление котятъ), но этому помѣшало совершенно непредвидѣнное обстоятельство, а именно появленіе Гута и Джона Канти съ коробомъ разносчика за спиной.

Маленькій король, узнавъ этихъ негодяевъ, когда они подходили къ воротамъ избы и не успѣвъ еще увидѣть его самого. Воздержавшись отъ всякихъ замѣчаній касательно установленія пограничной черты, онъ взялъ карзину съ котятами и, не говоря ни слова, потихоньку вышелъ съ чернаго хода. Оставивъ котятъ въ сѣняхъ, мальчикъ пустился улепетывать по узенькой извилистой тропинкѣ, тянувшейся между высокими изгородами.

ГЛАВА XX.

Король и отшельникъ.

Убѣдившись, что высокая изгородь скрываетъ его отъ взоровъ, такъ что изъ дому никто не видитъ, мальчикъ, побуждаемый смертельнымъ страхомъ, побѣжалъ во всю прыть по направленію къ лѣсу, находившемуся въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда. Онъ не оглядывался до тѣхъ поръ, пока не добѣжалъ почти до самаго лѣса. Тогда только онъ обернулся и замѣтилъ вдали двѣ какія-то человѣческія фигуры. Это показалось ему совершенно достаточнымъ. Онъ не сталъ терять времени, чтобы хорошенько въ нихъ всмотрѣться, но пустился опять бѣжать и не останавливался до тѣхъ поръ, пока не забрался далеко въ глубь лѣса, — въ такую чащу, гдѣ его со всѣхъ сторонъ окутывали полумракъ. Тамъ онъ остановился, убѣжденный, что находится приблизительно въ безопасности. Онъ внимательно прислушивался, но кругомъ стояла грозная, торжественная тишина, производившая тяжелое, подавляющее впечатлѣніе на душу. Напрягая все свое вниманіе, онъ по временамъ, какъ будто различалъ среди этой тишины звуки, но такіе отдаленные, глухіе и таинственные, что они какъ будто не принадлежали къ міру дѣйствительности, а напоминали скорѣе жалобы и стоны видѣній, вернувшихся съ того свѣта. Звуки эти были сами по себѣ еще страшнѣе тишины, которую они прерывали.

Маленькій король намѣревался сперва провести остатокъ дня въ томъ мѣстѣ, гдѣ спрятался. Пока онъ бѣжалъ, тѣло его разгорячилось и покрылось испариной, но вскорѣ потомъ начало сильно зябнуть и онъ былъ вынужденъ идти дальше уже для того, чтобы согрѣться. Онъ пробирался все прямо черезъ лѣсъ, рассчитывая вскорѣ выйти на какую-нибудь дорогу, но эти расчеты не оправ-

дались. Мальчикъ шелъ довольно уже долго, но чѣмъ дальше забирался онъ въ лѣсъ, тѣмъ гуще и дремучѣе лѣсъ становился. Тѣмъ временемъ мракъ все болѣе сгущался, и король убѣдился, что ночь приближается быстрыми шагами. Онъ вздрогнулъ при мысли, что ее придется провести въ глухомъ дремучемъ лѣсу и пытался ускорить шаги, чтобы выбраться какъ можно скорѣе оттуда, но при всемъ желаніи подавался впередъ лишь очень медленно. Стемнѣло уже такъ, что онъ не могъ явственно различать препятствій, попадавшихъ на пути, а потому безперерывно спотыкался о корни деревьевъ, запутывался въ плющи и терновники.

Можно представить себѣ, какъ онъ обрадовался, увидѣвъ, наконецъ, мерцавшій вдали огонекъ. Его величество осторожно подкрался въ этому огоньку, зачастую останавливаясь, чтобы осмотрѣться и прислушаться. Огонекъ свѣтилъ изъ окна маленькой ветхой хижины, въ которомъ не было даже стеколъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король слышалъ раздававшійся изъ хижины голосъ и почувствовалъ въ ту же минуту стремленіе убѣжать куда-нибудь подальше, но вслѣдъ за тѣмъ, убѣдившись, что этотъ голосъ читаетъ молитвы, счелъ совершенно излишнимъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Подойдя къ одному изъ оконъ хижины, онъ сталъ на цыпочки и заглянулъ туда украдкой. Комната была маленькая, съ землянымъ поломъ, крѣпко утоптаннмъ отъ долгаго употребленія. Въ углу виднѣлась постель изъ тростника, покрытая однимъ или двумя рваными одѣялами; по сосѣдству стояло деревянное ведро, чаша, лоханка, два или три горшка и нѣсколько сковородокъ. Тутъ же находились небольшая скамья и стулъ на трехъ ножкахъ. Въ печи, топившейся хворостомъ, тлѣлъ еще огонь, передъ кіотомъ, озареннымъ всего лишь одною свѣчей, стоялъ на колѣняхъ старикъ. Возлѣ него, на ветхомъ деревянномъ столикѣ, лежали раскрытая книга и человѣческій черепъ. Широкоплечій востлявый старикъ казался, несмотря на свои преклонные годы, еще сильнымъ и бодрымъ. Волосы, усы и бакенбарды были у него длинные и бѣлые, какъ снѣгъ. Одежда состояла изъ рясъ на овечьемъ мѣху, доходившей до самыхъ пятъ.

— Это, очевидно, святой отшельникъ! — сказалъ король себѣ самому. — Какое счастье, что я къ нему попалъ!

Отшельникъ закончилъ свою молитву и всталъ. Король поступался тогда въ двери. Глухой голосъ отвѣтилъ ему изнутри:

— Войди, но отрѣшися отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, такъ какъ мѣсто, на которомъ ты будешь стоять, свято есть!

Король вошелъ, но въ первую минуту не рѣшился заговорить. Отшельникъ, устремивъ на него безпокойно бѣгавшіе и какъ-то странно сверкавшіе глаза, спросилъ:

— Кто ты такой?

— Король, — отвѣчалъ добродушно спокойнымъ тономъ мальчикъ.

— Добро пожаловать, король! — вскричалъ съ восторженнымъ порывомъ отшельникъ.

Затѣмъ онъ принялся хозяйничать съ лихорадочной дѣятельностью и, непрерывно повторяя: «Добро пожаловать». «Милости просимъ», придвинулъ скамью къ печи, усадилъ на нее короля, подбросилъ въ печь сухого хворосту и, наконецъ, принялся нервно ходи́ть взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Добро пожаловать сюда ко мнѣ, — добавилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія. — Многіе приходили уже сюда спастись, но оказывались недостойными и потому изгонялись. Иное дѣло король, отрекшійся отъ царственнаго своего вѣнца и суетнаго блеска придворной роскоши, — король, облекшій свое тѣло въ лохмотья, дабы посвятить жизнь молитвѣ и умерщвленію собственной плоти. Онъ достоинъ спастись вмѣстѣ со мною и найдетъ здѣсь радушный пріемъ. Я встрѣчу его съ распростертыми объятіями и предоставлю ему жить въ моей кельѣ, пока не постигнетъ его желанная смерть.

Король поспѣшилъ прервать этотъ монологъ и объяснить, но отшельникъ не обращалъ на его слова ни малѣйшаго вниманія и, повидимому, даже ихъ не слышалъ, а продолжалъ говорить, возвысивъ голосъ, все съ большею энергіей:

— Здѣсь ты найдешь миръ и спокойствіе. Никто не отыщетъ твоего убѣжища и не станетъ тревожить тебя мольбами вернуться къ безумной пустой жизни, которую Господь сподобилъ тебя покинуть. Здѣсь ты будешь молиться, изучать Священное Писаніе, размышлять о безуміи и обманахъ міра сего, представлять себѣ неизреченное блаженство праведниковъ и страшныя муки грѣшниковъ въ загробной жизни, питаться черствымъ хлѣбомъ и травами, пить одну только воду и для очищенія души нещадно бичевать каждый день свое тѣло. Ты будешь носить подъ рубашкою власяницу и ощутишь, какъ снизойдетъ на тебя миръ, котораго никто здѣсь не потревожитъ. Если бы и забрелъ сюда случайно кто-нибудь тебя разыскивать, онъ всетаки ушелъ бы, не достигнувъ своей цѣли. Я позабочусь уже о томъ, чтобы тебя не могли здѣсь найти и обезпокоить!

Старикъ, все еще продолжая ходи́ть взадъ и впередъ по комнатѣ, пересталъ громко говорить и началъ вмѣсто того бормотать что-то такое себѣ подъ носъ. Маленькій король воспользовался этимъ случаемъ, чтобы разсказать ему свое положеніе. Онъ говорилъ очень краснорѣчиво подъ вліяніемъ возбужденія, весьма естественнаго притаихъ оостоятельствѣхъ. Отшельникъ, тѣмъ не менѣе, попрежнему бормоталъ и, повидимому, вовсе его не слу-

шалъ. Продолжая бормотать, онъ подошелъ къ королю и сказалъ внушительнымъ тономъ:

— Тсъ, я сообщу тебѣ тайну!

Съ этими словами онъ нагнулся къ мальчику, но вдругъ остановился и началъ какъ будто прислушиваться. Черезъ минуту или двѣ онъ подошелъ къ отверстию, служившему вмѣсто окна, высунулъ голову и началъ всматриваться во мракъ, а затѣмъ вернулся опять на цыпочкахъ, прильнулъ лицомъ къ самому уху короля и прошепталъ:

— Я вѣдь архангелъ.

Король вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ при этихъ словахъ и мысленно сказалъ себѣ самому:

— Лучше было бы ужь мнѣ оставаться съ бродягами и мошенниками, чѣмъ очутиться теперь во власти сумасшедшаго.

Опасенія, терзавшія бѣднаго мальчика, явственно изобразились на его лицѣ. Тѣмъ временемъ отшельникъ продолжалъ вполголоса, возбужденнымъ тономъ:

— Вижу, что ты чувствуешь обаяніе окружающей меня атмосферы. На лицѣ твоёмъ отражается благоговѣйный страхъ! Никто не въ силахъ избѣжать обаянія этой атмосферы, такъ какъ она во-истину небесная. Я возношусь на небо и возвращаюсь оттуда въ одно мгновеніе ока. Я былъ возведенъ въ архангелы, на этомъ самомъ мѣстѣ, пять лѣтъ тому назадъ ангелами, присланными съ неба именно для того, чтобы возложить на меня высокій небесный чинъ. Присутствіе ихъ наполнило всю мою келью нестерпимо яркимъ сіяніемъ. И знаешь ли, король, что они преклонили передо мною колѣни, да, преклонили, такъ какъ я сталъ тогда выше ихъ рангомъ? Я странствовалъ по небеснымъ сѣнямъ и кушамъ, гдѣ бесѣдовалъ съ патріархами. Прикоснись къ моей рукѣ, не бойся, дотронись до нея! Ну, вотъ такъ. Теперь ты можешь сказать, что касался руки, которую пожимали Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ. Я странствовалъ въ золотыхъ заоблачныхъ высяхъ къ престолу Всевышняго, воздвигнутому надъ твердью небесной и видѣлъ Бога лицомъ къ лицу!

Онъ съ минутку помолчалъ, какъ бы желая, чтобы рѣчь его произвела болѣе сильное впечатлѣніе. Затѣмъ выраженіе его лица внезапно измѣнилось. Онъ выпрямился во весь ростъ и сердито воскликнулъ:

— Да, я архангелъ, всего только архангелъ, тогда какъ мнѣ слѣдовало быть папой! Устами моими глаголетъ истина. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ ниспосланъ былъ мнѣ съ неба сонъ, въ которомъ было обѣщано, что меня изберутъ въ папы. Всенепременно и случилось бы, какъ предопредѣлено было тебѣ, но король Генрихъ VIII упразднилъ мой монастырь. Я оказался

тогда заброшеннымъ сюда, въ эту лѣсную глушь, и влачу здѣсь жизнь простого, невѣдомаго отшельника. Понятно, что теперь никому и въ голову не можетъ придти мысль объ избраніи меня на папскій престолъ!

Онъ снова принялся что-то бормотать себѣ подъ носъ и съ бѣшенствомъ бить себя кулакомъ по лбу, то проклиная, на чемъ свѣтъ стоитъ, Генриха VIII, то повторяя обиженнымъ тономъ: «Изъ-за него я теперь только архангелъ, тогда какъ мнѣ слѣдовало быть папой!»

Онъ сумасбродствовалъ такимъ образомъ въ теченіе цѣлаго часа, а бѣдняжка маленькій король тѣмъ временемъ сидѣлъ на скамьѣ и терпѣлъ тяжкую душевную муку. Послѣ того припадокъ сумасшествия у старика прошелъ. Отшельникъ сдѣлался тогда вроткимъ и ласковымъ, голосъ его смягчился. Онъ вернулся изъ заоблачныхъ высей и принялся разговаривать такъ простоудушно и человѣчно, что вскорѣ завоевалъ себѣ сердце мальчика. Усадивъ маленькаго короля ближе къ огню и по возможности уютнѣе, старый отшельникъ ласковой и нѣжной рукою залечилъ ему ушибы и царапины на ногахъ, а затѣмъ началъ готовить ужинъ. Все время при этомъ онъ велъ съ мальчикомъ веселую бесѣду, при чемъ иногда такъ ласково гладилъ маленькаго короля по головкѣ и по розовымъ щечкамъ, что страхъ и отвращеніе, внушенные самозваннымъ архангеломъ, быстро смѣнились любовью и почтеніемъ къ человѣку.

Это счастливое положеніе дѣлъ длилось до самаго конца ужина. Тогда, помолившись передъ кѣтомъ, отшельникъ уложилъ мальчика спать въ маленькой сосѣдней комнаткѣ, укутавъ его также тщательнo и съ такою же любовью, какъ могла бы сдѣлать лишь самая нѣжная мать. Благословивъ его на прощанье, онъ ушелъ, сѣлъ передъ печью и принялся какъ-то инстинктивно и словно безсознательно мѣшать тамъ кочергою. Прервавъ это занятіе, онъ постучалъ нѣсколько разъ себѣ пальцами по лбу, словно пытаясь припомнить какую-то мысль, выскользнувшую изъ головы. Всѣ его попытки оказывались, повидимому, тщетными. Тогда онъ проворно всталъ со скамьи и, войдя въ комнату своего посѣтителя, спросилъ:

— Ты вѣдь король?

— Да, — отвѣчалъ ему сквозь сонъ мальчикъ.

— Какой именно?

— Англійскій.

— Англійскій? Значитъ Генрихъ умеръ?

— Увы, умеръ. Я его сынъ!

Лицо отшельника приняло зловѣщее выраженіе, и онъ съ мстительной энергіей стиснулъ громадные костлявые свои ку-

лаки. Такъ онъ простоялъ нѣсколько мгновений, чуть не задыхаясь отъ волненія и постоянно глотая слюну, а потомъ освѣдомился подавленнымъ голосомъ:

— Зналъ ли ты, что онъ упразднилъ нашъ монастырь и заставилъ насъ безпріютно скитаться по свѣту?

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало. Старикъ, нагнувшись къ мальчику, всматривался въ спокойное выраженіе его личика и вслушивался въ ровное его дыханіе.

— Онъ спитъ, крѣпко спитъ, — проворчалъ сквозь зубы отшельникъ. Хмурое выраженіе его лица смѣнилось усмѣшкой злобнаго удовольствія. Какъ разъ въ это мгновеніе лицо спавшаго мальчика озарилось улыбкой. Отшельникъ проворчалъ сквозь зубы:

— Прекрасно, онъ чувствуетъ себя теперь счастливымъ, — и отвернулся отъ постели, на которой почивалъ маленький король, но остался въ той же комнатѣ и принялся на цыпочкахъ бродить по ней, словно что-то разыскивая. По временамъ онъ останавливался и прислушивался, при чемъ внезапно оборачивался и пристально взглядывалъ на постель, не переставая бормотать себѣ подъ носъ. Подъ конецъ онъ нашелъ то, чего такъ долго искалъ, а именно старый заржавѣвшій мясницкій ножъ и брусокъ. Тогда онъ вернулся на цыпочкахъ въ другую комнату, сѣлъ возлѣ печи и принялся потихоньку точить ножъ на брускѣ, продолжая попрежнему ворчать, бормотать и пересыпать свой монологъ невѣроятными восклицаніями. Вѣтеръ завывалъ вокругъ уединенной хижины и таинственные ночные голоса проносились издалека мимо нея. Блестящіе глазки дерзкихъ мышей и крысъ глядѣли на старика изъ многочисленныхъ щелей и отверстій, но онъ продолжалъ заниматься своей работой, всецѣло поглощенный какимъ-то адскимъ восторгомъ и не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія. Отъ времени до времени онъ проводилъ большимъ пальцемъ по острію ножа и съ довольнымъ видомъ кивалъ головою. «Онъ становится теперь острѣе, значительно острѣе!» говорилъ старикъ самому себѣ.

Время шло, но старикъ не обращалъ на это вниманія и спокойно продолжалъ точить ножъ, погружившись въ думы, которыя иногда высказывалъ вслухъ: «Его отецъ сдѣлалъ намъ много зла! Онъ уничтожилъ наши монастыри и за это томится теперь, послѣ смерти, въ преисподней, гдѣ огонь вѣчный и скрежетъ зубовъ. Онъ ускользнулъ отъ нашего мщенія здѣсь на землѣ, но такова была воля Божія, — такъ угодно было Господу, и мы не въ правѣ на это сѣтовать. Ему не довелось зато ускользнуть отъ адскаго пламени, отъ всепожирающаго огня, вѣчнаго, безжалостнаго и безпощаднаго!» Онъ не отрывался ни на мгновеніе отъ работы и продолжалъ

усердно точить ножъ, ворча себѣ подъ носъ и по временамъ разражаясь хриплымъ, едва слышнымъ хихиканьемъ. Затѣмъ онъ заговорилъ снова самъ съ собою вслухъ:

— Все это зло причинилъ намъ родной его отецъ. Безъ него я былъ бы теперь не какимъ-нибудь простымъ архангеломъ, а по меньшей мѣрѣ римскимъ папой!

Король пошевелился во снѣ. Отшельникъ неслышнымъ прыжкомъ дикой кошки подскочилъ къ его постели, сталъ возлѣ нея на колѣни и нагнулся надъ мальчикомъ, занеся уже ножъ для удара. Мальчикъ снова пошевелился. Глаза его на мгновение раскрылись, но это было сдѣлано совершенно безсознательно. Они ничего не увидѣли и въ слѣдующее затѣмъ мгновение спокойное дыханіе молодого короля свидѣтельствовало уже, что онъ опять крѣпко спитъ. Отшельникъ, все еще нагнувшись надъ мальчикомъ, прислушивался въ теченіе нѣкотораго времени, едва осмѣливаясь дышать. Затѣмъ онъ потихоньку опустил занесенный надъ мальчикомъ ножъ и вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты, замѣтивъ себѣ самому:

— Полночь давно уже миновала, а, чего добраго, онъ еще вскрикнетъ, и крикъ этотъ будетъ услышанъ какимъ-нибудь случайнымъ прохожимъ.

Старикъ принялся шарить по всѣмъ угламъ и закоулкамъ своей берлоги, тщательно собирая всѣ тряпки и веревки, попадавшіяся подъ руку. Затѣмъ онъ вернулся къ постели мальчика и такъ осторожно связалъ ему ноги, что маленькій король даже не проснулся. Послѣ того надлежало связать еще и руки. Отшельникъ нѣсколько разъ пытался сложить ихъ одну на другую, но маленький король постоянно отдергивалъ которую-нибудь изъ рукъ въ то самое мгновеніе, когда старикъ пытался обхватить ихъ обѣ вмѣстѣ веревкой. Подъ конецъ, когда архангелъ почти уже отчаявался въ успѣхѣ, мальчикъ случайно самъ сдвинулъ обѣ свои руки и въ слѣдующее мгновеніе онѣ оказались уже крѣпко связанными. Затѣмъ, охвативъ широкой тесьмой нижнюю челюсть мальчика, старикъ крѣпко связалъ концы тесьмы у него на головѣ. Это было сдѣлано такъ ловко и съ такой осторожной постепенностью, что мальчикъ продолжалъ мирно спать и даже не пошелохнулся.

ГЛАВА XXI.

Гендонъ является на помощь.

Старикъ вышелъ неслышными шагами изъ комнатки и вернулся туда опять, принеся съ собою низенькую скамью. Онъ усьлся на нее такъ, что половина его тѣла была озарена тусклымъ

мерцающимъ свѣтомъ восковой свѣчи, горѣвшей передъ кіотомъ, а другая оставалась въ тѣни. Не спуская алчныхъ взоровъ со спящаго мальчика, отшельникъ терпѣливо сторожилъ его сонъ. Онъ не замѣчалъ, какъ бѣжитъ время и потихоньку дотачивалъ ножъ, при чемъ отъ времени до времени хихикалъ и ворчалъ себѣ подъ носъ. Въ этой позѣ онъ напоминалъ чудовищнаго страшнаго паука, собирающагося броситься на несчастное насѣкомое, безпомощно запутавшееся въ его паутинѣ.

По прошествіи долгаго времени, старикъ погрузился въ безумныя свои мысли до такой степени всецѣло, что хотя глаза его и оставались широко раскрытыми, онъ всетаки ничего не видѣлъ и не замѣчалъ. Внезапно пробудившись отъ своихъ грезъ наяву онъ убѣдился, что глаза мальчика были тоже широко раскрыты и глядѣли съ неизреченнымъ ужасомъ на ножъ. Улыбка демонской радости разлилась по лицу старика, когда онъ сказалъ, не перемѣняя своей позы и продолжая точить ножъ:

— Сынъ Генриха VIII, молился ты передъ отходомъ ко сну?

Мальчикъ сдѣлалъ тщетную попытку освободиться отъ веревокъ, связывавшихъ ему руки и ноги. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ его стиснутыхъ челюстей вырвался какой-то нечленораздѣльный сдавленный звукъ, который отшельникъ нашелъ умѣстнымъ признать утвердительнымъ отвѣтомъ и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ помолись опять. Прочти себѣ самому отходную, то есть молитву передъ смертью!

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу мальчика, и его лицо поблѣднѣло. Онъ сдѣлалъ еще разъ попытку освободиться, ворочаясь и извиваясь всѣмъ тѣломъ. Видно было, какъ напрягались его мышцы, съ бѣшенствомъ отчаянія пытаясь разорвать веревки. Всѣ усилія несчастнаго мальчика оказались тщетными. Старикъ глядѣлъ на нихъ съ свирѣпымъ самодовольствомъ людоеда, одобрительно кивалъ головою и безмятежно продолжалъ точить ножъ, приговаривая отъ времени до времени:

— Минуты для тебя теперь дороги. Онѣ всѣ на счету и уходятъ невозвратно. Молись же, пока это еще возможно. Читай отходную себѣ самому!

Изъ груди мальчика вырвался заглушенный стонъ. Маленькій король выбился изъ силъ и, сознавая свою безпомощность, отказался отъ дальнѣйшей борьбы. Слезы брызнули у него изъ глазъ и потекли одна за другой по лицу, но это трогательное зрѣлище нисколько не смягчило злобнаго старика.

Занималась уже заря. Замѣтивъ это, отшельникъ объявилъ рѣзкимъ голосомъ, въ которомъ звучала нотка нервнаго опасенія:

— Положимъ, что мнѣ очень пріятно любоваться его муками, но всетаки ночь успѣла уже миновать. Она показала мнѣ очень

короткой и пролетѣла, какъ мигъ, тогда какъ я былъ бы несказанно радъ, если бы она длилась цѣлый годъ. Отродѣ святотатственнаго грабителя церквей, закрой осужденные на смерть твои глаза, если не хочешь видѣть, какъ...

Конечъ фразы нельзя было разслышать, такъ какъ старикъ пробормоталъ его себѣ подъ носъ. Опустившись на колѣни передъ постелью мальчика, который тихонько стоналъ и плакалъ, отшельникъ нагнулся надъ своей жертвой и занесъ надъ ней ножъ... Что это такое, однако? Возлѣ хижины слышались человѣческіе голоса. Выронивъ ножъ, отшельникъ накрылъ мальчика овечьей шкурой, вздрогнулъ и выпрямился. Голоса, очевидно, приближались и становились все явственнѣе. Они перешли въ сердитую грубую брань. Затѣмъ слышались удары и крики помощи, за которыми послѣдовалъ топотъ проворно убѣгавшихъ ногъ. Немедленно же раздались тогда громкіе удары въ дверь хижины, сопровождавшіеся возгласомъ:---Эй, вы тамъ, отворите! Да смотрите же, не мѣшкайте, чортъ бы васъ всѣхъ побралъ!

Проклятіе это звучало въ ушахъ короля пріятнѣе самой нѣжной музыки, такъ какъ онъ узналъ голосъ Мильса Гендона.

Отшельникъ въ порывѣ безсильной злобы заскрежеталъ зубами, а затѣмъ проворно вышелъ изъ спальни и заперъ за собою дверь. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе король услышалъ разговоръ, происходившій въ первой комнатѣ, которая служила какъ бы часовней.

— Привѣтъ вамъ и поклонъ, ваше преподобіе! Гдѣ здѣсь у васъ мальчикъ,—мой мальчикъ?

— О какомъ мальчикѣ вы говорите, другъ мой?

— Что за вопросъ! Прошу васъ, господинъ монахъ, мнѣ не лгать и не пытаться меня обманывать. Я ни подъ какимъ видомъ этого не потерплю. Тутъ какъ разъ по сосѣдству я нагналъ негодеевъ, которые, какъ мнѣ казалось, похитили его у меня и заставили ихъ въ этомъ сознаться. Они объявили, что мальчикъ отъ нихъ ушелъ, и что они разыскивали его по слѣду, который привелъ какъ разъ къ вашимъ дверямъ. Мнѣ показали даже слѣды, и я узналъ въ нихъ отпечатки ногъ моего мальчика. Не заговаривайте мнѣ зубы, такъ какъ, если ты, ваше преподобіе, не вернешь мнѣ его сейчасъ же, то... Гдѣ же мальчикъ?

— Ахъ, достопочтенный господинъ, я сразу не догадался, что вы говорите о бродягѣ въ лохмотьяхъ, котораго я оставилъ у себя переночевать. Это какой-то полуумный, называвшій себя королемъ. Если такой джентльмэнъ, какъ вы, можетъ интересоваться подобнымъ мальчикомъ, то знайте, что я послалъ его въ сосѣдную деревню съ маленькимъ порученіемъ. Онъ не замедлитъ вернуться.

— Когда же онъ вернется? Скоро ли это случится? Быть можетъ, что, отправившись за нимъ вслѣдъ, я еще успѣю его нагнать? Тутъ необходимо поторопиться. Не задерживай же меня и отвѣчай немедленно на вопросъ, скоро ли мальчикъ вернется?

— Тебѣ незачѣмъ уходить отсюда, онъ скоро вернется.

— Ну, ладно, попробую обождать. Впрочемъ, ты говоришь, что послалъ его въ сосѣднюю деревню съ порученіемъ? Ну, ужъ извини, это грубая ложь. Онъ не изъ таковскихъ, чтобы имъ можно было помыкать такимъ образомъ. Если бы ты вздумалъ обратиться къ нему съ такимъ наглымъ предложеніемъ, онъ, вѣроятно, вѣѣнилъ бы своими рученками въ сѣдую твою бороду. Ты солгалъ, пріятель. Онъ ни за что бы не согласился служить разсылнымъ для тебя, или же любого иного человѣка.

— Не знаю, быть можетъ, онъ и не послушался бы человѣка, но я вѣдъ не человѣкъ.

— Это еще что за выдумки? Кто же ты такой? Неужели дьяволъ?

— Это, видишь ли, тайна, а потому замѣть себѣ, что ты ни-коимъ образомъ не въ правѣ ее разглашать. Я не человѣкъ и не чортъ, а просто-на-просто архангелъ.

Послышалось громкое восклицаніе Мильса Гендона, смахившее на многоэтажное проклятіе. Почтенный воинъ затѣмъ продолжалъ:

— Это иное дѣло. Теперь я понимаю снисходительность къ тебѣ моего мальчика. Я былъ увѣренъ, что онъ ни за что въ свѣтъ не согласится быть на посылкахъ у простого смертнаго, но вѣдъ даже и король обязанъ, чортъ возьми, повиноваться, когда приказаніе исходитъ отъ архангела. Тогда я... Тс... что это за шумъ?

Все это время маленькій король лежалъ въ другой комнатѣ, попеременно дрожа отъ страха и трепеща отъ радостной надежды. Онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы крикнуть какъ можно громче и постоянно ожидалъ, что вырывавшіеся у него нечленораздѣльные звуки достигнутъ ушей Гендона, но каждый разъ, къ величайшему своему прискорбію, убѣждался, что они не доходили до назначенія, или же не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія. При такихъ обстоятельствахъ замѣчаніе, вырвавшееся у вѣрнаго барона, подѣйствовало на маленькаго короля совершенно такъ же, какъ оживляющее вѣяніе свѣжаго вѣтерка дѣйствуетъ на умирающаго. Онъ сдѣлалъ еще энергическую попытку крикнуть изо всѣхъ силъ какъ разъ въ то время, когда отшельникъ говорилъ:

— Какой тамъ шумъ, я слышу только завываніе вѣтра.

— Можетъ быть, что и такъ. Должно быть и впрямь это вѣтеръ. Я все время здѣсь слышалъ, какъ онъ жалобно стоналъ. Вотъ и

теперь опять... Нѣтъ, это не вѣтеръ, это какой-то странный незнакомый мнѣ звукъ. Надо посмотрѣть, что тамъ такое?

Король обрадовался до такой степени, что былъ почти не въ силахъ выносить свой восторгъ. Утомленные его легкія дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, и работали исправно, но крѣпко связанные челюсти и овечья шкура, накинутая на голову, значительно ослабляли ихъ дѣйствіе. Бѣдняга совершенно упалъ духомъ, когда услышалъ возраженіе отшельника:

— Это вовсе не вѣтеръ. Ты правъ. Звукъ этотъ, если не ошибаюсь, слышится вотъ изъ-за этихъ кустовъ. Пройдемъ туда вмѣстѣ, я покажу дорогу.

Король слышалъ, какъ они оба вмѣстѣ вышли изъ избы, бесѣдуя другъ съ другомъ. Шаги ихъ быстро замерли вдали, и несчастный мальчикъ остался, одинъ среди зловѣщей, томительной и ужасающей тишины.

Ему казалось, будто прошелъ цѣлый вѣкъ, прежде чѣмъ онъ различалъ опять шаги и голоса. На этотъ разъ они приближались. Ихъ сопровождалъ къ тому же какой-то другой звукъ, напоминавшій топотъ копытъ. Мальчикъ явственно слышалъ, какъ Гендонъ говорилъ:

— Я не стану и не могу больше ждать. Онъ, безъ сомнѣнія, заблудился здѣсь, въ лѣсной чащѣ. Въ какомъ направленіи онъ пошелъ? Скорѣ укажи мнѣ его!

— Онъ отправился... Впрочемъ, погоди, я лучше пойду самъ съ тобою.

— И прекрасно. Ты, какъ я вижу, гораздо лучше, чѣмъ это можно подумать съ перваго взгляда. Чортъ возьми, наврядъ ли найдется другой такой же архангелъ, который обладалъ бы столь же добрымъ сердцемъ, какъ ты! Хочешь, поѣдемъ верхомъ. Садись на ослика, который предназначенъ для моего мальчика, или, быть можетъ, ты предпочитаешь обхватить преподобными своими ногами презрѣннаго мула, купленного мною лично для себя? Не совѣтую тебѣ, впрочемъ, садиться на это коварное животное. Барышники обманули меня на немъ, и я счелъ бы, что за него заплачено слишкомъ дорого даже въ томъ случаѣ, еслибъ я заплатилъ всего лишь законный мѣсячный процентъ съ мѣднаго гроша, пролежавшаго у ростовщика безъ всякаго употребленія.

— Нѣтъ, поѣзжай самъ на мулѣ и веди своего осла въ поводу. Я чувствую себя надежнѣе на собственныхъ ногахъ и предпочитаю идти пѣшкомъ.

— Тогда поддержи пожалуйста для меня маленькое животное, пока я, съ опасностью собственной жизни, попытаюсь вскарабкаться на большое.

Мулъ, очевидно, брыкался, взвивался на дыбы и бѣшено бро-

сался съ мѣста на мѣсто. Гендонъ угощалъ его за это ударами и проклятіями. Одно изъ этихъ послѣднихъ задѣло, повидимому, мула за живое и смирило его гордыню, такъ какъ съ тѣхъ поръ враждебныя дѣйствія мигомъ прекратились.

Можно представить себѣ, съ какимъ отчаяніемъ прислушивался маленькій король, связанный по рукамъ и ногамъ, къ постепенно ослабѣвавшимъ и замиравшимъ вдали голосамъ и шагамъ. Послѣднія надежды покинули его въ эту минуту. Онъ считалъ себя окончательно уже погибшимъ.

«Единственного моего друга удалось обмануть и направить на ложный слѣдъ,—говорилъ онъ самъ себѣ.—Отшельникъ не замедлитъ, вернуться, и тогда...» Мальчикъ сдѣлалъ глубокое вдыханіе и тотчасъ же затѣмъ возобновилъ съ такою бѣшеною энергіей попытку высвободить свои руки и ноги, что ему удалось сбросить съ себя, по крайней мѣрѣ, овечью шкуру.

Но вотъ онъ услышалъ, какъ растворились двери. Кровь застыла у него въ жилахъ, и ему казалось уже, будто онъ чувствуетъ ножъ убійцы, вонзающійся уже въ горло. Неизреченный ужасъ заставилъ мальчика закрыть глаза и потомъ снова открыть ихъ. Маленькій король увидѣлъ тогда передъ собою Джона Канти и Гуго.

Еслибъ ротъ у него не былъ завязанъ, онъ бы воскликнулъ: «Слава Тебѣ, Господи!» Черезъ минуту или двѣ, руки и ноги у мальчика были уже развязаны. Освободители маленькаго короля подхватили его подъ руки и поспѣшно принялись улетѣть въ чашу лѣса.

ГЛАВА XXII.

Жертва измѣны.

Король Фу-фу I, вернувшись противъ собственной воли опять къ шайкѣ бродягъ и мошенниковъ, продолжалъ странствовать вмѣстѣ съ ней, служа мишенью для грубыхъ шутокъ и тупоумныхъ насмѣшекъ. Иной разъ, когда атамана не оказывалось по сосѣдству, маленькому королю приходилось быть жертвой различныхъ мелкихъ непріятностей со стороны Канти и Гуго. Никто въ шайкѣ, кромѣ этихъ двухъ негодяевъ, не питалъ дурного чувства къ мальчику. Нѣкоторымъ онъ положительно нравился и всѣ вообще восторгались его смѣлостью и благородствомъ его характера. Въ теченіе двухъ или трехъ дней, Гуго, на попеченіи котораго находился король, всячески старался дѣлать ему исподтишка непріятности. Ночью, во время обычныхъ оргій, онъ забавлялъ все общество, нанося мальчику, какъ будто невзначай, разныя мелочныя обиды и оскорбленія. Два раза онъ какъ будто случайно наступалъ ему

на ногу. Король, съ подобающимъ царственному достоинству тактомъ, относился къ этой злой шуткѣ съ презрительнымъ равнодушіемъ и дѣлалъ видъ будто ее не замѣчаетъ, но когда Гуго вздумалъ позабавиться въ третій разъ такимъ же образомъ, мальчикъ, къ величайшему восторгу всей шайки, сшибъ его съ ногъ ударомъ дубинки. Гуго, не помня себя отъ ярости и стыда, тотчасъ же вскочилъ на ноги, схватилъ въ свою очередь дубину и съ бѣшенствомъ устремился на маленькаго своего противника. Вокругъ бойцовъ тотчасъ же составилъ кружокъ. Зрители раздѣлились на двѣ партіи, одна изъ которыхъ держала пари за Гуго, а другая за маленькаго короля. Гуго, взрослый уже юноша, былъ значительно выше ростомъ и сильнѣе, но тѣмъ не менѣе скорѣ обнаружилось, что у него нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности выйти изъ боя побѣдителемъ. Неуклюжая и грубая его манера драться на дубинкахъ была заимствована у цеховыхъ учениковъ и подмастерьевъ, но оставляла его совершенно безпомощнымъ въ состязаніи съ мальчикомъ, изучившимъ у лучшихъ европейскихъ мастеровъ всѣ тонкости фехтованія на шпагахъ, сабляхъ, кинжалахъ, боевыхъ скирахъ, палкахъ и дубинахъ. Маленькій король стоялъ съ непринужденной граціей противъ своего противника и отражалъ сыпавшіеся градомъ удары съ такою легкостью и аккуратностью, что присутствовавшая разношерстная толпа положительно ревѣла отъ восхищенія и восторга. Отъ времени до времени опытный глазъ мальчика замѣчалъ у противника неприкрытое мѣсто, и на голову Гуго обрушивался тотчасъ же съ быстротой молніи ударъ дубинки. Вся полянка оглашалась тогда хохотомъ и поздравительными криками по адресу его величества. Черезъ какихъ-нибудь четверть часа Гуго, видя себя избитымъ, обезсиленнымъ и сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что служить мишенью безпощаднымъ насмѣшкамъ, сыпавшимся на него градомъ, со стыдомъ удалился съ поля сраженія. Побѣдитель, до котораго ни разу не могла коснуться дубинка противника, удостоился величайшихъ почестей. Его подхватили на руки и, неся съ торжествомъ на плечахъ, усадили рядомъ съ атаманомъ. Тамъ, съ соблюденіемъ должнаго церемоніала, его провозгласили королемъ всѣхъ бойцовъ. Препжній его титулъ былъ торжественно упраздненъ и отмѣненъ. Воспрещено было кому бы то ни было называть его Фу-фу первымъ, подѣ страхомъ изгнанія изъ шайки.

Всѣ попытки извлечь изъ короля какую-нибудь пользу для шайки оставались тщетными. Онъ упорно отказывался играть роль, которую для него предназначали и вмѣстѣ съ тѣмъ при каждомъ удобномъ случаѣ пытался бѣжать. Въ первый же день послѣ того, какъ разыскали мальчика, его заставили влѣзть черезъ окно въ кухню, гдѣ никого не было. Онъ не только вышелъ оттуда съ

пустыми руками, но сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы разбудить весь домъ. Его прикомандировали было къ лудильщику въ качествѣ помощника, но онъ не хотѣлъ работать и угрожалъ, что расправится съ лудильщикомъ собственнымъ его паяльникомъ. Подъ конецъ и Гуго, и лудильщикъ едва успѣвали смотрѣть за тѣмъ, чтобы онъ отъ нихъ какъ-нибудь не сбѣжалъ. Мальчикъ, нимало не смущаясь, поражалъ громами царственного своего гнѣва всѣхъ, кто осмѣливался стѣснять его свободу, или принуждать его къ какой-нибудь работѣ. Его послали просить милостыню, подъ присмотромъ Гуго, вмѣстѣ съ неряшливо одѣтою грязною бабою и золотушнымъ младенцемъ, но результатъ получился весьма неблагоприятный. Король отказался помогать выпрашиванію подавнiя и вообще держался въ сторонѣ, помышляя лишь о томъ, какъ бы наострить лыжи.

Прошло уже нѣсколько дней, а случай въ этому все еще не представлялся. Жалкая, пошлая жизнь съ бродягами и ворами до такой степени измучила короля нравственно и физически, что сдѣлалась подъ конецъ для него положительно невыносимой. Сознавая себя въ цѣлну, изъ котораго никакъ не могъ вырваться, мальчикъ чувствовалъ, что освобожденіе изъ подъ ножа окажется для него лишь временною отсрочкою, и что онъ все равно долженъ будетъ зачахнуть и умереть.

По ночамъ, во снѣ, маленькій король забывалъ, однако, всѣ свои злоключенія. Онъ видѣлъ себя тогда на престолѣ властнымъ могучимъ монархомъ. Это, разумѣется, еще болѣе усиливало нравственную его пытку въ бодрствующемъ состояніи. Душевные муки, которыя онъ чувствовалъ по утрамъ, въ краткій промежутокъ времени между его возвращеніемъ въ шайку и поединкомъ съ Гуго, становились все тяжелѣе и невыносимѣе.

Утромъ послѣ поединка, Гуго проснулся съ сердцемъ, преисполненнымъ замыслами отмстить королю. Замыслы эти не замедлили облечься въ форму двухъ проектовъ. Первый изъ нихъ сводился къ причиненію мальчику увѣчья, долженствовавшего казаться особенно унижительнымъ для его гордости и воображаемаго королевскаго достоинства. Если бы этотъ планъ не удался, то Гуго хотѣлъ осуществить другой свой проектъ, а именно: взвалить на короля какое-нибудь преступленіе и затѣмъ измѣннически предать его въ когти неумолимаго закона.

Для выполненія перваго проекта надлежало, по мнѣнію Гуго, устроить королю на ногѣ искусственную язву. Онъ совершенно правильно находилъ, что нанесетъ такимъ образомъ мальчику величайшее и самое тяжкое оскорбленіе. Какъ только мазь, употребляемая для искусственнаго изъязвленія, подѣйствуетъ, можно будетъ съ помощью Канти заставить короля просить милостыню на

большой дорогѣ, показывая больную свою ногу. Чтобы вызвать искусственную рану или, какъ ее называли, язву, изготовляютъ нѣчто вродѣ тѣста изъ негашенной извести, мыла и желѣзной ржавчины и намазываютъ это тѣсто на кусокъ кожи, который крѣпко привязываютъ къ ногѣ. Это тѣсто или мазь разъѣдаетъ верхніе покровы, подѣ которыми обнаруживается сырое гноящееся мясо. Ногу вокругъ язвы обмазываютъ кровью, которая, засохши, придаетъ ей отвратительный темный цвѣтъ. Сверхъ раны накладываютъ повязку съ такой ловко рассчитанной небрежностью, которая выставяетъ страшную язву напоказъ, дабы возбуждать такимъ образомъ состраданіе прохожихъ.

Гуго заручился содѣйствіемъ лудильщика, которому король пригрозилъ его собственнымъ паяльникомъ. Они взяли съ собой мальчика и ушли будто бы на работу, чтобы лудить кастрюли. Какъ только, однако, становище шайки скрылось у нихъ изъ виду, они повалили маленькаго короля на земь. Лудильщикъ крѣпко его держалъ, а Гуго тѣмъ временемъ привязалъ ему къ ногѣ заранѣе изготовленный уже упомянутымъ образомъ разъѣдающій пластырь. Маленькій король, внѣ себя отъ бѣшенства, обѣщалъ повѣсить обоихъ этихъ негодяевъ, какъ только скипетръ очутится снова въ его рукѣ, но они крѣпко держали мальчика, забавлялись безпомощными его попытками отъ нихъ вырваться и смѣялись надъ его угрозами. Тѣмъ временемъ пластырь началъ уже разъѣдать кожу. Вскорѣ онъ произвелъ бы полное свое воздѣйствіе, если бы этому не воспрепятствовало постороннее вмѣшательство. Къ счастью для маленькаго короля, къ мѣсту, гдѣ производилась наслѣдственная медицинская операція, подошелъ какъ разъ въ это время невольникъ, такъ дурно отзывавшійся объ англійскихъ законахъ. Онъ помѣшалъ закончить операцію, сорвавъ съ ноги мальчика пластырь и повязку.

Королю очень хотѣлось позаимствовать отъ своего освободителя дубинку и обработать ею тутъ же на мѣстѣ обоихъ негодяевъ, но освободитель этому воспротивился, объявивъ, что такая расправа можетъ повлечь за собой серьезныя непріятности и что слѣдуетъ отложить дѣло до поздняго вечера, когда вся шайка будетъ въ сборѣ. Тогда никто изъ постороннихъ не дерзнетъ вмѣшаться въ расправу или же ей воспрепятствовать. Невольникъ заставилъ всѣхъ троихъ вернуться въ становище и доложилъ обо всемъ атаману. Выслушавъ докладъ и обстоятельно его обсудивъ, атаманъ рѣшилъ, что короля не слѣдуетъ болѣе принуждать къ выпрашиванію милостыни, такъ какъ онъ, очевидно, можетъ подвизаться на болѣе высокомъ и достойномъ поприщѣ. Въ виду этихъ соображеній, онъ тутъ же произвелъ его величество изъ нищихъ въ вору.

Гуго былъ внѣ себя отъ радости: онъ нѣсколько разъ уже пытался устроиться такъ, чтобы король укралъ что-нибудь, но ему никогда не удавалось принудить къ тому его величество. Онъ былъ убѣжденъ, что король не посмѣетъ даже мечтать о непослушаніи непосредственно самому атаману. Въ виду этого онъ задумалъ совершить пополуночи же маленькій воровской набѣгъ, при которомъ можно было бы оставить короля въ когтяхъ закона. Надлежало устроить эту штуку съ такою ловкостью, чтобы несчастье съ мальчикомъ имѣло видъ неумышленной случайности. Король Смѣлыхъ Бойцовъ пользовался теперь въ шайкѣ большою популярностью, и шайка могла бы, пожалуй, довольно безцеремонно распорядиться съ однимъ изъ наименѣ популярныхъ своихъ членовъ, уличенныхъ въ такой серьезной измѣнѣ, какою явилась бы выдача короля общему врагу, то есть бюстителямъ закона и порядка.

Принявъ все это въ соображеніе, Гуго своевременно отправился съ намѣченной своею жертвой въ сосѣднюю деревню. Прибывъ туда, они принялись медленно расхаживать взадъ и впередъ по ея улицамъ, при чемъ одинъ зорко высматривалъ благопріятный случай выполнить свой злой умыселъ, а другой, съ такою же зоркостью, выжидалъ, не представится ли удобный случай бѣжать. чтобъ навсегда освободиться отъ позорной неволи.

Съ обѣихъ сторонъ было упущено нѣсколько случаевъ, казавшихся довольно удобными: и Гуго, и король въ глубинѣ сердца рѣшили дѣйствовать на этотъ разъ навѣрняка; оба остерегались увлечься страстнымъ порывомъ рискнуть на дѣло, въ удачномъ исходѣ котораго у нихъ не было полной увѣренности. Счастье благопріятствовало на этотъ разъ Гуго. Навстрѣчу имъ попалась женщина, несшая въ корзинкѣ какой-то большой свертокъ. Глаза у Гуго разгорѣлись ехидною радостью и онъ сказалъ себѣ самому: «Чортъ возьми! Мнѣ только этого и нужно. Если бы удалось взвалить эти штуку на мальчишку, то дѣло было бы въ шляпѣ! Тогда пусть-ка попробуетъ Господь Богъ сохранить тебя, король Смѣлыхъ Бойцовъ!» Онъ выжидалъ по наружности безучастно и терпѣливо, но въ дѣйствительности съ величайшимъ возбужденіемъ, чтобъ баба прошла мимо и наступилъ удобный моментъ дѣйствовать, а затѣмъ, понизивъ голосъ, онъ сказалъ королю:

— Побудь здѣсь, пока я вернусь.

Съ этими словами онъ устремился вслѣдъ за бабой, стараясь не производить ни малѣйшаго шума. Сердце короля преисполнилось радостью: онъ надѣялся благополучно убѣжать, какъ только негодяй Гуго отойдетъ отъ него на достаточно большое разстояніе.

Бѣдному мальчику не было суждено такое счастье. Поджав-

шись сзади къ бабѣ, Гуго выхватилъ у нея изъ корзины свертокъ и тотчасъ же прибѣжалъ обратно, укутавъ его въ большой дра-
 ный платокъ, висѣвшій у него передъ тѣмъ на рукѣ вмѣсто пледа.
 Баба, хотя и не видѣла, этого позамистованія, но тотчасъ по-
 чувствовала, что ея ноша стала значительно легче. Она немедленно
 принялась кричать, что ее обокрали. Бросивъ узелъ въ руки
 королю, Гуго продолжалъ улепетывать, крикнувъ мальчику на
 прощанье:

— Бѣги за мной вмѣстѣ съ остальными и кричи: держи вора!
 Лови его!!! Постарайся, однако, при этомъ отвести ихъ куда-
 нибудь въ сторону!

Въ слѣдующее за тѣмъ мгновеніе, Гуго повернулъ за уголъ въ
 извилистый переулочекъ, а черезъ секунду или двѣ появился въ
 нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ короля, опять на главной
 улицѣ и съ самымъ невиннымъ видомъ остановился возлѣ колодца
 какъ бы для того, чтобы полюбоваться въ качествѣ посторонняго
 зрителя на суматоху, которая тѣмъ временемъ происходила.

Оскорбленный король съ негодованіемъ бросилъ свертокъ
 на земь. Наброшенный на свертокъ платокъ отлетѣлъ въ сторону
 въ то самое мгновеніе, когда къ мѣсту, гдѣ стоялъ мальчикъ,
 подбѣгала баба съ цѣлою толпой крестьянъ, кричавшихъ во
 все горло: «Лови, держи вора!!!» Вцѣпившись въ плечо короля
 одною рукою, она подхватила другою свой свертокъ и принялась
 осыпать самую обидною бранью мальчика, тщетно пытавшагося
 отъ нея высвободиться.

Гуго нашель, что болѣе ему не зачѣмъ и глядѣть. Врагъ его благо-
 получно изловленъ и, безъ сомнѣнія, будетъ преданъ въ руки право-
 судія, которое не приминетъ вздернуть мальчика на висѣлицу. Онъ
 потихоньку удалился, радостно хихикая, и, по дорогѣ къ стано-
 вищу, дѣятельно предумышлялъ такую реляцію о случившемся,
 которая выставила бы его героя въ глазахъ атамана и всей
 шайки.

Король все еще пытался вырваться изъ дюжихъ рукъ бабы и
 повторялъ при этомъ съ недовольнымъ видомъ:

— Прочь руки, глупое созданіе! Я вовсе не похищаль у тебя
 несчастнаго твоего свертка!

Окружившая ихъ обоихъ густая толпа угрожала королю и
 обзывала его разными позорными эпитетами. Смуглый кузнецъ съ
 закопченнымъ отъ дыма лицомъ, — засученными до локтей рука-
 вами и въ кожанномъ передникѣ, бросился къ мальчику, изъяв-
 ляя готовность задать воронкѣ дерку, которая никогда не изгла-
 дится изъ его памяти. Кузнецъ поднялъ уже руку, собираясь при-
 ступить къ выполнению этой педагогической обязанности, но
 какъ разъ въ это мгновеніе сверкнулъ въ воздухѣ клинокъ длин-

ной боевой шпаги и ударилъ плашмя по его рукѣ съ такой убѣдительною, что она немедленно опустилась. Владѣлецъ шпаги одновременно съ этимъ замѣтилъ шутивымъ тономъ:

— Чортъ возьми, добрые люди! Слѣдуетъ вести себя въ такихъ обстоятельствахъ скромно и тихо, не сердясь и безъ ругани. Дѣло это должно разсматриваться судебнымъ порядкомъ и не можетъ быть рѣшено неофициальнымъ образомъ, по усмотрѣнію перваго встрѣчнаго. Потрудись сейчасъ же выпустить этого мальчика, почтенная женщина!

Смѣривъ съ ногъ до головы взглядомъ мужественную фигуру воина, кузнецъ отошелъ прочь, бормоча что-то подъ носъ и потирая себѣ руку. Баба неохотно выпустила мальчика, котораго передъ тѣмъ держала все время за плечо. Крестьяне сердито поглядывали на незнакомца, но благоразумно молчали. Маленькій король съ раскраснѣвшимися щеками и сверкающими глазами бросился къ своему избавителю и вскричалъ:

— Ты долго пропадалъ безъ вѣсти, сэръ Мильсъ, но всетаки вернулся въ добрый часъ! Потрудись искрошить своею шпагой всю эту сволочь!

ГЛАВА XXIII.

Король подъ арестомъ.

Съ трудомъ удерживаясь отъ улыбки, Гендонъ нагнулся къ королю и шепнулъ ему на ухо:

— Пожалуйста потише, ваше величество! Говорите осторожно, а лучше всего воздержитесь совсѣмъ отъ лишнихъ словъ. Довѣрьтесь мнѣ, и я постараюсь, чтобы все благополучно окончилось.

Затѣмъ онъ присовокупилъ уже про себя:

— Онъ назвалъ меня сэромъ Мильсомъ! Чортъ возьми! А я-то совсѣмъ забылъ, что меня пожаловали въ бароны! Какъ это странно, однако, что мальчикъ такъ хорошо запоминаетъ все, состоящее такъ или иначе въ связи съ пунктомъ его помѣшательства... Баронскій мой титулъ просто-на-просто мыльный пузырь, или, лучше сказать, игра воображенія, не имѣющая дѣйствительной подкладки, но всетаки мнѣ до извѣстной степени лестно, что я его заслужилъ. Я нахожу для себя почетнѣе быть призрачнымъ барономъ въ его царствѣ грезъ и тѣней, чѣмъ надѣлать достаточно подлостей для того, чтобы получить графское достоинство отъ нѣкоторыхъ настоящихъ королей.

Толпа разступилась, чтобы пропустить полицейскаго, который, подойдя къ королю, хотѣлъ уже положить ему руку на плечо. Гендонъ, однако, остановить констебля замѣчаніемъ:

— Поттише, пріятель! Не дотрагивайтесь до него. Онъ и такъ пойдетъ. Я ручаюсь за это! Показывайте дорогу! Мы последуемъ за вами.

Полицейскій пошелъ впередъ съ бабою и ея сверткомъ; Мильсъ и король шли непосредственно позади, а за ними слѣдовала по пятамъ цѣлая толпа мужичья. Король обнаружилъ было наклонность возмутиться, но Гендонъ сказалъ ему потихоньку:

— Подумайте, государь, о томъ, что ваши законы являются, такъ сказать, благодатнымъ дыханіемъ собственной вашей царственной власти. Августѣйшая ваша особа является источникомъ закона и права. Если вы сами будете сопротивляться закону, такимъ же образомъ можно будетъ требовать уваженія въ нему отъ вашихъ подданныхъ? Очевидно, что въ данномъ случаѣ одинъ изъ этихъ законовъ нарушенъ. Когда король снова возсядетъ на престолъ, ужели ему будетъ непріятно вспомнить, какъ въ бытность свою, якобы частнымъ лицомъ, онъ подавалъ гражданамъ примѣръ безропотнаго поклоненія закону и преклонялся передъ его авторитетомъ?

— Довольно! Ты совершенно правъ! Ты увидишь, что если англійскій король требуетъ чего-нибудь отъ своего подданнаго во имя закона, то онъ и самъ этому подчинится, находясь въ роли подданнаго!

Въ камерѣ мирового судьи баба показала подъ присягой, что приведенный въ судъ мальчикъ былъ именно тѣмъ самымъ лицомъ, которое совершило кражу. За отсутствіемъ свидѣтелей, которые могли бы опровергнуть ея показаніе, король являлся уличеннымъ въ воровствѣ. Развернувъ свертокъ, тамъ нашли маленькаго, жирнаго, уже выпотрошеннаго поросенка. Судья, очевидно, смутился, Гендонъ же поблѣднѣлъ какъ смерть и по его тѣлу непрерывно пробѣгала дрожь. Маленькій король, благодаря счастливому невѣдѣнію законовъ, оставался совершенно спокоенъ. Наступило тяжелое молчаніе, въ продолженіе котораго судья погрузился въ глубокую задумчивость. Пробудившись наконецъ отъ нея, онъ спросилъ у бабы:

— Сколько по твоему стоитъ твое имущество?

Баба отвѣчала съ поклономъ:

— Ровнехонько три шиллинга и восемь пенсовъ, ваша честь. Блянусь Богомъ, я не могла бы уступить даже и гроша!

Судья, окинувъ недовольнымъ взглядомъ толпу, шептавшуюся въ залѣ, кивнулъ головою полицейскому констеблю и сказалъ:

— Очисти залу засѣданія и запри двери!

Приказаніе это было выполнено; послѣ чего въ залѣ остались только судья, констебль, обвиняемый, обвинительница и Мильсъ Гендонъ. Храбрый воинъ стоялъ, выпрямившись во весь ростъ;

крупныя капли холоднаго пота выступили на помертвѣвшемъ его челѣ и струились по блѣдному лицу. Судья снова обратился къ бабѣ и сказалъ тономъ искренняго состраданія:

— Этотъ бѣдный невѣжественный мальчикъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ очень голоденъ. Для такихъ несчастливцевъ, какъ онъ, времена теперь вѣдь очень тяжелыя. Вглядишься въ него хорошенько и ты увидишь сама, что лицо у него честное. По крайней мѣрѣ на меня онъ вовсе не производитъ впечатлѣнія закоренѣлаго мошенника. Голодъ вѣдь не свой братъ. Знаешь ли ты, почтенная женщина, что если похищенная вещь стоитъ дороже тринадцати съ половиною пенсовъ, англійскіе законы приговариваютъ вора къ смертной казни на висѣлицѣ?

Маленькій король вздрогнулъ, широко раскрывъ глаза отъ изумленія и ужаса. Тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ достаточно самообладанія для того, чтобы воздержаться отъ протеста, навертывавшагося ему на уста. Напротивъ того, баба чуть не помѣшалась отъ страха. Она вскочила со скамьи и дрожа всѣмъ тѣломъ воскликнула:

— Ахъ, я, несчастная, что я надѣлала! Богъ видитъ, что я ни подъ какимъ видомъ не хочу губить этого бѣдняжку. Меня всю жизнь стало бы мучить сознаніе, что его изъ-за меня повѣсили. Избавьте меня отъ этого, ваша честь! Научите, что именно могла бы я для этого сдѣлать?

Судья, сохраняя авторитетную свою серьезность, объяснилъ:

— Рѣшеніе по дѣлу еще не постановлено и оцѣнка похищенной вещи не записана въ протоколъ. Тебѣ, какъ пострадавшей сторонѣ, несомнѣнно разрѣшается исправить эту оцѣнку, если находишь ее ошибочной!

— Тогда, ради Бога, напишите, что поросенокъ стоитъ всего лишь восемь пенсовъ. Ваша честь не можете представить, какъ я рада, что освободила свою совѣсть отъ такого страшнаго бремени!

Милльсъ Гендонъ пришелъ въ такой восторгъ, что забылъ всѣ приличія. Онъ изумилъ мальчика и оскорбилъ королевское его достоинство, безцеремонно обнявъ и прижавъ къ его сердцу. Обрадованная бабѣ простилась съ судьей и ушла со своимъ поросенкомъ. Отворивъ бабѣ дверь, полицейскій констебль послѣдовалъ за нею внизъ, а судья тѣмъ временемъ записывалъ въ свою книгу протоколъ разбирательства дѣла. Гендону, державшемуся всегда на-сторожѣ, захотѣлось узнать, чего ради констебль пошелъ за женщиной. Потому онъ въ свою очередь тихонько проскользнулъ въ темную прихожую и началъ прислушиваться. Ему удалось уловить слѣдующій разговоръ:

— Поросенокъ твой жирный и будетъ очень недуренъ, если его отварить подъ хрѣномъ. Получай за него восемь пенсовъ!

— Экій, подумаешь, ты шутникъ! Проваливай со своими восемью пенсами! Я сама заплатила за него три шиллинга и восемь пенсовъ полновѣсной старинной серебряной монетой, до которой покойникъ Гарри, да помянетъ его Господь Богъ во царствіи Своемъ, не успѣлъ дотронуться и пальцемъ. Это не то, что нынѣшнія деньги, въ которыхъ больше мѣди, чѣмъ серебра. Оставь у себя свои восемь пенсовъ, а поросенка изготовлю ужъ я сама подъ хрѣномъ, или иначе, какъ мнѣ вздумается.

— Такъ вотъ какую пѣсенку ты запѣла! Ладно!.. Ты значить дала подъ присягой ложное показаніе, объявивъ, что поросенокъ стоитъ всего восемь пенсовъ! Пойдемъ-ка сейчасъ назадъ къ его чести! Пусть-ка онъ засудитъ тебя за клятвенное преступленіе. Ну, а маленькаго воришку тогда, разумѣется, повѣсятъ!

— Помилуй, голубчикъ меня, глупую бабу! Не говори такихъ страшныхъ словъ! Дай мнѣ восемь пенсовъ, бери себѣ поросенка и отпусти меня съ миромъ.

Баба ушла, заливаясь слезами. Гендонъ потихоньку ушелъ въ судебную камеру, а скорѣ вернулся туда и констебль, предварительно спрятавъ свою добычу въ надежное мѣсто. Судья продолжалъ писать еще нѣсколько времени и послѣ того прочелъ королю мудрую, добродушную нотацію. Затѣмъ онъ приговорилъ мальчика къ кратковременному заключенію въ мѣстной тюрьмѣ и къ публичному наказанію розгами. Изумленный король раскрылъ ротъ и, безъ сомнѣнія, немедленно же отдалъ бы высочайшее повелѣніе отрубить судѣ голову, но, замѣтивъ поданный Гендонъ знакъ, закрылъ ротъ, не произнеся ни слова. Гендонъ поклонился судѣ и, взявъ мальчика за руку, направился вмѣстѣ съ нимъ подъ конвоемъ констебля по направленію къ тюрьмѣ. Выйдя на улицу, раздраженный монархъ остановился, выдернулъ у Гендона руку и воскликнулъ:

— Ты положительно идиотъ, если воображаешь, что я позволю посадить себя въ тюрьму! Нѣтъ, живой я туда не войду!

Гендонъ нагнулся къ королю и довольно рѣзко замѣтилъ ему вполголоса:

— Угодно вамъ будетъ довѣриться мнѣ? Въ такомъ случаѣ благоволите держать себя смирно и не ухудшать столь опасными рѣчами имѣющихся у насъ вѣроятностей благополучно выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія. Что предопредѣлено Господомъ Богомъ, то и случится. Ты не можешь измѣнить Господней воли, или же ускорить ея осуществленіе, а потому терпѣливо жди. Когда судьба твоя совершится, тогда лишь наступитъ время сокрушаться о ней или радоваться.

ГЛАВА XXIV.

Побѣгъ арестованнаго.

Короткій зимній день приходилъ уже къ концу. На опустѣвшихъ улицахъ деревни встрѣчались лишь немногіе случайные прохожіе. Они поспѣшно шли прямо впередъ, не оглядываясь по сторонамъ, и производили впечатлѣніе людей, думающихъ лишь о томъ, какъ бы скорѣе добраться домой и благополучно укрыться тамъ отъ стужи, вѣтра и начинавшаго уже сгущаться сумрака. Никто не обращалъ вниманія на констебля и его спутниковъ. Ихъ, кажется, даже и не замѣчали. Эдуардъ VI съ изумленіемъ задавалъ себѣ вопросъ: неужели зрѣлище короля, котораго ведутъ въ тюрьму, вызывало когда-либо передъ тѣмъ такое диковинное равнодушіе? Тѣмъ временемъ констебль дошелъ до опустѣвшей базарной площади, черезъ которую лежалъ путь. Приблизительно на серединѣ этой площади Гендонъ, положилъ руку на плечо полицейскаго стража и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Постой-ка минутку, почтеннѣйшій! Здѣсь насъ никто не услышитъ, а мнѣ надо перекинуться съ тобой словечкомъ.

— Долгъ воспрещаетъ мнѣ вступать въ какіе бы то ни было разговоры при исполненіи служебныхъ обязанностей. Пожалуйста не задерживайте меня, сударь, ночь уже приближается.

— И всетаки тебѣ надо будетъ обождать, такъ какъ дѣло касается непосредственно тебя самого. Совѣтую тебѣ на минутку отвернуться и сдѣлать видъ, будто ничего не замѣчаешь. Тѣмъ временемъ этотъ бѣдняга мальчикъ убѣжитъ.

— Какъ вы смѣете говорить это мнѣ, сударь? Арестую васъ именемъ...

— Пожалуйста, не торопись, голубчикъ! Совѣтую тебѣ быть поосторожнѣе и не дѣлать глупостей, а не то, поросенокъ, котораго ты купилъ за восемь пенсовъ приведетъ тебя, пожалуй, на висѣлицу,—добавилъ онъ шепотомъ, нагнувшись къ самому уху полицейскаго стража.

Бѣдняга констебль, захваченный врасплохъ, въ первое мгновеніе совсѣмъ оторопѣлъ, но затѣмъ, нѣсколько оправившись принялся отпираться и грозить Гендону. Сэръ Мильсъ слушалъ его совершенно спокойно и терпѣливо ждалъ, пока онъ не замолчалъ, наконецъ, отъ утомленія. Тогда лишь Гендонъ сказалъ:

— Не знаю, почему именно, но только ты, пріятель, пришелся мнѣ по душѣ и мнѣ бы не хотѣлось видѣть, какъ ты болтаешься на висѣлицѣ. Напрасно ты отпираться: вѣдь я слышалъ все отъ перваго до послѣдняго слова и сейчасъ же тебѣ это докажу.—До-

словно повторивъ весь разговоръ, происходившій между констеблемъ и бабой въ сѣняхъ судебной камеры, онъ присовокупилъ:

— Неправда ли, вѣдь я хорошо запомнилъ? Какъ ты думаешь, буду ли я въ состояннѣ пересказать все это въ случаѣ необходимости подъ присягой самому судѣ?

Констебль на минуту онѣмѣлъ отъ страха и огорченія, но, тотчасъ же спохватившись, сказалъ съ притворной небрежностью:

— Это значило бы дѣлать изъ мухи слона. Я хотѣлъ только позабавиться и шутки ради попугать немножко глупую бабу!

— Ну, а поросенка ты отъ нея взялъ тоже ради шутки?

— Ну, разумѣется! Смѣю васъ увѣрить, сударь, что съ моей стороны все ограничилось простою шуткой!

— Знаешь, что, любезнѣйшій, вѣдь я начинаю тебѣ вѣрить! — сказалъ Гендонъ убѣжденнымъ тономъ, въ которомъ звучала, однако, нотка насмѣшливаго недоумѣнія. — Обожди здѣсь минутку, пока я сбѣгаю и освѣдомлюсь у его чести, какого онъ мнѣнія на счетъ этой шутки. Онъ вѣдь, человѣкъ очень свѣдущій по части законовъ и...

Съ этими словами Гендонъ повернулъ назадъ и пошелъ быстрыми шагами, продолжая говорить себѣ что-то подъ носъ. Полицейскій стражъ, очевидно, терзавшійся сомнѣнiami и опасенiями самаго серьезнаго свойства, съ нерѣшительностью глядѣлъ ему вслѣдъ, облегчилъ свою душу двумя или тремя проклятiями, произнесенными вполголоса, и наконецъ закричалъ:

— Стойте же, сударь! Стойте!!! Пожалуйста обождите минутку! Зачѣмъ вамъ идти къ судѣ? Онъ вообще шутокъ не любитъ или, лучше сказать, питаетъ къ нимъ такое же отвращенiе, какъ къ мертвому тѣлу. Поговоримте съ вами толкомъ. Странно и непонятно. Я, кажется, и въ самомъ дѣлѣ влопался, а все только изъ-за необдуманной и совершенно невинной шутки. Между тѣмъ я человѣкъ семейный, у меня жена, дѣти... Простите меня великодушно, ваше сiятельство, и объясните ради Бога, чего именно вы отъ меня хотите?

— Чтобы ты изображалъ изъ себя слѣпого, нѣмого и разбитаго параличемъ калѣку въ продолженiе того времени, какое потребуется для того, чтобы сосчитать не торопясь до ста тысячъ, — сказалъ Гендонъ съ выраженiемъ человѣка, готоваго удовлетвориться самымъ ничтожнымъ вознагражденiемъ за оказанную имъ важную услугу.

— Да вѣдь я въ такомъ случаѣ погибъ безповоротно! — съ отчаянiемъ возразилъ констебль. — Будьте же разсудительны и потрудитесь разсмотрѣть дѣло всесторонне; вы убѣдитесь тогда, до какой степени ясно и очевидно покажется оно вамъ самимъ простою шуткой. Допустивъ даже, что начальство не признаетъ

его шуткой, все-таки оно увидитъ лишь въ немъ ничтожную провинность, такъ что въ самомъ худшемъ случаѣ, я рискую получить отъ судьи развѣ лишь словесный выговоръ и предостереженіе.

Гендонъ возразилъ такимъ торжественнымъ тономъ, отъ котораго, казалось, застылъ вокругъ, весь воздухъ:

— Твоя шутка, любезнѣйшій, предусмотрена англійскими законами. Она имѣетъ определенное юридическое наименованіе, и знаешь какое?

— Нѣтъ, не знаю! Пожалуй, я и въ самомъ дѣлѣ поступилъ неосторожно. Мнѣ, признаться, въ голову не приходило, что эта шутка предусмотрена въ законахъ и даже, прости Господи, имѣетъ тамъ наименованіе. Я думалъ, что это просто-на-просто пустячки!

— Ошибаешься, пріятель! Законъ признаетъ твою шутку важнымъ преступленіемъ, которое имѣетъ совершенно определенное имя и прозвище: въ сводѣ уголовныхъ постановленій оно значится подъ рубрикой: «*Non compos mentis lex talionis sic transit gloria mundi*».

— Ахъ, Боже мой! Этого еще только не доставало!

— За это преступленіе по законамъ смертная казнь!

— Боже, помилуй меня грѣшнаго!

— Воспользовавшись тѣмъ, что человѣкъ провинился противъ буквы закона, ты увѣрилъ бѣдную женщину, что можешь ее погубить, и такимъ образомъ коварно отнялъ отъ нея имущество, стоящее болѣе тринадцати съ половиною пенсовъ, заплативъ за него всего лишь восемь пенсовъ. Такого рода поступокъ по точному смыслу законовъ является кляузынымъ взяточничествомъ, соединеннымъ съ государственною измѣной и соединеннымъ съ преступленіемъ по должности «*ad hominem ex purgatis in statu quo*», за что полагается смерть на висѣлицѣ безъ выкупа и смягченія, хотя бы даже духовенство и пожелало взять тебя, какъ грамотнаго, въ монастырь.

— Поддержите меня, сударь! Пожалуйста поддержите! Ноги подѣ мною подкашиваются! Сжальтесь надо мною и не подвергайте меня такой страшной участи! Я уже лучше согласенъ отвернуться въ сторонку и не видѣть ничего, что вамъ заблагоразсудится сдѣлать съ этимъ мальчигомъ.

— Ну, вотъ ты теперь говоришь, какъ умный и разсудительный человѣкъ. Надѣюсь, что ты вернешь бабѣ ея поросенка?

— Непремѣнно верну и ни за что не докоснусь до какого-нибудь другого, если бы даже его мнѣ принесли съ неба сами ангелы. Уходите, сударь! Я согласенъ для васъ временно утратить зрѣніе. Впрочемъ, я доложу судѣ, что кто-то вломился въ тюрьму и вывелъ оттуда арестанта. Дверь тюрьмы вѣсти совсѣмъ уже ветхая.

Я самъ, такъ и быть, разломаю ее въ промежутокъ между полночью и разсвѣтомъ.

— Лучше ничего и придумать нельзя. Будь увѣренъ, голубчикъ, что тебѣ за это не сдѣлаютъ ничего дурного. Судья отнесся съ такимъ любящимъ состраданіемъ къ моему бѣдному мальчику, что не станетъ особенно сокрушаться его побѣгомъ и сокрушать изъ-за него твои кости.

ГЛАВА XXV.

Гендонскій замокъ.

Какъ только Гендонъ и король скрылись изъ виду у констебля, его величеству дана была инструкція выйти возможно скорѣе изъ деревни и обождать въ извѣстномъ ему мѣстѣ за окoliцей, пока Гендонъ сходитъ на постоянный дворъ и уплатить тамъ по счету. Полчаса спустя мальчикъ и мужественный его покровитель весело уже держали путь на востокъ. Самъ Гендонъ ѣхалъ на упрямомъ мулѣ, а король на маленькомъ осликѣ. Мальчику было теперь хорошо и тепло, такъ какъ онъ сбросилъ съ себя лохмотья и одѣлся въ подержанный, но довольно сносный зимній костюмъ, купленный для него Гендономъ на Лондонскомъ мосту.

Мильсу хотѣлось уберечь мальчика отъ переутомленія. Онъ находилъ, что слишкомъ длинные переѣзды, неправильное питаніе и недостаточный сонъ могутъ еще болѣе обострить умопомѣшательство бѣдняги. Напротивъ того, отдыхъ, хорошая пища и умѣренный моціонъ непременно ускорятъ его излеченіе. Воинъ сгоралъ нетерпѣніемъ видѣть своего мальчика совсѣмъ исцѣлившимся. Онъ былъ убѣжденъ, что это вскорѣ случится и что болѣзненная гроза перестанетъ мучить умную головку его питомца. Въмѣсто того, чтобы подчиниться естественному стремленію, которое побуждало его ѣхать день и ночь, дабы вернуться какъ можно скорѣе въ родной замокъ, котораго не видалъ уже цѣлыхъ десять лѣтъ, Мильсъ Гендонъ рѣшился пробыть въ пути нѣсколько лишнихъ дней, дабы совершить свою поѣздку небольшими переходами.

Проѣхавъ миль десять, путники прибыли въ большое село и остановились тамъ на ночлегъ въ хорошей гостинницѣ. Между ними установились прежнія отношенія. Пока король изволилъ кушать, Гендонъ стоялъ за стуломъ мальчика и прислуживалъ ему. Раздѣвъ короля, Мильсъ укладывалъ его въ постель, а самъ ложился у дверей возлѣ порога, завернувшись въ одѣяло.

На слѣдующій и третій день своего путешествія король и вѣр-

ный его баронъ ѣхали не торопясь, рассказывая другъ другу свои приключенія за время разлуки. Эти повѣствованія очень забавляли ихъ обоихъ. Гендонъ обстоятельно описалъ, какъ онъ странствовалъ, разыскивая короля, и какъ, между прочимъ, архангелъ водилъ его цѣлый день безъ толку по всему лѣсу. Убѣдившись, что все равно не отдѣлается отъ воина, старикъ вернулся съ нимъ подъ конецъ въ хижину. Заглянувъ на минутку въ спальню, онъ вышелъ оттуда шатаясь, словно пораженный глубокимъ горемъ. Пустынникъ, по собственнымъ своимъ словамъ, ожидалъ, что мальчикъ вернулся и прилежъ тамъ отдохнуть, но въ спальнѣ никого не оказалось. Гендонъ прождалъ цѣлый день въ хижинѣ отшельника и, утративъ, наконецъ, всякую надежду на возвращеніе короля, уѣхалъ оттуда, чтобы продолжать свои разыски.

— Старикъ отшельникъ искренно огорчился, не найдя вашего величества въ спальнѣ. Я видѣлъ это по его лицу!

— Я, чортъ возьми, въ томъ немало не сомнѣваюсь, — возразилъ король и рассказалъ вѣрному барону собственные свои приключенія, послѣ чего Гендонъ душевно скорбѣлъ, что не убилъ архангела при самомъ началѣ своей съ нимъ бесѣды.

Въ послѣдній день путешествія Гендонъ находился въ крайне восторженномъ настроеніи: онъ безостановочно говорилъ про старика-отца и старшаго своего брата Артура. При этомъ онъ останавливался на многихъ подробностяхъ, которыя выясняли ихъ благородство и великодушіе. Съ самой пламенной любовью описывалъ онъ чарующій характеръ и красоту Эдиен. Сердце его было до того переполнено нѣжными чувствами, что онъ счелъ возможнымъ сказать даже нѣсколько сочувственныхъ, братскихъ словъ про Гуго. Особенно охотно толковалъ онъ о предстоящемъ свиданіи съ отцомъ, братьями и кузиной въ Гендонъ-Голлѣ, гдѣ его возвращеніе пріятно изумитъ всѣхъ. Безъ сомнѣнія, всѣ будутъ несказанно радоваться и благодарить Бога.

Мѣстность, по которой пролегалъ путь, была плодородная и хорошо воздѣланная, усѣянная крестьянскими домами и садами. Дорога шла по тучнымъ пастбищамъ, раскидывавшимся на волнообразной равнинѣ, невысокіе холмы и лощины которой напоминали волнующееся море. Послѣ полудня, Мильсъ Гендонъ то и дѣло сворачивалъ съ дороги, чтобы взобраться на какой-нибудь сосѣдній холмъ и посмотреть, не увидитъ ли оттуда родной замокъ. Подъ конецъ это ему удалось, и онъ съ возбужденіемъ воскликнулъ:

— Вотъ и деревня, государь, а рядомъ съ нею нашъ замокъ! Башни его виднѣются отсюда, а лѣсъ, что чернѣетъ вдаль, — это паркъ моего отца. Вы познакомитесь теперь съ настоящей ари-

стоكرатической роскошью и величіемъ. Подумайте только, что въ домѣ у насъ семьдесятъ комнатъ и двадцать семь человѣкъ прислуги. Для такой мелкой семьи, какъ мы, это вѣдь очень приличное жилище! Теперь намъ надо ѣхать пошибче. Я положительно сгораю отъ нетерпѣнія, и каждая минута промедленія нагоняетъ на меня мучительную тоску.

Какъ ни торопились наши путники, а всетаки добрались до деревни лишь послѣ трехъ часовъ пополудни. Пока они черезъ нее ѣхали, Гендонъ неумолчно рассказывалъ королю про всѣ ея достопримѣчательности.

— Вотъ наша древняя церковь, окутанная тѣмъ же самымъ плющемъ. Кажется, что къ нему не прибавилось и не убавилось отъ него ни одной вѣтки. Это гостинница подъ выѣской «Краснаго Льва», а тамъ Базарная площадь. Вотъ Майская Мачта и возлѣ нея колодезь. Ничто какъ будто не измѣнилось, за исключеніемъ, разумѣется, людей. Десять лѣтъ для человѣка не проходятъ безслѣдно. Кажется, будто я узнаю кое-кого изъ нашихъ сельчанъ, но меня самого положительно никто не узнаетъ!

Разговаривая такимъ образомъ, они вскорѣ проѣхали всю деревню, а затѣмъ свернули на узенькую извилистую дорогу, обнесенную съ обѣихъ сторонъ высокими изгородами и ѣхали по ней около трехъ четвертей версты довольно быстрымъ аллюромъ. Затѣмъ, черезъ величественныя ворота, массивные каменные столбы которыхъ были украшены гербами Гендоновъ, они вѣхали въ обширный цвѣтникъ, разбитый передъ великолѣпнымъ замкомъ.

— Добро пожаловать въ Гендонскій замокъ, ваше величество!— воскликнулъ Мильсъ.— Сегодня для меня настоящій праздникъ. Надо полагать, что мой отецъ, братья и леди Эдиъ будутъ внѣ себя отъ радости. Не удивляйтесь, если въ разгаръ свиданія они станутъ обращать вниманіе исключительно только на меня и встрѣтятъ васъ сравнительно холодно. Это не преминетъ измѣниться. Когда я скажу, что ты на моемъ попеченіи, и объясню, какъ сильно я тебя люблю, ты увидишь, что всѣ они полюбятъ тебя тоже ради Мильса Гендона, такъ что ихъ домъ и сердца будутъ навсегда потомъ твоими.

Спустя мгновеніе Гендонъ соскочилъ съ своего мула передъ параднымъ крыльцомъ, помогъ королю слѣзть съ ослика и, взявъ мальчика за руку, вбѣжалъ въ замокъ. Пройдя сѣни, онъ очутился въ просторной пріемной и, торопливо усадивъ тамъ короля безъ особаго вниманія къ соблюденію должнаго церемоніала, устремился къ молодому человѣку, который сидѣлъ у письменнаго стола передъ каминомъ, гдѣ весело пылалъ яркій огонь.

— Поцѣлуй меня, Гугъ,—вскричалъ онъ,—скажи, что ты радъ моему возвращенію и позови отца, такъ какъ я не буду чувство.

вать себя дома, пока не пожму его руку, не увижу опять его лица и не услышу его голоса!..

Гугъ, на лицѣ котораго выразилось мимолетное изумленіе, отшатнулся назадъ и устремилъ на неожиданнаго гостя пристальный взглядъ, въ которомъ въ первое мгновеніе отражалось нѣчто вродѣ оскорбленнаго достоинства. Затѣмъ, какъ бы подъ вліяніемъ внезапно явившейся мысли, на лицѣ его мелькнуло изумленіе и любопытство, соединенныя съ дѣйствительнымъ, или же притворнымъ состраданіемъ. Помолчавъ немного, онъ ласково замѣтилъ:

— Ты, бѣдняга, какъ будто не въ своемъ умѣ. Безъ сомнѣнія, тебѣ пришлось перенести на своемъ вѣку много лишеній и тяжкихъ непріятностей. Вся твоя внѣшность и костюмъ свидѣлствуютъ, что судьба была для тебя злой мачихой. За кого именно ты меня принимаешь?

— Тебя-то? Понятное дѣло за тебя самого, то есть за Гуга Гендона,—довольно рѣзко возразилъ Мильсъ.

Гугъ продолжалъ прежнимъ ласковымъ тономъ:

— А за кого именно принимаешь ты себя въ своемъ воображеніи?

— Воображеніе тутъ не при чемъ. Вѣдь не станешь же ты утверждать, будто не узнаешь во мнѣ твоего брата, Мильса Гендона?

Выраженіе пріятнаго изумленія скользнуло по лицу Гуга, и онъ воскликнулъ:

— Какъ, ты не шутишь? Развѣ мертвые возвращаются съ того свѣта? Если бы это было возможно, какъ возблагодарилъ бы я Бога! Несчастный погибшій братъ, котораго мы столько лѣтъ уже считали умершимъ, возвращается вдругъ въ наши объятія! Нѣтъ, такое счастье было бы слишкомъ велико для того, чтобы считать его возможнымъ. Здѣсь на землѣ это немыслимо! Послушай, умоляю тебя сжалиться и не подшучивать надо мною! Скорѣе подойди къ свѣту, дай хорошенько тебя разглядѣть!

Схвативъ Мильса за руку, Гугъ потащилъ его къ окну и принялся осматривать съ ногъ до головы алчными взорами, поворачивая его передъ собой въ разныя стороны и окидывая его всего испытующимъ взглядомъ. Тѣмъ временемъ вернувшійся блудный сынъ, раскрасившись отъ радости, улыбался, смѣялся и, утвердительно кивая головой, говорилъ:

— Гляди на меня, братецъ, гляди, не бойся! Ты не найдешь во мнѣ ни одной незнакомой черты. Всматривайся въ меня, сколько тебѣ заблагоразсудится, добрый мой Гугъ. Тѣмъ надежнѣе узнаешь ты во мнѣ Мильса, твоего брата Мильса, съ которымъ не видался теперь ровнехонько десять лѣтъ. Да, нынѣшній день является истиннымъ праздникомъ для насъ всѣхъ. Я чувствовалъ это съ самаго утра, и на душѣ у меня было такъ легко! Дай-ка мнѣ твою

руку, братъ, поцѣлуемся. Господи, мнѣ кажется, что я сейчасъ же умру отъ радости!..

Онъ хотѣлъ уже броситься на шею брату, но Гугъ отрицательно махнулъ рукою, а затѣмъ, печально опустивъ голову на грудь, сказалъ взволнованнымъ голосомъ: — Да ниспошлетъ мнѣ милосердый Богъ силу вынести это горькое разочарованіе!..

Мильтсъ до того изумился, что на мгновеніе не могъ выговорить ни слова, но затѣмъ, оправившись, спросилъ:

— О какомъ разочарованіи ты говоришь? Развѣ ты не узналъ меня, братъ?

Грустно покачавъ головой, Гугъ объяснилъ:

— Дай Богъ, чтобы ты оказался моимъ братомъ и чтобы другіе глаза нашли сходство, которое отъ моихъ ускользаетъ. Увы, я боюсь, что въ письмѣ высказана была намъ сущая правда.

— Въ какомъ письмѣ?

— Въ полученномъ изъ-за моря лѣтъ шесть или семь тому назадъ. Въ немъ сообщалось, что мой братъ убитъ въ сраженіи.

— Это ложь. Призови сюда отца. Онъ, навѣрное, меня узнаетъ.

— Трудненько вызвать мертвого изъ могилы.

— Мертвого?—спросилъ Мильтсъ прерывающимся голосомъ.

— Итакъ, мой отецъ умеръ. Какое тяжкое для меня извѣстіе! Лучшая половина радости свиданія теперь для меня погибла,—добавилъ онъ трепещущими устами.—Въ такомъ случаѣ призови сюда старшаго нашего брата Артура. Онъ, безъ сомнѣнія, меня узнаетъ и постарается меня утѣшить.

— Онъ тоже умеръ.

— Господи, помилуй меня, грѣшнаго! Я чувствую себя почти не въ силахъ вынести столь тяжкія испытанія. Отецъ и старшій братъ, такіе благородные великодушные люди, оба скончались, тогда какъ я, которому скорѣе уже слѣдовало бы умереть, остался въ живыхъ! Прошу, сжапись надо мной и не говори, что лэди Эдионъ...

— Также умерла? Нѣтъ, она жива!

— Разумѣется, надо благодарить Бога и за это. Все-таки я чувствую даже и теперь, что радость не совсѣмъ еще умерла въ моемъ сердцѣ. Скорѣе, братъ, призови ее сюда. Неужели она тоже меня не узнаетъ? Нѣтъ, это немыслимо. Она-то ужъ навѣрное узнаетъ меня съ перваго взгляда. Было бы сумасшествіемъ въ этомъ сомнѣваться. Призови ее, призови старыхъ нашихъ слугъ: они тоже меня узнаютъ!

— Всѣ старые слуги приказали долго жить, за исключеніемъ пятерыхъ: Петра, Гельзи, Давида, Бернара и Маргариты.

Съ этими словами Гугъ вышелъ изъ комнаты. Мильтсъ стоялъ нѣсколько мгновеній въ задумчивости, а затѣмъ началъ ходить изъ угла въ уголъ, бормоча сквозь зубы:

— Странно, очень странно... Какъ это могло случиться, что изъ здѣшней прислуги пятеро отчаянныхъ негодяевъ остались въ живыхъ, тогда какъ двадцать два честныхъ и порядочныхъ чело-вѣка всѣ до одного умерли?

Онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ, разсуждая самъ съ собою и совершенно забывъ о присутствіи короля. По прошествіи нѣкотораго времени его величество высказалъ серьезнымъ тономъ, съ отгѣнкомъ искренняго состраданія, замѣчаніе, которое само по себѣ позволительно было бы истолковать въ ироническомъ смыслѣ:

— Не падай духомъ, мой вѣрный баронъ! Кромѣ тебя, есть люди, высокій санъ, личность и права которыхъ остаются не-признанными. У тебя есть товарищъ въ несчастіи!

— Ахъ, государь, — воскликнулъ Гендонъ, слегка покраснѣвъ, — не осуждайте меня, обождите, и вы убѣдитесь въ этомъ сами. Я не обманщикъ, и она сейчасъ же заявитъ объ этомъ. Вы услышите это изъ самыхъ очаровательныхъ устъ во всей Англіи. Я положительно не понимаю, какъ могутъ имѣться у Гуга ка-кія-либо сомнѣнія относительно моей личности. Вѣдь эта ста-ринная зала съ портретами предковъ и всей своей обстановкой знакома мнѣ такъ же хорошо, какъ знакома ребенку его дѣт-ская. Смѣю увѣрить, милордъ, что я не обманщикъ. Я здѣсь ро-дился и выросъ. Я говорю чистую правду, и если бы мнѣ никто даже не повѣрилъ, то все-таки прошу тебя не сомнѣваться въ истинѣ моихъ словъ. Такое сомнѣніе было бы для меня положи-тельно невыносимо.

— Я и не сомнѣваюсь! — объявилъ король съ довѣрчивымъ дѣтскимъ простодушіемъ.

— Благодарю тебя отъ всего сердца, — воскликнулъ Гендонъ съ горячностью, свидѣтельствовавшей, до какой степени онъ рас-троганъ.

— А ты развѣ сомнѣваешься во мнѣ? — добавилъ король съ такимъ же простодушіемъ.

Гендонъ смутился, чувствуя себя виноватымъ. Онъ очень обра-довался, что ему не пришлось отвѣтить на вопросъ короля, такъ какъ въ эту самую минуту дверь отворилась и вошелъ Гугъ. За нимъ явились въ пріемную: красавица въ богатомъ костюмѣ и нѣ-сколько слугъ въ ливреяхъ. Красавица эта шла медленно, опу-стивъ головку и потупивъ глазки. Лицо ея было невыразимо грустно. Мильсъ Гендонъ бросился было къ ней навстрѣчу, вос-кликая: «Милая, дорогая моя Эдиъ!...», но Гугъ умоляющимъ же-стомъ руки удержалъ его и, обращаясь къ красавицѣ, сказалъ ей серьезнымъ многозначительнымъ тономъ:

— Вглядиись въ него хорошенько. Узнаешь ты его?

Услышавъ голосъ Мильса, красавица слегка вздрогнула и

щечки ея покрылись густымъ румянцемъ. Теперь она дрожала всѣмъ тѣломъ. На нѣсколько мгновеній водворилось тяжелое молчаніе. Затѣмъ она медленно подняла головку и устремила на Гендона словно помертвѣвшій испуганный взоръ. При этомъ румянецъ постепенно капля по каплѣ сбѣгалъ съ ея лица, на которомъ осталась подъ конецъ лишь сѣроватая блѣдность смерти. Тогда она проговорила голосомъ, помертвѣвшимъ въ такой же степени, какъ и ея лицо: «Я его не знаю», отвернувшись, застонала и съ сдержаннымъ рыданіемъ шатаясь вышла изъ комнаты.

Мильсъ Гендонъ опустился въ кресло и закрылъ лицо руками. Братъ его, обождавъ нѣсколько времени, сказалъ слугамъ:

— Вы теперь видѣли этого человѣка: знаете вы его?

Они отрицательно покачали головами. Владѣлецъ замка сказалъ тогда:

— Слуги не знаютъ васъ, сударь. Боюсь, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Вы убѣдились, что моя жена тоже не имѣетъ чести быть съ вами знакомой...

— Такъ она значить твоя жена! — воскликнулъ Мильсъ. Въ одно мгновеніе ока Гугъ оказался притиснутымъ къ стѣнѣ, и мощная рука Мильса сдавила ему горло словно желѣзными клещами.

— Ахъ, ты, лицемеръ съ лисьимъ сердцемъ! Теперь я вижу тебя насквозь... Ты самъ написалъ лживое письмо о моей смерти, чтобы украсть такимъ образомъ отъ меня невѣсту, выступивъ въ роли моего наслѣдника. Впрочемъ, Богъ съ тобой! Убирайся скорѣе съ глазъ моихъ, такъ какъ мнѣ не хотѣлось бы позорить воинскую мою доблесть убійствомъ такого жалкаго, трусливаго негодая.

Гугъ, совершенно побагровѣвъ и почти задыхаясь, безсильно опустился на ближайшій стулъ, но тотчасъ же приказалъ лакеямъ схватить и связать дерзкаго незнакомца, который его чуть было не удушилъ. Слуги не рѣшились выполнить это приказаніе и одинъ изъ нихъ осмѣлился замѣтить:

— Онъ вѣдь вооруженъ, сэръ Гугъ, а мы безоружны.

— Да вѣдь онъ одинъ, а васъ четверо. Мало ли что онъ вооруженъ. Хватайте его, говорятъ вамъ!

Мильсъ посовѣтовалъ имъ держаться поодаль и присовокупилъ:

— Вы знаете вѣдь, каковъ я былъ въ прежніе годы? Я съ тѣхъ поръ не перемѣнился. Попробуйте-ка подойти, вы убѣдитесь въ этомъ!

Нельзя сказать, чтобы слова Мильса особенно ободрили служителей сэра Гуга. Лакеи продолжали стоять у дверей, держась на благородной дистанціи отъ Мильса.

— Въ такомъ случаѣ уходите отсюда, подлые трусы! Воору-

житесь какъ слѣдуетъ и сторожите у дверей, пока я пошлю кого-нибудь за полицейской стражей, — объявилъ Гугъ, выходя изъ пріемной. На порогѣ онъ обернулся къ Мильсу и сказалъ:

— Для васъ окажется выгоднѣе не усиливать своей вины тщетными попытками скрыться бѣгствомъ.

— Если только это тебя тревожитъ, ты можешь успокоиться. Я вовсе не намѣренъ бѣжать отсюда. Мильсъ Гендонъ законный владѣлецъ Гендонскаго замка и всѣхъ принадлежащихъ къ нему помѣстьевъ. Можешь быть увѣренъ, что онъ не убѣжитъ!

ГЛАВА XXVI.

Непризнанный.

Король сидѣлъ нѣсколько мгновеній въ глубокой задумчивости, а затѣмъ, взглянувъ на Мильса, сказалъ:

— Странно, очень странно... Я этого положительно не понимаю.

— Тутъ нѣтъ ничего страннаго, государь. Я его знаю и нахожу его поведеніе совершенно естественнымъ. Онъ былъ съ самой колыбели подлецомъ и лицебромъ!

— Я говорю вовсе не о немъ, сэръ Мильсъ.

— Не о немъ? Такъ о комъ же? Что именно представляется страннымъ вашему величеству?

— То, что отсутствія короля какъ будто даже и не замѣчаютъ.

— Какъ, что такое? Я словно не совсѣмъ понимаю то, что вы, государь, изволили сказать.

— Быть не можетъ! Неужели васъ самихъ не поражаетъ своею странностью то обстоятельство, что меня даже и не думаютъ разыскивать. Слѣдовало бы, кажется, ожидать, что всюду разошлютъ курьеровъ съ прокламаціями о безвѣстной моей пропажѣ и обстоятельнымъ описаніемъ моихъ примѣтъ. Я вѣдь глава государства, и разъ что я исчезъ, все королевство оказывается въ положеніи обезглавленнаго трупa. Во всякомъ случаѣ мое исчезновеніе должно было повергнуть всю Англію въ величайшее горе и смятеніе. Между тѣмъ ничего подобнаго незамѣтно. Неправда ли, какъ все это странно и удивительно?

— Точно такъ, ваше величество! У меня съ горя все это вышло изъ головы, — отвѣтилъ со вздохомъ Гендонъ, добавивъ про себя: «Бѣдный помѣшавшійся мальчикъ, онъ все еще носится съ безумными своими грезами!»

— Я придумалъ, однако, планъ, который вернетъ намъ обоимъ законныя наши права, — продолжалъ король. — Я напишу собственноручный указъ на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ

и англійскомъ, а ты, не теряя времени, поѣдешь съ нимъ завтра утромъ въ Лондонъ. Передай его моему дядѣ лорду Гертфорду. Онъ тотчасъ же узнаетъ мою руку, пойметъ, что я самъ написалъ этотъ указъ, и безотлагательно пошлетъ за мною.

— Не лучше ли будетъ, государь, обождать здѣсь, пока я докажу свою личность и званіе и вступлю законнымъ образомъ во владѣніе наслѣдственными моими помѣстьями? Тогда мнѣ будетъ гораздо легче выполнить...

Король прервалъ его повелительнымъ жестомъ и сказалъ:

— Молчи! Что такое несчастныя твои помѣстья и мелочные личные интересы по сравненію съ дѣлами, касающимися благосостоянія всего народа и непривосновенности королевскаго престола?

Затѣмъ, какъ бы желая смягчить этотъ строгій выговоръ, мальчикъ ласково присовокупилъ:

— Повинуйся и не тревожься ни о чемъ. Я не дамъ тебя въ обиду. Все твое будетъ возвращено тебѣ съ лихвою. Можешь положить на королевское мое правосудіе. Знай также, что я не забываю оказанныхъ мнѣ услугъ. Съ этими словами онъ сѣлъ къ столу, взялъ перо и бумагу и принялся писать.

Нѣжно поглядѣвъ на него, Гендонъ сказалъ себѣ самому:

— Если бы я не зналъ, что это мой мальчикъ, я могъ бы, пожалуй, вообразить, что со мной говоритъ настоящій король. Нельзя отрицать, что когда на него найдетъ такой стихъ, онъ мечетъ громами и молніями, какъ если бы впрямь родился на престолѣ. Удивительно, откуда у него явилось такое умѣніе? Вотъ тоже и теперь. Съ какимъ спокойнымъ самодовольнымъ видомъ выводитъ онъ разныя каракули, воображая, будто пишетъ по-латыни и по-гречески. Между тѣмъ если мнѣ не удастся придумать чего-нибудь такого, что заставило бы его отказаться отъ своего намѣренія, то я долженъ буду, пожалуй, прятаться въ теченіе нѣсколькихъ дней, увѣривъ моего мальчика, будто уѣхалъ выполнять данное имъ мнѣ сумасбродное порученіе.

Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе мысли сэра Мильса вернулись къ его собственнымъ дѣламъ. Баронъ до такой степени погрузился въ свои размышленія, что когда король передалъ ему собственноручный указъ, онъ какъ-то бозсознательно принялъ эту бумагу и положилъ ее въ карманъ.

«Какъ странно она себя держала, — думалъ въ это мгновеніе Мильсъ. — Я убѣжденъ, что она меня узнала, но въ то же время мнѣ кажется это немыслимымъ. Я совершенно ясно понимаю, что изъ двухъ противоположныхъ мнѣній только одно можетъ быть вѣрнымъ. Примирить ихъ я не могу. Точно также я не въ состояніи окончательно опровергнуть одно изъ нихъ разумными доводами

или хотя бы даже выяснить себѣ, которое именно должно считаться болѣе правдоподобнымъ. Суть дѣла въ томъ, что она непремѣнно должна была узнать мое лицо, фигуру и голосъ. Я не въ состояніи представить себѣ, чтобы у нея могли имѣться на этотъ счетъ хоть какія-либо сомнѣнія. Между тѣмъ она сказала, что меня не знаетъ. Отсюда непосредственно слѣдуетъ, что она меня не узнала. Она вѣдь никогда не лгала и неспособна ко лжи. Однако же... Я, кажется, начинаю понимать, въ чемъ дѣло. Быть можетъ, она подчинялась его вліянію. Онъ приказалъ ей и принудилъ ее солгать. Да, это единственное правдоподобное рѣшеніе. Загадка теперь разъяснилась. Эдионъ казалась полумертвой отъ страха... Понятно, что она дѣйствовала по принужденію. Надо сейчасъ же ее разыскать. Теперь, когда его нѣтъ, она выскажется передо мною совершенно искренно и откровенно. Она вспомнитъ прежнія времена, когда мы росли и играли вмѣстѣ. Это смягчитъ ея сердце. Она не станетъ больше отъ меня отрекаться и признаетъ меня. Сердце у нея всегда было честное, искреннее, чуждавшееся измѣны и лжи. Она вѣдь любила меня въ былые дни, и эта прежняя любовь служить мнѣ за нее порукой. Эдионъ не отречется отъ человѣка, котораго любила!»

Онъ поспѣшно направился къ дверямъ, но въ это самое мгновеніе онъ растворились, и вошла лэди Эдионъ. Она была очень блѣдна, но шла твердой поступью. Вся ея осанка дышала нѣжной женственной граціей и сознаніемъ собственнаго достоинства. Лицо молодой женщины носило, однако, прежній безотрадный отпечатокъ грусти.

Мильсъ, въ невольномъ порывѣ, хотѣлъ было броситься къ ней навстрѣчу, но она едва замѣтнымъ жестомъ парализовала этотъ порывъ и заставила храбраго воина остановиться, словно онъ приросъ къ полу. Затѣмъ она сѣла и пригласила его тоже сѣсть. Такимъ образомъ Эдионъ сразу удалось вытѣснить у него сознаніе прежнихъ товарищескихъ съ нею отношеній и превратить его въ гостя и незнакомца. Эта подавляющая неожиданность повергла Мильса въ такое удивленіе, что онъ, казалось, готовъ былъ задать себѣ вопросъ: «дѣйствительно ли онъ то самое лицо, за которое себя выдаетъ?» Лэди Эдионъ сказала:

— Я, сударь, пришла васъ предостеречь. Быть можетъ, что человѣка, помѣшавшагося на чемъ-нибудь, нельзя разубѣдить, но во всякомъ случаѣ ему можно указать на существованіе опасности, и онъ самъ постарается тогда ея избѣгнуть. Думаю, что вы убѣждены въ истинѣ своей грезы, а потому не считаю ее преступной. Прошу васъ только немедленно же удалиться отсюда, такъ какъ пребываніе здѣсь грозитъ вамъ опасностью.

Пристально поглядѣвъ прямо въ лицо Мильсу, она добавила

внушительнымъ тономъ:—Опасность эта тѣмъ серьезнѣе, что вы и въ самомъ дѣлѣ очень похожи на то, чѣмъ сдѣлался бы теперь мой кузень, если бы онъ не былъ убитъ въ сраженіи.

— Клянусь Богомъ, сударыня, что я этотъ самый кузень.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что вы убѣждены въ этомъ, сударь. О вашей недобросовѣстности для меня не можетъ быть и рѣчи. Я считаю долгомъ единственно только васъ предостеречь. Мой мужъ въ здѣшнемъ краѣ полный властелинъ. Могущество его почти безпредѣльно. Благосостояніе всѣхъ и cadaго зависитъ здѣсь отъ него. Еслибъ вы не походили на человека, за котораго себя выдаете, мой мужъ, вѣроятно, дозволилъ бы вамъ мирно забавляться вашею грезой, но теперь онъ поступитъ совершенно иначе. Я его хорошо знаю, а потому вы можете мнѣ повѣрить, когда я вамъ скажу, какимъ именно образомъ онъ поступитъ. Онъ будетъ объявлять всѣмъ и каждому, что вы обманщикъ и сумасшедшій, и всѣ станутъ тотчасъ же повторять это съ его словъ.

Устремивъ еще разъ на Мильса прежній пристальный взглядъ, она добавила:

— Еслибъ вы были въ самомъ дѣлѣ Мильсъ Гендонъ и еслибъ это было какъ нельзя лучше извѣстно моему мужу и всѣмъ окружающимъ, то вамъ отъ этого не стало бы легче. Прошу васъ обдумать и взвѣсить хорошенько мои слова. Я говорю, что вы и тогда оказались бы въ такой же опасности, въ какой находитесь теперь. Гибель ваша была бы столь же неизбѣжна. Онъ и тогда отрекся бы отъ васъ и обвинилъ васъ въ самозванствѣ, а ни у кого не хватило бы смѣлости оказать вамъ поддержку.

— Да, я этому вѣрю! — съ горечью подтвердилъ Мильсъ. — Человекъ, который можетъ потребовать, чтобъ измѣнили и отреклись отъ дружбы, длившейся цѣлую жизнь, и знаетъ, что требованіе это будетъ выполнено, въ правѣ съ увѣренностью рассчитывать на повиновеніе тамъ, гдѣ ставится на карту жизнь и кусокъ хлѣба и гдѣ нѣтъ даже такихъ ничтожныхъ задержекъ, какими должны представляться въ его глазахъ узы чести и совѣсти.

Легкій румянецъ окрасилъ на мгновеніе щечки Эдионъ, и она потупила глазки, но продолжала безъ малѣйшаго волненія въ голосъ:

— Я васъ предостерегала и предостерегаю снова немедленно же удалиться отсюда. Въ противномъ случаѣ онъ васъ погубитъ. Это тиранъ, которому состраданіе совершенно невѣдомо. Я вѣковѣчная его раба, и мнѣ это извѣстно какъ нельзя лучше. Бѣдняга Мильсъ Артуръ и дорогой мой опекунъ, сэръ Ричардъ, освободились отъ него и теперь, по крайней мѣрѣ, вкушаютъ вѣчный по-

кой. Для васъ тоже лучше умереть, чѣмъ остаться здѣсь въ когтяхъ этого изверга. Ваши притязанія являются угрозой для его титула и достоянія. Вы нанесли ему оскорбленіе въ собственномъ его домѣ. Онъ непременно погубитъ васъ, если вы не спасетесь своевременно бѣгствомъ. Бѣгите и не медлите ни минуты. Если у васъ нѣтъ денегъ, возьмите, умоляю васъ, этотъ кошелекъ и купите слугъ, которые тогда, безъ сомнѣнія, васъ пропустятъ. Прошу васъ обратить вниманіе на мои слова, принять къ сердцу мое предостереженіе и бѣжать, пока это еще возможно.

Отстранивъ жестомъ кошелекъ, Мильсъ всталъ и выпрямился во весь ростъ передъ Эдиэю.

— Исполните одну мою просьбу, — сказалъ онъ. — Смотрите мнѣ прямо въ глаза, дабы я могъ имѣть полную увѣренность, что вы на меня глядите. Ну, вотъ такъ. Теперь отвѣчайте: вѣдь я Мильсъ Гендонъ?

— Нѣтъ, я васъ не знаю!

— Поклянитесь въ этомъ.

Она отвѣтила тихимъ, но явственнымъ голосомъ:

— Клянусь.

— Это положительно невѣроятно.

— Бѣгите, не теряйте драгоценнаго времени! Бѣгите и спасайтесь, пока можно!..

Какъ разъ въ это мгновеніе полицейская стража ворвалась въ комнату. Гендона, несмотря на энергическое его сопротивленіе, свалили съ ногъ и утащили въ сѣни. Король былъ тоже схваченъ. Обоихъ ихъ связали и отвели въ тюрьму.

ГЛАВА XXVII.

Въ тюрьмѣ.

Отдѣльныя тюремныя камеры были всѣ переполнены, а потому короля и его барона заковали въ цѣпи и посадили въ большую общую камеру, гдѣ содержались совмѣстно обвиняемые въ менѣе важныхъ проступкахъ и преступленіяхъ. Тамъ нельзя было пожаловаться на недостатокъ общества, такъ какъ въ камерѣ находилось уже до двадцати арестантокъ и арестантовъ разнаго возраста въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Большинство квартирантовъ и квартирантокъ вели себя до чрезвычайности шумно и непристойно. Король горько жаловался на изумительно безстыдныхъ оскорбленій царственного его сана, Гендонъ же оставался угрюмымъ и молчаливымъ. Онъ чувствовалъ себя совершенно сбитымъ съ толку. На пути въ родной замокъ онъ не помнилъ себя отъ радости и съ увѣренностью ожидалъ, что всѣ бу-

дуть точь въ точь такъ же радоваться его возвращенію. Въмѣсто того его ожидали дома холодный пріемъ и тюрьма. Между надеждою и дѣйствительностью оказывалась значительная разниа, которая положительно его ошеломяла. Въмѣстѣ съ тѣмъ, получавшійся результатъ представлялся одновременно и трагическимъ, и смѣшнымъ, такъ что Мильсъ не въ состояніи былъ даже рѣшить, который изъ двухъ элементовъ являлся въ данномъ случаѣ преобладающимъ. Онъ чувствовалъ себя приблизительно такъ же, какъ человѣкъ, который, прыгая отъ радости при видѣ радуги, былъ бы въ это самое мгновеніе пораженъ ударомъ молніи.

Въ мучительномъ хаосѣ его мыслей постепенно установилось, однако, нѣчто вродѣ порядка, и тогда онѣ сосредоточились на Эдионѣ. Обдумывая ея поведеніе и рассматривая его со всѣхъ сторонъ, Мильсъ всетаки не могъ придти къ сколько-нибудь удовлетворительному выводу. Вопросъ о томъ, узнала ли она его, или не узнала, долго оставался нерѣшенной загадкой. Подъ конецъ онъ всетаки пришелъ къ убѣжденію, что она его узнала, но отреклась отъ него ради личныхъ своихъ эгоистическихъ соображеній. Мильсъ дошелъ до такого раздраженія противъ Эдионѣ, что готовъ былъ ее проклинать, но имя ея было такъ долго для него священнымъ, что онъ оказывался теперь не въ силахъ соединить съ нимъ какой-либо оскорбительный эпитетъ.

Окутавшись въ грязное тюремное одѣяло, Гендонъ и король провели тревожную ночь. Тюремщикъ снабдилъ за деньги нѣкоторыхъ арестантовъ водкой. Слѣдствіемъ этого оказалось громкое распѣваніе непристойныхъ пѣсень, пьяные крики и драка. Подъ конецъ, вскорѣ послѣ полуночи, одинъ изъ пьяныхъ арестантовъ принялся бить лежавшую возлѣ него на соломѣ арестантку и такъ усердно колотилъ ее по головѣ желѣзными кандалами, что чуть не убилъ до смерти, прежде чѣмъ подоспѣлъ на выручку тюремщикъ. Онъ тотчасъ возстановилъ спокойствіе и порядокъ, нещадно отколотивъ буяна палкой по головѣ и по плечамъ. Это послужило сигналомъ къ прекращенію ночной попойки, послѣ чего получилась возможность заснуть, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, кого не особенно беспокоили стоны и оханья арестантки и наказаннаго ея обидчика.

Въ продолженіе цѣлой недѣли, дни и ночи смѣнялись другъ друга, но щеголяли величайшимъ однообразіемъ. Люди, лица которыхъ Гендонъ припоминалъ болѣе или менѣе явственно, приходили днемъ взглянуть на самозванца, при чемъ объявляли, что онъ вовсе не походить на покойнаго барина Мильса Гендона, и осыпали его всяческими оскорбленіями. По ночамъ каждый разъ съ такою же правильностью происходили шумныя попойки. Эта однообразная правильность была, наконецъ, нарушена малень-

кимъ инцидентомъ. Тюремщикъ привелъ какъ-то разъ въ камеру старика и сказалъ ему:

— Негодяй содержится здѣсь. Попробуй-ка принатужить престарѣлые твои глаза! Быть можетъ, ты и отгадаешь, что онъ за птица?

Взглянувъ на посѣтителя, Гендонъ впервые за время пребыванія своего въ тюрьмѣ испыталъ пріятное ощущеніе. Онъ сказалъ самому себѣ:

— Это вѣдь Черный Эндрюсъ, который всю свою жизнь состоялъ въ услуженіи у моего отца. Онъ мнѣ всегда казался чело-вѣкомъ добродушнымъ и правдивымъ, съ честнымъ, искреннимъ сердцемъ. Быть можетъ, въ прежнее время онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ таковъ, теперь же всѣ честные люди вывелись, сдѣлались лгунами. Онъ, безъ сомнѣнія, меня узнаетъ, но тѣмъ не менѣе отречется отъ меня, какъ и всѣ остальные.

Осмотрѣвшись въ комнатѣ, старикъ поочередно окинулъ взглядомъ всѣхъ арестантовъ и подъ конецъ сказалъ:

— Я никого здѣсь не вижу, кромѣ мелкихъ мошенниковъ и бродягъ самаго послѣдняго разбора. Который же именно онъ?

Тюремщикъ расхохотался и, указавъ на Гендона, пояснилъ:

— Вотъ этотъ. Вглядиись хорошенько въ этого здоровеннаго скота и скажи мнѣ о немъ твое мнѣніе.

Подойдя къ Гендону, старикъ устремилъ на него долгій пристальный взглядъ, а затѣмъ покачалъ головой и сказалъ:

— Нѣтъ, чортъ возьми, онъ не Гендонъ и никогда не былъ Гендономъ!

— Что вѣрно, то вѣрно! Твои глаза, хоть и старые, а всетаки исправляютъ еще свою обязанность. Еслибы я былъ намѣстѣ сэра Гуга, то взялъ бы этого негоднаго оборванца и...

Тюремщикъ закончилъ свою тираду, поднявшись на цыпочки и вытянувъ голову вверхъ, словно вздернутый на воображаемую висѣлицу. При этомъ онъ захрипѣлъ совершенно такъ, какъ если бы ему предстояло сейчасъ же задохнуться. Старикъ, очевидно находя подобную кару недостаточной, сердито замѣнилъ:

— Если бы съ нимъ расправились такимъ образомъ, то ему слѣдовало бы еще поблагодарить Бога. Я бы, на мѣстѣ сэра Гуга, просто напросто изжарилъ этого негодяя живьемъ на желѣзной, или еще лучше на мѣдной сковородѣ. Право слово, взять бы да изжарилъ!..

Тюремщикъ разразился смѣхомъ веселящейся гіены и сказалъ:

— Можешь потолковать, старичекъ, съ этимъ обманщикомъ и высказать ему твое мнѣніе. То же самое дѣлали и всѣ другіе посѣтители. Тебя это, надѣюсь, маленько позабавитъ.

Съ этими словами тюремщикъ направился, не торопясь, къ

своей сторожкѣ и вышелъ изъ камеры. Старикъ узналъ тогда на колѣни передъ Гендономъ и сказалъ ему шепотомъ:

— Слава Богу, ты, наконецъ, вернулся, дорогой мой баринъ! Я считалъ тебя въ продолженіе цѣлыхъ уже семи лѣтъ умершимъ, а между тѣмъ, ты, къ счастью, живъ и здоровъ. Я узналъ тебя сразу, какъ только увидѣлъ, и мнѣ было очень трудно сохранять видъ полнѣйшаго равнодушія и притворяться, будто всѣ здѣсь производятъ на меня впечатлѣніе мелкихъ воришекъ и уличныхъ бродягъ. Я старъ и бѣденъ, сэръ Мильсъ, но по первому твоему слову явлюсь въ судъ и покажу чистую истину, хотя бы мнѣ грозила за это петля.

— Нѣтъ, не надо!—возразилъ Гендонъ.—Это бы погубило тебя, а между тѣмъ не принесло бы особенной пользы моему дѣлу. Все-таки я очень благодаренъ за твое предложеніе. Оно вернуло мнѣ хоть нѣкоторую часть утраченного прежняго моего довѣрія къ ближнимъ.

Старикъ оказался до чрезвычайности полезнымъ для Гендона и короля. Онъ заходилъ по нѣскольку разъ въ день въ тюрьму, будто бы для того, чтобы надругаться надъ самозванцемъ, и каждый разъ приносилъ съ собой что-нибудь съѣстное. Онъ сообщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ наиболѣе интересныя текущія новости. Гендонъ приберегалъ лакомства по преимуществу для короля, который безъ нихъ наврядъ ли остался бы въ живыхъ. Дѣйствительно его величество чувствовалъ себя положительно не въ состояніи ѣсть грубую и недоброкачественную тюремную пищу. Эндрюсъ, дабы не навлекать на себя подозрѣній, долженъ былъ ограничиваться краткими посѣщеніями, но онъ устраивался такъ, чтобы при каждомъ изъ нихъ многое поразсказать вполголоса Гендону. Разказы эти громогласно пересыпались оскорбительными эпитетами по адресу самозванца, служившими, если можно такъ выразиться, для отвода глазъ.

Такимъ образомъ Мильсу мало-по-малу выяснилось все случившееся въ его семьѣ за время его отсутствія. Артуръ умеръ уже шесть лѣтъ тому назадъ. Эта утрата, равно какъ отсутствіе всякихъ извѣстій о Мильсѣ, разстроили здоровье старика Гендона. Опасаясь умереть съ часу на часъ, онъ выразилъ желаніе, чтобы Эдионъ и Гутъ сочетались еще при его жизни бракомъ. Эдионъ молила объ отсрочкѣ, надѣясь, что Мильсъ вернется, но вмѣсто того получено было письмо съ сообщеніемъ о его смерти. Пораженный этимъ новымъ ударомъ, сэръ Ричардъ Гендонъ расхворался еще хуже и вмѣстѣ съ Гугомъ настаивалъ на томъ, чтобы свадьба была сыграна немедленно. Эдионъ удалось, однако, выпросить себѣ отсрочку сперва на одинъ мѣсяцъ, потомъ на другой и, наконецъ, на третій. Лишь у смертнаго одра своего дяди и опекуна, она со-

гласилась стать женой Гуга. Бракъ между ними оказался несчастливѣмъ. Ходили толки, будто вскорѣ послѣ свадьбы новобрачная, найдя въ бумагахъ своего мужа нѣсколько черновыхъ проектовъ рокового письма, стала обвинять Гуга въ злоумышленномъ подлогѣ, ускорившимъ кончину сэра Ричарда и принудившимъ ее къ замужеству. Затѣмъ начали распространяться слухи о жестокомъ обращеніи новаго владѣльца гендонскаго замка со своею женою и слугами. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ кончины отца сэръ Гугъ сбросилъ съ себя маску и сдѣлался безпощаднымъ тираномъ для всѣхъ, чье существованіе находилось въ какой-либо зависимости отъ него, или же отъ его помѣстьевъ.

Изъ того, что рассказывалъ Эндрюсъ, особенно заинтересовало короля лишь слѣдующее извѣстіе:

— Говорятъ, будто его величество, король помѣшался. Ради Бога только не передавайте никому, что слышали объ этомъ отъ меня, потому что запрещено подъ страхомъ смертной казни объ этомъ упоминать.

Бросивъ на старика гнѣвный взглядъ, его величество возразилъ:

— Король не помѣшался, а въ своемъ умѣ. Для тебя было бы умѣстнѣе, почтеннѣйшій, заниматься собственными своими дѣлами, чѣмъ нести такую законопреступную чепуху!

Изумленный энергическимъ нападеніемъ и притомъ съ такой стороны, съ которой онъ его совѣтъ не ожидалъ, Эндрюсъ спросилъ:

— Что случилось съ этимъ мальчикомъ?

Гендонъ успокоилъ старика жестомъ, послѣ котораго Эндрюсъ, не настаивая болѣе на своемъ вопросѣ, продолжалъ:

— Завтра или послѣзавтра, а именно шестнадцатаго, нынѣшняго мѣсяца состоится погребеніе покойнаго короля въ Виндзорѣ, а двадцатаго числа новый король будетъ короноваться въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

— Мнѣ кажется, что для коронованія надо прежде всего разыскать короля, — замѣтилъ вполголоса мальчикъ и затѣмъ съ увѣренностью присобочупилъ: — Впрочемъ, всѣ, кому слѣдуетъ, объ этомъ позаботятся, въ томъ числѣ также и я.

— Именемъ Господа...

Старикъ не договорилъ предположенной фразы, такъ какъ въ порѣчивый жестъ Гендона заставилъ его умолкнуть и вернуться къ своему повѣствованію.

— Сэръ Гугъ ѣдетъ на празднества коронованія и задается при этомъ самыми розовыми надеждами. Онъ въ большой милости у лорда-протектора, а потому съ увѣренностью рассчитываетъ вернуться съ коронаціи перомъ.

— Какой это такой лордъ-протекторъ?—освѣдомился король.

— Его свѣтлость герцогъ Сомерсетскій.

— Не знаю, что это за герцогъ.

— Онъ, чортъ возьми, только одинъ въ королевствѣ, это Сеймуръ, графъ Гертфордъ.

Король рѣзкимъ тономъ продолжалъ освѣдомляться:

— Съ какихъ же это поръ сдѣлался онъ герцогомъ и лордомъ-протекторомъ?

— Съ тридцать перваго января нынѣшняго года.

— Кто же далъ ему такой высокій титулъ и санъ?

— Онъ самъ, да государственный совѣтъ при содѣйствіи короля.

Его величество даже привскочилъ отъ изумленія и негодованія.

— Короля? Какого же именно, сударь?—вскричать онъ.

— Станный вопросъ! (Господи Боже, что такое случилось съ этимъ мальчикомъ!). Отвѣтить на него, однако, не трудно, такъ какъ у насъ царствуетъ всего только одинъ король, его священнѣйшее величество король Эдуардъ VI, да сохранить его Господь Богъ на многая лѣта. Говорятъ, что это очень милый, добросердечный и умненькій мальчикъ. Иные утверждаютъ, будто онъ помѣшался, но во всякомъ случаѣ ему съ каждымъ днемъ становится значительно лучше. Не подлежитъ сомнѣнію также, что онъ сумѣлъ снискать себѣ общую любовь и расположеніе. О немъ отзываются съ величайшей похвалою и молятся, чтобы ему суждено было долгое царствованіе въ Англіи. При самомъ своемъ восшествіи на престолъ онъ выказалъ уже сердечную свою доброту тѣмъ, что спасъ жизнь старому герцогу Норфолькскому. Тотчасъ же послѣ того онъ принялся отмѣнять и упразднять наиболѣе жестокіе законы, угнетающіе народъ.

Извѣстіе это поразило его величество такимъ изумленіемъ, что онъ, словно онѣмѣвъ, погрузился въ глубокія грустныя думы, помѣшавшія ему внимательно вслушиваться въ болтовню старика. Онъ спрашивалъ себя самого, неужели рѣчь идетъ о томъ самомъ мальчикѣ-нищенкѣ, котораго онъ одѣлъ въ свое платье и оставилъ во дворцѣ? Маленькому королю это казалось положительно невысказаннымъ. «Если бы мальчишка съ Мусорнаго двора вздумалъ выдавать себя за принца Уэльскаго, неосновательность его притязаній тотчасъ была бы выяснена мужиковатостью его рѣчи и обращенія. Его немедленно выгнали бы изъ дворца и тотчасъ принялись бы разыскивать настоящаго принца. Ужъ нѣтъ ли тутъ какой-нибудь придворной интриги? Не замѣстили ли отсутствующаго короля какимъ-нибудь похожимъ на него юнымъ аристократомъ? Нѣтъ! Этого не могло случиться. Лордъ Гертфордъ родной мнѣ дядя,—разсуждалъ король.—Онъ теперь всемогущъ и ни подъ

какимъ видомъ не дозволили бы сыграть со мной такую штуку». Глубокія размышленія его величества оказывались совершенно безцѣльными. Чѣмъ энергичнѣе пытался онъ разгадать мучившую его тайну, тѣмъ болѣе приводила она его въ недоумѣніе, — тѣмъ сильнѣе болѣла у него голова и тѣмъ хуже онъ спалъ. Нетерпѣливое стремленіе вернуться какъ можно скорѣе въ Лондонъ росло у него не по днямъ, а по часамъ. Пребываніе въ тюрьмѣ становилось, при такихъ обстоятельствахъ, совершенно невыносимымъ.

Всѣ старанія Гендона развлечь и утѣшить короля оставались тщетными. Двумъ женщинамъ, прикованнымъ тутъ же по сосѣдству на цѣпи, это удавалось сравнительно лучше. Благодаря ласковымъ ихъ увѣщаніямъ, мальчикъ успокоился и сдѣлался терпѣливѣе. Онъ проникся къ этимъ женщинамъ благодарностью, полюбилъ ихъ отъ всего сердца и сталъ находить для себя большее удовольствіе въ смягчающемъ нѣжномъ вліяніи, какое оказывало на него ихъ присутствіе. Онъ освѣдомился, за что именно содержатся эти женщины въ тюрьмѣ и, узнавъ, что онѣ баптистки, спросилъ, улыбаясь:

— Развѣ это такое преступленіе, за которое можно сидѣть въ тюрьмѣ? Боюсь, что намъ придется скоро разстаться. Васъ не станутъ долго томить здѣсь изъ-за такихъ пустяковъ.

Мальчику ничего на это не отвѣтили, но въ выраженіи лица женщинъ было что-то такое, показавшееся ему подозрительнымъ. Онъ торопливо добавилъ:

— Отчего вы умолкли? Будьте такъ добры, не мучьте меня и скажите скорѣе: вѣдь вамъ не придется вытерпѣть никакого иного наказанія? Пожалуйста успокойте меня на этотъ счетъ.

Онѣ старались перемѣнить предметъ разговора, но у мальчика пробудились уже опасенія и онъ продолжалъ:

— Неужели васъ вздумаютъ сѣчь плетьюми? Нѣтъ, нѣтъ, этого не сдѣлаютъ! Это было бы ужъ слишкомъ жестоко. Вы, разумѣется, знаете, что это немыслимо! Правда, вѣдь съ вами не сдѣлаютъ ничего дурного?

На лицахъ обѣихъ женщинъ можно было безъ труда подмѣтить горе и смущеніе. Приходилось, однако, отвѣтить на такой настойчивый вопросъ. Одна изъ женщинъ сказала поэтому голосомъ, прерывавшимся отъ волненія: — Милый, хорошій мальчикъ, тырываешь намъ сердца твоими разспросами. Во всякомъ случаѣ Господь Богъ поможетъ намъ вынести нашу участь...

— Вы, значитъ, сознаетесь, — прервалъ король. — Эти безсердечные негодаи рѣшили наказать васъ плетьюми? Не плачьте, однако, прошу васъ, не теряйте мужества. Я своевременно еще верну свои права, для того чтобы спасти васъ отъ такой горькой участи и непремѣнно сдѣлаю это!

Проснувшись на другой день утромъ, король нашель, что жепинъ въ тюрьмѣ уже не было.

— Онѣ спасены!—радостно воскликнулъ мальчикъ, а затѣмъ прибавилъ грустнымъ тономъ:—Тѣмъ хуже для меня, потому что онѣ болѣе всего являлись здѣсь моими утѣшительницами.

Каждая изъ нихъ припилила въ знакъ памяти къ его платю по ленточкѣ.

Онъ объявилъ, что будетъ всегда хранить эти ленты, непременно разыщетъ своихъ милыхъ пріятельницъ и приметъ ихъ подъ свое высокое покровительство.

Какъ разъ въ это время вошелъ въ общую камеру тюремщикъ съ нѣсколькими сторожами и приказалъ вывести всѣхъ арестантовъ на тюремный дворъ. Король былъ внѣ себя отъ радости и мечталъ о блаженствѣ поглядѣть лишній разъ на синее небо и подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ворчалъ на медленность тюремныхъ служащихъ, но подъ конецъ пришелъ также его чередъ. Его освободили отъ цѣпи, вдѣланной въ стѣну, а затѣмъ приказали идти вмѣстѣ съ Гендономъ вслѣдъ за другими арестантами.

Четыреугольный тюремный дворъ былъ вымощенъ камнемъ. Арестанты входили туда черезъ массивную дверь, накрытую каменнымъ сводомъ и строились въ одинъ рядъ, спинами къ стѣнѣ. Прямо передъ ними протянутъ былъ толстый канатъ. Кромѣ того тутъ же присутствовали всѣ сторожа и тюремщики. Утро было холодное и непріятное. Легкій снѣжокъ, выпавшій ночью, покрывалъ весь обширный дворъ бѣлымъ пологомъ и придавалъ ему еще болѣе безотрадный видъ. Отъ времени до времени чувствовалось на дворикѣ холодное вѣяніе зимняго вѣтерка, взметавшее рыхлый снѣгъ и разносившее его легкимъ облакомъ.

Посреди двора врыты были въ землю два столба, къ которымъ прикованы были цѣпами обѣ женщины. Король съ перваго же взгляда узналъ въ нихъ своихъ пріятельницъ. Онъ содрогнулся и сказалъ себѣ самому:

— Увы, имъ не удалось отдѣлаться такъ счастливо, какъ я на это рассчитывалъ. Ужасно думать, что такимъ добрымъ и милымъ созданіямъ, какъ онѣ, придется познакомиться съ плетью и гдѣ же? У насъ въ Англіи. Это вѣдь стыдъ и позоръ для нашего законодательства! Достаточно принять во вниманіе, что эта мерзость возможна не въ какой-нибудь языческой невѣжественной странѣ, а въ нашемъ христіанскомъ королевствѣ. Ихъ, безъ сомнѣнія, одерутъ плетью, а я, котораго онѣ умѣли такъ хорошо утѣшить и успокоить, долженъ теперь глядѣть на эту вопіющую несправедливость! Подумаешь, какъ это, однако, странно. Я, источникъ власти и могущества въ обширномъ англійскомъ королевствѣ, не

въ силахъ теперь ихъ защитить. Пусть эти негодяи, однако, поостерегутся! Близокъ день, когда я потребую отъ нихъ серьезнаго отчета за эту низость. За каждый ударъ, который будетъ теперь нанесенъ, они поплатятся цѣлой сотней ударовъ.

Большія тюремныя ворота растворились настежь, и вошла цѣлая толпа постороннихъ зрителей. Толпа эта, собравшись вокругъ обѣихъ женщинъ, скрыла ихъ отъ глазъ маленькаго короля. Затѣмъ явился священникъ, предъ которымъ толпа на мгновеніе разступилась, чтобы сомкнуться опять за его спиною. Король услышалъ тогда нѣчто вродѣ бесѣды, состоявшей какъ будто изъ вопросовъ и отвѣтовъ, но не могъ хорошенько разобрать, о чемъ именно шла рѣчь. Затѣмъ началась на дворѣ суматоха, вызванная какими-то спѣшными приготовленіями. Служащіе бѣгали взадъ и впередъ сквозь ту часть толпы, которая стояла позади женщинъ. Тѣмъ временемъ въ самой толпѣ водворилось глубокое тяжелое молчаніе. По приказанію, отданному мѣстными властями, толпа разступилась по обѣ стороны, и король увидѣлъ тогда зрѣлище, отъ котораго кровь застыла у него въ жилахъ. Вокругъ обѣихъ женщинъ навалены были кучи хвороста, и человѣкъ, стоявшій на колѣняхъ, уже поджигалъ ихъ.

Женщины склонили головы и закрыли лицо руками. Желтое пламя начало взбираться вверхъ по сухому хворосту, который трещалъ и вспыхивалъ. Клубы синеватаго дыма уносились вѣтеркомъ. Священникъ поднялъ руки къ небу и началъ читать молитву. Какъ разъ въ этотъ мигъ двѣ молодыя дѣвушки съ пронзительнымъ крикомъ вбѣжали сквозь тюремныя ворота и бросились къ женщинамъ на пылавшіе уже костры. Служащіе немедленно оттащили ихъ. Одну изъ нихъ удалось удерживать съ напряженіемъ всѣхъ силъ, но другая вырвалась, объявила, что хочетъ умереть вмѣстѣ съ матерью, и прежде, чѣмъ удалось ее схватить, бросилась опять на костеръ и охватила руками шею несчастной женщины. Дѣвушку снова оттащили, но ея платье было уже охвачено огнемъ. Двое или трое служащихъ держали ее, а другіе срывали съ нея горѣвшую юбку. Дѣвушка все время пыталась высвободиться, утверждая, что все равно пришлось бы остаться одинокой въ свѣтѣ и умоляла, чтобы ей позволили умереть вмѣстѣ съ матерью. Вообще обѣ дѣвушки плакали навзрыдъ, тщетно пытаясь вырваться изъ рукъ сторожей, когда вдругъ ихъ рыданія и крики были заглушены страшными пронзительными воплями предсмертной агоніи. Король невольно перенесъ свой взглядъ съ дѣвушекъ, дошедшихъ до окончательнаго умоизступленія, на костеръ, а затѣмъ отвернувшись, прислонилъ помертвѣвшее свое личико къ стѣнѣ и больше уже не оглядывался. Онъ сказалъ себѣ самому:

— Видѣнное мною въ это мгновеніе никогда не изгладится въ моей памяти. Оно врѣзалось въ ней навѣки. Эта сцена будетъ теперь всегда у меня предъ глазами и на яву, и во снѣ, въ продолженіе всей моей жизни. Еслибъ я былъ слѣпымъ, то мнѣ, по крайней мѣрѣ, не пришлось бы видѣть такихъ ужасовъ.

Гендонъ, слѣдившій все время за королемъ, былъ очень доволенъ сдержанностью мальчика и говорилъ себѣ самому. «Ему несомнѣнно становится лучше. Опъ за послѣднее время много перемѣнился и сталъ гораздо смирнѣе. Если бы онъ остался такимъ, какимъ былъ въ первые дни нашего знакомства, то непременно бросился бы на этихъ сторожей и, объявивъ себя королемъ, приказалъ бы имъ немедленно же выпустить обѣихъ его пріятельницъ на свободу. Умопомѣшательство у него, навѣрное, теперь вскорѣ пройдетъ, и онъ станетъ тогда замѣчательнымъ умницей. Дай Богъ, чтобы это случилось въ непродолжительномъ времени».

Въ тотъ же день прибыли въ тюрьму на ночлегъ нѣсколько пересыльныхъ арестантовъ, препровождавшихся подъ конвоемъ въ разныя мѣста королевства, гдѣ имъ предстояло понести наказаніе, къ которому они были приговорены по суду. Король бесѣдовалъ съ этими арестантами. Онъ вообще поставилъ себѣ за правило разспрашивать каждого содержавагося въ тюрьмѣ, за что именно и при какихъ обстоятельствахъ бѣдняга этотъ туда попалъ. Мальчикъ находилъ для себя, какъ короля, такіе разспросы очень поучительными, но сердце его зачастую обливалось кровью. Очень тяжелое впечатлѣніе произвелъ на него разсказъ бѣдной полуумной женщины, укравшей на ткацкой фабрикѣ аршина полтора сукна и присужденной за это къ повѣшенію. Одного мужчину обвиняли въ конокрадствѣ, но за отсутствіемъ уликъ должны были выпустить на свободу. Ему не удалось, однако, ею пользоваться, такъ какъ спустя нѣсколько дней онъ былъ преданъ суду за убійство лани въ королевскомъ лѣсу. На этотъ разъ обвиненіе было доказано и теперь этого несчастливца вели для выполненія надъ нимъ смертнаго приговора на мѣстѣ преступленія. Маленькаго короля очень огорчилъ, между прочимъ, также и слѣдующій случай: мальчикъ, находившійся въ ученѣ у мелочного торговца, поймалъ однажды вечеромъ сокола, который улетѣлъ отъ своего хозяина, и взялъ птицу домой, воображая, будто имѣетъ на это полнѣйшее право. Судъ взглянулъ на это дѣло иначе и приговорилъ мальчика къ смертной казни за кражу охотничьей птицы.

Всѣ такія доказательства безчеловѣчія англійскихъ законовъ и судей, на обязанности которыхъ лежало примѣнять таковыя, приводили короля въ невообразимую ярость. Онъ требовалъ, чтобы Гендонъ освободилъ его изъ тюрьмы и бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ

въ Вестминстеръ. Мальчикъ утверждалъ при этомъ, что считаетъ своей обязанностью безотлагательно вступить на престолъ и взять въ руки скипетръ уже изъ одного состраданія къ несчастливцамъ, жизнь которыхъ тогда только и можно будетъ спасти.

«Бѣдное дитя, — думалъ со вздохомъ Гендонъ. — Грустные рассказы пересыльныхъ арестантовъ снова ухудшили его болѣзнь. Если бы онъ не встрѣтился съ этими несчастливцами, то, безъ сомнѣнія, не замедлилъ бы выздоровѣть».

Въ числѣ этихъ пересыльныхъ арестантовъ былъ пожилой юристъ, лицо котораго дышало неустрашимой энергіей. За три года передъ тѣмъ онъ позволилъ себѣ написать брошюру, гдѣ обвинялъ лорда-канцлера въ несправедливости. Въ наказаніе за такую дерзость его исключили изъ адвокатскаго сословія и выставили къ позорному столбу, отрѣзавъ напередъ оба уха. Кромѣ того, онъ былъ приговоренъ къ денежному штрафу въ три тысячи фунтовъ стерлинговъ и заключенію въ тюрьму навсю жизнь. Это не помѣшало ему издать противъ лорда-канцлера другую брошюру, и теперь онъ былъ приговоренъ къ уtratѣ оставшихся у него обрубовъ отъ ушей и денежному штрафу въ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Кромѣ того, предписывалось заклеить ему обѣ щеки каленымъ желѣзомъ и держать его всю жизнь въ тюрьмѣ на цѣпи. «Я считаю эти рубцы почетными», говорилъ онъ, откидывая назадъ сѣдые свои волосы и показывая изуродованные обрубки своихъ ушей.

Глаза короля сверкали негодованіемъ. Онъ сказалъ:

— Никто мнѣ не вѣрять и, безъ сомнѣнія, ты тоже не будешь исключеніемъ изъ общаго правила. Это, впрочемъ, теперь совершенно безразлично. Не пройдетъ и мѣсяца, какъ ты будешь освобожденъ. Дѣло этимъ не ограничится. Законы, которые тебя изуродовали и опозорили Англію, будутъ вычеркнуты изъ судебного уложенія. Нѣтъ, я вижу, что здѣсь, на землѣ, плохіе порядки. Королямъ не мѣшало бы отъ времени до времени испытывать на самихъ себѣ дѣйствіе постановленныхъ ими законовъ и такимъ образомъ учиться милосердію.

ГЛАВА XXVIII.

Самопожертвованіе.

Заключеніе въ тюрьмѣ и вынужденное бездѣйствіе успѣли уже въ достаточной степени надоесть Мильсу Гендону, такъ что онъ искренно обрадовался, когда его вызвали, наконецъ, въ судъ. Мильсъ думалъ, что встрѣтить съ удовольствіемъ любой приговоръ, если только этотъ приговоръ не обусловитъ для него дальнѣй-

шаго заключенія въ тюрьмѣ. Предположеніе это оказалось, однако, невѣрнымъ. На самомъ дѣлѣ онъ пришелъ въ величайшее негодованіе, когда его объявили дерзкимъ бродягой и присудили выставить на два часа къ позорному столбу за оскорбленіе, нанесенное владѣльцу Гендонскаго замка дѣйствіемъ. Притязанія Мильса на близкое родство съ обвинителемъ, заявленіе, что Гугъ доводится ему младшимъ братомъ и незаконно присвоиваетъ себѣ титулъ баронета и соединенныя съ этимъ титуломъ помѣстья, были оставлены безъ вниманія, какъ незаслуживающія даже и разсмотрѣнія.

Пока Мильса вели на площадь къ позорному столбу, онъ позволилъ себѣ грозить и горячиться, но это, разумѣется, не привело ни къ чему путному. Полицейскіе стражники, вынужденные тащить «бродягу» силой, угостили его нѣсколькими добрыми тумаками за непочтительное съ ними обращеніе.

Король, будучи не въ силахъ пробиться сквозь толпу черни, окружавшей Мильса Гендона, долженъ былъ идти въ хвостъ этой толпы, далеко отъ вѣрнаго своего друга и слуги. Самого мальчика чуть было не приговорили къ выставкѣ у позорнаго столба за сообщничество съ дерзкимъ бродягой и лишь во вниманіе къ малолѣтству и неопытности замѣнили означенное рѣшеніе словеснымъ выговоромъ и предостереженіемъ. Когда толпа, наконецъ, остановилась, король принялся съ лихорадочной поспѣшностью бѣгать взадъ и впередъ вдоль внѣшней ея окраины, выискивая мѣстечко, гдѣ ему можно было бы протиснуться въ первые ряды. Послѣ долгихъ хлопотъ и усилій это ему, наконецъ, удалось. Онъ увидѣлъ тогда злополучнаго своего вассала, сидѣвшаго въ колодахъ у позорнаго столба. Тамъ этотъ бѣдняга служилъ посмѣшищемъ и мишенью для грязной уличной черни. Между тѣмъ онъ былъ вѣдь вѣрнымъ барономъ, состоявшимъ непосредственно при особѣ его величества англійскаго короля. Эдуардъ слышалъ приговоръ, постановленный противъ Мильса, но не понималъ тогда даже и наполовину оскорбительнаго значенія означеннаго приговора. Гнѣвъ мальчика началъ разгораться. Король сознавалъ, что оскорбленіе, нанесенное его вассалу, падаетъ также и на него лично. Негодованіе его величества дошло до невообразимой степени, когда въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе гнилое яйцо, мелькнувъ въ воздухѣ, разбилось о щеку Гендона, къ великой радости окружавшей толпы, которая громко расхохоталась. Мальчикъ, выскочивъ впередъ, бросился къ полицейскому констеблю, наблюдавшему за выполненіемъ судебнаго приговора, и крикнулъ ему:

— Какъ вамъ не стыдно позволять такія гадости? Это мой слуга. Сейчасъ же освободить его! Я...

— Замолчи! — воскликнулъ Гендонъ въ паническомъ страхѣ. —

Ты погубишь себя самого. Не обращайтесь на него вниманія, констебль, онъ сумасшедшій!

— Тебѣ нечего меня учить, любезнѣйшій. Я и безъ того вовсе не расположенъ обращать вниманіе на этого мальчишку, но считаю лишнимъ проучить его малую толику.

Обернувшись затѣмъ къ одному изъ полицейскихъ стражниковъ, онъ сказалъ:

— Угости-ка этого дурачка однимъ или двумя ударами плети, чтобы научить его приличному обращенію.

— Подюжины будутъ для него полезнѣе, — замѣтилъ сэръ Гугъ, прибывшій за минутку передъ тѣмъ верхомъ на конѣ на площадь, дабы взглянуть, какъ обстоитъ дѣла у позорнаго столба.

Короля тотчасъ же схватили. Онъ даже не пытался бороться, до такой степени парализовала его одна мысль о чудовищномъ оскорбленіи, которое предполагалось нанести священной его особѣ. Исторія запятнана уже повѣствованіемъ о томъ, какъ одного англійскаго короля избили хлыстами. Мальчику невыносимо было думать, что ему самому придется теперь попасть при такихъ же позорныхъ обстоятельствахъ на ея страницы. Онъ сознавалъ себя въ совершенно безвыходномъ положеніи: приходилось или подчиниться унизительному наказанію, или же просить помилованія. Изъ двухъ золъ разумѣется, надо было выбирать меньшее, и мальчикъ предпочелъ быть отодраннымъ плетями, находя, что это менѣе унижитъ царственное его достоинство, чѣмъ просьба о помилованіи.

Тѣмъ временемъ Мильсъ Гендонъ придумалъ иное средство, чтобы высвободить короля изъ этого затруднительнаго положенія.

— Послушайте вы, безсердечные псы, — сказалъ онъ, — отпустите ребенка. Развѣ вы не видите, какой онъ хилый и слабенькій? Отпустите его и отсчитайте мнѣ столько плетей, сколько ему полагается.

— Славная мысль, чортъ возьми, и я лично за нее очень тебѣ благодаренъ! — замѣтилъ сэръ Гугъ съ сардонической улыбкой. — Отпустите маленькаго негодая и отсчитайте вмѣсто того этому молодцу дюжину плетей, но только настоящихъ, горячихъ и полновѣсныхъ!

Король собирался было предъявить негодующій протестъ, но сэръ Гугъ принудилъ его къ молчанію, многозначительно объявивъ:

— Пожалуйста, не стѣсняйся, голубчикъ! Отведи себѣ душу, но только помни, что за каждое слово, которое ты скажешь, онъ получитъ по шести лишнихъ плетей.

Гендона высвободили изъ колодокъ и обнажили ему спину. Пока Мильса наказывали плетями, маленький король въ отчаяніи

отвернулся. Совершенно позабывъ о царственномъ этикетѣ, мальчикъ дозволилъ слезамъ невозбранно струиться по его личику. «Какое доброе любящее сердце у сэра Мильса! — говорилъ онъ себѣ самому. — Этотъ благородный его подвигъ никогда не изгладится изъ моей памяти. Я его не забуду и позабочусь, чтобы они тоже о немъ помнили!» добавилъ онъ съ негодованіемъ. Чѣмъ больше разсуждалъ маленькій король на эту тему, тѣмъ болѣе грандіозныя размѣры принимало въ его умѣ великодушное поведеніе Гендона и тѣмъ болѣе пламенную благодарность чувствовалъ мальчикъ къ вѣрному своему барону. Онъ говорилъ самъ себѣ:

— Тотъ, кто спасаетъ своего государя отъ ранъ и, быть можетъ, даже отъ смерти, какъ это сдѣлалъ уже для меня сэръ Мильсъ, оказываетъ важную услугу. Тѣмъ не менѣе услуга эта представляется ничтожной и какъ бы даже совершенно исчезаетъ по сравненію съ подвигомъ человѣка, который спасаетъ своего государя отъ позора.

Гендонъ ни разу не вскрикнулъ подъ ударами плети и вынесъ эти тяжкіе удары съ благородной воинской доблестью. Эта стойкость, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ добровольно подвергся наказанію, предназначенному для мальчика, вызвали уваженіе къ Мильсу Гендону даже со стороны грубой и пошлой черни, собравшейся вокругъ позорнаго столба. Брань и насмѣшки, которыми они за минуту передъ тѣмъ осыпали осужденнаго, замолкли, и слышался только свистъ тяжелыхъ ударовъ плетью. Тишина, водворившаяся на площади, когда Гендонъ оказался снова въ колодкахъ, представляла собою рѣзкій контрастъ съ шумными оскорбительными криками, раздававшимися лишь за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Король тихонько подошелъ въ Гендону и шепнулъ ему на ухо:

— Земные цари не могутъ возвеличить душевное благородство, дарованное тебѣ Тѣмъ, Кто превыше царей, но король можетъ засвидѣтельствовать о немъ передъ людьми.

Поднявъ съ земли плеть, мальчикъ слегка коснулся ею до окровавленныхъ плечей Гендона и прошепталъ:

— Эдуардъ англійскій возводитъ тебя въ графское достоинство.

Гендонъ былъ растроганъ до глубины души. Слезы выступили у него на глазахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ явственно сознавалъ смѣшную сторону трагической обстановки, при которой состоялось пожалованіе его въ графы, что съ трудомъ лишь удержался отъ хохота. Для человѣка, только лишь отодраннаго плетью и сидящаго еще въ колодкахъ у позорнаго столба, внезапное повышение изъ категоріи простыхъ смертныхъ въ горнія выси англійской аристократіи представлялось уморительнѣйшею въ

свѣтъ шуткою. Онъ разсуждалъ самъ съ собою: «Я не могу пожаловаться на плохую карьеру. Изъ простыхъ бароновъ царства грезъ и тѣней я сдѣлался меньше чѣмъ въ двѣ недѣли призрачнымъ графомъ. Какой, подумаешь, головокружительный полетъ для человѣка, привыкшаго ходить просто-на-просто по землѣ! Если такъ будетъ продолжаться и впредь, то я вскорѣ буду обвѣшанъ, какъ Майская Мечта, всевозможными фантастическими побрякушками и знаками отличія. Впрочемъ, какими бы призрачными они сами по себѣ не представлялись, а я всетаки буду ихъ цѣнить, ради выражающейся въ нихъ любви и привязанности. Призрачные титулы, пожалованные мнѣ безъ всякихъ просьбъ съ моей стороны, мальчишечьимъ съ благороднымъ непорочнымъ сердцемъ, кажутся мнѣ заслуживающими предпочтенія передъ настоящими титулами, купленными цѣною подслуживанія дурнымъ инстинктамъ людей, стоящихъ у кормила правленія».

Грозный сэръ Гутъ повернулъ коня и умчался съ площади. Заполнявшее ее живое море молча разступилось передъ нимъ и также молча сомкнулось опять. Водворившаяся тишина такъ и не нарушалась. Никто не позволилъ себѣ сказать что-либо въ пользу арестанта, или же въ похвалу ему, но уже отсутствіе оскорбленій являлось само по себѣ достаточной данью уваженія со стороны черни. Одинъ изъ новоприбывшихъ, который, не ознакомившись съ измѣнившимися обстоятельствами, вздумалъ осмѣивать самозванца и собирався пустить въ него дохлую кошкой, былъ тотчасъ сбитъ съ ногъ и прогнанъ съ пинками, безъ всякихъ словъ и объясненій. Вслѣдъ затѣмъ на площади возстановилась опять прежняя глубокая тишина.

ГЛАВА XXIX.

Въ Лондонѣ.

Отсидѣвъ два часа въ колодкахъ, Гендонъ былъ выпущенъ на свободу, съ приказаніемъ немедленно же оставить окрестную мѣстность и никогда болѣе туда не возвращаться. Ему великодушно отдали, впрочемъ, не только шпагу, но также мула и осла. Онъ сѣлъ на мула и уѣхалъ, а король слѣдовалъ за нимъ на осликѣ. Толпа почтительно разступилась, чтобы ихъ пропустить, а затѣмъ разошлась по домамъ. Гендонъ вскорѣ погрузился въ глубокую думу. Ему предстояло разрѣшить вопросы первостепенной важности: что теперь дѣлать и куда направиться? Онъ сознавалъ, что долженъ заручиться могущественной поддержкой, если не хочетъ утратить послѣднюю надежду на возвращеніе законныхъ своихъ правъ и прослыть на самомъ дѣлѣ самозванцемъ. Гдѣ же найти эту мо-

гущественную поддержку? Въ разрѣшеніи этого вопроса и заключалась главнѣйшая трудность. Мало-по-малу явилась у новопожалованнаго графа мысль, указывавшая на нѣкоторую, хотя, впрочемъ, и весьма слабую возможность возстановленія поправленныхъ его правъ. Мильсъ Гендонъ остановился на ней за неимѣніемъ ничего лучшаго. Эта комбинація все же обѣщала хоть малую вѣроятность успѣха, тогда какъ другія ровно ничего не обѣщали. Мильсъ вспомнилъ рассказы старика Эндрюса о добродушіи и благородномъ заступничествѣ новаго короля за страждущихъ и угнетенныхъ. Добившись аудіенціи у его величества, можно было бы прибѣгнуть къ королевскому правосудію. Положимъ, что такого оборванца, какимъ сдѣлался Мильсъ Гендонъ послѣ заключенія своего въ тюрьмѣ, могли и не допустить передъ свѣтлыя очи монарха. Впрочемъ, разсуждать объ этомъ пока не стоитъ. Довлѣетъ дневи злоба его. Не къ чему думать о переправѣ черезъ мость, прежде чѣмъ до него доѣдешь. Въ качествѣ опытнаго воина, побывавшаго въ походахъ, Гендонъ умѣлъ приспособляться къ обстоятельствамъ и отыскивать себѣ надлежащій исходъ изъ затруднительнаго положенія. Не задаваясь преждевременно вопросомъ, что будетъ дальше, онъ рѣшилъ немедленно же ѣхать въ Лондонъ. Быть можетъ, тамъ окажется ему содѣйствіе старый пріятель его отца, сэръ Гемфри Марлоу, почтенный старичекъ Гемфри, помощникъ старшаго смотрителя надъ кухней, конюшнями, или же какими-то иными хозяйственными учрежденіями у короля Генриха VIII. Мильсъ не могъ въ данную минуту хорошенько вспомнить, чѣмъ именно завѣдывалъ сэръ Гемфри. Теперь, имѣя передъ собою цѣль, къ достиженію которой можно было примѣнить свою энергію, и обстоятельно выяснивъ себѣ, что именно надлежало прежде всего сдѣлать, Мильсъ Гендонъ успокоился. Подавляющее сознаніе вынесенныхъ имъ униженій разсѣялось словно туманъ передъ яркими лучами солнца. Гендонъ поднялъ голову и осмотрѣлся кругомъ. Онъ удивился, какъ много уже проѣхалъ и какъ далеко осталось позади него село. Король продолжалъ молча ѣхать на своемъ осликѣ, наклонивъ голову и не глядя по сторонамъ. Очевидно, онъ тоже погрузился въ глубокія думы и соображенія. Новоявленное у Гендона веселое настроеніе духа тотчасъ же омрачилось опасеніемъ, согласится ли мальчикъ вернуться въ городъ, гдѣ онъ въ теченіе всей своей краткой жизни видѣлъ только брань, побои и самую горькую нужду? Надлежало всетаки обратиться къ нему съ этимъ неизбѣжнымъ вопросомъ, а потому Гендонъ, пріостановивъ на мгновеніе своего мула, воскликнулъ:

— Я и забылъ освѣдомиться, куда именно мы держимъ путь! Ожидаю твоихъ приказаній, государь!

— Въ Лондонъ!

Гендонъ, чрезвычайно довольный, но вмѣстѣ съ тѣмъ изумленный полученнымъ отвѣтомъ, пустилъ своего мула опять мелкой рысцой.

Путешествіе это не ознаменовалось никакимъ достопримѣчательнымъ событіемъ, но тѣмъ не менѣе закончилось таковымъ. Часовъ въ десять вечера, девятнадцатаго февраля, путники вѣхали на Лондонскій мостъ и очутились въ густой толпѣ полупьянаго люда, кричавшаго во все горло «ура!» Среди страшной тѣсноты и давки весь мостъ казался заполненнымъ красными отъ пива и водки рожами, ярко освѣщенными отблесками множества факеловъ. Какъ разъ въ это мгновеніе полусгнившая голова какого-то бывшаго герцога, или иного знатнаго лица упала въ толпу съ острія, на которое была посажена, ударила Гендона по локтю, отскочила отъ него и покатила въ ноги его сосѣду. Подумаешь, какъ скоропреходящи и непрочны человѣческія дѣянія на землѣ! Покойный король Генрихъ VIII скончался лишь три недѣли тому назадъ и лежалъ всего лишь три дня въ могилѣ, а уже украшенія, которыя онъ набиралъ такъ старательно для великолѣпнаго своего моста, среди наиболѣе выдающихся англійскихъ государственныхъ дѣятелей, начинали падать съ поддерживавшихъ ихъ копій. Кто-то изъ вѣрноподанныхъ, споткнувшись объ упавшую голову, ударился собственной головой въ спину челоуѣку, шедшему непосредственно передъ нимъ. Тотъ обернулся и ударомъ кулака по головѣ сшибъ съ ногъ перваго молодца, попавшагося ему подъ руку. Пріятель этого молодца отплатилъ обидчику той же монетой. Минута была какъ разъ самая подходящая, чтобъ завязать порядочную драку, такъ какъ народъ праздновалъ уже канунъ торжественнаго дня коронаванія. Всѣ вѣрноподанные были переполнены спиртными напитками и патріотизмомъ. Черезъ какихъ-нибудь пять минутъ драка распространилась уже на изрядное протяженіе, а минутъ черезъ десять или двѣнадцать она охватила площадь больше чѣмъ въ десятину и приняла характеръ уличнаго бунта. Къ тому времени Гендонъ и маленькій король успѣли потерять другъ друга изъ виду среди буйной суматохи и смятенія многотысячной массы людей, дѣятельно чистившихъ другъ другу зубы и взаимно подставлявшихъ себѣ фонари, не зная и сами, чего ради это дѣлаютъ. Здѣсь мы съ ними пока и распростимся.

ГЛАВА XXX.

Успѣхи Тома.

Пока настоящій король странствовалъ по своему государству плохо одѣтый, голодный, то подвергаясь оскорбленіемъ и насмѣшкамъ со стороны бродягъ и мошенниковъ, то сидя въ тюрьмѣ съ ворами и убійцами, и пользуясь нелицепріятно отъ тѣхъ и другихъ прозвищемъ идіота и умопомѣшаннаго, Томъ Канти, разыгравшій роль короля, вѣлъ совершенно иное, несравненно болѣе пріятное существованіе.

Мы передъ тѣмъ покинули его какъ разъ въ ту минуту, когда королевская власть начала показываться ему съ болѣе блестящей своей стороны. Эта блестящая сторона становилась съ каждымъ днемъ все ярче и въ непродолжительномъ времени стала приводить его въ восторгъ великолѣпнымъ своимъ сіяніемъ. Всѣ опасенія мальчика разсѣялись. Высокое положеніе, въ которомъ онъ очутился, болѣе его уже не страшило. Онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія и держалъ себя съ истинно царственной непринужденностью и увѣренностью. Дѣло въ томъ, что онъ извлекалъ изъ своего мальчика для порки съ каждымъ днемъ все большія выгоды и пріобрѣлъ чрезъ посредство этого мальчика самыя разностороннія свѣдѣнія о томъ, что ему знать надлежало.

Когда Тому хотѣлось поиграть или побесѣдовать, онъ посылалъ принцессамъ Елизаветѣ и Аннѣ Грей приказаніе явиться къ его величеству. Когда ему надоѣдало ихъ посѣщеніе, онъ отсылалъ ихъ прочь съ величественнымъ видомъ монарха, у котораго это вошло уже въ привычку. Онъ уже не смущался, когда принцессы, прощаясь съ нимъ, цѣловали ему руку.

Тому началъ доставлять удовольствіе церемоніаль торжественнаго укладыванія въ постель вечеромъ и столь же торжественнаго и сложнаго одѣванія утромъ. Шествіе въ парадную столовую въ сопровожденіи блестящей процессіи высшихъ придворныхъ сановниковъ и почетныхъ тѣлохранителей положительно его забавляло и пріятно щекотало его самолюбіе, такъ что онъ подъ конецъ удвоилъ число этихъ тѣлохранителей съ пятидесяти до цѣлой сотни. Ему пріятно было слышать, какъ трубили рога въ длинныхъ дворцовыхъ корридорахъ и какъ на этотъ сигналъ отвѣчали издалика возгласы: «Дорогу королю!»

Мальчикъ съ Мусорнаго двора пріучилъ себя находить удовольствіе даже и сидя на престолѣ въ залѣ государственнаго совѣта и дѣлая видъ, будто является тамъ не просто лишь маріонеткой лорда-протектора, а самостоятельнымъ державнымъ мо-

наркомъ. Онъ съ удовольствіемъ давалъ аудіенціи посламъ великихъ державъ, являвшимся въ тронную залу съ многочисленными пышными свитами и внимательно выслушивалъ исполненныя всяческихъ любезностей грамоты отъ сосѣднихъ государей, именовавшихъ его дорогимъ братцемъ. Неправда ли, какимъ счастливецомъ сдѣлался Томъ Канти, мальчикъ съ Мусорнаго двора?

Великолѣпныя королевскія одежды очень ему нравились, и онъ заказалъ себѣ нѣсколько новыхъ, еще болѣе роскошныхъ костюмовъ. Находя четырехъ слугъ недостаточными для своего величія, онъ утроилъ ихъ число. Обожаніе и лесть придворныхъ начали казаться его ушамъ сладостною музыкой. При всемъ томъ онъ остался добросердечнымъ, милымъ мальчикомъ, — мужественнымъ, энергическимъ защитникомъ всѣхъ обиженныхъ и велъ безпощадную войну съ несправедливыми законами, но, при случаѣ, чувствуя себя оскорбленнымъ, умѣлъ бросить на какого-нибудь графа, или даже герцога такой взглядъ, отъ котораго этотъ вельможа вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Разъ какъ-то августѣйшая сестра его величества, суровая святоша Марія, заслужившая впоследствии прозвище Кровавой, вздумала говорить царственному своему братцу о неумѣстности съ его стороны миловать такое множество людей, которымъ надлежало бы сидѣть въ тюрьмѣ, а не то красоваться на висѣлицѣ, или же на кострѣ. Принцесса напомнила Тому, что при августѣйшемъ покойномъ ихъ родителей содержалось иной разъ одновременно въ тюрьмахъ до шестидесяти тысячъ человѣкъ и что въ продолженіе примѣрнаго его царствованія казнено было рукою палача семьдесятъ двѣ тысячи воровъ и разныхъ иныхъ негодяевъ. Возраженія эти вызвали у мальчика взрывъ великодушнаго негодованія. Король приказалъ принцессѣ идти въ ея комнату и молить Бога, чтобы Онъ вынулъ камень, который она носитъ въ груди, и далъ ей взамѣнъ обыкновенное человѣческое сердце.

Неужели Томъ Канти вовсе не беспокоился о маленькомъ законномъ принцѣ, который обошелся съ нимъ такъ добродушно и выбѣжалъ съ такой горячностью изъ кабинета, чтобы отмстить за него дерзкому часовому, стоявшему у дворцовыхъ воротъ? На самомъ дѣлѣ, въ первые дни и ночи своего царствованія мальчикъ съ Мусорнаго двора почти непрерывно терзался мыслями о пропавшемъ безъ вѣсти принцѣ и томился совершенно искреннимъ нетерпѣніемъ съ нимъ свидѣться, чтобы немедленно вернуть ему всѣ законныя права и почести. По мѣрѣ того, однако, какъ время шло, а принцъ не возвращался, головка Тома все болѣе заполнялась новыми чарующими впечатлѣніями, подъ влияніемъ которыхъ изъ нея мало-по-малу исчезалъ образъ пропавшаго безъ вѣсти монарха. Подъ конецъ, когда этотъ образъ по

временамъ воскресалъ, онъ сталъ производить на Тома впечатлѣніе нежеланнаго привидѣнія, передъ которымъ мальчикъ съ Мусорнаго двора чувствовалъ себя пристыженнымъ и виноватымъ.

Мать и сестры Тома были вытѣснены изъ его головы тѣмъ же путемъ, какъ и принцъ. Сперва Томъ о нихъ скорбѣлъ и сокрушался. Ему хотѣлось тогда свидѣться съ ними какъ можно скорѣе, но потомъ мысль, что онѣ явятся къ нему когда-нибудь въ грязи и лохмотьяхъ, выдадутъ его своими поцѣлуями и низвергнуть съ блистательнаго англійскаго престола опять въ бездну униженій и всяческихъ лишеній, заставляла его содрогаться. Подъ конецъ воспоминаніе о нихъ почти совсѣмъ перестало его тревожить. Онъ искренно этому радовался, такъ какъ если передъ нимъ воскресали ихъ грустныя обвиняющія лица, то онъ каждый разъ чувствовалъ себя презрѣннѣе и гаже червя, пресмыкающагося по землѣ.

Въ полночь на девятнадцатое февраля Томъ Канти опочилъ мирнымъ сномъ въ роскошной постели королевскаго своего дворца, охраняемый вѣрными вассалами и окруженный подобающимъ царственнымъ великолѣпіемъ. Онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, такъ какъ на слѣдующій день назначено было торжественное его коронованіе. Въ этотъ же самый часъ настоящий король Эдуардъ VI, истомленный голодомъ и жаждой, весь въ пыли и грязи, уставшій съ дороги и одѣтый въ лохмотья, такъ какъ во время уличной драки все платье на немъ изорвали въ клочья, протискался въ Вестминстерское аббатство вмѣстѣ съ толпой народа, слѣдившаго съ величайшимъ интересомъ за многочисленными рабочими, сновавшими, словно дѣятельные муравьи по аббатству, заканчивая тамъ послѣднія приготовленія къ торжеству коронованія.

ГЛАВА XXXI.

Процессія торжественнаго провозглашенія короля народомъ.

Проснувшись на слѣдующее утро, Томъ Канти слышалъ носившійся въ воздухѣ громоподобный ропотъ. Все кругомъ было переполнено этимъ ропотомъ, производившимъ на Тома впечатлѣніе пріятной музыки. Онъ свидѣтельствовалъ, что англійскій народъ въ обаяніи своего могущества вышелъ уже на улицу, дабы вѣрноподданнически привѣтствовать наступившій день великаго празднества.

Вскорѣ Томъ оказался опять главною фигурой въ великолѣпной процессіи парадныхъ баржъ, плывшей по Темзѣ. Въ силу древняго обычая, процессія признанія короля народомъ должна

была пройти чрезъ столицу, двинувшись изъ Лондонской башни, а потому Томъ направлялся туда теперь изъ дворца.

По прибытіи мальчика къ этой почтенной древней крѣпости, стѣны ея какъ бы внезапно дали щели на множествѣ различныхъ мѣстъ. Изъ каждой такой щели вырвался красный языкъ пламени и бѣлый клубъ дыма. Послѣдовалъ оглушительный взрывъ, поколебавшій землю и покрывшій собою привѣтственные возгласы многотысячной толпы. Огненные языки, клубы дыма и взрывы повторялись разъ за разомъ съ изумительной быстротою, такъ что древній Тоуеръ по прошествіи нѣсколькихъ мгновеній исчезъ въ густомъ туманѣ своего собственнаго дыма. Лишь самый верхъ высокаго зданія, такъ называемая Бѣлая Башня, съ развѣвавшимися на ней знаменами и флагами, воздымалась надъ густымъ облакомъ этого дыма подобно тому, какъ вершина горы высится надъ тучами.

Томъ Канти, въ великолѣпномъ одѣяніи, сѣлъ на превосходно выѣзженнаго дивнаго боевого коня, богатые чепраки котораго спускались чуть не до земли. Дядя его величества, лордъ-протекторъ Сомерсетъ, ѣхалъ приблизительно на такомъ же конѣ позади. Королевская гвардія въ полированной стальной бронѣ стояла вытянувшись шпалерами по обѣ стороны улицы. За протекторомъ слѣдовало, повидимому, нескончаемое шествіе великолѣпно разодѣтыхъ герцоговъ, графовъ и бароновъ, окруженныхъ своими вассалами. За ними шли лордъ-мэръ и эльдермэны въ одеждахъ изъ алаго бархата съ золотыми цѣпами на груди, а также старѣйшины и члены всѣхъ лондонскихъ гильдій въ богатыхъ костюмахъ и со знаменами различныхъ корпорацій. Въ качествѣ особой почетной стражи участвовала въ шествіи черезъ Сити древняя почетная артиллерійская рота, сформированная приблизительно за триста лѣтъ передъ тѣмъ и являвшаяся единственной въ Англіи военной частью, которая обладала (и до сихъ поръ обладаетъ) привилегіей не зависѣть отъ предписаній парламента. Процессія представляла собою блестящее зрѣлище. Ее привѣтствовали восторженными возгласами всюду на пути торжественнаго ея слѣдованія сквозь густыя толпы горожанъ.

Лѣтописецъ говорить:

«Народъ встрѣтилъ короля при вѣздѣ его въ Сити молитвами, привѣтственными возгласами, нѣжными, ласковыми изъявленіями сердечной любви, радостными слезами и вообще всѣми знаками самой горячей преданности вѣрноподданныхъ своему государю. Король, взирая съ радостнымъ лицомъ на тѣхъ, кто стоялъ поодаль, ласково говоря съ тѣми, кто находился по близости, принималъ съ такою же благодарностью доброжелательство своего народа, съ какою оно ему предлагалось. Онъ благодарилъ всѣхъ, кто его при-

вѣтствовалъ. Лицамъ, восклицавшимъ: «Да сохранить Господь Богъ ваше величество!» онъ отвѣчалъ: «Да сохранить Господь Богъ васъ всѣхъ!» и присовокуплялъ, что благодарить ихъ отъ всей души. Таковыя достолюбезныя слова и поступки молодого короля привели народъ въ восторженное восхищеніе.

«Въ Фанчерской улицѣ дѣвочка въ драгоцѣнномъ одѣяніи стояла на эстрадѣ, дабы привѣтствовать короля при проѣздѣ его черезъ Сити. Послѣдній куплетъ этого привѣтствія въ стихахъ заканчивался словами:

Добро пожаловать, король, восклицася мы изъ глубины сердецъ,
Добро пожаловать вторять наши языки.
Добро пожаловать на радость твоимъ вѣрнопопавшимъ,
Молимъ Бога, чтобы Онъ тебя сохранилъ и желася тебѣ всего
лучшаго!»

«Народныя привѣтствія слились въ громовой возгласъ, повторявшій заключительныя слова этого куплета. Томъ Канти, сидя на великолѣпномъ боевомъ конѣ, видѣлъ кругомъ себя волнующееся море лицъ, сіявшихъ радостной восторженной къ нему преданностью. Сердце его переполнилось тогда восхищеніемъ и онъ чувствовалъ, что если вообще стоитъ жить на свѣтѣ, то именно лишь для того, чтобы быть такимъ, какъ онъ, королемъ и народнымъ кумиромъ. Какъ разъ тогда онъ примѣтилъ вдали двухъ мальчиковъ оборванцевъ, товарищей своихъ съ Мусорнаго двора, одинъ изъ которыхъ состоялъ въ его прежнемъ фантастическомъ придворномъ штатѣ лордомъ великимъ адмираломъ, а другой — первымъ лордомъ камергеромъ. Томъ ощутилъ тогда большій, чѣмъ когда либо приливъ гордости. Какъ хорошо было бы, если бы они его теперь узнали! Въ ихъ глазахъ онъ явился бы тогда окруженный обаяніемъ неизреченной славы. Что подумали бы они, увидѣвъ его теперь въ полномъ блескѣ дѣйствительнаго величія? Призрачный король глухихъ улицъ и задворковъ, надъ которымъ всѣ издѣвались и потѣшались, превратился въ настоящаго короля, которому служатъ знаменитѣйшіе герцоги и графы и предъ которыми преклоняется вся Англія. Тому пришлось, однако, отречься отъ себя самого и подавить въ данномъ случаѣ свое желаніе. Онъ напелъ, что если бы прежніе товарищи и пріятели съ Мусорнаго двора узнали его теперь, то это повлекло бы, пожалуй, для него за собой болѣе непріятностей, чѣмъ удовольствія. Поэтому онъ отвернулся въ другую сторону и предоставилъ обоимъ маленькимъ грязнымъ оборванцамъ выкрикивать радостныя привѣтствія, не подозрѣвая, къ кому именно привѣтствія эти обращаются. Отъ времени до времени раздавались изъ толпы возгласы: «Осчастливь, государь, твоими милостями!» Въ отвѣтъ на это Томъ раз-

брасывалъ цѣлыми горстями только-что отчеканенныя монеты, которыя народъ немедленно же бросался подбирать.

Лѣтописецъ продолжаетъ:

«Въ верхнемъ концѣ улицы, гдѣ стоитъ церковь Благодати Господней, не доѣзжая до выѣски Орла, городъ воздвигнулъ великолѣпную триумфальную арку, пониже которой устроенъ былъ помостъ, переброшенный съ одной стороны улицы на другую. На немъ изображалось аллегорическими фигурами ближайшихъ предковъ короля важное значеніе его величества для англійскаго народа. Посреди колоссальной бѣлой розы, лепестки которой одѣвали ее словно наряднымъ воротничкомъ, возсѣдала Елизавета Іоркская. Рядомъ съ нею находился Генрихъ VІІ, выходившій изъ столь же громадной алой розы, лепестки которой были расположены подобнымъ же образомъ. Царственная чета держала другъ друга за руки, на которыхъ красовались обручальныя кольца. Изъ алой и бѣлой розъ выходилъ стебель, поднимавшійся во второй этажъ и расцвѣтавшій тамъ въ пеструю, алую съ бѣлымъ, розу, въ чашечкѣ которой возсѣдали изображенія Генриха VІІІ и матери нынѣ царствующаго короля, Анны Сеймуръ. Изъ этой четы исходила вѣтвь, проникавшая въ третій этажъ, гдѣ помѣщалось изображеніе самого Эдуарда VІ, возсѣдающаго на тронѣ въ царственномъ величїи. Вся эта аллегорическая картина была обрамлена гирляндами бѣлыхъ и алыхъ розъ».

Это забавное и поучительное зрѣлище подѣйствовало такъ сильно на обрадованный народъ, что восторженные его восклицанія совершенно покрыли слабенькій голосокъ ребенка, на котораго было возложено объяснить значеніе картины, специально написанными для этой цѣли хвалебными стихами. Это, однако, нимало не огорчило Тома Канти. Взрывъ вѣрноподданническаго восторга былъ для его ушей прїятнѣе самаго музыкальнаго поэтическаго произведенія. Куда бы Томъ не обращалъ веселое молодое свое личико, народъ тотчасъ же узнавалъ близкое сходство его изображенія съ нимъ самимъ. Сходство это оказывалось и въ самомъ дѣлѣ поразительнымъ, такъ что вызывало разъ за разомъ бури привѣтствій и рукоплесканій.

Торжественная процессія безостановочно двигалась отъ одной триумфальной арки къ другой, проходя мимо нескончаемый вереницы бросавшихся въ глаза символическихъ картинъ, каждая изъ которыхъ представляла собою наглядное воплощеніе какой-либо добродѣтели, таланта, или же достоинства маленькаго короля.

По всему Чипзейду съ оконъ и балконовъ висѣли знамена и флаги. Вся улица была убрана богатѣйшими коврами, штофомъ и парчей, которые служили образцами сокровищъ и богатствъ, хранившихся въ ея магазинахъ. Другія улицы равнялись, или

даже превосходили блестящимъ своимъ убранствомъ это великолѣпіе.

— Подумаешь, что вся эта роскошь и весь этотъ дивный блескъ затрачиваются на то, чтобы привѣтствовать меня, да, именно меня! — проговорилъ чуть не вслухъ Томъ Канти.

Щеки мальчика, игравшаго роль короля, горѣли отъ волненія. Глаза его сверкали, и онъ весь былъ виť себя отъ восхищенія. Въ это мгновеніе, собираясь какъ разъ бросить въ народъ пригоршню золота, онъ увидѣлъ передъ собою блѣдное изумленное лицо, которое, устремивъ на него пристальный взоръ, старалось протѣсниться въ первые ряды толпы. Внезапно пораженный ужасомъ, мальчикъ узналъ свою мать и невольно заслонилъ лицо рукою, держа ее ладонью къ наружи. Мать въ свою очередь узнала обычный инстинктивный жестъ своего сына, пріобрѣтенный еще въ дѣтствѣ, и закрѣпленный путемъ давнишней привычки. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе она пробилась сквозь толпу и сквозь кордонъ королевскихъ гвардейцевъ прямо къ сыну, припала къ его ногѣ и, покрывая ее поцѣлуями, восклицала:

— Наконецъ-то я тебя вижу, милое ненаглядное мое дитятко!

Лицо ея, обращенное къ Тому, сіяло самой нѣжной материнской любовью и радостью. Въ тотъ же мигъ одинъ изъ офицеровъ королевской гвардіи, разразившись вполголоса проклятіемъ, отдернулъ эту женщину прочь и сильнымъ толчкомъ могучей своей руки втиснулъ ее на прежнее мѣсто. Слова: «Я не знаю тебя, женщина» сорвались съ устъ Тома Канти какъ разъ въ то мгновеніе, когда случилось это прискорбное событіе, но ему было невыносимо больно видѣть такое обращеніе съ матерью. Когда она обернулась, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на сына, въ то время, какъ толпа начинала уже скрывать его отъ ея глазъ, она казалась до того обиженной и такой грустной, что Тому сдѣлалось невообразимо стыдно. Этотъ стыдъ, обрушившійся цѣлой лавиной на мальчика, обратилъ его гордость въ пепелъ и заставилъ увянуть для него чарующую предель самозванной царственной власти. Обаяніе ея утратило сразу всякую цѣнность въ его глазахъ. Удовольствія, которыя она за минуту передъ тѣмъ доставляла Тому, обваливались теперь одно за другимъ словно пожелтѣвшіе листья осенью.

Торжественная процессія продолжала шествовать своимъ чередомъ по улицамъ, великолѣпное убранство которыхъ становилось все болѣе шегольскимъ. Привѣтствія вѣрноподанныхъ принимали все болѣе бурный восторженный характеръ, но для Тома Канти эта великолѣпная обстановка какъ будто не существовала. Онъ ничего больше не видѣлъ и не слышалъ. Королевскій престолъ утратилъ для него всякую привлекательность. Роскошь и великолѣпіе тор-

жественной процессіи, въ которой онъ участвовалъ въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица, являлись теперь для него какъ бы упрекомъ. Онъ мучился жесточайшими угрызениями совѣсти и говорилъ: «Ахъ, Господи, какъ бы мнѣ хотѣлось освободиться изъ этого плѣна»!

Мальчикъ съ Мусорнаго двора безсознательно высказалъ теперь то самое желаніе, которымъ томился въ первые дни вынужденнаго своего величія.

Блестящая процессія тянулась, словно лучезарная, нескончаемо длинная змѣя по извилистымъ улицамъ стариннаго лондонскаго Сити, между двумя рядами гвардейцевъ, они, въ полированныхъ стальныхъ латахъ, сдерживали многотысячныя толпы народа, который встрѣчалъ и провожалъ короля громкими привѣтственными возгласами. Его величество ѣхалъ, однако, грустно опустивъ голову и нисколько не интересуясь тѣмъ, что происходило вокругъ. Онъ видѣлъ все время передъ собою единственно лишь обиженное до глубины души выраженіе лица своей матери. «Просимъ твоихъ милостей, государь!» кричала вокругъ него толпа, но онъ даже и не слышалъ этихъ возгласовъ.

«Многая лѣта королю Эдуарду англійскому!» Земля какъ будто задрожала отъ этого громоваго возгласа, но король ничего на него не отвѣтилъ. Возгласъ этотъ донесся до его сознанія, словно рокотъ морского прибоя, который слышится откуда-то издалека. Его покрывалъ собою громкій голосъ, раздававшійся несравненно ближе, а именно въ его собственной груди. Это былъ обвинявшій его голосъ совѣсти, который неустанно повторялъ постыдныя слова: «Я тебя не знаю, женщина!» Слова эти также болѣзненно отзывались въ душѣ короля, какъ звонъ погребальнаго колокола, когда онъ напоминаетъ оставшемуся въ живыхъ тайныя его грѣхи противъ умершаго друга.

На каждомъ перекресткѣ представлялись новыя чудеса декоративнаго искусства,—новыя диковинки по части аллегорическихъ картинъ и сюрризовъ. Артиллерія стрѣляла залпами, народъ выражалъ вѣрноподданническія свои чувства восторженными возгласами, но король оставался ко всему этому безучастнымъ и слышалъ сколько-нибудь явственнымъ образомъ единственно только голосъ обвинявшей его совѣсти.

Мало-по-малу радость на лицахъ вѣрноподданныхъ слегка отуманилась какъ будто примѣсью соболѣзнованія и опасенія. Привѣтственные возгласы начали тоже ослабѣвать. Все это не укрылось отъ вниманія лорда-протектора, мгновенно усмотрѣвшаго также и причину столь прискорбнаго явленія. Пришпоривъ коня, онъ подѣхалъ къ королю, снялъ съ себя шляпу и съ низкимъ поклономъ сказалъ:

— Государь, теперь не время мечтать. Народъ, видя, что ты опустил голову, замѣчаетъ, что лицо твое омрачилось и усматриваетъ во всемъ этомъ дурное предзнаменованіе. Совѣтую тебѣ снять завѣсу съ солнца царственнаго твоего величія. Пусть оно выглянетъ изъ омрачающаго его тумана и разсѣетъ таковой. Подними августѣйшее твое чело и улыбнись народу.

Съ этими словами герцогъ, бросивъ по горсти новенькихъ монетъ въ толпу, тѣснившуюся по обѣ стороны улицы, придержалъ коня и занялъ опять свое мѣсто въ процессіи. Мальчикъ, игравшій роль короля, машинально выполнилъ отданное ему приказаніе. Улыбка его исходила не отъ сердца, но немногіе лишь находились вблизи и обладали должной проницательностью для того, чтобы это примѣтить. Отвѣчая на привѣтствія вѣрноподданныхъ, онъ ласково и граціозно кивалъ хорошенькой своей головою, увѣнчанной страусовыми перьями. Милости, которыя разсыпала его рука, оказывались царственно-щедрыми. Немудрено, если тревожныя опасенія, возникшія было у вѣрноподданныхъ, улеглись и привѣтственные возгласы толпы стали раздаваться также искренно и громко, какъ и передъ тѣмъ.

Тѣмъ не менѣе, еще разъ незадолго до прибытія въ Вестминстерское аббатство герцогу пришлось подъѣхать опять къ королю и обратиться къ нему съ увѣщаніями. Онъ прошепталъ:

— Могущественный государь, стряхни съ себя роковую твою задумчивость. Вспомни, что всѣ глаза устремлены на тебя!

Затѣмъ, онъ присовокупилъ съ выраженіемъ величайшаго неудовольствія:

— Чтобъ этой грязной нищенкѣ провалиться въ преисподнюю! Вѣдь это она такъ взволновала ваше величество.

Король въ царственномъ своемъ убранствѣ устремилъ на герцога какой-то апатичный взглядъ и объяснилъ словно помертвѣвшимъ голосомъ:

— Это была моя мать!

— Боже мой, — проговорилъ со стономъ протекторъ, сдерживая коня, чтобы снова занять свое мѣсто въ процессіи. — Дѣйствительно, это было вѣщее предзнаменованіе. Король опять помѣшался!

ГЛАВА XXXII.

День коронованія.

Заставимъ время вернуться на нѣсколько часовъ вспять и явимся сами въ Вестминстерское аббатство ровно въ четыре часа утра, въ достопамятный день коронованія. Мы тамъ не одни, такъ какъ, несмотря на позднюю ночь, освѣщенные факелами хоры,

постепенно наполняются уже людьми, которые знаютъ, что имъ придется сидѣть тамъ и ждать часовъ семь или восемь, но охотно соглашаются вынести эту маленькую неприятность, чтобы присутствовать при такомъ выдающемся событіи, какъ коронованіе короля, которое рѣдко кому доводится видѣть два раза въ жизни. Да, Лондонъ и Вестминстеръ бодрствовали съ трехъ часовъ утра, когда раздались выстрѣлы сигнальныхъ пушекъ. Толпы богачей, не обладавшихъ знатными титулами, но купившихъ себѣ за большіе деньги льготу разыскать для себя удобное мѣстечко на хорахъ, если таковое тамъ найдется, тѣснились уже у предназначенныхъ для нихъ входовъ.

Часы тянулись съ самой томительной медленностью. Хоры и галереи были давнымъ давно уже переполнены зрителями, которые въ этой тѣсотѣ не могли даже и пошевелиться. Пользуясь этимъ, мы можемъ безпрепятственно и на досугъ заняться своими наблюдениями и размышленіями. Сквозь полумракъ средневѣковаго собора мы видимъ тамъ и сямъ участки галерей и балконовъ, переполненныхъ народомъ, тогда какъ другіе ихъ участки скрываются отъ нашихъ взоровъ за капителями колоннъ и различными архитектурными украшеніями. Зато прямо передъ нами раскидывается весь большой сѣверный придѣлъ, предназначенный для англійской знати и пока еще пустой. Мы видимъ также обширную эстраду, или тронную платформу, устланную коврами и драпированную парчей. Тронъ занимаетъ середину этой платформы и стоитъ не прямо на ней, а на небольшой терассѣ, на которую ведутъ съ эстрады четыре ступеньки. Въ сидѣнье трона вдѣлана грубая плоская каменная глыба, такъ называемый Скэпскій камень, на который садилось столько уже поколѣній шотландскихъ королей при коронованіи, что онъ съ теченіемъ времени сдѣлался пригоднымъ, дабы служить для той же цѣли и англійскимъ монархамъ. Какъ тронъ, такъ и скамеечка у его ногъ обиты золотымъ штофомъ и парчей.

Среди глубокой тишины тускло мерцаютъ факелы. Время тянется до чрезвычайности медленно. Но вотъ, наконецъ, въ огни собора закрадывается постепенно дневной свѣтъ. Факелы угасаютъ и нѣжное сіяніе дня разливается по всему собору. Всѣ подробности этого великолѣпнаго зданія можно теперь уже различить, но очертанія ихъ кажутся смягченными и словно призрачными, такъ какъ солнце скрывается еще подъ легкой дымкой облаковъ.

Въ семь часовъ утра скучное однообразіе этого ожиданія впервые нарушается. Ровно въ семь часовъ входитъ въ придѣлъ первая представительница англійской знати, разодѣтая, словно Соломонъ во всей славѣ его. Ее ведетъ на предназначенное мѣсто должностное лицо, облеченное въ атласъ и бархатъ. Другое такое

же должностное лицо подбираетъ длинный шлейфъ у знатной лэди, несетъ его за нею и, когда она садится на мѣсто, укладываетъ этотъ шлейфъ у ней на колѣнахъ. Затѣмъ онъ устанавливаетъ скамеечку для ногъ почтенной лэди сообразно съ ея указаніями и кладетъ перскую ея корону на такое мѣсто, откуда знатная лэди удобно можетъ ее достать, когда наступитъ для всей аристократіи моментъ возложить короны себѣ на головы.

Тѣмъ временемъ знатныя дамы прибываютъ одна за другой въ придѣлъ. Онѣ производятъ впечатлѣніе потока сверкающаго драгоценностями, а должностныя лица въ атласныхъ кафтанахъ непрерывно снуютъ по всему придѣлу, усаживая дамъ и заботясь объ ихъ удобствахъ. Зрѣлище становится теперь довольно оживленнымъ. Нельзя пожаловаться на недостатокъ жизни, движенія и разнообразія красокъ. По прошествіи нѣкотораго времени водворяется опять спокойствіе. Знатныя дамы всѣ на лицо и на своихъ мѣстахъ. Мы имѣемъ передъ собою занимающій чуть не полдесятины человѣческій цвѣтникъ, который пестрѣетъ самыми разнообразными цвѣтами и сіяетъ брилліантами, словно млечный путь. Тутъ представительницы всѣхъ возрастовъ, въ томъ числѣ и желтолицыя, морщинистыя сѣдыя старухи, которыя, поднимаясь противъ теченія времени, явственнo помнятъ коронаваніе Ричарда III и кровопролитныя смуты тогдашней эпохи. Рядомъ съ ними сидятъ красивыя еще дамы среднихъ лѣтъ, прелестныя и граціозныя молодыя замужнія женщины и очаровательныя молоденькія дѣвушки со свѣженькими личиками и сверкающими глазками. Эти молоденькія дѣвушки, пожалуй, не сумѣютъ съ надлежащей ловкостью возложить себѣ на головы короны, осыпанныя драгоценными каменьями. Дѣло это для нихъ еще непривычное, а потому онѣ могутъ взволноваться и придти въ замѣшательство. Впрочемъ, противъ этого приняты всяческія мѣры предосторожности. Волосы причесаны у всѣхъ дамъ и дѣвицъ такъ, чтобы содѣйствовать быстрому и успѣшному помѣщенію короны на головѣ, какъ только отданъ будетъ къ этому сигналъ.

Мы уже видѣли, что весь сплошной цвѣтникъ представительницъ англійской знати усыпанъ брилліантами и представляетъ великолѣпное зрѣлище. Онъ готовитъ намъ тѣмъ не менѣе еще болѣе дивную неожиданность. Часовъ въ девять тучи внезапно расходятся, и цѣлый снопъ яркихъ солнечныхъ лучей, пронизывая насквозь весь соборъ, достигаетъ до сѣвернаго придѣла, гдѣ помѣщаются стройными рядами знатныя дамы. Каждый рядъ, до котораго коснется солнечный лучъ, мгновенно вспыхиваетъ ослѣпительнымъ великолѣпіемъ разноцвѣтныхъ огней. У насъ пробѣгаетъ по всѣму тѣлу словно электрическое сотрясеніе, до того мы изумлены неожиданной красотой этого зрѣлища. Но вотъ проходитъ

сквозь полосу солнечнаго свѣта чрезвычайный посолъ какого-то восточнаго державца, вмѣстѣ съ прочими членами дипломатическаго корпуса. У насъ захватываетъ дыханіе при видѣ того, какъ онъ сіяетъ и сверкаетъ обворожительно дивною игрою ослѣпительно яркихъ лучей. Онъ весь осыпанъ съ ногъ до головы драгоцѣнными камнями, и каждое, самое легкое его движеніе разсыпаетъ всюду кругомъ цѣлыя волны лучезарныхъ переливовъ свѣта.

Позволимъ себѣ немножко отдохнуть отъ этихъ впечатлѣній. Время идетъ своимъ чередомъ. Пробило уже часъ, два часа и, наконецъ, половина третьяго. Тогда глухіе раскаты артиллерійскихъ орудій сообщаютъ о прибытіи короля съ торжественной его процессіей въ Вестминстерское аббатство. Томившійся ожиданіемъ людъ радуется отъ всего сердца. Всѣ знаютъ, что будетъ еще маленькая задержка, такъ какъ королю надо подготовиться и одѣться для торжественной церемоніи, но этотъ промежутокъ времени можно употребить съ пользою и удовольствіемъ на то, чтобы полюбоваться парами королевства, собирающимися въ парадныхъ своихъ облаченіяхъ въ предназначенныя для нихъ мѣста. Ихъ торжественно тамъ усаживаютъ, укладывая возлѣ каждого его корону, такъ чтобы еѣ удобно было достать рукой. Тѣмъ временемъ народъ, толпящійся на хорахъ и въ галереяхъ, глядитъ на нихъ съ величайшимъ интересомъ. Большинству впервые лишь удастся видѣть герцоговъ, графовъ и бароновъ, фамиліи которыхъ въ продолженіе пятисотъ уже лѣтъ служатъ украшеніемъ англійской исторіи. Когда, наконецъ, всѣ пары уселись, они представили собою для публики, глядѣвшей съ хоръ галерей и балконовъ, великолѣпное зрѣлище, стоявшее, чтобы на него посмотреть и сохранить его въ своей памяти.

Но вотъ двинулись на эстраду высшіе церковные сановники въ ризахъ и митрахъ. Они со своимъ причтомъ заняли тамъ назначенныя для нихъ мѣста. Занимались прослѣдовали: лордъ-протекторъ и другіе высшіе государственные сановники. На эстрадѣ расположился также отрядъ гвардейцевъ въ блестящихъ стальныхъ броняхъ.

Послѣ того наступила пауза, полная ожиданія. Затѣмъ, по сигналу, раздался подъ сводами собора привѣтственный гимнъ, исполненный органомъ съ участіемъ оркестра музыки. Томъ Канти, въ длинномъ кафтанѣ изъ золотой парчи, появился въ дверяхъ и взошелъ на эстраду. Всѣ присутствовавшіе встали и начался церемоніаль торжественнаго признанія Тома англійскимъ королемъ.

Величественный гимнъ наполнилъ все аббатство мощными волнами музыкальныхъ своихъ звуковъ. Среди торжественныхъ

привѣтствій Тома Канти возвели на престолъ. Традиціонный церемоніаль коронованія шелъ своимъ чередомъ съ внушительной торжественностью на глазахъ у всѣхъ присутствующихъ. По мѣрѣ того, какъ церемоніаль этотъ близился къ окончанію, Томъ Канти становился все блѣднѣе. Глубокое горе и отчаяніе, все болѣе обостраясь, охватывали своими когтями его умъ и сердце, измученные угрызеніями совѣсти.

Коронованіе подходило уже къ концу. Архіепископъ Кентербѣрійскій, поднявъ съ подушки англійскую корону, держалъ уже ее надъ головою дрожавшаго мальчика, сознававшего себя въ данную минуту самозванцемъ. Въ тотъ же мигъ съвозъ обширный сѣверный придѣлъ сверкнула какъ будто радуга, такъ какъ по данному сигналу каждый изъ представителей и представительницъ знати поднималъ свою корону, вознесъ ее надъ своей головою и остановился въ выжидательномъ положеніи.

Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ водворилась глубокая тишина. Въ это внушительное мгновеніе случилось нѣчто совершенно необычайное, поразившее всѣхъ своею странностью. На сценѣ появилось новое дѣйствующее лицо, которое не было замѣчено никѣмъ до тѣхъ поръ, пока оно не очутилось въ большомъ главномъ придѣлѣ неподалеку отъ эстрады. Это былъ мальчикъ, съ обнаженной головой, въ рваныхъ башмакахъ и грубой плебейской одеждѣ, успѣвшей уже обратиться въ лохмотья. Поднявъ руку съ торжественностью, казалось, вовсе неподобающей такому грязному оборванцу, онъ воскликнулъ тономъ предостереженія:

— Запрещаю возлагать англійскую корону на эту преступную голову. Я король!

Въ тотъ же мигъ мальчикъ былъ схваченъ нѣсколькими негодующими руками, но въ это время Томъ Канти въ парадномъ королевскомъ своемъ облаченіи быстро шагнулъ впередъ и воскликнулъ звучнымъ голосомъ:

— Оставьте его и не смѣйте къ нему прикасаться: онъ король!

Всѣхъ присутствовавшихъ охватило отъ изумленія нѣчто вроде паники. Многіе встали со своихъ мѣстъ и, вытаращивъ глаза, съ недоумѣніемъ глядѣли другъ на друга и на главныхъ дѣйствующихъ лицъ, словно спрашивая самихъ себя: дѣйствительно ли они бодрствуютъ въ полномъ сознаніи, или же сдѣлались жертвою сонной грезы? Лордъ-протекторъ былъ въ такой же степени изумленъ, какъ и всѣ остальные, но, быстро оправившись, воскликнулъ авторитетнымъ тономъ:

— Не обращайтесь вниманія на его величество. У короля снова припадокъ болѣзни. Схватите бродягу!

Приказаніе это было бы, безъ сомнѣнія, исполнено, если бы лже-король не топнулъ ногою и не воскликнулъ:

— Посмѣйте только это сдѣлать! Не дерзайте до него касаться, такъ какъ онъ король!

Ни одна рука не шелохнулась. Всѣ присутствовавшіе были словно парализованы. Никто не трогался съ мѣста и не рѣшался что-либо сказать. Дѣйствительно, никто не зналъ, что именно слѣдовало дѣлать, или же говорить при такомъ изумительномъ и странномъ случаѣ. Пока всѣ терзались недоумѣніемъ, тщетно пытаясь отыскать какой-нибудь исходъ, мальчикъ-оборванецъ продолжалъ съ величавой самоувѣренностью идти впередъ. Вообще онъ съ перваго мгновенія шелъ не останавливаясь и, пока англійскіе пэры и государственные сановники все еще пребывали въ томительной нерѣшимости, онъ поднялся уже на эстраду. Лжекороль съ радостнымъ лицомъ побѣждалъ къ нему навстрѣчу, сталъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ:

— О, милордъ-король, дозвожь бѣднягѣ Тому Канти принести тебѣ прежде всѣхъ присягу въ вѣрности и сказать: возложи на себя корону и вступи въ отправленіе царственныхъ твоихъ обязанностей!

Глаза лорда-протектора съ суровою строгостью взглянули на новоприбывшаго, но это суровое выраженіе мгновенно исчезло, уступивъ мѣсто величайшему изумленію. То же самое случилось со всѣми прочими высшими государственными сановниками. Они переглянулись другъ съ другомъ и, словно подчиняясь общему безсознательному импульсу, отодвинулись на нѣсколько шаговъ. Каждый изъ нихъ думалъ въ это время: какое необычайное сходство!

Лордъ-протекторъ погрузился на минуту въ глубокую думу, а затѣмъ, обращаясь съ серьезной почтительностью къ оборванцу, сказалъ:

— Съ вашего позволенія, сударь, я желалъ бы разспросить васъ кое о чемъ...

— Я готовъ отвѣтить на ваши вопросы, милордъ!

Герцогъ обратился къ мальчику въ лохмотьяхъ съ нѣсколькими вопросами относительно покойнаго короля, принца, принцессы и королевскаго двора. Мальчикъ отвѣтилъ на всѣ эти вопросы совершенно правильно и безъ всякихъ колебаній. Онъ описалъ всѣ дворцовыя парадныя залы въ апартаментахъ покойнаго короля и принца Уэльскаго.

Все это являлось страннымъ, изумительнымъ и совершенно непонятнымъ. Таково было мнѣніе всѣхъ, кто его слышалъ. Теченіе начало, повидимому, направляться въ другое русло, и Томъ Канти проникся основательными надеждами на скорое освобожденіе изъ царственной своей неволи, когда лордъ-протекторъ, покачивая головой, возразилъ:

— Все это и впрямь удивительно, но то же самое могъ бы вѣдь намъ разсказать и милордъ-король.

Томъ Канти, слыша, что его всетаки называютъ королемъ, очень огорчился этимъ замѣчаніемъ и почувствовалъ, что его надежды рассыпаются прахомъ.

— Нѣтъ, все это еще недоказательства, — добавилъ протекторъ.

Течение измѣнялось быстро и даже очень быстро, но оно шло теперь въ ложномъ направленіи, оставляя несчастнаго Тома Канти бѣдствовать на тронѣ и унося настоящаго короля въ бездну гибели. Посовѣтовавшись съ самимъ собою, лордъ-протекторъ задумчиво покачалъ головой. Онъ разсуждалъ: «Для государства и насъ всѣхъ опасно оставаться долѣе лицомъ къ лицу съ этой загадкой. Она можетъ вызвать раздоры и междоусобія въ народѣ и такимъ образомъ подорвать авторитетъ престола». Поспѣшно обернувшись, онъ воскликнулъ: «Сэръ Томасъ, арестуй этого!.. Впрочемъ, погоди»... Лицо протектора озарилось самодовольной улыбкой, и онъ задалъ оборванцу, именовавшему себя королемъ, слѣдующій вопросъ:

— Гдѣ большая государственная печать? Если ты отвѣтишь на это удовлетворительно, то загадка будетъ разрѣшена, такъ какъ отвѣтить на это надлежащимъ образомъ можетъ только бывший принцъ Уэльскій. Подумаешь, отъ какихъ мелочей зависитъ иной разъ будущность престола и династіи!

Это была счастливая, дѣльная мысль. О томъ, что ее считали таковой всѣ высшіе государственные чины, свидѣтельствовало молчаливое одобреніе, съ какимъ они переглядывались другъ съ другомъ. Да, только настоящій принцъ могъ разъяснить изумительную тайну исчезновенія большой государственной печати. Этотъ несчастный маленькій обманщикъ хорошо выучилъ свой урокъ, но всетаки попадется теперь впросакъ. Даже и самъ его учитель не смогъ бы отвѣтить на вопросъ, заданный лордомъ-протекторомъ. Какъ хорошо, что герцогу пришла въ голову такая мудрая мысль! По крайней мѣрѣ, теперь будутъ устранены всѣ недоразумѣнія, несомнѣнно грозившія государству серьезной опасностью. Обмѣнявшись едва замѣтными кивками головы и внутренне улыбаясь отъ удовольствія, вельможи съ увѣренностью ожидали, что маленькій оборванецъ смутится и задрожитъ отъ страха и сознанія своей вины. Къ величайшему ихъ изумленію ничего подобнаго не случилось. Напротивъ того мальчикъ отвѣтилъ совершенно спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ:

— Въ этой загадкѣ я не усматриваю ничего труднаго.

Затѣмъ, не спрашивая ни у кого разрѣшенія, онъ обернулся и съ непринужденнымъ видомъ чловѣка, привыкшаго повелѣвать, отдалъ слѣдующее приказаніе:

— Милордъ Сентъ Джонъ! Сходите въ мой собственный кабинетъ во дворцѣ, гдѣ вы частенько бывали. Тамъ, возлѣ самага пола, въ лѣвомъ углу, наиболѣе отдаленномъ отъ дверей въ прихожую, вы найдете въ стѣнѣ гвоздикъ съ мѣдною шляпкой. Нажмите на шляпку, и тогда раскроется маленькій шкапчикъ для храненія драгоценностей. О существованіи этого шкапчика вы до сихъ поръ не знали, такъ какъ о немъ извѣстно было только мнѣ да столяру, который для меня его сдѣлалъ. Первое, что броситься вамъ тамъ въ глаза, это большая государственная печать. Принесите ее сюда!

Слова эти привели всѣхъ присутствовавшихъ въ изумленіе, которое усилилось еще болѣе, когда маленький оборванецъ безъ всякаго колебанія, или же опасенія сдѣлалъ промахъ, выбралъ именно этого пара съ такой благодушной увѣренностью, какъ еслибъ зналъ его съ самага своего дѣтства. Означенный паръ въ свою очередь до того удивился, что чуть было не бросился со всѣхъ ногъ выполнять отданное ему приказаніе. Онъ, впрочемъ, не замедлил одуматься и снова устылся какъ ни въ чемъ не бывало на мѣстѣ, покраснѣвъ до ушей въ знакъ того, что сознается въ сдѣланномъ было промахѣ. Въ то же мгновеніе, однако, Томъ Канти обернулся къ нему и рѣзкимъ тономъ спросилъ:

— Какъ смѣешь ты колебаться? Развѣ ты не слышалъ приказанія короля? Сейчасъ же изволь идти, куда тебя посылаютъ!

Лордъ Сентъ Джонъ отвѣсилъ глубокій поклонъ. Присутствовавшіе замѣтили, что этотъ поклонъ былъ многозначительно осторожнымъ и некомпрометирующимъ, такъ какъ не обращался ни къ одному изъ королей. Сентъ Джонъ отвѣсилъ его какъ разъ по линіи, проходившей между обоими кандидатами на королевскій престолъ и удалился.

Въ блестящихъ элементахъ оффиціальной группы государственныхъ сановниковъ началось движеніе, медленное и едва замѣтное, но тѣмъ не менѣе стойкое и непрерывное, сходное съ тѣмъ, что наблюдается въ калейдоскопѣ, когда ему сообщаютъ медленное вращеніе. Составныя частицы блистательной фигуры постепенно отпадаютъ и, примыкая другъ къ другу, образуютъ другую блистательную фигуру. Подобное же почти неуловимое движеніе мало-по-малу разсыяло блестящую нарядную толпу, окружавшую Тома Канти и заставило ее собраться снова вокругъ мальчика-оборванца. Томъ Канти остался почти въ совершенномъ одиночествѣ. Наступилъ кѣткій промежутокъ томительнаго ожиданія. Тѣмъ временемъ даже немногіе робкіе духомъ царедворцы, все еще остававшіеся возлѣ Тома Канти, постепенно прониклись достаточнымъ мужествомъ для того, чтобы одинъ за другимъ ускользнуть изъ его сосѣдства и присоединиться къ большинству.

Подъ конецъ Томъ Канти, въ королевскомъ своемъ одѣяніи, осыпанномъ драгоценностями, остался одинъ, какъ перстъ. Вокругъ него образовалось на эстрадѣ обширное пустое мѣсто, благодаря которому его граціозная изящная фигура выдѣлялась тѣмъ явственнѣе.

Тѣмъ временемъ лордъ Сентъ Джонъ уже возвращался. Когда онъ дошелъ до средняго придѣла, всѣ были до того заинтересованы отвѣтомъ, который онъ принесетъ, что разговоръ, завязавшійся было передъ тѣмъ вполголоса, замолкъ и смѣнился глубокою тишиной, въ которой явственно слышались шаги лорда по мраморнымъ плитамъ. Всѣ взоры были устремлены на него. Изойдя на эстраду, благородный лордъ на мгновеніе остановился, а затѣмъ подошелъ съ глубокимъ поклономъ къ Тому Канти и сказалъ:

— Государь, печати тамъ нѣтъ!

Если на улицѣ неожиданно окажется больной чумою, то уличная чернь бросится отъ него бѣжать сломя голову. Толпа поблѣднѣвшихъ испуганныхъ придворныхъ еще послѣшнѣе отшатнулась теперь отъ маленькаго оборванца, имѣвшаго дерзость предъявлять притязанія на англійскую корону. Въ одно мгновеніе онъ оказался одинъ безъ друзей и сторонниковъ и обратился въ мишень, которую начали обстрѣливать сосредоточеннымъ огнемъ презрительныхъ гнѣвныхъ взоровъ. Лордъ-протекторъ сердито воскликнулъ:—Вышвырните этого мальчишку на улицу. Пусть его проведутъ по городу, наказывая розгами на всѣхъ перекресткахъ. Этотъ маленький негодяй не заслуживаетъ, чтобъ на него обращали болѣе вниманія.

Нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ бросились исполнять эти приказанія, но Томъ Канти жестомъ руки остановилъ ихъ и сказалъ:

— Назадъ! Тотъ, кто посмѣетъ до него коснуться, подвергаетъ свою жизнь опасности!

Лордъ-протекторъ былъ въ величайшемъ недоумѣніи. Обращаясь къ Сентъ Джону, онъ спросилъ:

— Хорошо ли вы искали? Впрочемъ, извините, развѣ можно было бы въ этомъ сомнѣваться. Тѣмъ не менѣе все это кажется мнѣ очень страннымъ. Какія-нибудь маленькія вещицы ускользаютъ иной разъ отъ нашего вниманія, и это никого не удивляетъ, но какимъ образомъ могла исчезнуть такая громоздкая вещь, какъ большая англійская государственная печать? Ужъ кажется, она не могла затеряться. Это вѣдь массивный толстый золотой вружокъ...

Глаза у Тома Канти засверкали. Онъ подскочилъ къ лорду-протектору и вскричалъ:

— Молчи, довольно... Она вѣдь была круглая, толстая? На ней были вырѣзаны буквы и разныя фигуры?

— Да.

— Ну, теперь я знаю, что за штука большая государственная печать, изъ-за которой тутъ вышла такая страшная передрыга. Еслибъ вы описали мнѣ ее какъ слѣдуетъ, то могли бы разыскать ее уже три недѣли тому назадъ. Мнѣ какъ нельзя лучше извѣстно, гдѣ она теперь, но не я положилъ ее туда въ первый разъ.

— Кто же сдѣлалъ это, государь?—освѣдомился лордъ-протекторъ.

— Вотъ этотъ мальчикъ, что стоитъ здѣсь, законный англійскій король. Онъ объяснить вамъ самъ, куда положилъ печать, и тогда вы должны будете ему повѣрить. Подумай хорошенько, государь, постарайся припомнить, куда ты ее положилъ! Это было послѣднее, самое послѣднее, что ты сдѣлалъ передъ тѣмъ, какъ выбѣжалъ изъ дворца, одѣтый въ мои лохмотья. Ты вѣдь хотѣлъ еще наказать оскорбившаго меня солдата!

Водворилось молчаніе, въ продолженіе котораго никто не рѣшался не только шепнуть, но даже и шелохнуться. Всѣ взоры были устремлены на мальчика въ лохмотьяхъ, который стоялъ, опустивъ голову и нахмутивъ брови. Очевидно, онъ пытался разыскать въ своей памяти, среди множества ничтожныхъ фактовъ, одинъ, столь же ничтожный самъ по себѣ фактъ, который пріобрѣталъ теперь для него такое важное рѣшающее значеніе. Если удастся вспомнить этотъ фактъ, онъ будетъ признанъ всѣми королемъ, а въ противномъ случаѣ останется безправнымъ мальчишкой-оборванцемъ, котораго въ государственныхъ англійскихъ интересахъ необходимо будетъ устранить. Мгновенье происходило за мгновеньемъ, изъ секундъ слагались минуты, а мальчикъ все еще пытался припомнить. Попытки его, очевидно, не увѣнчались успѣхомъ. Подъ конецъ онъ вздохнулъ, тихонько покачалъ головою и сказалъ съ отчаяніемъ въ голосъ и дрожавшими отъ волненія губами:

— Я, кажется, припоминаю рѣшительно все, какъ было, но государственная печать тутъ положительно не при чемъ.

Онъ замолчалъ, а затѣмъ, окинувъ присутствовавшихъ взглядомъ, сказалъ съ кротостью и достоинствомъ:

— Милорды и джентльмены, если вамъ угодно лишить законнаго своего государя престола за непредставленіемъ имъ требуемаго доказательства, я не въ силахъ этому помѣшать, но...

— Вздоръ, государь, все это глупости! — вскричалъ Томъ Канти, объятый паническимъ страхомъ. — Обождите еще и подумайте хорошенько. Не отчаивайтесь, дѣло ваше не проиграно, да и не можетъ быть проиграно ни въ какомъ случаѣ. Послушайте,

что я вамъ скажу и слѣдите за каждымъ моимъ словомъ. Я на-
помню вамъ все тогдашнее утро въ строгомъ порядкѣ и послѣдо-
вательности. Мы съ вами бесѣдовали. Я говорилъ про моихъ се-
стеръ, Аню и Лизу. Вижу, что вы это вспоминаете. Потомъ я сталъ
разсказывать про старуху бабушку и грубыя игры мальчиковъ
съ Мусорнаго двора. Вы это тоже помните. Ну, и прекрасно. Про-
должайте меня слушать, и вы, безъ сомнѣнія, припомните все
остальное.

По мѣрѣ того, какъ Томъ входилъ въ обстоятельныя подро-
бности, а мальчикъ въ лохмотьяхъ кивалъ головою въ знакъ того,
что припоминаетъ ихъ себѣ, всѣ присутствовавшіе, не исключая
и высшихъ государственныхъ сановниковъ, цѣпенѣли отъ удив-
ленія. Разсказъ представлялся до чрезвычайности правдоподоб-
нымъ. Всѣ спрашивали себя, однако, какимъ образомъ могло слу-
читься такое невозможное сочетаніе поразительнаго сходства
чежду принцемъ и нищенкой-мальчикомъ. Всѣ слушали съ вели-
чайшимъ вниманіемъ, въ которомъ недоумѣніе соединялось съ са-
мымъ оживленнымъ интересомъ.

— Вспомните, государь, что мы ради шутки помѣнялись одеж-
дой. Мы стояли передъ зеркаломъ и оказывались до того похо-
жими другъ на друга, что мы оба нашли, будто отъ переодѣванья
никакой перемѣны не воспослѣдовало. Вспомните, что это были
ваши собственные слова. Вы изволили замѣтить тогда, что сол-
датъ слегка повредилъ мнѣ руку. Вотъ слѣды этого ушиба. Я до
сихъ поръ еще не могу писать этой рукой, такъ какъ пальцы на
ней плохо двигаются. Ваше величество поклялись отмстить сол-
дату за такое грубое обращеніе съ вашимъ подданнымъ, всео-
чили и побѣжали къ дверямъ. Пробѣгая мимо стола, вы увидѣли
лежавшій на немъ предметъ, ту самую печать, о которой идетъ
рѣчь, схватили ее и принялись осматриваться кругомъ, какъ бы
отыскивая мѣсто, гдѣ ее лучше спрятать. Вашъ взоръ остановился
на...

— Вѣрно! Теперь я вспомнилъ все, слава Богу!—воскликнулъ
взволнованнымъ голосомъ мальчикъ-оборванецъ. — Сходи опять
въ кабинетъ, добрыйшій мой Сентъ Джонъ. Тамъ въ рукавицѣ
миланской брони, которая виситъ на стѣнѣ, ты найдешь госу-
дарственную печать.

— Совершенно справедливо, государь. Память, какъ вижу,
тебѣ не измѣнила! — воскликнулъ Томъ Канти. — Теперь англій-
скій скипетръ твой и тому, кто вздумалъ бы у тебя его оспари-
вать, лучше было бы родиться нѣмымъ. Спѣшите скорѣе, милордъ
Сентъ Джонъ, мчитесь, какъ если бы у васъ на ногахъ выросли
крылья!

Всѣ присутствовавшіе повскакали съ мѣстъ и казались словно

обезумѣвшими отъ волненія, томительныхъ ожиданій и тревожныхъ опасеній. На эстрадѣ и въ самомъ соборѣ раздавался оглушительный гулъ безсвязныхъ разговоровъ. Въ продолженіе нѣкотораго времени въ немъ положительно нельзя было разобратъся. Каждый кричалъ своему сосѣду на ухо, чтобы подѣлиться съ нимъ впечатлѣніями, или же самъ подвергался означенной операци. Неизвѣстно, сколько именно времени при этомъ прошло, но не подлежало сомнѣнію, что оно промелькнуло совершенно незамѣтно. Внезапно, однако, установилась въ соборѣ мертвая тишина. Въ то же самое мгновеніе Сентъ Джонъ появился на эстрадѣ, высоко держа въ рукѣ большую государственную печать. Тогда раздался оглушительный возгласъ: «Да здравствуетъ законный нашъ король! Многая ему лѣта!»

Въ продолженіе цѣлыхъ пяти минутъ воздухъ дрожалъ отъ восклицаній и восторженныхъ звуковъ оркестра, игравшаго вмѣстѣ съ органомъ многая лѣта. Весь соборъ казался переполненнымъ носовыми платками, которыми махали растроганныя дамы и дѣвицы. Среди этой бури вѣрнопопудническаго восторга мальчикъ въ лохмотьяхъ, являвшійся теперь самымъ важнымъ лицомъ во всей Англіи, стоялъ, раскраснѣвшійся отъ волненія, счастья и гордости посреди обширной эстрады, и всѣ великіе вассалы королевства преклоняли предъ нимъ колѣни. Когда наконецъ они встали, Томъ Канти воскликнулъ:

— Теперь, о, король, возьми себѣ твои царственные одежды и верни покорному твоему слугѣ, Тому, прежнее его драное платье.

Лордъ-протекторъ отдалъ приказаніе:

— Сейчасъ же раздѣть этого нищенку и посадить его въ Тоуеръ!

Новый законный король на это, однако, не согласился и объявилъ:—Нѣтъ, я этого не потерплю. Безъ него я не получилъ бы своей короны. Не смѣйте его трогать и дѣлать ему какое-либо зло! Что касается до тебя, любезный дядюшка, милордъ-протекторъ, то своимъ поведеніемъ относительно этого мальчика ты не выказываешь къ нему благодарности, а между тѣмъ, по дошедшимъ до меня слухамъ, онъ возвелъ тебя въ герцоги (при этихъ словахъ протекторъ покраснѣлъ), впрочемъ, онъ вѣдь не былъ настоящимъ королемъ, а потому, позволительно спросить: какую именно цѣнность представляетъ теперь твой громкій титулъ? Изволь подать мнѣ завтра черезъ этого мальчика просьбу объ утвержденіи сдѣланнаго имъ пожалованія; въ противномъ случаѣ ты останешься не герцогомъ, а простымъ графомъ.

Получивъ этотъ выговоръ, свѣтлѣйшій герцогъ Коммерсетъ счелъ умѣстнымъ временно ступеваться изъ переднихъ рядовъ. Обратившись тогда къ Тому, король ласково спросилъ:

— Скажи мнѣ, любезный мальчикъ, какъ тебѣ удалось запомнить, куда именно я спряталъ печать, между тѣмъ какъ мнѣ самому не удавалось воскресить этого въ своей памяти?

— Ахъ, государи! Мнѣ было это не трудно! Я вѣдь частенько ею пользовался!

— Какъ же ты ею пользовался, когда не могъ объяснить, гдѣ именно она лежала?

— Я, къ сожалѣнію, не зналъ, что именно она и была имъ нужна. Мнѣ не потрудились описать ее надлежащимъ образомъ, ваше величество.

— Какъ же ты ею пользовался?

Кровь бросилась Тому въ лицо, его щечки покрылись густымъ румянцемъ, онъ потупилъ глаза и ничего не отвѣтилъ.

— Говори же, любезный мальчикъ, не бойся!—ободрялъ король.—На что именно пригодилась тебѣ большая печать англійскаго королевства?

Смущенный до-нельзя Томъ сперва было замаялся, но потомъ сразу выпалилъ:

— Колоть ею орѣхи!

Заявленіе бѣднаго мальчика было встрѣчено гомерическимъ хохотомъ, взрывъ котораго чуть не сшибъ его съ ногъ. Если у кого-нибудь оставалась еще тѣнь сомнѣнія въ невозможности для Канти быть настоящимъ англійскимъ королемъ и обладать всѣми свѣдѣніями, потребными для выполненія августѣйшихъ королевскихъ обязанностей, то она окончательно разсѣялась, благодаря этому отвѣту.

Тѣмъ временемъ роскошный парадный кафтанъ былъ снятъ съ плечей Тома и одѣтъ на короля, лохмотья котораго оказались какъ нельзя лучше прикрытыми золотой парчей. Церемоніалъ коронованія продолжался послѣ того обычнымъ порядкомъ, но уже не надъ Томомъ Канти, а надъ настоящимъ королемъ. Его помазали мѣромъ и возложили ему на голову королевскій вѣнецъ. Громъ пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ объ этомъ всему городу и вѣрноподданической Лондонъ потрясся въ своихъ основаніяхъ отъ дружныхъ привѣтственныхъ возгласовъ:

«Многая лѣта королю Эдуарду!»

ГЛАВА XXXIII.

Эдуардъ на престолѣ.

Внѣшность Мильса Гендона представлялась въ достаточной степени живописной, прежде тѣмъ онъ попалъ въ свалку на Лондонскомъ мосту, но она сдѣлалась еще живописнѣе, когда онъ

высвободился изъ этой свалки. Вѣзжая на мостъ, онъ располагалъ еще маленькою суммою денегъ, но, благополучно выбравшись оттуда, онъ не нашелъ у себя болѣе ни копѣйки: воры очистили его карманы до послѣдняго гроша.

Все это казалось бы ему не особенно важнымъ, если бы удалось только разыскать пропавшаго безъ вѣсти мальчика. Въ качествѣ военного человѣка, Мильсъ не былъ расположенъ вести свои розыски безъ толку, по волѣ случая, и прежде всего занялся составленіемъ плана кампаніи.

«Куда могъ дѣваться мальчикъ и въ какую именно сторону долженъ былъ онъ направить шаги? Естественно, что онъ вернется на прежнее свое логовище,—разсуждалъ самъ съ собою Мильсъ.—видя себя одинокимъ и не зная, куда преклонить голову такъ долженъ будетъ поступить и человѣкъ и звѣрь какъ въ здоровомъ умѣ, такъ и въ состояніи умопомѣшательства. Гдѣ же, спрашивается, надо искать это логовище? Лохмотья, въ которые былъ одѣтъ мальчикъ, равно какъ и личность грубаго негодяя, который, повидимому, его зналъ и называлъ даже своимъ сыномъ, свидѣтельствовали, что это логовище находится въ какомъ-либо изъ самыхъ нищенскихъ лондонскихъ захолустьевъ. Трудно ли разыскать тамъ мальчика и много ли времени придется затратить на его розыски? Нѣтъ! По всѣмъ вѣроятіямъ, это можно будетъ сдѣлать легко и скоро. Въмѣсто того, чтобы искать мальчика, надо будетъ разыскивать толпу уличной черни. Рано или поздно онъ, безъ сомнѣнія, найдетъ маленькаго своего пріятеля, окруженнаго болѣе или менѣе многочисленною толпою. Вся эта сволочь будетъ потѣшаться и дразнить мальчика, который, по обыкновенію, станетъ объявлять себя королемъ. Мильсъ Гендонъ расправится тогда съ негодяями по-свойски, уведетъ съ собою маленькаго бѣднягу, утѣшитъ и развеселитъ его ласковыми рѣчами. Послѣ того онъ никогда уже не будетъ разлучаться съ своимъ мальчикомъ».

Выработавъ себѣ такую программу дѣйствовать, Мильсъ отправился на розыски. Онъ бродилъ по цѣлымъ часамъ въ грязныхъ глухихъ улицахъ и переулкахъ, направляясь всюду, гдѣ замѣчалъ скопленіе черни. При всемъ томъ, ни въ одной такой толпѣ не находилъ онъ даже и слѣдовъ своего мальчика. Это очень изумляло храбраго воина, но онъ всетаки не падалъ духомъ. Планъ кампаніи казался ему попрежнему безусловно вѣрнымъ. Все сводилось къ маленькой ошибкѣ въ расчетахъ. Кампанія затягивалась на гораздо болѣе долгій срокъ, чѣмъ онъ ожидалъ первоначально.

Къ разсвѣту выяснилось, что Мильсъ Гендонъ прошелъ много верстъ и осмотрѣлъ много большихъ и малыхъ скопищъ черни.

Въ результатѣ всего этого онъ чувствовалъ себя порядкомъ уставшимъ и голоднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его изрядно клонило ко сну. Положимъ, что ему очень хотѣлось завтракать, но онъ не усматривалъ къ этому ни малѣйшей возможности. Ему даже и въ голову не приходило просить подаенія. Заложить боевую шпагу было нельзя, такъ какъ онъ считалъ неприличнымъ для себя разстаться съ нею. Мильсъ Гендонъ могъ бы, пожалуй, обойтись безъ верхняго плаща, но эта часть его одѣянія такъ сильно пострадала въ уличной свалкѣ, что не представляла, очевидно, ни малѣйшей денежной цѣнности.

Въ полдень Мильсъ все еще бродилъ по городу, замѣшавшись на этотъ разъ въ толпу, которая шла слѣдомъ за королевской процессіей. Онъ рассчитывалъ, что это торжество должно привлекать съ неудержимою силой сумасшедшаго его мальчика. Такимъ образомъ Мильсъ шелъ слѣдомъ за процессіей по всему Лондону и, наконецъ, добрался до Вестминстерскаго дворца и аббатства. По временамъ онъ сворачивалъ съ дороги, всматриваясь въ массы народа, стоявшія по сторонамъ, но всѣ его поиски оставались тщетными. Это привело подъ конецъ сэра Мильса въ такое недоумѣніе, что онъ погрузился въ мысли и соображенія о томъ, какъ бы ему исправить и пополнить свой планъ кампаніи. При этомъ онъ продолжалъ идти, куда глаза глядятъ и, очнувшись отъ своихъ размышленій, нашелъ, что оставилъ далеко позади себя городъ и что день клонится къ вечеру. Осмотрѣвшись, онъ нашелъ себя неподалеку отъ Темзы въ пригородномъ участкѣ, изобиловавшемъ дачами богатыхъ вельможъ, гдѣ его костюмъ, наврядъ ли могъ служить хорошею рекомендаціею для своего владѣльца.

Погода стояла сравнительно теплая, а потому сэръ Мильсъ разлегся на землѣ возлѣ забора, защищавшаго его отъ вѣтра. Храбрый воинъ чувствовалъ необходимость отдохнуть и обдумать свое положеніе, но только-что успѣлъ улечься, какъ его начало клонить ко сну. Когда отдаленный гулъ пушечныхъ выстрѣловъ донесся до его ушей, онъ сказалъ себѣ самому:

«Ну, вотъ, коронація уже состоялась», и тотчасъ же уснулъ. Передъ тѣмъ онъ не спалъ и даже не отдыхалъ въ теченіе болѣе тридцати часовъ. Не мудрено, что на этотъ разъ онъ постарался вознаградить себя за это упущеніе и проснулся лишь на слѣдующій день утромъ, когда солнце стояло уже высоко на небѣ. Пробудившись, онъ всталъ, словно разбитый параличемъ, обезсиленный и голодный, вымылся въ рѣкѣ, заморилъ червячка приблизительно двумя штофами воды и пошелъ къ Вестминстерскому дворцу, ворча на себя за то, что безъ толку потерялъ такъ много драгоценнаго времени. Голодъ помогъ ему придумать новый планъ дѣйствій. Онъ рѣшился добиться свиданія съ сэромъ Гемфри Мар-

лоу и занять у того старичка немного денегъ, а тамъ... Въ качествѣ человѣка практическаго Мильсъ воздержался отъ дальнѣйшей разработки этого проекта, соображая, что прежде всего надо добиться осуществленія первой его стадіи.

Часамъ къ одиннадцати онъ добрался до дворца. По одному съ нимъ пути шли цѣлыя толпы великолѣпно разодѣтыхъ знатныхъ лицъ, но, при всемъ томъ, собственная его особа въ достаточной степени бросалась въ глаза. Это слѣдовало, безъ сомнѣнія, приписать необычайной живописности его костюма. Мильсъ тщательно изучалъ лица своихъ спутниковъ, надѣясь увидѣть на какомъ-либо изъ нихъ достаточно состраданія для того, чтобъ можно было поручить его владѣльцу наведеніе справки о томъ: нельзя ли будетъ повидаться съ сэромъ Гемфри Марлоу? Гендонъ какъ нельзя лучше понималъ, что о попыткѣ обратиться самому во дворецъ не могло быть въ данномъ случаѣ и рѣчи.

Какъ разъ въ это мгновеніе знакомый уже намъ мальчикъ для порки, пройдя мимо Гендона, обернулся кругомъ и началъ пристально всматриваться въ его фигуру, говоря себѣ самому:

«Будь я осломъ (какимъ, вѣроятно, я оставался до сихъ поръ), если это не тотъ самый бродяга, о которомъ такъ беспокоился его величество. Онъ до послѣднихъ своихъ отрѣпьевъ подходитъ къ сдѣланному мнѣ описанію. Если бы Господь Богъ создалъ двухъ такихъ молодцовъ, то сдѣлалъ бы подрывъ собственнымъ своимъ чудесамъ, совершая таковыя безъ надобности. Хорошо было бы найти благовидный предлогъ, чтобъ заговорить съ этимъ оборванцемъ!»

Мильсъ Гендонъ вывелъ его изъ затруднительнаго положенія. Обернувшись, какъ это вообще свойственно сдѣлать человѣку, которому кто-нибудь пристально глядитъ въ затылокъ, и замѣтивъ, что мальчикъ имъ не на шутку интересуется, онъ подошелъ и сказалъ:

— Вы сейчасъ только вышли изъ дворца. Быть можетъ, вы принадлежите къ штату придворныхъ?

— Точно такъ, сударь!

— Не знаете ли вы сэра Гемфри Марлоу?

Мальчикъ вздрогнулъ отъ удивленія и сказалъ самъ себѣ:

«Господи, онъ говоритъ о моемъ покойномъ отцѣ!» а затѣмъ отвѣтилъ вслухъ:

— Знаю, и даже очень коротко съ нимъ знакомъ, сударь!

— Очень радъ этому. Что, онъ теперь тамъ?

— Точно такъ, сударь! — отвѣчалъ мальчикъ, добавивъ про себя: «Да, тамъ, въ могилѣ».

— Не будете ли вы такъ добры сообщить ему, что я здѣсь и хотѣлъ бы сказать ему словечко на ушко.

— Охотно сдѣлаю это для васъ, милостивѣйшій государь!

— Въ такомъ случаѣ скажите, что Мильсъ Гендонъ, сынъ сэра Ричарда, ждетъ его здѣсь у дверей. Вы очень меня обяжете, любезный мой мальчикъ!

«Король титуловалъ его иначе, чуть ли не графомъ!—разсуждалъ самъ съ собою мальчикъ.—Впрочемъ, это безразлично. Я увѣренъ, что мой Мильсъ доводится близнецомъ королевскому и можетъ дать его величеству самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ его оборванцѣ-графѣ». Онъ сказалъ поэтому своему Мильсу:

— Потрудитесь на минутку сюда зайти, милостивый государь, и обождать, пока я вернусь.

Гендонъ тотчасъ же удалился въ указанное ему мѣсто. Это была устроенная въ дворцовой стѣнѣ ниша съ каменною свамьею, служившая будкой для часовыхъ въ дурную погоду. Онъ только-что успѣлъ тамъ усѣсться, какъ мимо будки прошелъ взводъ дворцовой стражи, вооруженной бердышами, подъ командою офицера. Замѣтивъ человѣка, сидѣвшаго въ будкѣ, офицеръ остановилъ свой взводъ и приказалъ Гендону выйти. Онъ повиновался и былъ немедленно же арестованъ, какъ подозрительная личность, позволившая себѣ забраться въ королевскій дворецъ. Дѣло принимало неблагоприятный оборотъ. Бѣдняга Мильсъ хотѣлъ было объяснить, но офицеръ грубо велѣлъ ему замолчать и приказалъ солдатамъ, обезоруживъ арестанта, тщательно его обыскать.

— Дай Богъ, чтобы имъ удалось найти у меня что-нибудь цѣнное, — сказалъ бѣдняга Мильсъ. — Я, кажется, и самъ искалъ очень тщательно, но мнѣ это не удалось. Между тѣмъ интересъ, побуждавшій меня къ поискамъ, былъ, смѣю увѣрить, гораздо могущественнѣе.

Въ карманахъ арестанта нашли только тщательно сложенный документъ. Офицеръ поспѣшно его развернулъ, и Гендонъ улыбнулся, узнавъ «каракули», напарапанныя маленькимъ, пропавшимъ безъ вѣсти его маленькимъ пріателемъ, въ тотъ самый злополучный день, когда они оба посѣтили Гендонскій замокъ. Лицо офицера побагровѣло отъ гнѣва, когда онъ прочелъ вслухъ англійскій текстъ этого документа. Лицо Мильса, напротивъ того, покрывшись смертною блѣдностью.

— Еще новый претендентъ на престолъ! — вскричалъ офицеръ. — Они плодятся теперь словно кролики! Схватите этого негодяя, ребята, да смотрите, чтобы онъ отъ васъ не улепетнулъ! Тѣмъ временемъ, я отнесу этотъ драгоценный документъ во дворецъ и отошлю его королю!

Онъ поспѣшно ушелъ, оставивъ арестанта въ рукахъ стражей, державшихъ его за шиворотъ.

— Теперь мои невзгоды, по крайней мѣрѣ, кончились, такъ

какъ изъ-за этой бумаженки меня, безъ сомнѣнія, заставятъ болтаться на концѣ веревки,—проворчалъ сквозь зубы Гендонъ.— Что станетъ тогда съ моимъ бѣднымъ мальчикомъ? Одному Богу это извѣстно!

Нѣсколько времени спустя онъ увидѣлъ, что офицеръ съ величайшей поспѣшностью возвращается назадъ. Тогда, собравъ все мужество, сэръ Мильсъ рѣшился встрѣтить свою участь съ бодростью, подобающей храброму воину. Офицеръ приказалъ стражамъ освободить арестанта и возвратитъ ему шпагу, а затѣмъ, почтительно поклонясь Мильсу, сказалъ:

— Соболаговолите, сударь, слѣдовать за мною!

Гендонъ пошелъ за офицеромъ, разсуждая самъ съ собою: «Съ какимъ удовольствіемъ удушилъ бы я этого мерзавца за лицемерную его вѣжливость! Теперь, къ сожалѣнію, мнѣ предстоитъ немедленно самому путешествіе на тотъ свѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ увеличивать и безъ того уже крупный багажъ своихъ грѣховъ».

Слѣдуя за офицеромъ, онъ прошелъ черезъ дворъ, гдѣ тѣснились экипажи и лакеи, къ парадному крыльцу. Тамъ офицеръ съ другимъ поклономъ, передалъ Гендона въ руки великолѣпно одѣтаго дежурнаго камеръ-юнкера, который принялъ его съ знаками глубокаго уваженія и провелъ черезъ парадныя сѣни, по обѣ стороны которыхъ стояли цѣлые ряды придворныхъ лакеевъ въ великолѣпныхъ ливреяхъ. Они почтительно кланялись посетителю, но чуть не умирали отъ безмолвнаго смѣха, начинавшаго ихъ душить, какъ только это воронье пугало проходило мимо нихъ. Поднявшись по широкой лѣстницѣ, на площадкѣ которой стояла группа придворныхъ, камеръ-юнкеръ ввелъ Мильса въ обширную залу, расчистилъ для него дорогу среди собравшихся тамъ представителей высшей англійской аристократіи, отвѣсилъ ему поклонъ, напомнилъ объ умѣстности снять шляпу и оставилъ его посреди комнаты въ качествѣ мишени для недоумѣвающихъ взоровъ, негодующихъ гримасъ и насмѣшливыхъ улыбокъ. Мильсъ Гендонъ чувствовалъ себя совершенно сбитымъ съ толку. Шагахъ всего лишь въ пяти отъ него сидѣлъ на тронѣ подъ параднымъ балдахиномъ молодой король, нѣсколько отъ него отвернувшись и, склонивъ голову, говорилъ съ какой-то райской птицей въ человѣческомъ образѣ,—вѣроятно, съ какимъ-нибудь герцогомъ. Гендонъ рѣшилъ въ умѣ своемъ, что весьма непріятно быть приговореннымъ къ смертной казни въ полномъ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ и что незачѣмъ было бы отягчать эту непріятность, выставляя такого несчастливца на позорище всей знати. Ему очень хотѣлось, чтобы король поторопился съ нимъ покончить, такъ какъ нѣкоторые изъ стоявшихъ по близости разряженныхъ въ пухъ и прахъ

аристократовъ высмѣивали его слишкомъ уже обиднымъ образомъ. Въ это мгновеніе король слегка поднялъ голову и Гендонъ, явственно разсмотрѣвъ его лицо, чуть не обмеръ отъ изумленія. Словно въ какомъ-то оцѣпненіи онъ глядѣлъ на хорошенькое дѣтское личико и воскликнулъ вполголоса: «Вотъ такъ штука! Здѣсь на престолѣ мой король царства тѣней и призраковъ!»

Продолжая съ изумленіемъ глядѣть на короля, онъ пробормоталъ еще нѣсколько отрывистыхъ фразъ, а потомъ сталъ осматриваться кругомъ, — вглядываться въ пышное убранство тронной залы и въ роскошные костюмы собравшихся тамъ герцоговъ, графовъ и бароновъ: «Сплю я или нѣтъ? — спрашивалъ онъ самого себя. — Кажется, вѣдь, что я бодрствую? Да, все это не мечта, а настоящая дѣйствительность». Онъ снова принялся пристально глядѣть на короля и принялся разсуждать: «А всетаки это смахиваетъ на грёзы!.. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и впрямь англійскій государь, а не сумасшедшій покинутый всѣми мальчикъ, за котораго я его принималъ. Какъ разрѣшить эту загадку?»

Внезапная мысль мелькнула у него въ умѣ: онъ подошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало къ стѣнѣ, взялъ себѣ стулъ, принесъ на указанное ему мѣсто, поставилъ тамъ и преспокойно усѣлся.

Тотчасъ же раздался ропотъ негодованія; его грубо схватили за плечо и чей-то голосъ воскликнулъ:

— Изволь сейчасъ же встать, неблаговоспитанный клоунъ! Какъ смѣешь ты сидѣть въ присутствіи короля!

Шумъ этотъ привлекъ на себя вниманіе его величества. Король протянулъ руку и воскликнулъ:

— Оставьте его въ покоѣ! Онъ въ своемъ правѣ.

Всѣ съ изумленіемъ отшатнулись назадъ. Король продолжалъ:

— Да будетъ извѣстно и вѣдомо вамъ всѣмъ, лэди, лорды и джентльмэны, что это мой вѣрный и возлюбленный вассалъ Мильсъ Гендонъ, который, храбро защищая своего государя мечемъ, спасъ мою особу отъ тѣлеснаго вреда и даже, можетъ быть, смерти. За то онъ возведенъ словеснымъ королевскимъ указомъ въ баронское званіе. Знайте также, что за еще болѣе важную услугу, а именно: за спасеніе своего государя отъ позорнаго наказанія плетью, которое сэръ Мильсъ принялъ взамѣнъ на себя, онъ возводится въ англійскіе пэры съ титуломъ графа Кентскаго и пожалованіемъ надлежащихъ помѣстій и денежныхъ суммъ для поддержанія новаго его достоинства. Привилегія, которою онъ только-что воспользовался, пожалована ему королевскимъ указомъ. Мы предписали уже, что старшему въ его родѣ даруется на вѣчныя времена право сидѣть въ присутствіи англійскихъ королей. Право это останется не нарушеннымъ, пока будетъ стоять англій-

скій престолъ. Никто да не дерзаетъ препятствовать возлюбленному моему графу пользоваться законнымъ его правомъ!

Двѣ особы, которыя, вслѣдствіе задержки въ пути, прибыли только лишь утромъ изъ провинціи и находились въ пріемной залѣ въ теченіе всего лишь какихъ-нибудь пяти минутъ, попеременно глядѣли то на короля, то на оборванца, напоминавшаго собою воронье пугало. Обѣ онѣ, очевидно, были поражены такимъ изумленіемъ, что не въ состояніи были вѣрить собственнымъ своимъ глазамъ. Это были сэръ Гугъ и лэди Эдиѳъ. Новопожалованный графъ не замѣчалъ ихъ присутствія. Продолжая глядѣть на монарха съ такимъ видомъ, какъ если бы грезилъ наяву, онъ бормоталъ вполголоса: «Господи, что это со мною творится! Вѣдь это мой маленький нищенка! Вѣдь это мой умопомѣшанный мальчикъ! А я еще хотѣлъ познакомить его съ настоящею роскошью, показавъ ему свой замокъ съ семьюдесятью комнатами и двадцатью семью лакеями! Это мальчикъ, про котораго я думалъ, что онъ всю жизнь одѣвался только въ лохмотья, питался объѣдками и закусывалъ побоями! Его именно я собирался усыновить, чтобы вырастить изъ него порядочнаго человѣка! Какъ было бы хорошо, если бы нашелся тутъ мѣшокъ, куда я могъ бы спрятать отъ стыда свою голову».

Внезапно, однако, къ новопожалованному графу вернулось сознаніе. Онъ преклонилъ колѣни, положилъ свои руки въ руки короля, присягнувъ ему въ вѣрности, какъ своему сюзерену за пожалованные помѣстья и титулы. Затѣмъ онъ всталъ и почти-тельно отошелъ въ сторону, при чемъ все-таки остался мишенью для всѣхъ взоровъ, многіе изъ которыхъ поглядывали на него теперь съ завистью.

Король, замѣтивъ сэра Гуга, сердито сверкнулъ очами и обвилъ гнѣвнымъ голосомъ:

— Отнимите отъ этого грабителя незаконно присвоенные имъ себѣ титулы и помѣстья и заprite его подъ замокъ. Пусть онъ сидитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ мнѣ не понадобится.

Бывшаго сэра Гуга немедленно увели на дворцовую гауптвахту.

Но вотъ въ противоположномъ концѣ пріемной залы обнаружилось волненіе. Пары королевства разступились и Томъ Канти, предшествуемый церемоніймейстеромъ въ своеобразномъ, но богатомъ костюмѣ, прошелъ между почтительно кланявшимися ему рядами англійской знати. Онъ сталъ на колѣни передъ королемъ, а его величество сказалъ:

— Я ознакомился со всѣмъ происходившимъ за послѣднія нѣсколько недѣль и доволенъ тобою. Ты управлялъ королевствомъ съ истинно царственной добротой и милосердіемъ. Надѣюсь,

ты уже разыскалъ свою мать и сестеръ? Во всякомъ случаѣ мы о нихъ позаботимся, но твой отецъ будетъ повѣшенъ, если его присудить къ тому законъ. Знайте, всѣ здѣсь присутствующіе, что съ этого дня воспитанники приюта Христа Спасителя, содержащіеся на королевскій счетъ, будутъ пользоваться пищею не только для своей плоти, но также для ума и сердца. Мальчикъ этотъ будетъ жить въ означенномъ приютѣ и пожизненно состоятъ старшимъ изъ достопочтенныхъ его директоровъ. Онъ исполнялъ въ теченіе нѣкотораго времени обязанности короля, а потому заслуживаетъ, чтобы ему оказывали большій, чѣмъ обыкновенно, почетъ. Обратите вниманіе на парадный костюмъ, долженствующій служить отличительнымъ знакомъ его достоинства. Такого костюма никто, кромѣ него, носить не въ правѣ. Всюду, гдѣ онъ будетъ являться въ своемъ костюмѣ, надлежитъ помнить, что онъ одно время заступалъ мѣсто короля, а потому всѣ должны оказывать ему подобающій почетъ и уваженіе. Онъ состоитъ подъ покровительствомъ англійской королевской короны, будетъ пользоваться ея поддержкой и впредь носить почетный титулъ Королевскаго Питомца.

Обрадованный Томъ Канти всталъ, поцѣловалъ руку его величества и удалился съ такою же торжественностью, предшествуемый опять церемоніймейстеромъ. Онъ, не теряя времени, поспѣшилъ къ своей матери, чтобы рассказать ей, Аннѣ и Лизѣ все, что съ нимъ случилось, и доставить имъ такимъ образомъ возможность раздѣлить его радость.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Правосудіе и возмездіе.

Всѣ таинственныя загадки разрѣшились. Между прочимъ, Гугъ Гендонъ сознался, что при свиданіи съ Мильсомъ въ Гендонскомъ замкѣ Эдионъ отреклась отъ своего кузена по приказанію мужа. Гугъ подкрѣпилъ это приказаніе совершенно серьезнымъ и внушительнымъ обѣщаніемъ умертвить жену, если она не согласится категорически объявить, что посѣтителю вовсе не Мильсъ Гендонъ. Въ отвѣтъ на это она сказала, что не придаетъ своей жизни ни малѣйшей цѣнности и не намѣрена отречься отъ Мильса. Мужъ возразилъ Эдионъ на это, что, въ виду таковыхъ ея объясненій, предпочитаетъ оставить ее въ живыхъ, но зато убьетъ Мильса. Такую комбинацію она признала нежелательной, а потому дала слово исполнить волю законнаго своего супруга и сдержала это слово.

Жена и братъ Гуга не были расположены давать противъ

него показанія на судѣ. Женѣ, впрочемъ, это не разрѣшалось бы существующими законами, если бы даже она имѣла подобное желаніе. Во всякомъ случаѣ Гугъ избѣжалъ судебного преслѣдованія, которому долженъ былъ, собственно говоря, подвергнуться за угрозы женѣ и злостное присвоеніе помѣстій и титула, принадлежавшихъ родному брату. Какъ только его выпустили на свободу, онъ немедленно уѣхалъ на материкъ Европы, покинувъ жену въ Англіи. Впрочемъ, онъ вскорѣ умеръ за-границей, и тогда графъ Кентскій, по прошествіи нѣкотораго времени, женился на его вдовѣ. Въ Гендонскомъ селѣ была большая радость и происходили народныя празднества, когда новобрачная чета впервые пріѣхала въ замокъ.

Отецъ Тома Канти пропалъ безъ вѣсти.

Король разыскалъ фермера, заклеяменнаго каленымъ желѣзомъ и проданнаго въ неволю. Этотъ бѣдняга навсегда разстался съ бродяжничествомъ и провелъ остатокъ своей жизни въ довольствѣ.

Эдуардъ VI повелѣлъ освободить престарѣлаго юриста изъ тюрьмы и сложить съ него денежные штрафы. Онъ обезпечилъ также дочерей обѣихъ баптистокъ, сожженныхъ въ его присутствіи на кострѣ, и строго наказалъ полицейскаго констебля, который позволилъ себѣ безъ суда отодрать Мильса Гендона плетью.

Ему удалось избавить отъ висѣльцы мальчика, который поймалъ улетѣвшаго сокола, и полуумную женщину, укравшую на фабрикѣ аршинъ сукна, но королевское помилованіе пришло слишкомъ поздно, чтобы спасти человѣка, осужденнаго за то, что убилъ ланя въ казенномъ лѣсу.

Король изъявилъ свое благоволеніе судѣ, сжалившимся надъ мальчикомъ, обвинявшемся въ кражѣ поросенка. Впослѣдствіи его величество имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что этотъ судья сдѣлался выдающимся юристомъ, который пользовался общимъ почетомъ и уваженіемъ.

Король Эдуардъ VI очень любилъ рассказывать про свои приключенія съ той минуты, какъ часовой оттолкнулъ его отъ дворцовыхъ воротъ и до кануна коронаванія, когда несчастному мальчику въ лохмотьяхъ удалось уже въ полночь замѣшаться въ толпу рабочихъ, спѣшившихъ кончить свое дѣло и проникнуть въ аббатство. Король забрался тамъ въ гробницу Эдуарда-Исповѣдника и проспалъ въ ней такъ долго, что чуть не опоздалъ пробудиться къ моменту коронаванія. Онъ утверждалъ, что часто вспоминаетъ эти событія, такъ какъ вынесенные изъ нихъ драгоценные уроки укрѣпляютъ его въ намѣреніи извлечь изъ нихъ пользу для своего народа. Онъ рѣшился, поэтому, въ продолженіе всего времени, пока Господь сохраняетъ его жизнь, свѣждать

у себя въ памяти грустныя событія, которыя ему приходилось переживать самому. Такимъ образомъ онъ постоянно наполнялъ источники состраданія въ своемъ сердцѣ и не давалъ имъ изсякнуть.

Въ теченіе всего краткаго царствованія Эдуарда VI, Мильсъ Гендонъ и Томъ Канти были его любимцами. Послѣ кончины короля они искренно о немъ горевали. Графъ Кентскій обладалъ въ достаточной степени здравымъ смысломъ для того, чтобы не злоупотреблять дарованной ему привилегіей. Кромѣ упомянутаго уже нами случая, онъ воспользовался ею во всю свою жизнь лишь дважды, а именно при вступленіи на престолъ королевъ сперва Маріи, а потомъ Елизаветы. Одинъ изъ его потомковъ воспользовался этимъ правомъ при вступленіи на престолъ короля Іакова I. Затѣмъ прошло около четверти вѣка, прежде чѣмъ Кентскій домъ имѣлъ случай примѣнить свою привилегію, и воспоминаніе о ней утратилось въ придворныхъ сферахъ настолько, что, когда графъ Кентскій, явившись на аудіенцію къ королю Карлу, сѣлъ въ присутствіи этого монарха, дабы оградить такимъ путемъ особыя права и преимущества своего дома, поступокъ его вызвалъ въ первую минуту настоящее смятеніе. Вскорѣ, однако, все объяснилось, и кентская привилегія была подтверждена его величествомъ. Послѣдній изъ графовъ Кентскихъ палъ, сражаясь за короля съ войсками парламента. Съ нимъ вмѣстѣ престѣклась и эта своеобразная привилегія.

Томъ Канти дожилъ до глубокой старости и сталъ красивымъ сѣдовласымъ пожилымъ джентльмэномъ съ серьезнымъ, но добродушнымъ выраженіемъ лица. Онъ пользовался до конца жизни общимъ уваженіемъ и почетомъ. Своеобразный, бросавшійся въ глаза, его костюмъ напоминалъ всѣмъ и каждому, что джентльмэнъ этотъ временно заступалъ мѣсто короля. Куда бы ни показывался Томъ въ своемъ костюмѣ, народъ всюду разступался передъ нимъ. При этомъ каждый шепталъ другому на ухо:

— Сними шляпу, это королевскій питомецъ!

Томъ отвѣчалъ на поклоны добродушной улыбкой, которую всѣ очень цѣнили, такъ какъ считали его лицомъ, вполне заслуживающимъ уваженія.

Правда, что король Эдуардъ VI прожилъ недолго, но и за эти немногіе годы онъ сдѣлалъ много хорошаго. Не разъ, когда кто-нибудь изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, или же великихъ вассаловъ королевства, возставалъ противъ чрезмѣрнаго его милосердія и утверждалъ, будто суровый законъ, на отмѣнѣ котораго настаивалъ король, въ достаточной степени мягокъ для простого народа и не причиняетъ такихъ неудобствъ и страданій, на которыхъ стоило бы обращать вниманіе, молодой король съ

грустнымъ краснорѣчіемъ устремлялъ на него сострадательный взглядъ большихъ выразительныхъ своихъ глазъ и возражалъ:

— Развѣ ты знакомъ съ страданіями и притѣсненіями? Я и мой народъ знаемъ ихъ по опыту, ты же говоришь о томъ, чего самъ не извѣдалъ!

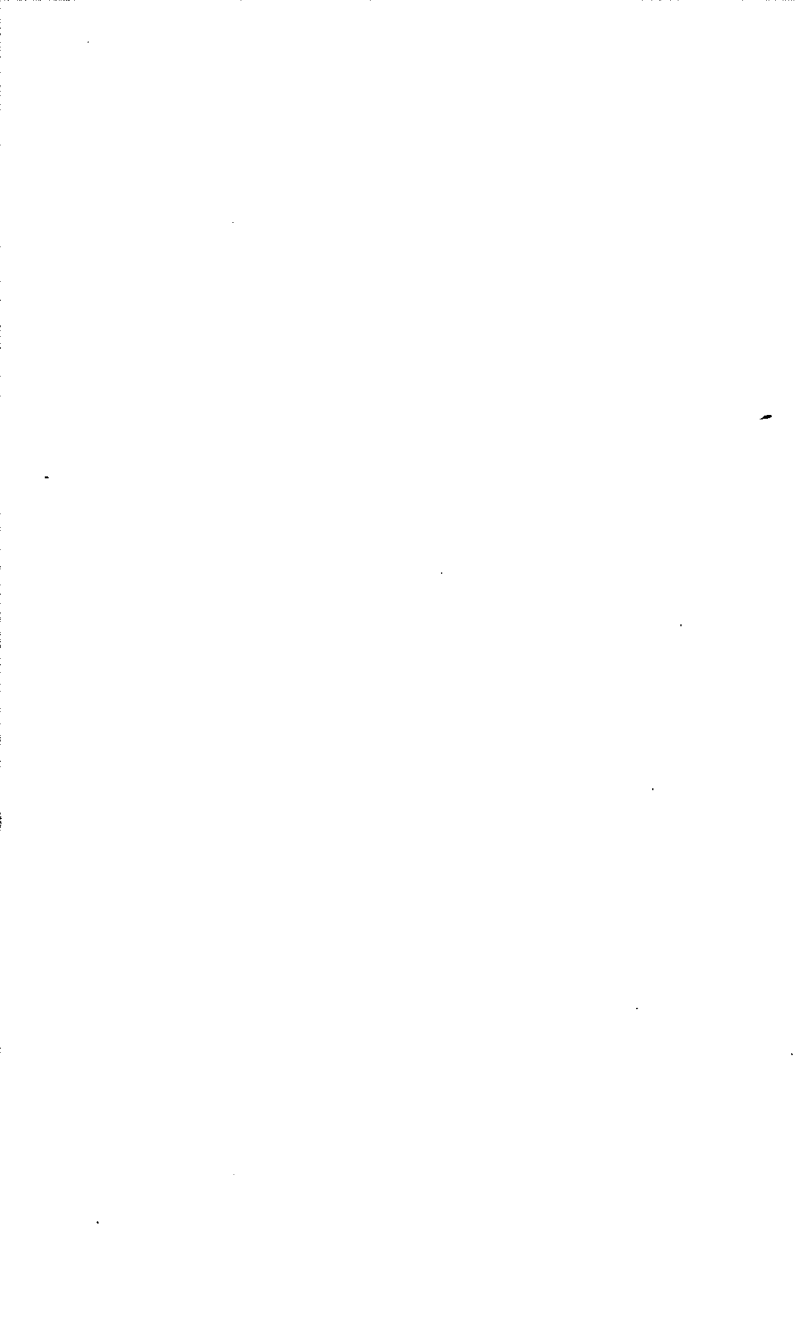
Царствованіе Эдуарда VI было для тогдашнихъ суровыхъ временъ необычайно кроткимъ и милосердымъ, а потому, прощаясь теперь съ этимъ королемъ, постараемся сохранить добрую о немъ память.

К О Н Е Ц Ъ.

СЫСЪННЫЕ ПОДВИГИ ТОМА СОУЭРА ВЪ ПЕРЕДАЧѢ ГЕККА ФИННА.

РАЗСКАЗЪ

ПЕРЯВОДЪ С. ВОСКРЕСЕНСКОЙ.

I *).

Случилось все это въ первую же весну послѣ того, какъ мы съ Томомъ Соуэромъ освободили нашего стараго негра Джима, который былъ посаженъ на цѣпь, какъ бѣглый невольникъ, на фермѣ Силаса, дяди Тома, въ Арканзасѣ. Стужа выходила изъ земли и изъ воздуха, и съ каждымъ днемъ все ближе надвигалось времячко ходить босикомъ, играть въ камешки, въ свайку, въ кубари, въ городки или спускать змѣевъ; потомъ придетъ и настоящее лѣто, а съ нимъ и купанье! Но тоска представлять себѣ все это и думать: когда-то еще настанетъ! Немудрено, если мальчикамъ и взгрустнется; вздыхаютъ они, имъ не по себѣ, хотя они сами не знаютъ, что съ ними. Они только слоняются туда и сюда и думаютъ свою думу; выищутъ себѣ уединенное мѣстечко на холмѣ за рощей, сидятъ здѣсь и смотрятъ на широкую Миссиссипи, а она омываетъ одну точку земли за другою, пробѣгаетъ мили за милями, стремясь все туда, гдѣ лѣсъ уже сливается передъ вами въ туманъ и даль лежитъ неподвижно, въ суровомъ безмолвіи, точно кто-нибудь любимый вами и схороненный... и васъ начинаетъ томить желаніе тоже умереть, исчезнуть, покончить со всѣмъ этимъ...

Вы не знаете, что же это такое? Это весенняя лихорадка. Названіе говорить за себя. Когда она васъ захватитъ, вы желаете... О, вы не знаете хорошенько, чего именно вы желаете, но сердце у васъ разрывается именно отъ этого желанія! Въ общемъ чувствуется потребность уйти: уйти отъ всего стараго, приглядѣвшагося, надоѣвшаго до смерти, и посмотрѣть на что-нибудь новое. Въ этомъ суть: вамъ надо отправиться странствовать, и куда-нибудь подалѣе, въ чужія земли, въ которыхъ все такъ таин-

*) Какъ ни странны событія, приводимыя въ этомъ разсказѣ, но они не вымышлены; даже публичное покаяніе подсудимаго истинный фактъ. Всѣ подробности взяты авторомъ изъ одного стариннаго шведскаго уголовнаго дѣла; измѣнены лишь дѣйствующія лица и самое мѣсто дѣйствія перенесено въ Америку. Прибавлены нѣкоторые эпизоды, но лишь два изъ нихъ имѣютъ значеніе.

ственно, чудесно и романтично. Если же это вамъ недоступно, то вы удовольствуетесь и меньшимъ: вы уйдете хотя куда-нибудь, лишь бы уйти, и будете рады всякому предлогу къ тому!

Такъ вотъ насъ съ Томомъ Соуэромъ одолевала весенняя лихорадка, и притомъ очень сильная; но Тому нечего было и думать о какомъ-нибудь путешествіи: тетя Полли, по его словамъ, ни за что не позволила бы ему бросить школу и терять лѣтнее время на бродяжничество, такъ что приходилось повѣсить носъ. Но сидимъ мы разъ вечеромъ на крылечкѣ и разсуждаемъ объ этомъ предметѣ, какъ вдругъ выходитъ къ намъ тетя Полли съ какимъ-то письмомъ въ рукахъ и говоритъ:

— Томъ, надо тебѣ собраться въ дорогу и ѣхать въ Арканзасъ. Тетя Салли зоветъ тебя.

Я едва не выскочилъ изъ собственной кожи отъ радости и подумалъ, что Томъ бросится къ своей теткѣ и задушитъ ее въ объятіяхъ; но, повѣрите ли, онъ не сдвинулся съ мѣста, точно глыба какая, и не проронилъ ни слова. Я чуть было не заплакалъ, видя, что онъ такой дуракъ и пропускаетъ отличнѣйшій случай, который только можетъ представиться. Мы могли потерять его, если Томъ не выкажетъ, что радъ и благодаренъ! Но онъ продолжалъ себѣ сидѣть и молчать, пока я не пришелъ въ такое отчаяніе, что не зналъ уже, что и дѣлать, а тутъ онъ—я готовъ былъ убить его на мѣстѣ!—взялъ, да и говоритъ совершенно спокойно:

— Очень мнѣ жаль, тетя Полли, но, знаете, пусть уже извинять... не хочется мнѣ въ этотъ разъ.

Тетю Полли до того ошеломила подобная хладнокровная наглость, что она простояла цѣлыя полминуты безъ голоса,—чѣмъ я воспользовался, чтобы толкнуть Тома и шепнуть ему:

— Рехнулся ты, что ли? Пропускаешь такой славный случай!

Но онъ не смутился и шепчетъ мнѣ въ отвѣтъ:

— Геккъ Финнъ, по твоему, мнѣ надо выказать ей, что я радъ удрать отсюда? Да она тогда сейчасъ же начнетъ раздумывать и представить себѣ всякія болѣзни и опасности со мной по дорогѣ, словомъ, найдетъ всевозможныя препятствія къ тому, чтобы меня отправить. Не мѣшай мнѣ; я знаю, какъ ее провести.

Мнѣ не пришла бы въ голову такая штука! Но онъ былъ правъ. Томъ Соуэръ былъ всегда правъ: это была самая свѣтлая голова, какую мнѣ только приходилось встрѣчать; всегда знаетъ, что дѣлаетъ, и нѣтъ его ничѣмъ не поддѣнеть. Тѣмъ временемъ тетя Полли опомнилась и такъ и разразилась:

— Пусть тебя извинять! Ему не хочется! Скажите на милость! Нѣтъ, я ничего подобнаго не слыхивала въ моей жизни!.. Ты смѣешь гововорить такъ мнѣ? Вставай сейчасъ и собирай

свои пожитки... И если я услышу еще хоть слово на счет того, что ты извиняешься, да не хочешь... я тебѣ поизвиню... прутомъ!

И она стукнула ему по головѣ своимъ наперсткомъ, когда мы проплелись мимо нея, а Томъ прохныкалъ все время, пока мы поднимались по лѣстницѣ. Но лишь только мы очутились въ его комнатѣ, онъ чуть не задушилъ меня отъ восторга при мысли о томъ, что намъ предстоитъ путешествовать.

— Знаешь, — говорилъ онъ, — прежде чѣмъ мы успѣемъ уйти, она примется уже сожалѣть о томъ, что рѣшилась меня отпустить, но не будетъ знать, какъ уладить дѣло. Послѣ того, что она мнѣ наговорила, гордость не позволитъ ей отступить отъ своихъ словъ.

Томъ собралъ все свое въ десять минутъ, разумѣется, кромѣ того, чѣмъ хотѣли снабдить его на дорогу тетя Полли и Мэри. Потомъ, мы обождали еще десять минутъ, чтобы дать ей время остыть и стать снова добренькой. Томъ говорилъ, что ей надо десять минутъ на то, чтобы пригладиться, если она взъерошилась наполовину, но цѣлыхъ двадцать, если всѣ перышки дыбомъ поднялись, что въ этотъ разъ и произошло. Когда время настало, мы спустились внизъ, торопясь узнать, что было въ письмѣ.

Тетя Полли сидѣла въ тяжеломъ раздумьѣ; письмо лежало у нея на колѣняхъ. Мы сѣли тоже и она начала такъ:

— У нихъ тамъ неладно и они думаютъ, что вы оба съ Геккомъ будете кстати... успокоите ихъ, какъ они выражаются... Хотя очень способны вы съ Геккомъ на это, нечего сказать!.. У нихъ тамъ одинъ сосѣдъ, Брэсъ Денлапъ; онъ сватался за ихъ Бенни, ухаживалъ за нею три мѣсяца; наконецъ, они объявили ему напрямикъ, что ничего изъ этого не выйдетъ; онъ разсердился и это теперь ихъ тревожитъ. Это человѣкъ, съ которымъ имъ желательно быть въ ладахъ, какъ видно уже изъ того, что они, въ угоду ему, наняли себѣ въ помощь на ферму его ту-неядца - брата, когда это имъ не по карману, да и лишній онъ вовсе для нихъ... Что это за Денлапы?

— Они живутъ въ какой-нибудь мили отъ дяди Силаса, тетя Полли... Всѣ фермеры въ тѣхъ мѣстахъ устроились въ милѣ другъ отъ друга... И Брэсъ Денлапъ гораздо богаче всѣхъ; у него цѣлая куча негровъ. Самъ онъ бездѣтный вдовецъ, ему тридцать шесть лѣтъ; онъ очень гордится своимъ богатствомъ, заносчивъ и всѣ его немножко боятся. Я думаю, онъ воображалъ, что ему стоитъ только захотѣть, чтобы всякая дѣвушка пошла за него, и его очень озадачилъ отказъ Бенни... Но, еще бы! Бенни вдвое моложе его, и такая хорошенькая, такая миленькая, какъ... ну, вы сами ее знаете! Бѣдный дядя Силасъ... каково ему заискивать такимъ

образомъ... самъ едва сводить концы съ концами, а тутъ нанимай еще такого бесполезнаго человѣка, какъ Юпитеръ Денланъ, въ угожденіе его братцу!

— Что за имя: Юпитеръ! Откуда оно?

— Это просто кличка. Но настоящее его имя уже совсѣмъ затерлось этимъ, я думаю! Теперь Юпитеру двадцать семь лѣтъ, а прозвали его такъ съ того дня, какъ онъ въ первый разъ вздумалъ купаться; когда онъ раздѣлся, школьный учитель увидалъ у него на лѣвой ногѣ, надъ коленнымъ, круглое темное родимое пятно, величиною съ порядочную монету, а кругомъ этого пятна еще четыре маленькихъ, и сказалъ, что это похоже на Юпитера съ его спутниками. Дѣтямъ это показалось забавнымъ и они прозвали его Юпитеръ; такъ онъ и остался Юпитеромъ до сихъ поръ. Онъ большого роста и силенъ, но лѣнтяй, лукавецъ и подлаза; притомъ и трусливъ, но все же довольно добрый малый... Отпустилъ себѣ длинные волосы, а бороду брѣетъ. У него за душой ни одного цента; Брэсъ кормить его даромъ, одѣваетъ въ свое старое платье и презираетъ его... Юпитеръ близнецъ съ другимъ братомъ.

— На кого же походить этотъ другой?

— Онъ вылитый Юпитеръ, какъ говорятъ, но былъ подѣльнѣе его; только не видать его уже семь лѣтъ. Когда ему было лѣтъ девятнадцать—двадцать, онъ былъ уличенъ въ кражѣ и попалъ въ тюрьму; ему удалось бѣжать оттуда и онъ скрылся — на сѣверъ куда-то. Слышно было сначала, что онъ продолжаетъ тамъ воровать и разбойничать, но съ тѣхъ поръ прошелъ уже не одинъ годъ. Теперь его нѣтъ въ живыхъ; по крайней мѣрѣ, такъ полагаютъ. Никакого слуха о немъ нѣтъ.

— Какъ его звали?

— Джэкъ.

Мы всѣ помолчали нѣкоторое время; тетя Полли погрузилась въ раздумье.

— Вотъ что, — сказала она, наконецъ, — тетю Салли беспокоитъ болѣе всего то, что этотъ Юпитеръ выводитъ изъ себя твоего дядю...

— Выводить изъ себя! Дядю Силаса! Да вы шутите! Развѣ дядя Силасъ способенъ сколько-нибудь сердиться?

— Твоя тетка говоритъ, что онъ доходитъ иногда просто до бѣшенства съ этимъ человѣкомъ; бываетъ готовъ его прибить.

— Ну, тетя Полли, это что-то неслыханное: дядя Силасъ не тронетъ и мухи!

— Какъ бы тамъ ни было, она очень встревожена. Она говоритъ, что дядя Силасъ даже совершенно переѣмнился, вслѣдствіе этихъ вѣчныхъ ссоръ. И всѣ сосѣди толкуютъ объ этомъ и

винять во всемъ его же, твоего дядю, потому что онъ проповѣдникъ и не пригоже ему ругаться. Салли пишетъ, что ему теперь тяжело и на каюдру идти, до того ему стыдно; и всѣ охладѣли къ нему; онъ вовсе не такъ ужъ популяренъ, какъ былъ прежде.

— Но, странно все это! Вѣдь онъ былъ всегда такой добрый, простой, разсѣянный, не вникалъ ни во что... такой миленькій... словомъ, настоящій ангелъ! Что же такое съ нимъ сотворилось?

II.

Намъ очень повезло: мы попали на винтовой пароходъ, который шелъ съ сѣвера и былъ зафрахтованъ до одной бухточки или рѣчки на пути къ Луизианѣ; такимъ образомъ, мы могли спуститься по всей Верхней Миссиссипи, и потомъ по всей Нижней, до самой фермы въ Арканзасѣ, не пересаживаясь на другой пароходъ въ Сентъ-Льюисѣ; это составляло, прямымъ путемъ, безъ малаго тысячу миль.

Довольно пустынное было это судно: пассажировъ было немного и все старики; они сидѣли всѣ въ одиночку, вдалекѣ другъ отъ друга, подремывали, не шевелились. Мы ѣхали четыре дня, прежде чѣмъ выбрались съ верховьевъ рѣки, потому что часто садились на мель; но это не было скучно... не могло быть скучно, разумеется, только для такихъ мальчиковъ - путешественниковъ, какими были мы.

Съ самаго начала мы съ Томомъ догадались, что въ другой каютѣ, рядомъ съ нею, былъ больной: прислуга носила кушанья туда этому пассажиру. Наконецъ, мы спросили... то есть Томъ спросилъ... кто это былъ тамъ? Слуга отвѣтилъ, что какой-то мужчина, но что онъ не казался больнымъ.

— Однако, все же могъ быть боленъ дѣйствительно?

— Не знаю, можетъ быть... только кажется мнѣ, что онъ напускаетъ на себя хворь.

— Почему вы такъ думаете?

— Да потому, что при нездоровьи онъ бы раздѣлся же когда-нибудь, не такъ ли? А между тѣмъ этого не бываетъ. По крайней мѣрѣ, сапогъ-то своихъ онъ никогда не снимаетъ.

— Вотъ штука-то! Неужели даже когда спать ложится?

— Я вамъ говорю.

Тома сладостями не корми, дай только тайну. Положите передо мною и имъ пряникъ и тайну, и вамъ нечего будетъ говорить: выбирайте! Выборъ самъ собой сдѣлается. Я, само собой, ухвачусь за пряникъ, это у меня въ природѣ, а онъ, это тоже у него въ природѣ, накинется на тайну. У людей наклонности разныя. Оно и лучше.

— А какъ зовутъ пассажира?—спросилъ Томъ у слуги.

— Филиппъ.

— Гдѣ онъ сѣлъ на пароходъ?

— Кажется, въ Александрію, тамъ, гдѣ примыкають рейсы изъ Іовы.

— Изъ-за чего ему притворяться, какъ вы думаете?

— А кто его знаетъ... Я и не старался угадывать.

Я подумалъ про себя: этотъ тоже предпочелъ бы взять пряникъ.

— Вы не примѣтили за нимъ ничего особеннаго?.. Въ его разговорѣ или въ обращеніи?

— Ничего... развѣ то, что онъ какой-то запуганный, держитъ свою дверь на замкѣ день и ночь, а когда къ нему постучишься, то онъ не впустить, прежде чѣмъ не посмотритъ въ щель, кто идетъ.

— Это любопытно, однако! Хотѣлось бы мнѣ взглянуть на него. А что, если вы распахнете дверь совсѣмъ настежь, когда войдете къ нему въ слѣдующій разъ, и я...

— Нѣтъ, невозможно! Онъ всегда стоитъ самъ вплотъ за дверью и не допуститъ никакъ...

Томъ призадумался, но сказалъ:

— Такъ вотъ что, одолжите мнѣ вашъ передникъ и позвольте принести ему завтракъ по утру. А я вамъ за то четверть доллара дамъ.

Слуга былъ радъ - радехонекъ, только съ условіемъ: какъ бы не прогнѣвался экономъ. Томъ отвѣтилъ, что онъ беретъ на себя уладить дѣло съ экономомъ, и уладилъ дѣйствительно. Намъ обоимъ было дозволено надѣть передники и подавать кушать.

Томъ мало спалъ, его такъ и подмывало узнать поскорѣ тайну этого Филиппа; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не переставалъ дѣлать разныя предположенія, что было совершенно излишне, по моему! Если вамъ предстоитъ узнать суть чего-нибудь, то на что же ломать себѣ голову догадками и, такъ сказать, тратить заряды попусту? Я старался спать, говоря себѣ, что не дамъ и порошинки за то, чтобы узнать, кто такой этотъ Филиппъ.

Утромъ, мы напяляли свои фартуки, взяли по подносу съ закускою и Томъ постучался къ пассажиру. Тотъ чуть-чуть пріотворилъ дверь, выглянулъ въ эту щелочку, потомъ впустилъ насъ и заперъ ее поспѣшно за нами. Но, пряхъ поberi, лишь только мы взглянули на него, такъ едва не выронили и подносы изъ рукъ, а Томъ проговорилъ:

— Какъ, Юпитеръ Денлапъ! Откуда это васъ несетъ?

Пассажиръ былъ ошеломленъ, разумѣется; сначала онъ какъ будто не зналъ, испугаться ему или обрадоваться, но, наконецъ,

порѣшили на послѣднее, и щеки у него опять зарумянились, а то совсѣмъ побѣлѣли. Онъ принялся за ѣду, разговаривая съ нами въ то же время.

— Но я не Юпитеръ Денлапъ,—сказалъ онъ.—Я скажу вамъ. кто я, если вы пообѣщаетесь мнѣ молчать. Я и не Филипсъ.

— На счетъ того, чтобы молчать, мы слово даемъ, но если вы не Юпитеръ Денлапъ, то вамъ нечего и объяснять, кто вы такой,—сказалъ Томъ.

— Почему же?

— А потому, что если вы не Юпитеръ, то другой близнецъ, Джэкъ. Вы вылитый портретъ Юпитера.

— Ну, что же, я Джэкъ. Но послушайте, почему вы знаете насъ, Денлаповъ?

Томъ разсказалъ ему все о нашихъ приключеніяхъ у дяди Силаса въ прошлое лѣто, и когда Джэкъ увидалъ, что мы знаемъ рѣшительно все объ его роднѣ, да и о немъ самомъ, онъ вовсе пересталъ таиться и заговорилъ съ нами вполнѣ по душѣ, не прибѣгая ни къ какимъ уверткамъ на счетъ своихъ собственныхъ дѣлъ; говорилъ, что доля его была тяжела прежде, тяжела она и теперь, да и останется тяжелою до конца его дней. Онъ велъ опасную жизнь и...

Онъ вдругъ содрогнулся и нагнулъ голову, какъ бы прислушиваясь. Мы оба молчали и съ секунду или поболѣе длилась тишина; слышался лишь скрипъ деревянныхъ частей парохода, да постукиваніе машины внизу.

Мы поуспокоили его нашими разсказами о его родинѣ, о томъ, что жена Брэса умерла три года тому назадъ, и Брэсъ хотѣлъ теперь жениться на Бенни, но она ему отказала; а Юпитеръ нанялся въ работники къ дядѣ Силасу, только все ссорился съ нимъ... Джэкъ слушалъ, слушалъ, да и разсмѣялся.

— Господи,—сказалъ онъ,—какъ это все напоминаетъ мнѣ старину! Слушаю вашу болтовню и отрадно мнѣ становится. Болѣе семи лѣтъ не приходило ко мнѣ ни вѣсточки... Но какъ отзываются они обо мнѣ?

— Кто?

— Фермеры... и моя семья.

— Да они вовсе ничего не говорятъ о васъ... Такъ, кое-когда развѣ кто упомянетъ...

— Вотъ тебѣ разъ!—промолвилъ онъ съ удивленіемъ.—Почему такъ?

— Да потому, что васъ давно считаютъ покойникомъ.

— Нѣтъ?.. Правду ли вы говорите?.. Честное слово?—проговорилъ онъ, вскакивая съ мѣста въ большомъ волненіи.

— Честное слово. Никто не думаетъ, что вы еще живы.

— Такъ я спасенъ... спасенъ, значитъ!.. Я могу воротиться домой!.. Они сокроютъ меня и спасутъ мнѣ жизнь. А вы молчите. Поклонитесь, что будете молчать... поклонитесь, что никогда, никогда не выдадите меня!.. О, ребята, пожалѣйте несчастнаго, котораго преслѣдуютъ денно и нощно, и который не смѣетъ лица показать! Я никогда не дѣлалъ вамъ зла и не сдѣлаю: это такъ же вѣрно, какъ Господь въ небесахъ! Поклонитесь же, что пощадите меня и поможете мнѣ спасти себѣ жизнь!

Мы поклялись бы, будь онъ даже собака; какъ же было отказывать ему?.. Онъ, бѣдняга, не зная уже, какъ и выразить намъ свою любовь и благодарность, хорошо, что не задушилъ насъ отъ радости!

Поболтали мы еще, потомъ онъ вынулъ небольшой саквояжъ и сталъ его отворять, только велѣлъ намъ отворотиться. Мы послушались, а когда онъ позволилъ намъ повернуться опять, то мы увидѣли, что онъ совершенно преобразился. Онъ былъ въ синихъ очкахъ и съ самыми натуральными длинными темными бакенбардами и усами. Родная мать не узнала бы его! Онъ спросилъ, походитъ ли онъ теперь на своего брата Юпитера?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Томъ, — ничего похожаго нѣтъ, кромѣ длинныхъ волосъ.

— Правда; я подрѣжу ихъ коротко, прежде чѣмъ явлюсь туда. Юпитеръ и Брэсъ не выдадутъ меня, и я буду жить у нихъ, какъ чужой. Сосѣди ни за что не догадаются. Какъ вы полагаете?

Томъ подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Мы съ Реккомъ будемъ молчать, это вѣрно, но если вы сами молчать не станете, то все же будетъ опасность... самая маленькая, пожалуй, а все же будетъ. Я хочу сказать, что голосъ-то у васъ совершенно такой, какъ у Юпитера... и развѣ это не можетъ заставить иныхъ вспомнить о его братѣ-близнецѣ, котораго всѣ считаютъ умершимъ, но который, можетъ быть, скрывается все время подъ чужимъ именемъ?

— Клянусь св. Георгіемъ, вы очень смѣтливый! — сказала Джэкъ. — Вы совершенно правы! Мнѣ надо притворяться глухонѣмымъ въ присутствіи сосѣдей. Хорошо былъ бы я, являсь домой и позабывъ эту малость! Впрочемъ, стремился я не домой, я просто искалъ мѣстечка, въ которомъ могъ бы укрыться отъ сыщиковъ... тамъ, я переодѣлся бы, загримировался и...

Онъ бросился къ двери, приложился къ ней ухомъ и сталъ прислушиваться, весь блѣдный и едва переводя духъ.

— Точно взводятъ курокъ... — прошепталъ онъ. — О, что это за жизнь!

И онъ опустился на стулъ въ полномъ изнеможеніи, отирая потъ, струившійся у него по лицу.

III.

Съ этихъ поръ мы проводили съ нимъ почти все время и одинъ изъ насъ почевалъ у него въ верхней койкѣ. Онъ говорилъ, что былъ до крайности одинокъ и утѣшался теперь возможностью быть съ кѣмъ-нибудь и развлекаться тѣмъ среди своихъ горестей. Намъ очень хотѣлось узнать, въ чемъ же именно онъ состояли, но Томъ находилъ, что самое лучшее средство къ тому—вовсе не стараться допытываться; было весьма вѣроятно, что онъ самъ начнетъ все рассказывать при которой-нибудь изъ нашихъ бесѣдъ; если же мы станемъ спрашивать, онъ заподозритъ насъ и замкнется въ себѣ. Все вышло какъ разъ такъ. Было очевидно, что ему самому страхъ какъ хотѣлось поговорить, но, бывало, дойдетъ онъ до самаго того предмета и вдругъ остановится, какъ въ испугѣ, и начнетъ толковать совсѣмъ о другомъ. Но случилось же однажды, что онъ спрашивалъ насъ довольно равнодушно, повидимому, о пассажирахъ, бывшихъ на палубѣ. Мы говорили, что знали. Но ему было все мало, онъ хотѣлъ больше подробностей, просилъ описывать въ самой точности. Томъ принялся описывать, и когда заговорилъ объ одномъ человѣкѣ, самомъ грубомъ оборванцѣ, Джэкъ вздрогнулъ, перевелъ духъ съ трудомъ и сказалъ:

— О, Господи, это одинъ изъ нихъ! Они тутъ, на пароходѣ; я такъ и зналъ! Я надѣялся, что избавился отъ нихъ, но никакъ не могъ самъ этому вѣрить! Продолжайте.

Томъ сталъ описывать еще одного паршивца изъ палубныхъ, и Джэкъ снова вздрогнулъ и проговорилъ:

— Это онъ, другой! О, если бы только настала темная и бурная ночь, я высадився бы на берегъ! Вы видите, меня выслѣживаютъ. Имъ дано право ѣхать на пароходѣ, пить въ нижнемъ буфетѣ и они пользуются этимъ, чтобы подкупить кого-нибудь изъ здѣшнихъ... сторожа, лакея или кого другого... Если я сойду на берегъ незамѣтно, они все же узнаютъ это не болѣе какъ черезъ часъ...

Онъ толковалъ торопливо и безпорядочно, но мало-по-малу, перешелъ къ разсказу! Сначала все перескакивалъ съ одного на другое, но какъ только коснулся самой точки, тутъ уже заговорилъ связно.

— У насъ было налажено дѣльце сообщая,—началъ онъ.— Намѣтили мы для этого одинъ ювелирный магазинъ въ Сентъ-Льюисѣ. Въ немъ были два брилліанта величиною съ орѣхъ; всѣ бѣгали полюбоваться на нихъ. Мы были одѣты очень шикарно и разыграли свою штуку среди бѣлаго дня: попросили принести эти

бриллианты къ намъ въ отель, какъ бы желая ихъ купить, а тамъ, разсматривая ихъ и передавая изъ рукъ въ руки, подмѣнили ихъ на поддѣльные, которые были уже припасены у насъ. Эти-то фальшивые каменья и воротились въ магазинъ, когда мы заявили, что вода въ нихъ все же не достаточно хороша для двѣнадцати тысячъ долларовъ.

— Двѣнадцати... тысячъ... долларовъ!—повторилъ Томъ.— Неужели они могли столько стоить по вашему?

— Ни одного цента менѣе.

— И вы съ товарищами увезли ихъ?

— Безъ всякаго затрудненія. Я полагаю, что ювелиръ не догадался и до сихъ поръ объ этой продѣлкѣ. Но все же намъ было не безопасно оставаться въ Сентъ-Льюисѣ и мы стали раздумывать, куда бы отправиться. Одинъ полагалъ туда, другой сюда, такъ что, наконецъ, мы рѣшили кинуть жребій; выпало на долю Верхняго Миссиссипи. Мы запечатали бриллианты въ пакетъ, на которомъ написали наши имена, и оставили его на храненіе у кассира въ отелѣ, поставивъ ему непремѣннымъ условіемъ не отдавать его никому изъ насъ иначе, какъ въ присутствіи прочихъ; послѣ этого мы разошлись, чтобы побродить по городу. При этомъ, можетъ быть, у каждого изъ насъ была одна и та же мысль на душѣ. Не могу утверждать навѣрное, но едается мнѣ, что было такъ.

— Какая же мысль?—спросилъ Томъ.

— Обокрасть другихъ.

— Какъ? Одинъ изъ васъ присвоилъ бы себѣ то, что зарабатывали всѣ вмѣстѣ?

— Само собой.

Томъ Соуэръ пришелъ въ негодованіе, онъ говорилъ, что это было самое безчестное, самое подлое дѣло. Джэкъ Денлапъ возражалъ, что оно довольно обычно между лицами ихъ профессіи. По его словамъ, если пускаешься въ такіе обороты, то уже и наблюдай свой собственный интересъ; другіе о томъ не позаботятся... Онъ продолжалъ:

— Видите ли, горе было въ томъ, что двухъ бриллиантовъ не раздѣлишь между троими. Будь у насъ три камешка... Но, что подѣлаешь, трехъ-то не было. Я расхаживалъ по улицамъ, думая и раздумывая, пока не рѣшилъ: я уташу бриллианты при первомъ удобномъ случаѣ; припасу заранѣе, во что мнѣ перерядиться, ускользну отъ товарищей, переодѣнусь гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, и тогда ищите меня! И я тотчасъ купилъ эти бакенбарды, очки, платье, упряталъ все въ саквояжъ и пошелъ... Вдругъ въ одной лавкѣ, въ которой продается всякая всячина, вижу я сквозь окно одного изъ моихъ товарищей. Это

былъ Бедъ Диксонъ. Я очень обрадовался; думаю себѣ: посмотрю, что онъ покупаетъ. Притаился я и поглядываю. Ну, какъ вы полагаете, что онъ покупалъ?

— Бакенбарды?—спросилъ я.

— Нѣтъ.

— Очки?

— Нѣтъ.

— Да замолчи, Геккъ Финнъ, сдѣлай милость!—крикнулъ Томъ.—Ты только мѣшаешь разсказу. Что же онъ покупалъ, Джэкъ?

— Никогда не угадаете! Онъ покупалъ маленькую отвертку... самую что ни на есть крохотную отвертку.

— Вотъ тебѣ разъ! Зачѣмъ она ему понадобилась?

— Я и самъ недоумѣвалъ. Меня даже поразило. Къ чему могла понадобиться ему такая вещичка? Удивительно!.. Когда онъ вышелъ изъ лавки, я спрятался такъ, что онъ меня не замѣтилъ; потомъ, идя слѣдомъ за нимъ, я увидѣлъ, что онъ остановился у продавца готоваго платья и купилъ тамъ красную фланелевую рубашку и старую потасканную одежду, ту самую, которая теперь на немъ, по вашему описанію. Я отправился на пристань, спряталъ свои вещи на пароходѣ, который мы уже присмотрѣли, пошелъ назадъ и мнѣ посчастливилось увидать, какъ и другой мой товарищъ торговалъ себѣ платье у старьевщика. Сошлись мы все вътроемъ, взяли свои брилліанты и сѣли на пароходъ.

«Но тутъ бѣда: нельзя намъ лечь спать, потому что требуется намъ наблюдать другъ за другомъ! Что дѣлать, иначе быть не могло; вѣдь не болѣе какъ недѣли за двѣ передъ тѣмъ, у насъ чуть было до ножей не дошло, и если мы дружили теперь, то только ради работы сообща. Во всякомъ случаѣ худо было то, что у насъ всего два брилліанта на троихъ. Ну, поужинали мы, потомъ стали бродить взадъ и впередъ по палубѣ, и курили до полуночи; потомъ сошли въ мою каюту, заперли дверь, пощупали пакетикъ, чтобы убѣдиться, тамъ ли брилліанты, и положили его на нижнюю койку такъ, чтобы онъ былъ у всѣхъ на глазахъ, а сами сидимъ и сидимъ... Подъ конецъ стало ужасно трудно удерживаться, чтобы не заснуть. Бедъ Диксонъ не смогъ. А лишь только голова у него опустилась на грудь и онъ принялся похрапывать ровно, заснувъ крѣпко по всей видимости, Галь Клейтонъ кивнулъ мнѣ на брилліанты, потомъ на дверь. Я понялъ его отлично, всталъ и взялъ пакетикъ; мы постояли еще нѣсколько времени, выжидая въ полномъ молчаніи, но Бедъ и не шевельнулся; тогда я повернулъ тихонечко ключъ въ замѣкъ, нажалъ также осторожно ручку, мы вышли неслышно на цыпочкахъ и затворили за собой дверь, также безъ малѣйшаго стука.

«На палубѣ небылонивого и судно плыло неуклонно и быстро, прорѣзывая волны широкой рѣки. Мѣсяцъ свѣтилъ, какъ сквозь дымку. Мы не перекинулись ни однимъ словомъ, но прошли прямохонько на корму, подъ навѣсъ, и сѣли у палубнаго люка. Оба мы знали, что разумѣемъ, не имѣя надобности объяснять это другъ другу. Бедъ Диксонъ, проснувшись, долженъ былъ почуять штуку и явился бы тотчасъ къ намъ, потому что былъ не таковъ, чтобы испугаться чего-нибудь или кого-нибудь. Онъ долженъ былъ придти, а мы швырнули бы его за бортъ или отправили бы иначе на тотъ свѣтъ. Меня дрожь пронимала при этомъ, потому что я не такъ храбръ, какъ другіе, но если бы я только вздумалъ вилать... Ну, я понималъ, что лучше этого и не думать. Была у меня маленькая надежда на то, что мы сядемъ на мель гдѣ-нибудь и намъ можно будетъ улизнуть на берегъ, избѣжавъ всякой драки... Я такъ побаивался этого Диксона!.. Но нашъ пароходъ былъ приспособленъ къ мелководью и рассчитывать на такой случай было нельзя.

«Время тянулось, однако, а нашъ малый все не приходилъ! Стало уже и разсвѣтать, а его все нѣтъ и нѣтъ!

—«Чортъ возьми,—говорю я,—какъ ты полагаешь насчетъ этого?.. Не подозрительно ли оно?

—«Ахъ, чтобъ его!—отвѣчаетъ мнѣ Галь.—Да не одурачилъ ли онъ насъ? Разверни пакетъ.

«Я развертываю... Вѣрите ли: тамъ только два кусочка сахара! Вотъ почему онъ могъ тамъ остаться и дрыхнуть спокойно всю ночь! Ловко! У него былъ значить подготовленъ фальшивый пакетикъ и онъ успѣлъ подмѣнить имъ, у насъ подъ носомъ тотъ, настоящій!

«Мы чувствовали себя въ дуракахъ. Но нечего было терять времени, необходимо было составить поскорѣе планъ, и мы его и составили. Надо было задѣлать пакетикъ попрежнему, войти опять въ каюту тихохонько, положить его на прежнее мѣсто и представиться, что мы знать ничего не знаемъ и рѣшительно не подозреваемъ, что негодяй смѣялся надъ нами, когда всхрапывалъ такъ усердно. Но мы не спустимъ глазъ съ него и лишь только выйдемъ на берегъ, то напоимъ его до-пьяна, обыщемъ, найдемъ брилліанты и покончимъ съ нимъ, если будетъ не слишкомъ опасно. Если мы его уличимъ, то по необходимости должны будемъ и раздѣлаться съ нимъ; иначе онъ насъ выдастъ и погубить, это уже несомнѣнно. Но я мало надѣялся на успѣхъ. Я зналъ, что его легко напоить, онъ всегда былъ готовъ на это! Но что за польза была бы въ этомъ? Обыскивайте его цѣлый годъ и все же не найдете ничего...

«Я разсуждалъ такъ, и вдругъ меня осянило! Я едва смогъ

перевести духъ. Въ головѣ у меня промелькнула мысль, отъ которой мозгъ мой чуть не разлетѣлся на клочки... Но я былъ веселъ и счастливъ! Видите ли, я снялъ свои сапоги, чтобы дать отдохнуть ногамъ, и теперь, взявъ одинъ изъ нихъ, чтобы снова обуться, взглянулъ мелькомъ на каблукъ, и вотъ отъ этого-то и сперло дыхание у меня!.. Вы не забыли о той загадочной маленькой отверткѣ?

— Какъ можно!—сказалъ Томъ съ волненіемъ.

— Такъ вотъ, стоило мнѣ взглянуть на каблукъ и я понялъ, гдѣ были запрятаны брилліанты! Посмотрите вы на него: онъ подбитъ стальною пластинкой и она прикрѣплена маленькими винтиками. На всемъ Диксонѣ не было ни одного винта, за исключеніемъ этихъ, на его сапогахъ; и такъ, если ему требовалась отвертка, то ясно для какой цѣли.

— Геккъ, не остроумно ли это?—крикнулъ Томъ.

— Ну, ладно, я надѣлъ свои сапоги, мы съ Галемъ сошли внизъ, юркнули въ каюту, положили пакетики съ сахаромъ на мѣсто, усѣлись тихонько и стали слушать, какъ Бедъ Диксонъ похрапываетъ. Галь Клейтонъ тоже скоро заснулъ, но я не могъ спать; никогда въ жизни еще не былъ я такъ оживленъ! Я только нахлобучилъ себѣ шляпу на глаза и старался разглядѣть изъ подъ ея полей, гдѣ лежитъ мѣшокъ. Долго осматривалъ я такъ всѣ уголки и сталъ ужъ думать, что далъ промахъ, но вдругъ увидалъ то, чего искалъ: мѣшокъ лежалъ у самой перегородки и почти не отличался цвѣтомъ своимъ отъ ковра. Тутъ же валялась круглая деревяшечка, величиною съ кончикъ вашего мизинца, и я подумалъ про себя: въ гнѣздышкѣ вмѣсто тебя лежитъ брилліантъ. Скорѣе я увидалъ и другой подобный круглячекъ.

«Подумайте только о хладнокровіи и ловкости этого подлеца! Онъ задумалъ свою хитрость и рассчиталъ напередъ, какъ мы поступимъ, и мы попались въ ловушку, продѣлали все, какъ онъ предвидѣлъ, точно пара болвановъ! Мы ушли, а онъ, не торопясь, отвинтилъ пластинку у каблука, вырѣзалъ гнѣздышки въ немъ, спряталъ туда камешки и снова привинтилъ ее. Онъ догадывался, что мы скрадемъ подложный пакетъ, пойдемъ наверхъ и будемъ ждать всю ночь его прихода съ цѣлью его утопить... и, прахъ побереи, мы сдѣлали все, какъ по писанному! Да, нечего сказать, ловко было задумано!

— Признаюсь!—сказалъ Томъ съ восхищеніемъ.

IV.

— Цѣлый день провели мы, наблюдая другъ за другомъ и, правду сказать, очень было это тоскливо для двоихъ изъ насъ;

даже до крайности утомительно. Къ вечеру мы пристали у одного маленькаго городка на Миссури, повыше Ювы; мы отправились на берегъ, поужинали тамъ и остались на ночлегъ въ какой-то гостинницѣ. Намъ отвели комнату наверху; въ ней были койка и еще кровать на двоихъ. Пока мы поднимались по лѣстницѣ гуськомъ,—хозяинъ шелъ впереди съ сальной свѣчей, а я позади всѣхъ,—я успѣлъ сунуть свой мѣшокъ подъ небольшой столикъ въ темныхъ сѣняхъ. Мы потребовали себѣ запасъ водки и принялись играть въ кости, но, когда замѣтили, что Бедъ уже порядочно нагрузился, то сами перестали пить, а его все угощали; наконецъ онъ перепился до того, что свалился со стула, да такъ и заснулъ.

«Мы принялись тогда за работу, при чемъ я посоветовалъ намъ обоимъ разуться, чтобы не стучать, да и у него стащить сапоги ради того, чтобы лучше его обшарить. Такъ мы и сдѣлали; при этомъ я поставилъ сапоги Беда рядомъ съ моими, у себя подъ рукой. Стащивъ съ него платье, мы освидѣтельствовали всѣ его карманы, носки, заглянули внутрь сапогъ, вывернули его мѣшокъ. Бриллиантовъ не было нигдѣ. Мы нашли и отвертку. Галь спросилъ: «На что требовалось ему это?» Я отвѣтилъ: «Почемъ я знаю!..» Но когда Галь отвернулся, я засунулъ эту штучку къ себѣ. Наконецъ, Галь обозлился, пришелъ въ уныніе и сказалъ, что намъ уже не найти. Я только этого и ждалъ, и говорю ему:

«—Есть еще мѣсто, которое мы не осматривали.

«—Какое такое мѣсто?—спросилъ онъ.

«—А желудокъ.

«—И вправду! А мнѣ и невдомекъ. Чего проще! Ясно, какъ день. Только какъ же устроить?

«—Вотъ что,—сказалъ я,—ты побудь съ нимъ, пока я сбѣгаю за лекарствомъ. Будь спокоенъ, принесу такое зелье, что бриллианты не захотятъ оставаться долѣе въ томъ обществѣ, въ которомъ теперь находятся.

«Онъ сказалъ, что это отлично, и я на глазахъ у него надѣлъ сапоги Диксона вмѣсто своихъ, чего онъ не замѣтилъ. Они были мнѣ немножко велики, но это все же лучше, чѣмъ если бы были слишкомъ узки. Я захватилъ свой мѣшокъ, пробираясь черезъ сѣни, и черезъ минуту выскользнулъ изъ дома чернымъ ходомъ и зашагалъ вверхъ по рѣкѣ такъ, чтобы отхватывать по пяти миль въ часъ...

«И, знаете, недурно чувствуешь себя, ступая по бриллиантамъ! Пройдя съ четверть часа, я подумалъ: я уже больше чѣмъ на милю оттуда и тамъ все еще спокойно. Черезъ пять минутъ я удалился еще болѣе, а позади меня остался человѣкъ, который начинаетъ думать, что у меня за помѣха случилась? Еще пять ми-

нутъ—и онъ уже порядочно встревожился, спускается внизъ. Еще пять—и мною пройдено двѣ съ половиною мили, а онъ страшно волнуется... начинаетъ ругаться, я увѣренъ! Наконецъ, прошло сорокъ минутъ—онъ догадывается, что его провели... Пятьдесятъ минутъ—истина раскрывается передъ его глазами! Онъ убѣжденъ, что я нашелъ брилліанты во время нашего обыска, сунулъ ихъ себѣ въ карманъ и виду не подалъ... Да, и онъ бѣжитъ въ догонку за мной. Онъ будетъ искать моихъ слѣдовъ на песокъ, но такихъ слѣдовъ много и они могутъ направить его какъ вверхъ, такъ и внизъ по рѣкѣ.

«Въ эту минуту, вижу я, ѣдетъ человѣкъ верхомъ на мулѣ. Самъ не знаю зачѣмъ, я кинулся прочь отъ него, въ кусты. Это было нелѣпо. Поровнявшись со мною, онъ остановился, подождать немного, не выйду ли я, потомъ отправился далѣе. Я упалъ духомъ, понимая, что самъ испортилъ дѣло своей необдуманностью: онъ могъ указать на меня, если бы повстрѣчался съ Галемъ Клейтономъ.

«Однако, около трехъ часовъ ночи, я добрался до Александрии, увидалъ у пристани этотъ пароходъ и очень обрадовался, чувству себя въ безопасности, понимаете! Разсвѣтало. Я вошелъ сюда, взялъ эту каюту, одѣлся въ это платье, потомъ снова вышелъ на палубу, взобрался на мостикъ къ шкиперу и сталъ сторожить, хотя понималъ, что это безцѣльно. Воротясь сюда, я полюбовался на свои брилліанты, все ожидая, когда же тронется пароходъ? А онъ стоялъ, потому что поправляли что-то въ машинѣ, но я не зналъ этого, будучи мало знакомъ съ пароходствомъ.

«Ну, короче сказать, двинулись мы съ мѣста лишь въ полдень, но я уже задолго передъ тѣмъ запрятался въ свою каюту, потому что еще до завтрака увидалъ издали человѣка, который по походкѣ походилъ на Клейтона, и сердце у меня такъ и замерло. Я думалъ: если онъ узнаетъ, что я здѣсь, то попался я, какъ мышь въ мышеловку! Ему стоитъ только подстеречь меня и выждать... выждать, когда я сойду на берегъ, разсчитывая, можетъ быть, что онъ за тыячу миль отъ меня, пойти слѣдомъ за мною и отнять у меня брилліанты, а потомъ... О, я знаю, что онъ сдѣлаетъ потомъ!.. И это ужасно... ужасно!.. А теперь, какъ я вижу, и другой тутъ же на пароходѣ!.. О, ребята мои, это бѣда, страшная бѣда! Но вы поможете мнѣ спастись, неправда ли?.. О, милые мои, будьте жалостливы къ бѣднягѣ, котораго травятъ до смерти... спасите меня, и я буду благословлять самую землю, по которой вы ступаете!»

Мы старались его успокоить, говорили, что придумаемъ что-нибудь ему въ помощь и что ему нечего уже такъ бояться. Мало-по-малу, онъ ободрился, повеселѣлъ, отвинтилъ пластинки у сво-

ихъ каблуковъ, вынулъ брилліанты и сталъ подставлять ихъ такъ и эдакъ къ свѣту, чтобы полюбоваться ихъ игрой; нечего говорить, они были великолѣпны, когда лучи падали на нихъ: они вспыхивали и бросали снопы огня на все кругомъ. Но я все же думалъ, что за дуракъ этотъ Джэкъ. Будь я на его мѣстѣ, я отдалъ бы эти каменья тѣмъ двумъ молодцамъ съ тѣмъ, чтобы они сошли съ парохода и оставили бы меня въ покоѣ. Но у него были свои взгляды. Онъ говорилъ, что тутъ цѣлое состояніе, и не хотѣлъ ничего слышать.

Мы останавливались два раза для исправленія машины и стояли однажды ночью даже довольно долго у берега. Но Джэкъ находилъ, что недостаточно темно, и боялся сойти. При третьей подобной же остановкѣ дѣло показалось удобнѣе. Мы пристали къ берегу у одной роши, миляхъ въ сорока отъ фермы дяди Силаса, часу во второмъ ночи; было облачно и начиналась настоящая буря. Джэкъ находилъ случай удобнымъ для бѣгства. Мы забирали на бортъ дрова, но скоро дождь полилъ, какъ изъ ведра, а вѣтеръ все усиливался. Понятно, что всѣ судорабочіе, завернувшись въ порожніе мѣшки, накинувъ ихъ на голову, какъ они всегда это дѣлаютъ, когда таскаютъ дрова. Мы достали такой же мѣшокъ для Джэка; онъ пробрался на корму въ этомъ одѣяніи и съ своимъ саквоюжемъ подъ нимъ сталъ въ кучу съ прочими и перешелъ съ ними на берегъ. Когда мы увидѣли, что онъ уже за чертой свѣта отъ нашихъ фонарей и исчезъ въ темнотѣ, мы обрадовались и торжествовали... Но недолго. Кто-нибудь донесъ о томъ, потому что минутъ черезъ восемь или десять, смотримъ мы, тѣ двое молодцовъ бѣгутъ что есть мочи, проталкиваются впередъ, прыгаютъ на берегъ и были таковы! Мы ждали до разсвѣта, все надѣясь, что они воротятся, но нѣтъ! Оставалось намъ уповать только на то, что Джэкъ могъ уйти настолько впередъ, что они его не догонятъ и онъ успеетъ обратиться къ своему брату и спрячется тамъ.

Онъ хотѣлъ идти прибрежной дорогой и поручилъ намъ узнать, дома ли Брэсъ и Юпитеръ и нѣтъ ли у нихъ кого чужого. Вѣсть эту мы должны были передать ему, придя украдкою послѣ солнечнаго заката въ небольшую смоковничью рошу, находившуюся за табачнымъ полемъ дяди Силаса, на побережьѣ; мѣсто это было очень уединенное.

Мы съ Томомъ долго еще толковали объ участи Джэка. Томъ полагалъ, что ему могло посчастливиться лишь въ томъ случаѣ, если бы тѣ двое погнались вверхъ по рѣкѣ, а не внизъ; но это было мало вѣроятно, потому что они знали, откуда онъ родомъ; поэтому скорѣе можно было ожидать, что они пойдутъ по вѣрному слѣду, будутъ подстергать Джэка цѣлый день и потомъ

убьютъ его, когда стемнѣетъ, и снимутъ съ него сапоги. Очень жалѣли мы бѣднаго Джэка.

У.

Машину успѣли починить только къ вечеру, и солнце почти уже зашло, когда мы пріѣхали къ мѣсту. Мы пошли на ферму, не останавливаясь нигдѣ, и только сдѣлали крюкъ къ рощѣ съ тѣмъ, чтобы объяснить Джэку, почему мы запоздали, и попросить его обождать, пока мы сбѣгаемъ къ Брэсу и узнаемъ, какъ тамъ все обстоитъ. Порядочно уже стемнѣло, когда мы, усталые и въ поту, обогнули лѣсную опушку и увидали въ шагахъ тридцати передъ собой группу смоковницъ. По въ ту же минуту какіе-то два человѣка бросились въ эту чащу, и мы слышали страшный повторявшійся крикъ о помощи.

— Убили бѣднаго Джэка! — сказали мы. Не помня себя отъ страха, мы кинулись въ табачное поле и спрятались тамъ, дрожа такъ, что платье на насъ ходуномъ ходило. И лишь только мы тамъ укрылись, какъ мимо насъ, прямо къ смоковницамъ, пробѣжали еще какіе-то двое; черезъ секунду оттуда выскочили уже четверо, и всѣ понеслись къ дорогѣ, то есть двое догоняли двухъ другихъ.

Мы лежали въ травѣ, совсѣмъ одурѣвъ, и прислушивались, но все было тихо, только сердце стучало у насъ въ груди. Тамъ, подъ смоковницами, лежало что-то страшное; намъ казалось, что у насъ подъ бокомъ привидѣніе... Мѣсяцъ поднялся какъ бы изъ подъ самой земли, такой огромный, круглый и яркій, и смотрѣлъ изъ-за вѣтокъ, точно лицо человѣческое изъ-за тюремной рѣшетки. Вокругъ насъ вставали темныя тѣни, вились какія-то бѣлыя клубы и всюду господствовала глубокая тишина, страшная, жуткая, какъ на кладбищѣ... Вдругъ Томъ шепчетъ мнѣ:

— Смотри... что это?

— Не надо, говорю я. И чего ты пугаешь такъ невзначай? Я и такъ чуть уже не умеръ отъ страха.

— Смотри, тебѣ говорятъ! Къ намъ кто-то идетъ... Оттуда, изъ подъ смоковницъ.

— Томъ, молчи!

— И какой громаднѣйшій!

— О, Господи... Господи... помилуй!

— Молчи самъ теперь... онъ сюда направляется.

Томъ былъ въ такомъ волненіи, что едва могъ прошептать это. И я посмотрѣлъ... не могъ удержаться отъ этого. Мы оба приподнялись на колѣни, упершись подбородками въ плетень и стали смотрѣть, едва дыша. Что-то близилось по дорогѣ,

но тѣнь отъ деревьевъ мѣшала намъ видѣть, что это такое, до тѣхъ поръ, пока это не поровнялось съ нами... Тутъ оно вступило въ пространство, ярко освѣщенное мѣсяцемъ... и мы такъ и повалились назадъ: это была тѣнь Джэка Денлапа!

Минуты съ двѣ мы не могли и пошевелиться; потомъ видѣніе исчезло, и мы заговорили шепотомъ. Томъ сказалъ:

— Онъ всегда бываютъ неясныя, точно изъ дыма сотканныя. Можетъ быть, и дѣлаются изъ тумана... а это была не такая!

— Не такая, — подтвердилъ я. — Я отлично видѣлъ бакенбарды и очки.

— Да, и можно было тоже хорошо разсмотрѣть цвѣта на его маскарадномъ нарядѣ... Брюки клѣтчатыя, зеленыя съ чернымъ.

— Жилетъ изъ бумажнаго бархата, пунсовый съ желтыми клѣточками...

— Кожаныя штрипки у панталонъ... и еще одна изъ нихъ болталась, незастегнутая...

— Да и эта шляпа...

— Что за странная шляпа для тѣни!

Надо вамъ сказать, что тогда только-что вошли въ моду такія шляпы: черныя, высокія, вродѣ дымовой трубы, твердыя, негнушіяся и съ круглымъ дномъ... точно обрубокъ сахарной головы.

— Не замѣтилъ ты, Геккъ, волосы у него тѣ же?

— Нѣтъ... Или замѣтилъ?... То кажется мнѣ, что да, то опять нѣтъ...

— Я не замѣтилъ, но что касается саквояжа, я очень хорошо видѣлъ его.

— И я. Но къ чему тѣни имѣть саквояжъ?

— Вотъ на! Не хотѣлъ бы я быть такимъ дуракомъ, будь я на твоемъ мѣстѣ, Геккъ Финнъ. Все, что было у человѣка, то и его тѣни принадлежитъ. Имъ надо имѣть свои вещи, какъ и всѣмъ другимъ. Ты видишь же, что платье у привидѣнія обратилось въ такое же вещество. Почему же не обратиться и саквояжу? Это понятно, я думаю.

Онъ былъ правъ. Я не могъ ничего возразить. Въ это время мимо насъ прошелъ Билли Уитерсъ съ своимъ братомъ Джэкомъ. Джэкъ говорилъ:

— Какъ ты думаешь, что такое онъ тащилъ?

— Не знаю... а только что-то тяжелое.

— Да, едва справлялся. Вѣрно это какой-нибудь негръ, который укралъ ржи у стараго пастора Силаса.

— Такъ и я думаю. Оттого я и виду не подалъ, что подмѣтилъ его.

— И я тоже!

Они оба захохотали и пошли, такъ что мы не слышали болѣе ничего, но изъ сказаннаго было уже видно, до чего сталъ непопулярень старый дядя Силась. Никогда эти люди не позволили бы негру обворовывать кого бы то ни было такъ безнаказанно!

Тутъ слышались намъ и другіе голоса, сначала невнятно, потомъ все громче и громче, въ перемежку съ хохотомъ. Это шли Лэмъ Бибъ и Джимъ Лэнъ. Джимъ спрашивалъ:

— Кто?.. Юпитеръ Денлапъ?

— Да.

— Не знаю... Но думаю такъ. Я видѣлъ, какъ онъ копалъ землю, съ часъ тому назадъ, при закатѣ... вмѣстѣ съ пасторомъ. Онъ сказалъ, что не вырваться ему въ этотъ вечеръ, но собаку его мы можемъ взять, если хотимъ.

— Самъ онъ усталъ, вѣроятно.

— Полагаю... трудится такъ.

— Что и говорить!

Они разсмѣялись и прошли. Томъ сказалъ, что лучше всего пойти слѣдомъ за ними, потому что это по дорогѣ и намъ будетъ не такъ страшно встрѣтить опять тѣнь, если мы не одни. Мы такъ и сдѣлали, направляясь прямо къ дому.

Происходило это вечеромъ второго сентября, въ субботу. Я никогда не забуду этого числа, и вы увидите скоро, почему я такъ говорю.

VI.

Трусимъ мы такъ вслѣдъ за Джимомъ и Лэмомъ и поровнялись, наконецъ, съ заднимъ заборчикомъ, у котораго стояла хибарка стараго негра Джима (онъ тутъ и былъ схваченъ, послѣ чего мы его освободили), собаки высыпали намъ навстрѣчу и стали вертѣться около насъ въ знакъ привѣтствія; въ домѣ виднѣлся огонь, стало быть, намъ не было уже страшно и мы хотѣли перелѣзть черезъ изгородь, но Томъ шепнулъ мнѣ:

— Стой! Посидимъ съ минуту. Вотъ дѣла!

— Что такое?—спросилъ я.

— А очень многое,—отвѣтилъ онъ.—Ты ожидаешь, разумѣется, что мы такъ и кинемся рассказывать дома о томъ, кто убить тамъ среди смоковницъ и кто тѣ мерзавцы, что совершили это злодѣйство. Разкажемъ, что они задумали это, чтобы завладѣть брилліантами... словомъ, распишемъ все какъ нельзя лучше и будемъ торжествовать, потому что вѣрнѣе всѣхъ знаемъ, какъ и почему все это здѣсь случилось?

— Конечно, я этого ожидаю. Да ты будешь не Томомъ Соуэромъ, если пропустишь подобный случай. И если ты примешься расписывать, то уже, само собой, красокъ не пожалѣешь.

— Хорошо,—возразилъ онъ какъ нельзя спокойнѣе,—а что ты скажешь, если я не промолвлю ни слова?

Это меня изумило и я сказалъ:

— Я скажу, что ты врешь. Шутишь, Томъ Соуэръ, и болѣе ничего.

— А вотъ посмотримъ. Шла тѣнь босикомъ?

— Нѣтъ. Да что же изъ этого?

— Ты погоди... Увидишь, что. Была она въ сапогахъ?

— Была. Это я видѣлъ хорошо.

— Ты поклянешься?

— Изволь, поклянусь.

— Я то же. Что же это означаетъ, можешь сообразить?

— Нѣтъ, не могу. Что же такое?

— А то, что мошенники не завладѣли брилліантами!

— Господи, помилуй! Ты-то почему полагаешь?

— Не только полагаю, но знаю навѣрное. Развѣ брюки, очки, бакенбарды и саквояжъ и всякая тамъ принадлежность не вошли въ составъ тѣни? Не перешло ли сюда все, что было на покойникѣ? И если его тѣнь ходитъ теперь въ сапогахъ, то ясно, что сапоги остались тоже на мертвомъ; эти негодяи не сняли ихъ, почему-то. Какое тебѣ нужно еще доказательство?

Нѣтъ, подумайте только! Я не встрѣчалъ еще головы почище той, что была у Тома! У меня тоже были глаза и я могъ видѣть ими то и другое, но значенія этихъ вещей я не бралъ въ толкъ. Но Томъ Соуэръ былъ не таковъ! Если Томъ Соуэръ усматривалъ вещь, она становилась передъ нимъ на заднія лапки и объясняла ему: «Вотъ кто я и что во мнѣ!» Нѣтъ, право, я такой бапки не встрѣчалъ.

— Томъ Соуэръ, — сказалъ я, — я повторю то, что говорилъ уже много разъ: я тебѣ и въ подметки не гожусь. Но этому всему такъ и быть надо; все на своемъ мѣстѣ. Господь Всемогушій сотворилъ насъ всѣхъ, но одному далъ глаза слѣпые, а другому зрячіе, и не намъ разбирать, для чего онотакъ. Должно быть, такъ слѣдуетъ; иначе было бы и устроено по другому. А ты продолжай. Я понялъ теперь хорошо, что тѣ подлецы брилліантовъ не унесли; но почему же?

— Потому что бросились бѣжать отъ тѣхъ двухъ людей и не успѣли стащить сапогъ съ убитого.

— Дѣйствительно! Мнѣ ясно теперь. Но растолкуй же мнѣ, Томъ, почему намъ не пойти и не объявить всего этого?

— О, какой ты, Геккъ Финнъ, неужели не можешь догадаться? Вѣдь завтра же примутся за слѣдствіе. Тѣ двое людей заявятъ, что они слышали крикъ, но прибѣжали на мѣсто уже слишкомъ поздно для того, чтобы спасти человѣка. Судъ начнетъ,

бобы разводить и порѣшить на томъ, что человекъ былъ застрѣленъ, зарѣзанъ или хваченъ чѣмъ по головѣ, и посему, волею Божіею, помре. А затѣмъ назначать въ аукціонную продажу его тряпье, ради покрытія судебныхъ издержекъ; а тутъ мы и заполучимъ все!

— Какъ это, Томъ?

— Мы купимъ сапоги за два доллара!

Ну, у меня въ зобу такъ и сперло.

— Господь мой! Бриллианты-то значить достанутся намъ?

— Сообразиль? Рано ли, поздно ли, а будетъ объявлена большая награда тому, кто ихъ найдетъ... Цѣлая тысяча долларовъ, можетъ быть. Это уже намъ!.. Однако, пойдемъ же и домой, повидаемъ нашихъ. Помни только, что мы ничего не знаемъ ни объ убійствѣ, ни о бриллиантахъ, ни о какихъ-нибудь ворахъ... Смотри, не забудь.

Мнѣ немножко не понравилось его рѣшеніе. По моему, я продалъ бы бриллианты... да, сэръ, продалъ бы ихъ за двѣнадцать тысячъ долларовъ. Но я не сказалъ ниъего; оно ни къ чему бы и не послужило. Я только спросилъ Тома:

— Но что же скажемъ мы тетѣ Салли, если она станетъ удивляться тому, что мы шли такъ долго отъ деревушки, Томъ?

— Это уже твое дѣло,—отвѣтилъ онъ.—Полагаю, что придумаешь что-нибудь.

Онъ всегда поступалъ такъ: самъ былъ очень прямъ и совѣстливъ и ни за что не захотѣлъ бы сказать неправду.

Мы пошли черезъ большой дворъ, замѣчая и то, и другое, и третье, словомъ, все знакомое намъ и что было такъ пріятно снова увидѣть; а когда мы вошли въ длинный крытый проходъ между бревенчатой стѣной дома и кухнею, то замѣтили и тутъ, что все виситъ на стѣнахъ попрежнему; между прочимъ, какъ всегда, висѣлъ и старый рабочій фризовой сюртукъ дяди Силаса съ капюшономъ и съ бѣловатымъ отъ носки пятномъ между плечъ, походившимъ на слѣдъ отъ комка снѣга, пущеннаго въ спину старику. Мы подняли щиколду и вошли. Тетя Салли прибирала въ комнатѣ, дѣти сгруппировались въ одномъ уголку, а старикъ пріютился въ другомъ и молился о ниспосланіи всѣмъ имъ помощи въ такія трудныя времена. Тетя Салли бросилась къ намъ; съ радости даже слезы потекли у нея по щекамъ; она дернула каждого изъ насъ за ухо, затѣмъ стала насъ душить поцѣлуями, потомъ потрясла опять за уши и не могла унять, — до того была въ возхищеніи.

— Гдѣ вы пропадали, негодные?—говорила она. — Я до того безпокоилась, не знала, что и подумать! Вещи ваши прибыли еще давно и я варила вамъ заново ужинъ четыре раза, желая,

чтобы все было повкуснѣе и горячо къ вашему приходу; наконецъ, вышла я изъ терпѣнья и... и... готова была шкуру съ васъ спустить! Но вы, должно быть, проголодались, бѣдняжки! Садитесь же, садитесь скорѣе, времени не теряйте!

Хорошо было сидѣть тутъ, забывъ всякую нужду и угощаясь, сколько душа пожелаетъ. Старый дѣдъ Силасъ сталъ повторять надъ нами одно изъ своихъ самыхъ несладкихъ благословеній, въ которомъ было не меньше наслоекъ, чѣмъ ихъ въ луковицѣ бываетъ, а пока онъ тянулъ что то объ ангелахъ, я придумывалъ, что бы мнѣ сказать въ объясненіе того, что мы запоздали. Лишь только намъ наложили тарелки и мы принялись за ѣду, тетя Салли стала разспрашивать:

— Видите ли... мистриссъ...

— Геккъ Финнъ, съ которыхъ поръ я мистриссъ для тебя? Что я мало тебя цѣловала или шлепала съ того дня, какъ ты стоялъ въ этой комнатѣ и я приняла тебя за Тома Соуэра и благодарила Бога, пославшаго тебя ко мнѣ, хотя ты навралъ мнѣ съ три короба и я вѣрила всему этому, какъ дурочка? Зови меня «тетя Салли», какъ и звалъ всегда!

Я послушался и началъ:

— Видите ли, мы съ Томомъ рѣшили пройтись пѣшкомъ... въ лѣсу такой ароматъ... и повстрѣчали мы Лэма Бибъ и Джима Лэнь... и они пригласили насъ пойти за ежевикой... и говорили, что могутъ взять собаку у Юпитера Денлапа, потому что онъ только-что имъ сказалъ...

— Гдѣ они его видѣли?—спросилъ старикъ, и когда я взглянулъ на него, дивясь тому, что ему любопытна такая ничтожная подробность, я увидалъ, что глаза у него горятъ и онъ такъ и впился ими въ меня. Это меня поразило до того, что я совсѣмъ растерялся; однако, собравшись съ духомъ, я отвѣтилъ:

— Видѣли они въ то время, когда онъ копалъ землю съ вами вмѣстѣ... солнце уже заходило или было около того.

Онъ проговорилъ только: «а», какъ будто ожидалъ не того, и потомъ не принималъ уже болѣе участія въ разговорѣ, а я продолжалъ:

— Такъ вотъ, какъ я говорю...

— Довольно, не надо больше!—перебила меня тетя Салли, пронизывая взглядомъ: она была взбѣшена.—Геккъ Финнъ, какимъ образомъ тѣ двое ходили за ежевикой въ сентябрѣ... и въ этихъ мѣстахъ?

Я увидалъ, что вляпался, и не зналъ, что сказать. Она обождала, все не сводя съ меня глазъ, а потомъ проговорила:

— И какже это пришла имъ идиотская мысль собирать ежевику ночью?

— Но... они... видите... они говорили, что у нихъ фонарь и...

— О, прикуси языкъ! Опомнись немножко; зачѣмъ нужна была имъ еще и собака? Для охоты за ежевикой?

— Я думаю... они... они...

— Ну, Томъ Соуэръ, что повернется сказать еще твой языкъ въ прибавку къ этому вранью? Говори... но предупреждаю тебя прежде чѣмъ ты откроешь ротъ, я не повѣрю ни одному тво-
ему слову. Ты съ Геккомъ былъ занятъ чѣмъ-нибудь, что вовсе не ваше дѣло... я знаю это отлично, потому что знаю обоихъ васъ. Прошу тебя объяснить мнѣ и эту собаку, и ежевику, и фонарь, и весь прочій вздоръ. И говори не мамля... слышишь?

Томъ казался оскорбленнымъ и проговорилъ съ достоинствомъ:

— Мнѣ очень жаль, что съ Геккомъ обходятся такъ, и изъ-за того только, что онъ обмолвился... а это можетъ случиться со всякимъ.

— Въ чемъ обмолвился?

— Онъ назвалъ ежевику, разумѣя, понятнымъ образомъ, землянику.

— Томъ Соуэръ, если ты взорвешь меня окончательно, я...

— Тетя Салли, не подозрѣвая того... и безъ всякаго желанія съ вашей стороны, разумѣется... вы въ большемъ заблужденіи. Если бы вы изучали хорошенько естественную исторію, то знали бы, что рѣшительно во всемъ мірѣ... за исключеніемъ только Арканзаса, въ которомъ мы теперь... принято искать землянику именно съ собаками и фонаремъ...

Но тетя Салли кинулась впередъ, налетѣла на него и сбила съ ногъ. Она была взбѣшена до того, что захлебывалась отъ брани, и слова такъ и стремились у нея непрерывнымъ потокомъ. Тому только этого и хотѣлось. Онъ не препятствовалъ ей изливать свою злобу, пока не устанетъ; потомъ слѣдовало оставить ее въ покоѣ и дать ей остыть. Послѣ всего этого ей будетъ такъ досадно самой на себя, что она не заговоритъ уже о томъ же предметѣ и другимъ говорить не позволитъ. Именно такъ и произошло. Когда она утомилась и вынуждена была замолчать, Томъ сказалъ совершенно спокойно:

— Все же, тетя Салли...

— Молчать! — крикнула она. — Не хочу слышать ни слова отъ васъ!

Мы были въ безопасности, значитъ. Насъ не тревожили болѣе насчетъ того, что мы запоздали. Томъ провелъ это мастерски.

VII.

Бенни было не весела и даже вздыхала по временамъ; однако, она разговорилась, стала разспрашивать о Мэри, о Сидѣ, о тетѣ Полли; мало-по-малу гроза прошла у тети Салли: она снова развеселилась, начала тоже освѣдомляться о всѣхъ, словомъ, стала такою миленькою, какъ всегда, и нашъ ужинъ прошелъ шумно и весело. Одинъ только старикъ нашъ почти не принималъ участія въ бесѣдѣ, былъ разсѣянъ, тревоженъ и вздыхалъ частенько. Даже больно было смотрѣть, до чего онъ грустенъ и разстроенъ.

Немного спустя послѣ ужина къ намъ постучали, и изъ двери высунулъ голову какой-то негръ. Онъ кланялся и расшаркивался, держа въ рукахъ свою старую соломенную шляпу, и говорилъ, что масса Брэсъ стоитъ у забора, зоветъ Юпитера... и сердится очень на то, что ему приходится ждать своего ужина изъ-за брата. Не можетъ ли масса Силасъ сказать, гдѣ же онъ?

Никогда еще я не видывалъ дядю Силаса такимъ рѣзкимъ и гнѣвнымъ. Онъ крикнулъ: «Развѣ я сторожъ его брату?..», но тотчасъ осѣкся, какъ будто пожалѣвъ о томъ, что вырвалось у него, и сказалъ уже мягко:

— Не повторяй этихъ словъ, Билли; ты меня озадачилъ вопросомъ, а я теперь такой раздражительный сталъ, мнѣ нездоровится эти дни и я часто не владѣю собой! Скажи просто, что его здѣсь пѣтъ.

Когда негръ ушелъ, онъ всталъ и принялся расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, бормоча что-то про себя и запуская руки себѣ въ волосы. Право, грустно было смотрѣть на него! Тетя Салли шепнула намъ, что не надо обращать вниманія на то, что онъ дѣлаетъ, потому что это его смущаетъ. Она говорила, что онъ теперь все задумывается, именно съ тѣхъ поръ, какъ начались эти непріятности, и что онъ даже мало сознаетъ что-нибудь, когда эти думы на него насаждаютъ. Онъ теперь чаще прежняго ходитъ во снѣ, блуждаетъ по всему дому, иногда даже и выйдетъ съ крыльца, и это все во снѣ. Если бы намъ случилось увидѣть его въ такое время, мы должны были не окликать его и оставить въ покоѣ. Она думала, что вреда ему это не приносить, даже пользу дѣлаетъ, можетъ быть. Бенни была лучшимъ утѣшеніемъ для него въ это послѣднее время; она какъ будто знала, когда надо его уговаривать и когда оставить въ покоѣ.

Онъ все ходилъ взадъ и впередъ, бормоча что-то про себя, и сталъ уже замѣтно наконецъ уставать. Тогда Бенни подошла къ старику, приластилась къ нему сбоку, обвила его одной рукой

вкругъ пояса, а другою взяла его за руку и стала ходить вмѣстѣ съ нимъ. Онъ улыбнулся ей, нагнулся и поцѣловалъ ее; мало-помалу съ лица его исчезло грустное выраженіе, и Бенни могла уговорить его пойти къ себѣ. Въ ихъ взаимномъ обращеніи было столько ласки, что было пріятно смотрѣть на нихъ.

Тетя Салли хлопотала, укладывая дѣтей спать; все въ домѣ стихло и стало такъ тоскливо, что мы съ Томомъ рѣшили пройтись при свѣтѣ луны. Дорогою мы заглянули на огородъ, сорвали тамъ арбузъ и принялись за него, продолжая бесѣдовать. Томъ говорилъ, что, по его убѣжденію, во всѣхъ ссорахъ могъ быть виноватъ только Юпитеръ и что онъ, Томъ, постарается быть свидѣтелемъ такой сцены и, если дѣло обстоитъ такъ, какъ онъ думаетъ, то онъ постарается заставить дядю Силаса прогнать этого дурака.

Мы просидѣли такъ, покуривая, грызя арбузъ и толкуя, часа два, можетъ быть; было довольно поздно, и когда мы воротились домой, тамъ было совсѣмъ темно и тихо: всѣ спали.

Томъ всегда замѣчалъ рѣшительно все; онъ замѣтилъ и те перь, что стараго зеленаго фризоваго сюртука дяди Силаса н было на стѣнѣ; между тѣмъ, по его словамъ, онъ висѣлъ тутъ пр нашемъ уходѣ. Это показалось намъ страннымъ, но мы спѣшилъ къ себѣ, чтобы лечь.

Бенни долго ходила у себя въ комнатѣ, которая была рядомъ съ нашей; мы понимали, что она тревожится о своемъ отцѣ и не можетъ уснуть. Да и намъ не спалось; мы курили довольно долго и разговаривали вполголоса; намъ было жутко и грустно; мы не могли не толковать объ убитомъ и объ его тѣни, и это нагоняло на насъ такую тоску, что сонъ и на умъ не шелъ.

Когда стало еще позднѣе и всѣ звуки стали голосами ночи, всегда такими страшными, Томъ подтолкнулъ меня и шепнулъ: «Смотри!..» Я посмотрѣлъ и вижу, что по двору бродитъ человѣкъ, который какъ будто самъ не знаетъ, что ему надо. Было такъ сумрачно, что мы не могли разглядѣть всего хорошенько. Но, когда онъ направился къ изгороди и сталъ перелѣзать черезъ нее, луна освѣтила его фигуру и мы увидѣли, что на плечо у него вскинута заступъ, а на спинѣ стараго рабочаго сюртука выступаетъ бѣловатое пятно.

— Это онъ во снѣ ходитъ, — сказалъ Томъ. — Хотѣлось бы мнѣ пойти за нимъ и увидать, что онъ дѣлаетъ. Онъ побрелъ черезъ табачное поле... Вотъ его и не видно уже. Ужасно жалко, что онъ не можетъ и ночи провести спокойно.

Мы ждали долго, но онъ не возвращался или, можетъ быть, прошелъ другою дорогою; наконецъ, мы устали и легли спать. Только насъ мучили всякіе кошмары, а передъ разсвѣтомъ

разбудила страшная буря: громъ и молнія наводили страхъ, вѣтеръ клонилъ и ломалъ деревья, дождь лилъ, какъ изъ ведра, и всѣ канавки превратились въ потоки. Томъ сказалъ мнѣ:

— Слушай, Геккъ, я замѣчу тебѣ любопытную вещь. До той самой минуты, когда мы съ тобою вышли вчера, въ семьѣ Джэка Денлапа не могли знать о его убійствѣ. Но тѣ люди, что гнались за Клэйтономъ и Диксономъ, распространять вѣсть повсюду въ какіе-нибудь полчаса, и всякій, кто услышитъ ее, кинется отъ одной фермы къ другой, стараясь сообщить раньше другихъ подобную новость. Еще бы! Въ продолженіе лѣтъ тридцати не приходилось имъ и двухъ разъ рассказывать что-нибудь такое любопытное. Эта страсть передавать новости замѣчательна; но я ее не понимаю.

Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, чтобы дождь пересталъ и намъ можно было бы выйти и повстрѣчать людей, чтобы посмотреть, какъ и что будутъ они намъ рассказывать. И онъ говорилъ, что мы должны притвориться очень изумленными и испуганными.

Мы вышли тотчасъ, какъ пересталъ дождь. Былъ уже бѣлый день; мы выбрались на большую дорогу и намъ встрѣчались разные лица, которые останавливали насъ, здоровались, спрашивали, когда мы пріѣхали, какъ поживаютъ наши тамъ, долго ли мы здѣсь пробудемъ, словомъ, говорилось все обычное, но никто не заикнулся о случившемся. Это было даже изумительно! Томъ полагалъ, что, если мы пойдемъ въ рошу, къ смоковницамъ, то увидимъ, что трупъ лежитъ одиноко, нѣтъ ни души около него. Онъ говорилъ, что люди, гнавшіеся за ворами, могли забѣжать за ними слишкомъ далеко въ глубь лѣса, чѣмъ злодѣи воспользовались, чтобы убить и ихъ, такъ что некому было и рассказывать о случившемся.

И не успѣвъ еще одуматься, мы шли уже, куда надо, и очутились у смоковницъ. У меня морозъ по кожѣ пробѣгалъ, и я объявилъ, что шагу не ступлю далѣе, несмотря на всѣ просьбы Тома. Но онъ не могъ удержаться: ему хотѣлось удостовѣриться, цѣлы ли сапоги, не сняты ли они съ мертвеца. И онъ полѣзъ въ чашу, но черезъ минуту показался опять, глаза у него были выпучены, онъ страшно волновался и крикнулъ мнѣ:

— Геккъ, онъ ушелъ!

Я былъ пораженъ и сказалъ:

— Томъ, ты врешь.

— Честное слово, его нѣтъ. И никакого слѣда! Земля, правда, утоптана, но если была видна кровь, то ее смыло дождемъ. Здѣсь только грязь и слякоть.

Я согласился подойти, наконецъ, чтобы убѣдиться своими глазами. Томъ не лгалъ: не было и помину о трупѣ!

— Плохи дѣла, — сказалъ я. — Бриллианты-то улизнули. Можно полагать, что мошенники тихонько воротились и утащили уби-таго... Какъ ты думаешь?

— Похоже на то. Весьма даже вѣроятно. Но куда они его за-прятали?

— Не знаю... да и знать не хочу, — сказалъ я съ досадою. — Для меня имѣетъ значеніе только то, что они взяли себѣ сапоги. Пусть себѣ лежитъ здѣсь въ лѣсу гдѣ-нибудь, я искать не пойду.

Томъ потерялъ тоже всякій интересъ къ дѣлу и если хотѣлъ знать, куда дѣвался убитый, то лишь изъ простаго любопытства. Но онъ говорилъ, что намъ все же надо быть тише воды, ниже травы, потому что собаки или какіе-нибудь люди непременно наткнутся на трупъ въ скоромъ времени.

Мы воротились домой къ завтраку, раздосадованные и упавъ духомъ. Никогда еще не приходилось мнѣ такъ горевать до сихъ поръ ни объ одномъ покойникѣ!

VIII.

Не весело было у насъ за завтракомъ. Тетя Салли какъ-то осунулась, казалась измученной, даже не унимала дѣтей, которыя очень возились и шумѣли, а она какъ будто и не замѣчала этого, что было вовсе не въ ея привычкахъ; намъ съ Томомъ было о чемъ подумать и безъ разговоровъ; Бенни видимо не выспалась и, когда поднимала голову, чтобы взглянуть украдкой на отца, я подмѣчалъ у нея слезинки на глазахъ. Самъ старикъ сидѣлъ передъ своею непочатою тарелкою, и кушанье на ней стыло, а онъ и не замѣчалъ, что оно ему подано; онъ все думалъ и думалъ о чемъ-то, не говоря ни слова и не проглатывая ни куска.

Въ то время, какъ у насъ стояла мертвая тишина, тотъ негръ высунулъ опять изъ дверей свою голову, говоря, что масса Брэсъ очень беспокоится о массѣ Юпитерѣ, котораго нѣтъ до сихъ поръ... И если бы массѣ Силасу было угодно...

Онъ смотрѣлъ на дядю Силаса при этой рѣчи, но не догово-рилъ: слова такъ и замерли у него на языкѣ, потому что дядя Силасъ поднялся, шатаясь, уперся одною рукою о столъ, а другою раза два потеръ себѣ грудь, точно задыхаясь. Наконецъ, все не сводя глазъ съ негра, онъ прошепталъ съ великимъ тру-домъ:

— Что же онъ... онъ думаетъ... Что онъ воображаетъ такое?.. Скажи ему... скажи...

Онъ упалъ опять въ изнеможеніи въ свое кресло и произ-несъ чуть слышно:

— Уходи... уходи...

Перепуганный негръ исчезъ, а мы всё почувствовали... Собственно не знаю, что это было за чувство, только очень тяжелое; нашъ старикъ едва переводилъ духъ, глаза у него закатились; казалось, что онъ умираетъ. Мы не смѣли пошевелинуться, но Бенни встала тихонько, подошла къ нему вся въ слезахъ, прижала къ себѣ его сѣдую голову и стала ее поглаживать и ласкать, а намъ сдѣлала знакъ уходить. Мы повиновались и выбрались вонъ осторожно, словно тутъ былъ покойникъ.

Мы съ Томомъ отправились въ лѣсъ, очень грустные, и разсуждали о томъ, какъ все не походило теперь на то, что было здѣсь прошлымъ лѣтомъ, когда мы тоже гостили у дяди Силаса. Такъ было все мирно, тихо и благополучно; дядя Силасъ пользовался общимъ уваженіемъ, былъ такой веселый, простодушный, недалекій, но добренькій... А теперь, посмотрите на него! Если онъ еще не совсѣмъ помѣшался, то очень близокъ къ тому. Мы это видѣли хорошо.

День былъ чудный, ясный, солнечный, и чѣмъ далѣе поднимались мы по холму, идя къ лугамъ, тѣмъ красивѣе и красивѣе становились деревья и цвѣты, и тѣмъ страннѣе и какъ бы грѣховнѣе казались намъ всякія смуты въ подобномъ мірѣ! Вдругъ, я такъ и обмеръ, схватилъ Тома за руку, а сердце во мнѣ и всё мои печенки и легкія и что тамъ еще во мнѣ есть, такъ и упало.

— Вотъ она! — сказалъ я. — Мы отпрянули назадъ, за кусты, всё дрожа, а Томъ шепнулъ мнѣ:

— Шш... Не шуми.

Она сидѣла, задумавшись, на большомъ пнѣ въ концѣ лужайки. Я хотѣлъ увести Тома прочь, но онъ не соглашался, а я безъ него не могъ тронуться съ мѣста. Онъ говорилъ, что намъ можетъ не представиться другого случая видѣть тѣнь, и онъ хотѣлъ насмотрѣться вдоволь на эту, хотя бы пришлось умереть. Ну, сталъ смотрѣть и я, хотя отъ этого едва чувствъ не лишился. А Тому не терпѣлось, онъ все болталъ, шепотомъ, разумѣется.

— Бѣдняга Джэкъ, — говорилъ онъ, — все-то на себя напаяли, какъ и намѣревался. Мы не были увѣрены насчетъ его волосъ, такъ вотъ, посмотри, они у него уже не длинные, а подстрижены коротко, какъ онъ и хотѣлъ. Геккъ, я не видывалъ ничего натуральнѣе этой тѣни!

— И я тоже, — сказалъ я. — Я узналъ бы его, гдѣ хочешь.

— Я тоже скажу. Призракъ, а смотритъ такимъ крѣпкимъ, неподдѣльнымъ... Ну, совсѣмъ Джэкъ, какимъ онъ былъ передъ смертью.

Мы продолжали смотрѣть. Вдругъ Томъ говоритъ:

— Однако, Геккъ, странная вещь. Тѣни какъ будто и не полагается бродить днемъ.

— Вѣрно, Томъ. Я никогда не слыхивалъ, чтобы это дѣлалось.

— То-то и есть; онѣ выходятъ только по ночамъ, да и то лишь послѣ полуночи. Тутъ что-нибудь да не ладно, припомни мои слова! Не можетъ быть, чтобы только этой тѣни дали право разгуливать днемъ. Между тѣмъ, чего ея натуральнѣе! Но, знаешь, Джэкъ хотѣлъ притвориться глухонѣмымъ для того, чтобы сосѣди не узнали его по голосу. Какъ думаешь, представится онъ такимъ, если мы къ нему обратимся?

— Господь съ тобою, Томъ! Что ты говоришь! Если ты окликнешь его, я умру тутъ на мѣстѣ!

— Ну, не бойся, не стану окликать... Однако, смотри, Геккъ, онъ чешетъ себѣ въ головѣ... Видишь?

— Вижу... Что же изъ этого?

— Какъ, что! Какой смыслъ ему почесываться? Развѣ можетъ у него тутъ зудить? Голова у тѣней изъ тумана или чего-нибудь въ этомъ родѣ; стало быть, какой же въ ней зудъ? Туманъ не можетъ зудѣть; всякій дуракъ это знаетъ.

— Хорошо, но если нѣтъ зуда и не можетъ быть, то чего же онъ чешется?.. Можетъ быть, привычка? Какъ ты полагаешь?

— Нѣтъ, сэръ, я этого не полагаю. Вообще, эта тѣнь ведетъ себя совершенно не такъ, какъ принято... Я начинаю думать, что тутъ какая-то фальшь... Я въ этомъ даже увѣренъ, какъ въ томъ, что я здѣсь сижу... Потому что, если бы она... Геккъ!

— Что еще тамъ?

— Сквозь нея нельзя видѣть кустарника!

— Еще бы, Томъ! Она непрозрачна, словно какая-нибудь ко-
рова. И я тоже начинаю думать...

— Смотри, смотри, Геккъ! Табакъ жуешь... Тѣни никогда не жуютъ. Имъ нечѣмъ жевать. Геккъ!

— Что? Я слушаю.

— Это вовсе не тѣнь. Это самъ Джэкъ Денлапъ, какъ есть?

— Ну, помѣшался!—сказалъ я.

— Геккъ Финнъ, нашли мы трупъ подъ смоковницами?

— Нѣтъ.

— Или какой-либо слѣдъ его?

— Нѣтъ.

— Оно и понятно. Никакого трупа и не было.

— О, развѣ мы, Томъ, не слышали...

— Да, слышали, кто-то крикнулъ, разъ, другой. Но развѣ это доказываетъ, что произошло убійство? Разумѣется, нѣтъ. Мы увидали, какъ выбѣжали четверо, а этотъ вышелъ оттуда и мы приняли его за тѣнь. Такая же тѣнь, какъ ты самъ! Это былъ живой Джэкъ Денлапъ, и онъ теперь тутъ и сидитъ. Онъ подрѣ-

заль себѣ волоса, какъ хотѣлъ, и представляется теперь другимъ человѣкомъ, рѣшительно такъ, какъ задумалъ. Тѣнь!.. Хороша тѣнь!

— Онъ цѣлехонекъ, какъ орѣхъ!

Все стало понятнымъ: мы попали впросакъ. Я былъ очень радъ тому, что Джэка не убили; Томъ тоже, и мы не знали только, что ему больше понравится: узнаемъ мы его или нѣтъ? Томъ полагалъ, что лучше всего пойти къ нему и спросить. Онъ такъ и сдѣлалъ; я шелъ, поотставъ немного, потому что, какъ знать, все же могла быть это и тѣнь... Подойдя, Томъ сказалъ:

— Мы съ Геккомъ очень довольны тѣмъ, что встрѣтились съ вами опять, и вы можете быть спокойны насчетъ того, что мы не проболтаемся. И если вы думаете, что намъ лучше и вида не показывать, что мы съ вами знакомы, когда мы столкнемся съ вами при другихъ, то скажите; вы увидите, что на насъ можно положиться; мы лучше дадимъ себѣ руки отрубить, чѣмъ ввести васъ въ бѣду.

Сначала, онъ какъ будто изумился, увидѣвъ насъ, и не очень-то обрадовался, очевидно; но потомъ, по мѣрѣ того, какъ Томъ говорилъ, онъ пересталъ хмуриться и даже улыбнулся подъ конецъ, кивая головой нѣсколько разъ, дѣлая знаки руками и мыча: «гу-у-гу-у-гу», знаете, какъ глухонѣмые.

Въ эту минуту стали подходить нѣкоторые изъ семьи Стива Никерсона, жившаго по ту сторону луга. Томъ сказалъ Джэку:

— Вы представляетесь великолѣпно. Я не видывалъ лучшаго подражанія. И вы правы: притворяйтесь и передъ нами, какъ передъ другими, это послужитъ вамъ для упражненія, да и лучше, не промахнетесь никогда. Мы не будемъ къ вамъ подходить, какъ будто и не знаемъ васъ, но, если потребуется наша помощь, оповѣстите насъ только.

Мы отправились далѣе, и когда поравнялись съ Никерсонами, они стали спрашивать насъ, какъ водится: это ли новый пріѣзжій, и откуда онъ, и какъ его звать, и какого онъ толка, баптистъ или методистъ, и какъ онъ по политикѣ, вигъ или демократъ, и долго ли онъ здѣсь пробудетъ... словомъ, осыпали насъ всѣми тѣми вопросами, которые дѣлаются людьми при видѣ всякаго новаго лица, да и животными тоже. Томъ отвѣчалъ, что онъ не разумѣетъ знаковъ, которыми говорятъ глухонѣмые, не понимаетъ тоже и ихъ мычанья. Они прошли и стали дразнить Джэка; мы видѣли это и безпокоились за него: Томъ говорилъ, что ему потребуется немало времени, чтобы пріучиться не забывать, что онъ глухъ и нѣмъ, и не проговориться невзначай. Но Джэкъ справлялся отлично съ своею ролью, какъ мы видѣли, долго наблюдая за нимъ, и мы пошли далѣе, желая поспѣть къ школѣ къ рекреационному времени, а до нея было три мили пути.

Мнѣ было очень досадно на то, что Джэкъ не разсказаль намъ ничего о борьбѣ подъ смоковницами и о томъ, какъ ему удалось избѣжать смерти. Я просто не могъ переварить этого, да и Томъ былъ очень недоволенъ, но онъ говорилъ, что будь мы на мѣстѣ Джэка, то старались бы такъ же быть, какъ можно осторожнѣе, помалкивали бы и не рисковали ничѣмъ.

Всѣ мальчики и дѣвочки очень обрадовались, увидя насъ, и мы порядочно позабавились во все продолженіе рекреациі. Гендерсоны, идя въ школу, видѣли глухонѣмого и разсказали о немъ прочимъ; поэтому всѣ школьники были заняты имъ, могли толковать только о немъ и очень хотѣли его увидать, потому что никогда еще въ жизни не видывали глухонѣмыхъ, и вѣсть о такомъ человѣкѣ приводила всѣхъ въ возбужденіе.

Томъ говорилъ мнѣ, что намъ теперь туго приходится отъ обѣщанія молчать: какими героями стали бы мы, разсказавъ все, что было намъ извѣстно! Но если поразсудить, то молчаніе было еще погеройственнѣе: изъ цѣлаго милліона ребятъ врядъ ли нашлись бы и двое, способные на него. Такъ рѣшилъ Томъ Соуэръ, и врядъ ли кто могъ опровергнуть это.

IX.

Въ какіе-нибудь два-три дня глухонѣмой сдѣлался весьма популярнымъ. Онъ перезнакомился съ сосѣдями и они очень ухаживали за нимъ, гордясь тѣмъ, что среди нихъ завелась такая диковинка. Они угощали его завтраками, обѣдами, ужинами, начинали его свининой и кукурузной кашей и не уставали глазѣть на него и жалѣть, что не знаютъ больше о немъ: онъ былъ такъ непохожъ на другихъ, точно взятъ изъ романа! Знаки его были непонятны, никто не могъ уразумѣть ихъ, какъ и самъ онъ, по всей вѣроятности; но онъ мычалъ, и этимъ всѣ были довольны, даже восхищались тѣмъ, какъ именно онъ мычитъ. Ему подавали аспидную доску съ написанными на ней вопросами и грифель, и онъ писалъ отвѣты, только никто, кромѣ Брэса Денлапа, не умѣлъ разобрать его почерка. Брэсъ говорилъ, что и самъ онъ не все можетъ прочесть, но что большею частью онъ угадываетъ смыслъ. По его словамъ, глухонѣмой говоритъ, что онъ родомъ издалека, имѣлъ состояніе, но потерялъ все, благодаря плутамъ, которые его обобрали, и теперь онъ нищій и не можетъ себѣ ничего зарабатывать.

Всѣ расхваливали Брэса Денлапа за его доброту къ этому чужаку. Онъ предоставилъ ему на житье небольшую деревянную клѣтѣ и велѣлъ своимъ неграмъ прислуживать ему и приносить поѣсть.

Глухонѣмой заходилъ и къ намъ, потому что дядѣ Силасу, въ его постоянной скорби, было даже утѣшительно видѣть кого-нибудь, тоже пораженнаго горемъ. Мы съ Томомъ и виду не показывали, что знали его прежде, и онъ тоже какъ будто и не видывалъ насъ. Всѣ наши высказывали передъ нимъ свои заботы, точно его тутъ и не было, но мы полагали, что нѣтъ никакой бѣды въ томъ, что онъ все это слышитъ. Большею частью онъ и не вслушивался, но иной разъ обращалъ вниманіе, какъ мы замѣчали.

Прошло еще дня два-три, и отсутствіе Юпитера стало всѣхъ беспокоить. Всѣ спрашивали другъ друга, куда бы могъ онъ пропасть? И каждый отвѣчалъ, что и ума приложить не можетъ, качалъ головой и находилъ дѣло очень страннымъ. Прошло еще нѣсколько дней, потомъ, неизвѣстно откуда, пронеслась мысль: вѣрно онъ былъ убитъ! Можете представить себѣ, какъ это всѣхъ ошеломило. Всѣ языки такъ и замолели на этотъ счетъ! Въ субботу двѣ или три партіи отрядились въ лѣсъ искать, не найдутъ ли трупъ. Мы съ Томомъ примазались тоже; намъ было такъ пріятно участвовать въ такомъ подвигѣ; Томъ не могъ ни ѣсть, ни усидѣть на мѣстѣ отъ восторга. Онъ говорилъ, что если мы найдемъ тѣло, то прославимся и о насъ будетъ больше толковъ, чѣмъ если бы сами мы утопились.

Однако, всѣ скоро устали, но не Томъ Соуэръ! О, это было не въ его характерѣ! Въ ночь на воскресенье онъ не могъ даже заснуть, все придумывалъ средство, а на разсвѣтѣ стаскиваетъ онъ меня съ постели и кричитъ съ восхищеніемъ:

— Скорѣе одѣвайся, Геккъ! Я придумалъ! Нужна ищейка!

Минуты черезъ двѣ, мы уже бѣжали берегомъ къ деревнѣ, хотя было еще темно. У стараго Джэффа Гукера была ищейка и Томъ хотѣлъ выпросить ее.

— Только слѣды-то теперь уже не свѣжи, Томъ,—сказалъ я.— Къ тому же были дожди...

• — Ничего не значить, Геккъ. Если трупъ запрятанъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, собака найдетъ его. Если убійцы даже закопали его, то, разумѣется, не глубоко, иначе быть не можетъ, и собакѣ стоитъ пройти по этому мѣсту, чтобы почуять мертвечину. Геккъ, мы прославимся, это такъ же вѣрно, какъ то, что ты родился на свѣтѣ!

Онъ такъ и горѣлъ; стоило ему только затлѣться, и всего его такъ уже пламенемъ и охватить. Такъ было и теперь; черезъ двѣ минуты онъ уже нарисовалъ себѣ все: мы не только найдемъ тѣло, нѣтъ, мы нападёмъ и на слѣдъ убійцы, будемъ гнаться за нимъ, не выпустимъ его изъ вида, пока...

— Прекрасно,—сказалъ я,—но сперва найдемъ тѣло; полагаю,

что и этой работы будетъ довольно намъ на сегодня. До сихъ поръ извѣстно намъ только то, что трупа не оказывается и слѣдовъ убійства нѣтъ. Очень возможно, что этотъ плутъ просто ушелъ куда-нибудь и никто не думалъ его убивать.

Онъ нахмурился и говорить мнѣ:

— Геккъ Финнъ, я не знаю, кто бы умѣлъ лучше тебя отравлять рѣшительно все! Пока тебѣ самому успѣхъ дѣла кажется сомнительнымъ, ты стараешься разочаровывать и другихъ. Что тебѣ за радость окачивать холодной водой этотъ трупъ и выдумывать собственную свою эгоистическую теорію о томъ, что никакого убійства и не было? Казалось бы, что нечего тебѣ мѣшать здѣсь. Я не понимаю, что заставляетъ тебя такъ поступать. Я-то никогда не позволилъ бы себѣ этого по отношенію къ тебѣ. Намъ представляется теперь такой великолѣпный случай совершить подвигъ, а ты...

— Да сдѣлай милость!—перебилъ я.—Я очень жалѣю о томъ, что говорилъ, и беру свои слова назадъ. Я сказалъ спроста. Располагай все, какъ знаешь. Мнѣ собственно и дѣла нѣтъ о Юпитера; если онъ убить, я готовъ радоваться этому, какъ и ты; если нѣтъ...

— Я никогда не говорилъ, что радъ этому. Я только...

— Ну, если ты огорченъ, то и я огорченъ. Словомъ, куда ты повернешь, туда и я. Пусть онъ...

— Никакого повертыванія тутъ нѣтъ, Геккъ Финнъ, и рѣчи о омъ не было. А что касается до...

Онъ забылъ, о чемъ началъ рѣчь, и сталъ шагать молча, въ аздумьѣ, но скоро воскликнулъ опять:

— Какъ хочешь, Геккъ, а отличная штука будетъ, если мы айдемъ трупъ послѣ того, какъ всѣ отказались уже отъ поисовъ, а потомъ выищемъ и убійцу. Это принесетъ честь не только намъ, но и дядѣ Силасу, потому что это будетъ сдѣлано нами. Онъ снова оживетъ, увидишь, или я не добьюсь этого!

Но когда мы пришли въ кузницу Джэффа Гукера и сказали ему, что намъ нужно, онъ тоже порядочно насъ охладилъ.

— Берите собаку, если хотите,—сказалъ онъ,—но все это вздоръ, не найдете вы никакого трупа, потому что и нечего находить. Всѣ перестали искать, и правы. Какъ пораздумали, то и поняли, что убитого быть не можетъ. Хотите знать, почему? Я скажу. По какому поводу убиваетъ одинъ человѣкъ другого? Томъ Соуэръ, отвѣтъ!

— Ну... онъ...

— Отвѣчай прямо, ты не дуракъ. Почему убиваетъ?

— Иногда изъ мести... Случается тоже...

— Пстой. Одну вещь за-разъ. Ты говоришь: изъ мести. Это

Тетя Салли и Бенни были благодарны ему за такія увѣщанія и говорили то же самое; но старикъ только трясъ головою съ скорбнымъ и безнадежнымъ видомъ, слезы текли у него по щекамъ и онъ повторялъ:

— Нѣтъ... это я... Бѣдный Юпитеръ, я его уходилъ!

Ужасно было слушать это, а онъ принялся рассказывать, какъ оно случилось, и именно въ тотъ самый день, когда мы съ Томомъ пріѣхали, и около солнечнаго заката. Онъ говорилъ, что Юпитеръ выводилъ его изъ себя и разозлилъ, наконецъ, до того, что онъ пришелъ въ бѣшенство, схватилъ палку и ударилъ его по головѣ изо всей силы, такъ что тотъ повалился. Онъ тотчасъ раскаялся въ своемъ поступкѣ, испугался, сталъ на колѣни, поднялъ голову Юпитера и сталъ его просить вымолвить слово, доказать, что онъ живъ... Юпитеръ скоро опомнился, но лишь только увидалъ, кто поддерживаетъ ему голову, вскочилъ въ смертельномъ страхѣ, перепрыгнулъ черезъ плетень и убѣжалъ въ лѣсъ. Дядя Силасъ надѣялся поэтому, что поранилъ его лишь слегка.

— Но, нѣтъ, — сказалъ онъ, — это только испугъ придалъ ему эту вспышку силы и она скоро угасла, разумѣется. Онъ упалъ среди чащи и умеръ тамъ по недостатку чьей-либо помощи..

И дядя Силасъ принялся снова рыдать, упрекая себя и говоря, что на немъ теперь печать Каина и что онъ опозорилъ свою семью; его уличать и повѣсять. Томъ возражалъ ему, говоря:

— Нѣтъ, васъ не уличать, потому что вы не убивали его. Одинъ вашъ ударъ не могъ причинить ему смерти. Убилъ его кто-либо другой.

— Я, а никто другой! — отвѣчалъ старикъ. — Кто другой имѣлъ что-нибудь противъ него?.. Кто могъ имѣть что-нибудь противъ него.

Онъ смотрѣлъ на насъ, какъ бы надѣясь, что мы назовемъ лицо, которое могло бы питать вражду къ такому безобидному, ничтожному человѣку, но мы не нашли, что сказать; онъ замѣтилъ это и лицо его омрачилось болѣе прежняго. Я не видывалъ никогда такого скорбнаго, жалкаго выраженія! Но Томъ вдругъ спохватился и сказалъ:

— Позвольте, кто-то зарылъ его. Кто же...

Онъ оборвался на полсловѣ и я понялъ почему. У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда онъ только заговорилъ: я передъ тѣмъ еще вспомнилъ, что мы видѣли, какъ дядя Силасъ бродилъ съ заступомъ въ ту ночь. И я зналъ, что и Бенни видѣла его тогда; она какъ-то разъ упомянула объ этомъ. Томъ, не dokonчивъ своей фразы, заговорилъ тотчасъ о другомъ; онъ

умолялъ дядю Силаса молчать, къ чему присоединились и мы всѣ; но Томъ утверждалъ, что онъ даже обязанъ это сдѣлать: ему нечего было доносить самому на себя, а если онъ промолчитъ, то никто его и не заподозритъ; если же все откроется и ему будетъ худо, это сокрушитъ сердце всей его семьѣ, убьетъ всѣхъ, а добра отъ этого никому не выйдетъ. Въ концѣ концовъ старикъ далъ слово молчать; мы всѣ ожили и старались его ободрить. Мы говорили ему, что отъ него требуется только, чтобы онъ сидѣлъ себѣ спокойно, а тамъ скоро все пройдетъ и забудется. Кому придетъ въ голову заподозрить дядю Силаса, толковали мы, когда онъ такой добрый, ласковый и пользуется такою хорошею репутаціею. Томъ говорилъ привѣтливо, отъ чистаго сердца:

— Только подумайте минуту, поразсудите. Вотъ нашъ дядя Силасъ: онъ состоитъ здѣсь проповѣдникомъ уже много лѣтъ... и безкорыстно; всѣ эти годы онъ дѣлаетъ добро, оказываетъ услуги, по мѣрѣ своихъ силъ... и тоже безкорыстно; всѣ его любятъ, уважаютъ; онъ живетъ всегда мирно, занимается однимъ своимъ дѣломъ, словомъ, послѣдній человѣкъ во всемъ округѣ, который былъ бы способенъ тронуть другого. Подозрѣвать его? Да это такъ же невозможно, какъ...

— Именемъ закона штата Арканзасъ... арестую васъ по подозрѣнію въ убійствѣ Юпитера Денлапа! — прогремѣлъ голосъ шерифа на порогѣ комнаты.

Настало что-то ужасное. Тетя Салли и Бенни кинулись къ дядѣ Силасу, крича и рыдая, обнимали его, прижимали къ своей груди; тетя Салли гнала всѣхъ прочь, говорила, что не дастъ его, не позволить взять, а негры собрались у дверей, тоже плача... Я не могъ вынести этого, сердце у меня разрывалось, и я убѣжалъ.

Его засадили въ маленькій острогъ въ концѣ поселка, и всѣ мы отправились съ нимъ проститься. Томъ снова расхотѣлся и говорить мнѣ:

— Знаешь, у насъ впереди большой подвигъ; мы подвергнемся разнымъ опасностямъ, но освободимъ старика въ одну темнѣйшую ночь. Да, Геккъ, молва объ этомъ разнесется повсюду и мы прославимся!... Но дядя Силасъ разстроилъ весь этотъ чудный планъ, лишь только Томъ намекнулъ на него. Онъ сказалъ, что считаетъ своимъ долгомъ подвергнуться тому, чего требуютъ законы, и не тронется изъ тюрьмы, хотя бы даже въ ней и двери не было. Это разочаровало Тома и даже глубоко огорчило его, но нечего было дѣлать, приходились съ этимъ мириться.

Тѣмъ не менѣе Томъ считалъ себя отвѣтственнымъ за все происшедшее и обязаннымъ поэтому возвратить свободу дядѣ Силасу; онъ просилъ тетю Салли не падать духомъ, потому что намѣревался стараться день и ночь о томъ, чтобы доказать

невинность старика. Тетя Салли ласкала его, благодарила, говоря, что вѣрить въ его готовность употребить всѣ свои усилія, и просила его помогать Бенни въ присмотрѣ за домомъ и за дѣтьми. Потомъ, поплакавъ и распростиаясь, мы всѣ воротились на ферму, а тетя Салли осталась на мѣсяцъ у жены тюремнаго сторожа, въ ожиданіи суда, который былъ назначенъ на октябрь.

XI.

Тяжело было всѣмъ прожить этотъ мѣсяцъ. Бѣдная Бенни бодрилась, сколько могла; мы съ Томомъ старались поддерживать въ домѣ веселье, но, понятно, это плохо намъ удавалось. То же самое было и въ тюрьмѣ. Ходили мы навѣщать нашихъ стариковъ каждый день, но это было до крайности грустно, потому что дядя Силасъ спалъ мало, а во снѣ все расхаживалъ, такъ что страшно исхудалъ, сталъ совсѣмъ изможденный, заговаривался, и мы всѣ боялись, что эти огорченія одолѣютъ его въ конецъ и убьютъ. И когда мы пытались ободрить его, онъ только качалъ головою и говорилъ, что если бы мы только знали, что значить имѣть на своей душѣ бремя убійства, то и не стали бы толковать! И когда Томъ и мы всѣ убѣждали его въ различіи между убійствомъ и случайнымъ нанесеніемъ смертельнаго удара, онъ говорилъ намъ, что не видитъ этого различія: убійство оставалось убійствомъ; онъ стоялъ на этомъ. И по мѣрѣ приближенія дня суда онъ становился все упорнѣе и началъ даже утверждать, что совершилъ убійство преднамѣренно. Это было ужасно, какъ можете себѣ представить. Дѣло становилось хуже въ пятьдесятъ разъ, и тетя Салли съ Бенни пришли въ совершенное отчаяніе. Старикъ давалъ намъ, однако, обѣщаніе не говорить такъ при постороннихъ, и мы были рады хоть этому.

Томъ Соуэръ все ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ бы помочь дядѣ Силасу, и частенько не давалъ мнѣ спать почти цѣлую ночь напролетъ, все толкуя о затруднительномъ дѣлѣ, но никакъ не могъ придумать чего-нибудь подходящаго. Я полагалъ, что нечего тутъ и стараться; кругомъ было мрачно, я рѣшительно упалъ духомъ, но Томъ—нѣтъ! Онъ не хотѣлъ бросать дѣла и все выдумывалъ и придумывалъ, мучилъ свои мозги.

Наконецъ, наступилъ и судъ. Было это около половины октября. Мы всѣ явились, разумѣется; да и вся зала была биткомъ набита. Бѣдный дядя Силасъ походилъ болѣе на мертвеца, чѣмъ на живого человека; глаза у него ввалились, онъ весь исхудалъ и былъ крайне унылъ. Бенни сѣла возлѣ него съ одной стороны, тетя Салли—съ другой; обѣ онѣ казались страшно взволнованными и сидѣли, опустивъ вуали на лицо. Томъ усѣлся возлѣ защитника

и совался во все, разумѣется, и адвокатъ, и судья, не мѣшали ему. Онъ даже иногда прямо принималъ на себя дѣло изъ рукъ адвоката, что было и недурно иной разъ: этотъ адвокатъ былъ какой-то захолаустный, настоящая болотная черепаха, которая, по поговоркѣ, не умѣетъ даже спрятаться, когда дождь идетъ.

Присяжные были приведены къ присягѣ, обвинитель поднялся съ мѣста и началъ рѣчь. Онъ наговорилъ такихъ ужасныхъ вещей противъ дяди Силаса, что бѣдный старикъ застоналъ, а тетя Салли и Бенни залились слезами. То, что онъ принялся рассказывать объ убійствѣ, поразило насъ всѣхъ, до того оно не походило на заявленіе самого дяди Силаса. Онъ говорилъ, что представить двухъ очевидцевъ убійства, что два достовѣрные свидѣтеля видѣли, какъ подсудимый убилъ Юпитера, и убилъ преднамеренно. Эти два лица видѣли, что Юпитеръ былъ поконченъ разомъ, отъ одного удара дубиной; потомъ на ихъ глазахъ подсудимый запряталъ тѣло въ кусты; Юпитеръ былъ тогда положительно мертвъ. Затѣмъ, продолжалъ обвинитель, Силасъ воротился и стащилъ убитого въ табачное поле, тоже на виду у свидѣтелей, а позднѣе, ночью, воротился и зарылъ его, что тоже видѣлъ одинъ человекъ.

Я думалъ про себя, что бѣдный дядя Силасъ лгалъ намъ, потому что не думалъ о свидѣтеляхъ, и ему не хотѣлось приводить въ отчаяніе тетю Салли и Бенни. Онъ былъ правъ совершенно: на его мѣстѣ, я солгалъ бы точно такъ же, какъ и всякій другой, кто хотѣлъ бы спасти отъ лишняго горя и позора близкихъ своихъ, неповинныхъ ни въ чемъ. Нашъ защитникъ совсѣмъ осовѣлъ, да и Тома оно озадачило, какъ я замѣтилъ; впрочемъ, онъ тотчасъ же принялъ на себя спокойный видъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, но я-то видѣлъ хорошо, каково у него на душѣ. А публика... ну, что и говорить о ея впечатлѣніи!

Покончивъ свою рѣчь новымъ заявленіемъ о томъ, что свидѣтели подтверждаютъ его показанія, обвинитель ушелъ на мѣсто и сталъ спрашивать тѣхъ, кого считалъ нужнымъ.

Прежде всего онъ вызвалъ кучу лицъ, которые показали, что знали о смертной враждѣ между покойнымъ и дядей Силасомъ. Они слышали не разъ, какъ дядя Силасъ грозился покойному; всѣ говорили объ этомъ, а также и то, что покойный боялся за свою жизнь; онъ самъ повѣрялъ двумъ или тремъ лицамъ, что, рано или поздно, а дядя Силасъ уходитъ его.

Томъ и защитникъ предложили нѣсколько вопросовъ свидѣтелямъ, но это не помогло: тѣ твердо стояли на своемъ.

Вслѣдъ за тѣмъ былъ вызванъ Лэмъ Бибъ; онъ подошелъ къ рѣшеткѣ. Мнѣ вспомнилось, какъ онъ и Джимъ Лэнъ шли, толкуя

о томъ, чтобы занять у Юпитера собаку или что другое, и это напомнило мнѣ ежевику и фонарь, а отъ этого мысли мои перешли на Билля и Джэка Уинтерсъ, которые говорили о негрѣ, укравшемъ мѣшокъ зерна у дяди Силаса. Это вызвало у меня въ памяти тѣнь, которая показалась вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ и такъ напугала насъ... А теперь этотъ самый призракъ сидѣлъ среди насъ, да еще, въ качествѣ глухонѣмого и не здѣшняго, на почетномъ мѣстѣ: ему дали стулъ за рѣшеткой, гдѣ онъ могъ сидѣть спокойно, скрестивъ ноги, тогда какъ вся публика едва не задыхалась отъ давки. Итакъ, мнѣ живо представилось все происходившее въ тотъ день, и я невольно подумалъ, какъ все было хорошо до него и какъ все подернулось скорбью съ тѣхъ поръ!

Лэмъ Бибъ, спрошенный подъ присягою, показалъ:—Въ тотъ день, второго сентября, я шелъ съ Джимомъ Лэнъ. Время было къ закату. Мы услышали вдругъ громкій разговоръ, точно двое ссорились вблизи отъ насъ, за орѣховыми кустами, что растутъ у плетня... Одинъ голосъ говорилъ: «Не разъ уже повторялъ я тебѣ, что убью тебя»... И мы узнали голосъ подсудимаго... Въ ту же минуту видимъ, какая-то орясина взвилась надъ орѣшникомъ и мигомъ опустилась опять; слышенъ былъ глухой ударъ; потомъ кто-то простоналъ разъ, другой... Мы проползли тихонько туда, откуда можно было видѣть... передъ нами лежалъ мертвый Юпитеръ Денлапъ, а подсудимый стоялъ надъ нимъ съ своей дубиной въ рукахъ... Потомъ онъ потащилъ трупъ и запыталъ его въ кусты, а мы осторожно выбрались прочь и ушли...

Это было нѣчто ужасное. Морозъ пробиралъ всѣхъ по кожѣ, и въ залѣ въ продолженіе всего этого разсказа было такъ тихо, какъ будто она была пуста. А когда свидѣтель умолялъ, всѣ тяжело вздохнули и взглянули другъ на друга, какъ бы говоря: «Не страшно ли это?.. Что за ужасъ!»

Тутъ случилось нѣчто, поразившее меня. Во время показаній первыхъ свидѣтелей, говорившихъ о враждѣ, объ угрозахъ и о тому подобномъ, Томъ Соуэръ такъ и кипѣлъ, старался уловить ихъ на чемъ-нибудь. Чего онъ только ни дѣлалъ, чтобы сбить ихъ на перекрестномъ допросѣ, уличить во лжи, подорвать ихъ свидѣтельство! Теперь же происходило совсѣмъ не то. Когда Лэмъ началъ свой разсказъ, не упоминая ни слова о томъ, что онъ разговаривалъ съ Юпитеромъ и просилъ его одолжить ему съ Джимомъ собаку, онъ слушалъ тоже внимательно, какъ бы подстерегая его, и можно было ожидать, что онъ загоняетъ Лэна на передопросѣ. Я такъ и готовился выступить тоже впередъ, какъ свидѣтель, и разсказать вмѣстѣ съ Томомъ все слышанное нами тогда между этимъ свидѣтелемъ и Джимомъ. Но, посмотрѣвъ на Тома, я такъ и дрогнулъ. Онъ сидѣлъ, угрюмо насупясь, и былъ

за нѣсколько миль отъ насъ, мнѣ кажется! Онъ даже не слушалъ остальныхъ словъ Лэма, а когда тотъ покончилъ, онъ продолжалъ сидѣть, погружаясь въ ту же мрачную думу. Защитникъ толкнулъ его; онъ встрепенулся и только проговорилъ:

— Передопросите свидѣтеля, если находите нужнымъ, а меня оставьте... Мнѣ надо подумать.

Это сбивало меня съ толку. Я рѣшительно ничего не понималъ. А Бенни и ея мать... О, онѣ были совсѣмъ растерянные и, очевидно, падали духомъ; онѣ откинули немножко свои вуали, чтобы уловить его взглядъ, но это было напрасно; да и мнѣ оно не удалось тоже. Болотная черепаха принялась за свидѣтеля, но не добилась ничего, только его потѣшила.

Тогда вызвали Джима Лэнъ, и онъ разсказалъ ту же исторію, слово въ слово. Томъ его и вовсе не слушалъ, сидѣлъ себѣ уткнувшись въ свои думы, за тысячу миль отъ насъ! Болотная черепаха справлялась одна и, разумѣется, плепалась въ лужу попрежнему. Обвинитель такъ и сіялъ, но судья былъ видимо недоволенъ. Надо замѣтить, что Томъ былъ почти на положеніи адвоката, потому что, по законамъ штата Арканзасъ, подсудимый имѣетъ право выбирать кого хочетъ въ помощь своему защитнику, и Томъ уговорилъ дядю Силаса назначить его; поэтому теперь, когда онъ такъ очевидно пренебрегалъ своею обязанностью, судья не могъ быть доволенъ.

Единственный толковый вопросъ черепахи къ Лэму и Джиму заключался въ слѣдующемъ:

— Отчего же вы не сказали никому тотчасъ о томъ, что вы видѣли?

— Мы боялись, какъ бы насъ не вмѣшали въ эту исторію. Притомъ же мы хотѣли уйти охотиться внизъ по рѣкѣ... и на цѣлую недѣлю. Но лишь только мы воротились и узнали, что ищутъ трупъ, то пошли къ Брэсу Денлапу и разсказали все, что знали.

— Когда же это?

— Вечеромъ въ субботу, девятого сентября.

Судья вдругъ возгласилъ:

— М-ръ шерифъ! Арестуйте этихъ двухъ свидѣтелей по подозрѣнію въ соучастіи къ дѣлу убійства.

Обвинитель какъ вскочить съ мѣста и закричить:

— Ваша милость! Я протестую противъ подобнаго необычн....

— Садитесь! — перебилъ его судья, вынимая ножъ и кладя его передъ собой на шопитръ. — Напоминаю вамъ объ уваженіи къ суду.

Пришлось ему послушаться. Вызвали Билля Уитерса.

Билль подъ присягою показалъ:

— Шли мы съ братомъ Джеккомъ по полю, принадлежащему

подсудимому, вечеромъ, около солнечнаго заката, въ субботу, второго сентября, и видимъ, кто-то тащить на спинѣ что-то тяжелое. Мы подумали, что это какой-нибудь негръ укралъ зерно и несеть; хорошенько разсмотрѣть сначала не могли; потомъ разобрали, что это человѣкъ взвалилъ на плечи другого, и тотъ виситъ совсѣмъ безъ движенія, такъ что мы подумали, это какой-нибудь пьяный. По походкѣ того, который несъ, мы распознали пастора Силаса и рѣшили, что это онъ подобралъ Сама Купера, валявшагося на дорогѣ; онъ всегда старался исправить Купера и теперь уносилъ его съ опаснаго мѣста...

Публика содрогнулась, представляя себѣ, какъ старый дядя Силасъ тащить убитаго къ тому мѣсту въ табачномъ полѣ, гдѣ его нашла послѣ собака. На лицахъ не выражалось состраданія къ подсудимому, и я слышалъ, какъ одинъ негодяй говорилъ: «Какое хладнокровіе! Такъ тащить убитаго и зарыть его потомъ, какъ скотину! И это дѣлаетъ проповѣдникъ!»

А Томъ все сидѣлъ задумавшись, ни на что не обращая вниманія, такъ что опять одинъ только защитникъ принялся передпрашивать свидѣтеля; старался онъ изо всѣхъ силъ, но ничего не достигъ.

Вызвали потомъ Джэка Уитерса и онъ рассказалъ то же самое, подтверждая сказанное братомъ.

Пришла очередь Брэса Денлапа. Онъ казался очень печальнымъ, чуть не плакалъ. Въ публикѣ зашевелились, заволновались; всѣ приготовились слушать, многія женщины повторяли: «Бѣдняжка, бѣдняжка...» нѣкоторые даже вытирали себѣ глаза.

Спрошенный подъ присягою, Брэсъ Денлапъ сказалъ:

— У меня было не мало неприятностей по поводу моего бѣднаго брата; но я сталъ думать, что онъ преувеличиваетъ свои огорченія, потому что трудно было повѣрить, чтобы у кого-нибудь доставало духу обижать такое безотвѣтное существо...

Я замѣтилъ тутъ легкое движеніе со стороны Тома, но онъ тотчасъ принялъ на себя снова видъ человѣка, услышавшаго не то, чего ожидалъ, а Брэсъ продолжалъ:

— Вы понимаете, что не могъ я допустить и мысли, что станетъ притѣснять его пасторъ... было бы неестественно даже это подумать... и потому я мало обращалъ вниманія на рѣчи брата... чего теперь никогда, никогда не прошу себѣ! Поступи я иначе, и мой бѣдный братъ былъ бы со мною, а не лежалъ бы убитый... самъ безобидный такой!..

Тутъ голосъ у него прервался; прошло нѣсколько времени пока онъ собрался съ силами, чтобы продолжать, а публика вокругъ него говорила жалостныя слова, женщины плакали; потомъ все стихло опять такъ, что стало жутко; и среди этой полной тишины раздался стонъ дяди Силаса... Брэсъ началъ снова:

— Въ субботу, второго сентября, братъ не пришелъ къ ужину. Я немножко обезпокоился и послалъ одного изъ моихъ негровъ къ подсудимому, но онъ воротился съ извѣстіемъ, что Юпитера нѣтъ и тамъ. Я сталъ тревожиться болѣе и болѣе, не находилъ себѣ покоя... легъ спать, но не могъ заснуть, всталъ опять... это было уже глухой ночью... и пошелъ бродить по усадьбѣ подсудимаго и окрестъ нея, надѣясь, что повстрѣчаю моего бѣднаго брата; я не зналъ, что онъ уже въ лучшемъ мірѣ!..—Тутъ Брэсъ снова чуть не задохся отъ волненія, а женщины почти всѣ разрыдались; но онъ скоро оправился и заговорилъ опять:— Я долго ходилъ такъ безъ толку, наконецъ, воротился къ себѣ и попытался заснуть хоть немного, но не удалось это мнѣ... Прошелъ день, другой... всѣ начинали тревожиться, толковали объ угрозахъ подсудимаго, стали подозрѣвать убійство, но мнѣ оно казалось невѣроятнымъ... Многіе стали искать трупъ, однако, не могли его найти и бросили дѣло, а я пришелъ къ той мысли, что братъ мой ушелъ куда-нибудь, чтобы поуспокоиться, и воротится снова, когда забудетъ о своихъ непріятностяхъ. Но въ прошлую субботу вечеромъ, девятого сентября, Лэмъ Бибъ и Джимъ Лэнъ пришли ко мнѣ и рассказали все... передали всю сцену убійства, и сердце у меня такъ и упало... И тутъ я припомнилъ одну вещь, которой не придалъ значенія въ свое время. Ходили слухи о томъ, что подсудимый разгудиваетъ во снѣ и дѣлаетъ то или другое, всякіе пустяки, самъ не помня того. Но я вамъ расскажу теперь то, что мнѣ вдругъ припомнилось. Ночью въ это роковое второе сентября, когда я бродилъ близъ усадьбы подсудимаго и былъ занятъ своими грустными мыслями, случилось мнѣ повернуть на табачное поле, и тутъ я услышалъ стукъ заступа о песчаную землю; я пробрался поближе и заглянулъ сквозь зеленъ, обвивавшую плетень, и увидалъ, что подсудимый сгребаетъ землю лопатою... лопата у него съ длинною рукояткою... и онъ бросаетъ землю въ большую яму, которая почти заполнена до краевъ. Онъ стоялъ ко мнѣ спиною, но луна ярко свѣтила, и я узналъ его по его старому, рабочему, зеленому фризому скртуку съ бѣлымъ потертымъ пятномъ на спинѣ, похожимъ на пятно отъ пущеннаго комка снѣга... онъ зарывалъ убитого имъ же!..

И Брэсъ опустился, какъ снопъ, на свое мѣсто, рыдая и причитая. Да почти и всѣ присутствовавшіе плакали и вопили: «Ужасно... Ужасно... страсти какія!..» Словомъ, поднялся такой чудовищный гамъ, что своихъ собственныхъ мыслей нельзя было слышать, и среди всего этого вдругъ поднимается старый дядя Силасъ и провозглашаетъ:

— Вѣрно все до послѣдняго слова... Я убилъ его и съ предумышленіемъ!

Ну, я вамъ скажу, всёхъ такъ и ошеломило! Всё повскакали съ мѣстъ, бросились впередъ, чтобы лучше посмотрѣть на него, хотя судья колотить своимъ молоткомъ, а шерифъ оретъ: «Къ порядку!.. Къ порядку передъ судомъ!.. Къ порядку!..»

А старикъ все стоитъ, дрожитъ весь, глаза у него такъ и горятъ. Жена и дочь обнимаютъ его, стараются успокоить, а онъ и не смотритъ на нихъ, отстраняетъ только руками и повторяетъ, что хочетъ очистить покаянiемъ свою преступную душу, хочетъ сбросить съ нея невыносимое бремя; онъ не можетъ переносить его и одного часу долѣе! И тутъ онъ принялся за свою страшную исповѣдь, и всё—судья, присяжные, оба адвоката, и вся публика такъ и впились въ него глазами, едва переводя духъ, между тѣмъ какъ тетя Салли и Бенни плакали навзрыдъ. Но Томъ, повѣрили, даже не взглядывалъ на него! Смотритъ себѣ на что-то другое, на что именно, я не могъ разобратъ. А старикъ такъ и кричить безудержу, слова льются у него огненной рѣкой:

— Я убилъ его!.. Я виновент!.. Но я никогда не обижалъ его прежде, не билъ, что они тамъ ни лгутъ о моихъ угрозахъ ему! Я не трогалъ его до той минуты, какъ схватилъ эту дубинку... тутъ сердце у меня похолодѣло совсѣмъ, потому что изсякла жалость въ немъ... и я нанесъ ему ударъ, чтобы сразить! Въ это мгновенiе воскресли передо мною всё понесенныя мною обиды, всё надругательства, которыми осыпалъ меня этотъ человѣкъ и мерзавецъ его братъ... они сговорились погубить меня въ глазахъ всего народа, отнять у меня мое доброе имя и вынудить меня на такое дѣло, которое опозоритъ меня и мою семью, никогда не дѣлавшую имъ зла, видить это Богъ!.. И на все это они рѣшились изъ-за подлаго мщенiя... За что? За то, что моя невинная, чистая дочь, находящаяся теперь здѣсь, возлѣ меня, не хотѣла пойти за этого богатаго, налаго невѣжду и подлеца, Брэса Денлапа, плачущаго теперь о братѣ, за котораго онъ и фартинга мѣднаго не рѣшился бы пожертвовать до тѣхъ поръ...

Въ эту минуту Томъ всколыхнулся и весь просiялъ, я это замѣтилъ какъ нельзя лучше; а старикъ продолжалъ свое говорить:

— Вспомнивъ все это, какъ я сказалъ, я позабылъ и Господа Бога моего, помнилъ только горечь свою сердечную и... Господи, помилуй меня!.. Нанесъ ударъ, чтобы убить. Черезъ секунду горе уже взяло меня... О, я раскаявался! Но я думалъ о своей бѣдной семьѣ и рѣшилъ, что надо скрыть дѣло ради нея... И я запряталъ трупъ въ кусты, стащилъ его въ табачное поле... а потомъ, ночью, взялъ заступъ и пошелъ зарывать убитата туда, гдѣ его...

Томъ сорвался вдругъ съ мѣста и крикнулъ:

— Теперь ясно!..—потомъ махнулъ рукой старику и все это

такъ изящно, эффектно, и произнесъ:—Садитесь! Убийство было совершено, но вы тутъ ничѣмъ не участвовали!»

— Ну, сэръ, вѣрите ли, наступила такая тишина, что было бы слышно паденіе булавки. Дядя Силасъ опустился на свою скамью почти въ безчувствіи, а тетя Салли и Бенни даже не замѣтили этого, потому что были сами озадачены и смотрѣли на Тома, разинувъ рты и не помня себя. Да и вся публика была въ такомъ же состояніи. Я не видывалъ еще никогда такой растерянности, озадаченности, такихъ выпученныхъ, не сморгнувшихъ ни разу глазъ! А Томъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спрашиваетъ:

— Ваша милость, дозволяете говорить?

— Да говори, ради Бога!—отвѣчалъ ему судья, тоже изумленный и растерявшийся не меньше другихъ.

Тогда Томъ выступилъ впередъ и, помолчавъ нѣсколько секундъ—это для большого «эффекта», какъ онъ выражается—потомъ началъ спокойнѣйшимъ голосомъ:

— Недѣли двѣ тому назадъ у входа въ эту залу суда было прибито маленькое объявленіе, въ которомъ обѣщалась награда въ двѣ тысячи долларовъ тому, кто найдетъ пару крупныхъ брилліантовъ, украденныхъ въ Сентъ-Льюисѣ. Эти брилліанты цѣнятся въ двѣнадцать тысячъ долларовъ. Но оставимъ это пока въ сторонѣ... Я перейду теперь къ убійству и расскажу вамъ, какъ оно произошло... кто виновентъ... словомъ, всѣ подробности.

Всѣ придвинулись и наострили уши.

— Этотъ человѣкъ, Брэсъ Денлапъ, который такъ оплакиваетъ теперь своего покойнаго брата, хотя прежде пренебрегалъ имъ до-нельзя, хотѣлъ жениться на молодой дѣвушкѣ, которую вы видите здѣсь; но она ему отказала. Тогда онъ сказалъ дядѣ Силасу, что сумѣетъ ему насолить. Дядя Силасъ зналъ, что такому человѣку доступны всѣ средства и бороться съ нимъ трудно; онъ былъ въ большомъ огорченіи и тревогѣ; стараясь смягчить его и какъ-нибудь расположить снова къ себѣ, онъ придумалъ взять въ батраки на свою ферму этого ни на что негоднаго Юпитера и платить ему жалованье, хотя бы урѣзывая для того кусокъ у своей собственной семьи, а Юпитеръ, по наущенію своего брата, сталъ всячески оскорблять дядю Силаса и выводить его изъ себя съ тою цѣлью, чтобы вынудить его на такія выходки, которыя роняли бы его въ мнѣніи сосѣдей. И онъ добился своего: всѣ обратились противъ старика, начали рассказывать о немъ самыя подлыя вещи, что сокрушало его до-нельзя; онъ такъ тосковалъ и падалъ духомъ, что иной разъ былъ даже какъ бы не въ своемъ умѣ.

«Ну, вотъ, въ ту самую субботу, которая принесла съ собою столько хлопотъ, двое изъ находящихся здѣсь свидѣтелей, Лэмъ

Бибъ и Джимъ Лэнъ, шли мимо того мѣста, на которомъ дядя Силасъ работалъ вмѣстѣ съ Юпитеромъ. Часть того, что они заявили, справедлива, остальное — ложь. Они не слыхали, чтобы дядя Силасъ грозился убить Юпитера, они не слыхали никакого удара, не видали никакого убитого, не видали, чтобы дядя Силасъ запирывалъ что-нибудь въ кусты. Посмотрите только на нихъ теперь: сидятъ они здѣсь и жалѣютъ, что намолостили лишняго своимъ языкомъ... или, по крайней мѣрѣ, пожалѣютъ о томъ, когда услышать мою рѣчь далѣе.

«Въ эту же самую субботу вечеромъ, Билль и Джэкъ Уитерсы видѣли человѣка, который тащилъ на себѣ другого, это вѣрно; остальное въ ихъ показаніи — ложь. Сначала они подумали, что это какой-нибудь негръ, укравшій зерно у дяди Силаса... Замѣтьте, какъ они озадачены, видя, что кто-то слышалъ ихъ разговоръ!.. Они развѣдали потомъ, кто былъ тотъ, тащившій на себѣ что-то... и они знаютъ отлично, почему заявляютъ здѣсь подъ присягой, что признали дядю Силаса по походкѣ... Это былъ не онъ, и они знали это, когда присягали въ пользу своей лжи!

«Одинъ человѣкъ видѣлъ въ лунную ночь, какъ зарывали мертвое тѣло на окраинѣ табачнаго поля. Но зарывалъ не дядя Силасъ. Въ эту самую минуту онъ былъ у себя въ постели.

«Теперь, прежде чѣмъ я пойду далѣе, я долженъ спросить, замѣчали ли вы, что всѣ люди или задумаются поглубже, или если ихъ что-нибудь сильно тревожитъ, дѣлаютъ всегда машинальныя движенія руками, сами не замѣчая того и не слѣдя за своимъ движеніемъ? Иной человѣкъ поглаживаетъ себѣ бороду, другой — носъ, нѣкоторые проводятъ рукою подъ подбородкомъ, крутятъ пѣлочку, комкаютъ пуговку, многіе выводятъ пальцемъ какую-нибудь букву у себя на щекѣ или подъ подбородкомъ, или на нижней губѣ. У меня именно такая привычка: когда я тревожусь или досадою, или глубоко задумаюсь, я всегда вывожу большую букву V у себя на щекѣ, на губѣ или подъ подбородкомъ... и никогда ничего другого, кромѣ этого V, при чемъ, большею частью, не замѣчаю этого и вожу пальцемъ совершенно безсознательно...

Удивительно подмѣтилъ онъ это! Я самъ дѣлаю то же самое, только я черчу O. Въ публикѣ, какъ я видѣлъ, многіе кивали головами другъ другу, какъ дѣлаютъ обыкновенно, когда хотятъ выразить: «Такъ оно, вѣрно!»

— Я продолжаю. Въ эту же субботу... нѣтъ, вечеромъ наканунѣ, у пристани въ Флагерсѣ, это въ сорока миляхъ отсюда, стоялъ пароходъ; лилъ дождь и поднималась страшная буря. На этомъ суднѣ былъ воръ, у котораго находились тѣ два крупные брилліанта, о которыхъ было вывѣщено объявленіе у входа въ эту палату. Онъ сошелъ украдкою на берегъ со своимъ саквою-

жемъ и побрелъ среди бури и темноты, надѣясь, что ему удастся дойти до нашего селенія и быть здѣсь уже въ безопасности. Но на томъ же пароходѣ находились двое его соучастниковъ въ кражѣ; они таились отъ него, но онъ зналъ, что они убьютъ его при первомъ удобномъ случаѣ и возьмутъ себѣ брилліанты; они украли ихъ всѣ втроемъ, а онъ успѣлъ завладѣть ими и скрылся.

«Ну, прошло не болѣе десяти минутъ послѣ того, какъ онъ сошелъ съ парохода, и товарищамъ его это стало уже извѣстно; они соскочили тоже на берегъ и бросились за нимъ. Можетъ быть, зажигая спички, они успѣли разглядѣть его слѣды; во всякомъ случаѣ они гнались за нимъ всю субботу, не показываясь ему, однако; къ тому времени, какъ солнце уже садилось, онъ добрался до группы смоковницъ близъ табачнаго поля дяди Силаса; онъ хотѣлъ вынуть тутъ изъ своего саквояжа поддѣльный нарядъ, безъ котораго боялся показаться у насъ въ поселкѣ... Замѣтите, что это происходило почти тотчасъ послѣ того, какъ дядя Силасъ ударилъ своею дубинкою Юпитера Денлапа по головѣ... потому что ударить-то его онъ ударилъ.

«Въ ту минуту какъ тѣ двое, преслѣдовавшіе вора, увидели, что онъ юркнулъ въ чащу, они выскочили изъ своей за-сады, настигли его и убили до смерти...

«Да, хотя онъ кричалъ и молилъ, они были безпощадны и умертвили его... А два человѣка, которые шли въ это время по дорогѣ, услышали эти крики и бросились скорѣе къ рощицѣ... они туда и безъ того шли, какъ кажется... Завидя ихъ, убійцы пустились на-утѣкъ; тѣ двое за ними, гонясь во всю прыть, но минуты черезъ двѣ они воротились и пошли въ ту же рощицу совершенно спокойно.

«Чѣмъ же занялись они тамъ? Я расскажу это вамъ. Они нашли всѣ тѣ принадлежности для переодеванья, которыя воръ вынулъ для себя изъ своего мѣшка... и одинъ изъ нихъ нарядился во все это.

Тутъ Томъ замолчалъ на минуту, для большаго «эффекта», и потомъ проговорилъ очень рѣшительно:

— Человѣкъ, перерядившійся въ костюмъ, принесенный убитымъ, былъ... Юпитеръ Денлапъ!

— Господи, помилуй! — невольно вырвалось у всѣхъ, а дядя Силасъ казался совсѣмъ ошеломленнымъ.

— Да, это былъ Юпитеръ Денлапъ, не мертвый, какъ видите. Они стащили и сапоги съ трупа; Юпитеръ Денлапъ надѣлъ ихъ, а свои рваные башмаки надѣлъ ему. Потомъ Юпитеръ остался тутъ, а человѣкъ, бывшій съ нимъ, взвалилъ на себя трупъ и отнесъ его въ сторону, когда наступили уже сумерки; а послѣ полуночи онъ закрался къ дядѣ Силасу, взявъ его старый

зеленый рабочий скюртукъ, который висѣлъ всегда на крюкѣ въ проходѣ между домомъ и кухнею, накинулъ его на себя, взялъ тоже заступъ съ длинною рукояткой, отправился въ табачное поле и схоронилъ убитаго...

Онъ помолчалъ съ полминуты, потомъ произнесъ:

— А кто, полагаете вы, былъ этотъ убитый?.. Это былъ... Джэкъ Денлапъ, давно пропавшій преступникъ.

— Господи, помилуй!

— А человѣкъ, зарывшій его... это Брэсъ Денлапъ, его братъ!

— Господи, помилуй!

— А кто, думаете вы, этотъ идіотъ, что мычитъ и представляется глухонѣмымъ пришлецомъ среди насъ уже цѣлыя недѣли?.. Это самъ Юпитеръ Денлапъ!

Тутъ, я вамъ скажу, раздался уже какой-то вой; во всю свою жизнь вашу, навѣрное, не видывали вы такого волненія! А Томъ очутился однимъ прыжкомъ около Юпитера, сорвалъ съ него очки и фальшивые бакенбарды, и передъ всѣми оказался убитый, такой же живой, какъ каждый изъ насъ! А тетя Салли и Бенни принялись со слезами цѣловать и обнимать дядю Силаса, и до того затормошили его, что онъ растерялся и одурѣлъ больше, чѣмъ когда-либо въ жизни, а этимъ уже многое сказано. Потомъ поднялся крикъ:

— Томъ Соуэръ!.. Томъ Соуэръ!.. Молчите всѣ!.. Пусть онъ продолжаетъ... Томъ Соуэръ!

Можете представить, какъ это его возносило, потому что «не было для него ничего слаще, какъ дѣйствовать на виду у всѣхъ, быть героемъ», по его выраженію. Поэтому, когда все стихло, онъ началъ такъ:

— Остается сказать уже немногое. Когда этотъ человѣкъ, Брэсъ Денлапъ, доканалъ своимъ преслѣдованіемъ дядю Силаса до того, что тотъ разумъ потерялъ и позволилъ себѣ ударить палкой этого другого негодяя—братца, Брэсъ увидалъ въ этомъ подходящий для себя случай. Юпитеръ запрятался въ лѣсу и, я такъ думаю, сначала они порѣшили, что онъ воспользуется ночью, чтобы уйти вовсе изъ нашихъ мѣстъ, а Брэсъ станетъ распространять слухъ, что дядя Силасъ убилъ его и запряталъ куда-нибудь трупъ. Это должно было погубить дядю Силаса, заставило бы его покинуть наши мѣста... привело бы, можетъ быть, и къ висѣлицѣ; не знаю. Но, когда они нашли подъ смоковницами убитаго человѣка, то увидали, что можно устроить дѣло складнѣе. Они не узнали своего брата въ этомъ мертвецѣ, потому что онъ былъ обезображенъ ударами, но рѣшили переодѣть его въ лохмотья Юпитера, который перерядился по своему, и потомъ под-

купили Джима Лэнъ, Билля Уитерса и прочихъ лжесвидѣтельствовать на судѣ... что тѣ и исполнили. Всѣ они тутъ и опѣшили теперь; я такъ и предсказывалъ имъ, что почувствуютъ они себя плохо, когда я дойду до конца!

«Надо сказать, что мы съ Геккомъ Финномъ прибыли на одномъ пароходѣ съ ворами, и убитый рассказывалъ намъ дорогой о брилліантахъ; онъ говорилъ, что тѣ двое непремѣнно его убьютъ, лишь только найдутъ случай къ тому; мы обѣщали помочь ему спастись по возможности. Мы шли къ смоковницамъ, когда слышали, что его убиваютъ; но когда, на слѣдующее утро послѣ бури, мы рѣшились пойти въ чащу, то не нашли никого и стали думать, что убійства и не было, можетъ быть. И вдругъ попадаетея намъ Юпитеръ Денлапъ, переодѣтый именно такъ, какъ Джэкъ хотѣлъ это сдѣлать; мы приняли его за настоящаго Джэка тѣмъ болѣе, что онъ мычалъ, какъ глухонѣмой, а Джэкъ намѣревался именно разыграть такую роль.

«Хорошо. Тутъ пошли слухи о томъ, что Юпитеръ убитъ; мы съ Геккомъ принялись искать его одни, когда другіе уже бросили дѣло; и мы нашли трупъ, чѣмъ очень гордились. Но дядя Силасъ поразилъ насъ, объявивъ, что это онъ убилъ человѣка. Мы были въ отчаяніи. Если мы отыскиали трупъ, то мы же были обязаны спасти шею дяди Силаса отъ веревки. Но это было нелегкое дѣло, потому что онъ ни за что не хотѣлъ, чтобы мы освободили его изъ тюрьмы тѣмъ же путемъ, какъ нашего стараго негра Джима...

«Я ломалъ себѣ голову цѣлый мѣсяцъ, придумывая средство спасти дядю Силаса, но ничего у меня не выходило. И даже, идя сегодня сюда, въ судъ, я не запасаю ничѣмъ, рѣшительно не зная, на что можно надѣяться. Но печально я подмѣтилъ одну вещь, наведшую меня на мысль... вещь ничтожную, одинъ намекъ, такъ сказать, на которомъ нельзя еще было основываться... Но все же я призадумался, что не мѣшало мнѣ наблюдать... И пока дядя Силасъ городилъ этотъ вздоръ о томъ, какъ онъ убилъ Юпитера Денлапа, я подмѣтилъ снова ту штуку, и тогда я вскочилъ и остановилъ его, потому узналъ навѣрное, что передо мною сидитъ Юпитеръ Денлапъ! Я узналъ его по одной привычкѣ, которую я замѣтилъ за нимъ, гостя здѣсь въ прошломъ году... я ея не забылъ.

Онъ остановился и промолчалъ съ минуту, выгадывая снова «эффектъ», какъ я понималъ. Но онъ вдругъ повернулся, какъ бы желая уйти съ эстрады, и проговорилъ съ утомленіемъ и небрежно:

— Вотъ и все, кажется мнѣ.

Ну, я вамъ скажу, какой поднялся гвалтъ! Рѣшительно всѣ кричали:

— Что вы примѣтили?.. Не уходи ты, дьяволенокъ!... Развѣ можно раззадорить такъ публику и не договорить? Что дѣлалъ Юпитеръ? Какая привычка?

Тому только это и требовалось. Все было подстроено имъ для «эффекта». Уходить! Да его не стащили бы съ эстрады и вольнымъ ярмомъ!

— О, совершенные пустяки!—отвѣтилъ онъ публикѣ.—Видите ли, мнѣ показалось, что его взволновало немного то обстоятельство, что дядя Силасъ лѣзетъ такъ упорно самъ въ петлю, настаивая на убійствѣ, котораго вовсе не совершалъ. И волненіе его возростало все болѣе и болѣе, а я не переставалъ наблюдать за нимъ, не показывая виду... И вдругъ я замѣтилъ, что пальцы у него начинаютъ шевелиться, лѣвая рука поднимается... и онъ чертитъ крестики у себя на щекѣ... Тутъ я его и поймалъ!

Какой тутъ поднялся опять крикъ, шумъ, топанье, битые въ ладоши! Томъ Соуэръ былъ счастливъ и гордъ до того, что не зналъ, что и дѣлать съ собою. Судья нагнулся изъ-за всего стола и спросилъ:

— Милый мой, вы были лично свидѣтелемъ всѣхъ подробностей этого ужаснаго замысла, всей этой трагедіи, которую вы описываете?

— Нѣтъ, ваша милость, я не видалъ ничего.

— Ничего не видали? Какже такъ? Вы рассказывали все, точно оно происходило передъ вашими глазами. Какимъ образомъ вы могли?..

Томъ возразилъ самымъ равнодушнымъ тономъ:

— О, просто подмѣчая то и другое и сопоставляя вмѣстѣ подобныя наблюденія... маленькое «сыщицкое» дѣло, ваша милость; на это всякій способенъ.

— Вотъ уже нѣтъ! И два человѣка изъ милліона не додумались бы до этого. Вы замѣчательный малый!

Тутъ всѣ начали снова чествовать Тома, а онъ... Ну, онъ не продалъ бы такой минуты за цѣлый серебряный рудникъ. Судья сказалъ ему, однако:

— Но вы увѣрены, что не обманулись ни въ чемъ при вашемъ рассказѣ?

— Совершенно увѣренъ, ваша милость. Брасъ Денлапъ тутъ передъ вами: пусть онъ попытается опровергнуть свое участіе въ дѣлѣ, если онъ хочетъ рискнуть; я обязуюсь заставить его раскаяться, если онъ сдѣлалъ эту попытку... Вы видите, онъ и не шелохнется. И братъ его тоже... и тѣ четыре свидѣтеля, которые лгали за деньги передъ судомъ, тоже сидятъ смирнехонько. А что касается самого дяди Силаса, ему нечего соваться впередъ, я не повѣрю ему, хотя онъ присягнетъ!

Всѣ даже расхохотались при этомъ, и самъ судья не могъ удержаться отъ смѣха. Томъ расцвѣлъ, что твоя радуга! Но когда снова все стихло, онъ взглянулъ на судью и сказалъ:

— Ваша милость, а въ залѣ-то воръ.

— Воръ?

— Да, сэръ. И при немъ тѣ брилліанты, что стоятъ двѣнадцать тысячъ долларовъ.

Господи Боже, что тутъ началось! Всѣ орали:

— Кто такой? Кто?.. Указать его!.. А судья произнесъ:

— Томъ Соуэръ, укажите вора. Шерифъ, арестуйте его. Кто же онъ?

— А вотъ этотъ недавній покойникъ, Юпитеръ Денлапъ,—сказалъ Томъ.

Снова все такъ и загремѣло отъ изумленія и неожиданности, но Юпитеръ, который и такъ былъ достаточно озадаченъ, тутъ уже совершенно окаменѣлъ отъ ужаса, потомъ сталъ вопить со слезами:—Это уже неправда! Ваша милость, зачѣмъ же такая напасть? Я довольно худъ и безъ этого! Въ остальномъ я винюсь. Брэсъ меня уговорилъ, обѣщавъ обогатить меня послѣ... и я согласился, сдѣлавъ все; теперь очень жалѣю о томъ; впутался и самъ не радъ... Но я не крадъ брилліантовъ... Прирости мнѣ на мѣстѣ, если я сдѣлавъ это! Пусть шерифъ обыщетъ меня.

— Ваша милость, — сказалъ Томъ,—называть воромъ будетъ неправильно. Я это докажу. Онъ укралъ брилліанты, но самъ не зная того. Онъ укралъ ихъ съ своего мертваго брата Джэка, послѣ того какъ Джэкъ укралъ ихъ у тѣхъ двухъ воровъ; но Юпитеръ не подозрѣвалъ, что крадетъ и ходитъ съ ними такъ цѣлый мѣсяцъ. Да, сэръ, онъ таскаетъ при себѣ цѣнностей на двѣнадцать тысячъ долларовъ... такое богатство!.. и расхаживаетъ между нами, какъ бѣднякъ. Брилліанты и теперь при немъ, ваша милость.

— Обыскать его, шерифъ,—приказалъ судья.

Ну, сэръ, шерифъ принялся обшаривать Юпитера сверху и до низу, осмотрѣлъ его шляпу, чулки, сапоги; всякій шовъ... Томъ оставался спокоенъ, подготавливая новый «эффектъ». Наконецъ, шерифъ объявилъ, что ничего нѣтъ; всѣ были этимъ недовольны, а Юпитеръ сказалъ:

— Что взяли? Я говорилъ вамъ!

А судья проговорилъ съ своей стороны:

— На этотъ разъ, вы, кажется, ошиблись, мой милый.

Томъ сталъ въ эффектную позу и какъ будто совершенно углубился въ раздумье, почесывая себѣ затылокъ, потомъ вдругъ оживился и говорить:

— О, что это я!.. Совсѣмъ было позабылъ.

Это онъ вралъ, я знаю это. Онъ продолжалъ:

— Не сдѣлаетъ ли кто-нибудь мнѣ удовольствіе одолжить мнѣ маленькую отвертку? Въ саквояжѣ вашего брата, который вы стащили, Юпитеръ, была отвертка, но она вѣрно теперь не при васъ.

— Нѣтъ ее у меня. Она была мнѣ не нужна и я отдалъ ее.

— Потому что вы не знали, на что она можетъ пригодиться.

У кого-то въ толпѣ нашлась отвертка и когда ее передали изъ рукъ въ руки, черезъ всѣ головы, Тому, онъ сказалъ Юпитеру, на которомъ были сапоги Джэка:

— Поставьте ногу на этотъ стулъ...— а самъ сталъ на колѣни и принялся отвинчивать металлическую пластинку отъ его каблука... Всѣ такъ и ждали, что будетъ. А когда Томъ вытащилъ огромный брилліантъ, поднялъ его вверхъ и сталъ поворачивать во всѣ стороны, заставляя его сверкать и горѣть на солнцѣ, у всѣхъ даже дыханіе перехватило, а Юпитеръ совсѣмъ носъ повѣсилъ. Когда же Томъ досталъ и второй брилліантъ, Юпитеръ приунылъ окончательно. Еще бы! Онъ думалъ теперь, какъ бы онъ могъ уйти и зажить богато и независимо гдѣ-нибудь на чужой сторонѣ, если бы только ему посчастливилось догадаться о томъ, зачѣмъ лежала въ саквояжѣ отвертка! Да, было чему подивиться, всѣ ахали, и Томъ достигъ апогея славы. Судья взялъ брилліанты, всталъ съ мѣста, сдвинулъ себѣ очки на лобъ, прокашлялъ и сказалъ:

— Я сохраню эти каменья и извѣщу о находкѣ владѣльцевъ. И когда они пришлутъ за ними, я съ дѣйствительнымъ удовольствіемъ передамъ вамъ двѣ тысячи долларовъ, которыя вы заслужили. Но вы заслужили, сверхъ того, самую глубокую и искреннюю признательность здѣшняго общества за то, что избавили цѣлую невинную семью отъ незаслуженнаго горя и позора, спасли добраго и почтеннаго человѣка отъ казни и предоставили осужденію и карѣ закона гнуснаго и жестокаго злодѣя съ его несчастными клеветами!

Вотъ, сэръ, если бы къ этому оказался еще духовой оркестръ, чтобы проиграть тушь, штука вышла бы вполне законченная. Томъ Соуэръ былъ того же мѣнія.

Шерифъ забралъ Брэса Денлапа и его шайку. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ ихъ судили и приговорили въ тюрьму. Всѣ обыватели стали опять ходить въ старенькую церковь дяди Силаса, любили и ласкали его и всю его семью попрежнему, не знали чѣмъ и угодить имъ, а дядя Силасъ говорилъ снова свои несвязныя, безтолковыя, глупенькія проповѣди, перепутывая передъ вами все такъ, что вамъ трудно было даже найти къ себѣ дорогу домой среди бѣлаго дня. Но прихожане дѣлали видъ, что лучше и краснорѣчивѣе этихъ проповѣдей ничего и не слыхивали; они слушали ихъ.

плача отъ жалости и любви, хотя, клянусь, я едва выдерживалъ и всѣ мозги, какіе у меня только есть, сбивались просто въ какой-то комоеъ; но мало-по-малу эта общая любовь возвратила старику его рассудокъ и у него въ черепѣ все поустроилось по-прежнему, — что не можетъ быть сочтено за лесть съ моей стороны. Такимъ образомъ, вся семья была счастлива, что твои птички; а какъ уже всѣ любили Тома, какъ были признательны ему! И мнѣ тоже, хотя я тутъ былъ ни при чемъ. А когда прибыли двѣ тысячи долларовъ, Томъ Соуэръ отдалъ половину ихъ мнѣ и никому не сказалъ этого, что меня не удивило: я хорошо его зналъ.

К О Н Е Ц Ъ .

О ПОДПИСКѢ НА 144 ТОМА

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ЭМИЛЯ ЗОЛА, БАЛЬЗАКА, ФЛОБЕРА, ЖОРЖЪ ЗАНДА,
ДИККЕНСА, ВАЛЬТЕРЪ СКОТТА, БРЕТЬ-ГАРТА, МАРКА
ТВЭНА, ЭДГ. ПОЭ, ШПИЛЬГАГЕНА, ГОФМАНА и ЭБЕРСА:

ВЪ РАЗСРОЧКУ:

Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ въ разсрочку изъявили желаніе производить платежи за 144 тома наложеннымъ платежомъ, что Контора исполняетъ по заявленіямъ всѣхъ желающихъ. При заявленіяхъ необходимо точно указывать, за сколько сроковъ желаютъ сдѣлать взносъ. **Наложенный платежъ дѣлается на квитанцію въ заказномъ письмѣ.** На расходы по пересылкѣ квитанціи и за наложенный платежъ взимается особо: 7 коп. за письмо, 7 коп. за заказъ и 10 коп. за налож. плат., а всего 24 коп.

Требованія, не соответствующія означ. условіямъ, не исполняются.

Вслѣдствіе запросовъ о срокахъ платежа, Контора извѣщаетъ, что, при подпискѣ въ разсрочку, платежи, кромѣ задатка, должны быть вносимы **НЕ ПОЗЖЕ:**

вносимы не позже.										Безъ		Съ		Безъ										Съ			
										дост.		дост.												дост.		дост.	
При подпискѣ задатокъ										. . 3 р.		4 р.		не позже		15 Марта 97 г.		3 р.		4 р.							
взносъ за 15 Декабря 95										г.		3 > 4 >		>		>		15 Юня 97 >		3 > 4 >							
" 15 Марта . 96										>		3 > 4 >		>		>		15 Сентября 97 >		3 > 4 >							
" 15 Юня 96										>		3 > 4 >		>		>		15 Декабря 97 >		3 > 4 >							
" 15 Сентября 96										>		3 > 4 >		>		>		15 Марта 98 >		3 > 4 >							
" 15 Декабря 96										>		3 > 4 >		>		>		15 Юня 98 >		3 > 4 >							

Въ случаѣ просрочки платежей, выдача и высылка книгъ приостанавливается. Если же просрочка продолжится болѣе одного мѣсяца, то подписка считается прекращенною и задатокъ не возвращается.

По желанію подписчиковъ взносы принимаются одновременно и за нѣсколько сроковъ.

ВНИМАНІЮ Гг. ПОДПИСЧИКОВЪ. Каждому изъ гг. подписчиковъ высылается и выдается изданіе подъ извѣстнымъ №, а потому Контора покорнѣйше проситъ при всѣхъ сношеніяхъ сообщать адресъ, фамилію и №, подъ которымъ высылается или выдается изданіе. **Фамиліи и №№ предлагается писать разборчиво.**

При высылкѣ денегъ, Контора покорнѣйше проситъ упоминать, за какіе именно сроки деньги высылаются.

За перемѣну адреса взимается: иногородняго на иногородній 50 к., петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій 1 руб.; уплата принимается почтовыми и гербовыми марками.

Въ случаѣ неполученія какой-либо книги или цѣлаго выпуска изъ четырехъ книгъ, жалоба должна быть заявлена Конторѣ письменно вслѣдъ за полученіемъ слѣдующаго выпуска. Позднѣйшія жалобы не удовлетворяются.

Почтамтъ не принимаетъ заказной корреспонденціи въ мѣста, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений, а потому предлагается назначать для пересылки ближайшія для адресата мѣста, гдѣ имѣются почтовые учрежденія. Въ случаѣ назначенія мѣста доставки, гдѣ не имѣется почтовыхъ учреждений, Контора не отвѣчаетъ за исправное доставленіе книгъ подписчику.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗБРАННЫХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

выходить два раза въ мѣсяцъ, по двѣ книги въ
каждомъ номерѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Съ доставкою и Безъ доставки и
пересылкою. пересылки.

За годъ (48 книгъ) . . 16 р. 12 р.

За $1\frac{1}{2}$ года (24 книги) 8 р. 6 р.

Подписная цѣна съ пересылкою за одну книгу 60 коп.

Въ случаѣ неполученія какой-либо книги или цѣлаго № изъ четырехъ книгъ, жалоба должна быть заявлена Редакціи письменно не позже полученія слѣдующаго выпуска. Позднѣйшія жалобы не удовлетворяются.

Такъ какъ Почтамтъ не отвѣчаетъ передъ Редакціей за неисправное полученіе изданій въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій, то и Редакція снимаетъ съ себя эту отвѣтственность, а потому предлагается назначать для пересылки ближайшія для адресата мѣста, гдѣ имѣются почтовые учрежденія.

За перемѣну адреса взимается: иногородняго на иногородній 50 коп., петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій 1 руб.; уплата принимается почтовыми и тербовыми марками.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ журнала, Гостинный Дворъ, магазинъ Пантелеева, № 63; — въ Москвѣ, въ Конторѣ Печковской, Петровскія линіи. Гг. иногородніе благоволятъ адресовать въ Редакцію «Вѣстника Иностранной Литературы», Спб., Вереѣйская, 16.

Редакторъ „Вѣстника Иностранной Литературы“ и „Собранія сочиненій избранныхъ иностранныхъ писателей“ принимаетъ по дѣламъ Редакціи одинъ разъ въ недѣлю, по Вторникамъ, отъ 11 до 12 ч. дня.

Редакторъ С. С. Трубачевъ.

Издатель Г. О. Пантелеевъ.